

Сергей Минаев

The Телки. Повесть о ненастоящей любви

Роман

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛЕНА	3
РИТА	6
МИСС БРОДВЕЙ	10
CURRICULUM VITAE	14
СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ АНДРЕЯ М.....	24
МАСКВА!	32
ДРУЗЬЯ	40
ОРГАНАЙЗЕР	49
РИТА 2.0	53
В НОЧНОЕ.....	61
ОПАСНЫЕ СВЯЗИ	68
ГЛАМУРНЫЙ КЛЕЙ	87
PERFECTIL	96
РЭП-БАЗА.....	101
«FOREVER NOT YOURS»	111
ТЕХНОЛОГИИ	121
СТАТЬ ОТЦОМ.....	129
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ.....	137
ПОНЕДЕЛЬНИК	150
ВТОРНИК	174
КОРПОРАТИВ	181
ПОБЕГ	186
ОЛЬГА	195
СПАСТИ НИКОГО НЕ УДАЛОСЬ.....	203

ЛЕНА

*Гудбай, Америка,
Где я не буду никогда.
Услышу ли песню,
Которую запомню навсегда?
Наутилус Помпилиус. Гудбай, Америка.*

— И ты уже все решил для себя?

— Да. Absolutely... абсолютно.

— И когда ты собираешься уехать в Штаты?

— Еще пару лет, honey. Получу пост head of purchasing, осуществляю some investments, и все. Быстро делать карьеру и состояние можно только в России, you know... а делать investments и жить я хочу в America...

— Наверное, ты прав. — Она отпивает из бокала вино. — Скорее всего, прав. Мать русская, отец американец. Ты думаешь по-английски, а говоришь по-русски. И еще у тебя такой приятный акцент... — Она дотрагивается до моего запястья кончиками пальцев. — Тебе тяжело здесь?

— You know... — Я согласно киваю, поднимаю бокал на уровень глаз и смотрю сквозь него на пламя свечи. — Смотря как себя позиционировать. Иногда я чувствую, что застрял где-то in between, понимаешь? Между Америкой и Россией. Как-то сложно все, понимаешь?

На Лене черный костюм в тонкую фиолетовую полоску от... не знаю от кого. Выглядит как Patrick Hellmann, но, по моим прикидкам, Лена не зарабатывает на Patrick Hellmann. Под пиджаком белая рубашка, расстегнутая до середины груди так, чтобы было видно красный бюстгальтер. Она часто надевает на наши свидания красное белье. Это знак страсти или свидетельство того, что в детстве она смотрела слишком много дешевой эротики типа «Дикой орхидеи»? Скорее всего, второе. Практически все девушки в России смотрели «Дикую орхидею», иначе как объяснить выбор столь пошлого названия для крупнейшей сети магазинов, торгующих нижним бельем и купальниками? Представляете? Большая часть женского населения страны в возрасте от 25 до 40 лет думает, что настоящая страсть — это плохо снятая сцена с Кари Отис, которая фальшиво играет распаленную девственницу с воткнутым в волосы цветком. Впрочем, грудь у Лены натурального третьего размера. И это компенсирует ее детские кинопредпочтения.

На ее левой руке широкий, сплетенный из серебряной сетки браслет от Tiffany, который я подарил ей на Восьмое марта. Периодически она приподнимает руку, заставляя браслет съезжать вниз. Лена сидит нога на ногу, и я уверен, что в этот момент она качает правой ногой с наполовину снятой туфлей Ferragamo. Ближе к концу ужина она ее сбросит и примется засовывать свою ступню мне под брюки. Не потому, что ей это действительно нравится, а потому, что героиня «Дикой орхидеи» делала так же. Или «Основного инстинкта»... Впрочем, какая разница?

Выглядит она на двадцать восемь, всем говорит, что ей двадцать семь, а на самом деле ей уже полгода как тридцать. Два раза в неделю Лена посещает фитнес «Петровка-спорт» (там нет бассейна, зато у нее корпоративный абонемент), три месяца врет всем, что собирается заняться йогой с личным тренером, раз в месяц (иногда реже) красит волосы и стрижется в Jacques Dessange (о существовании Tony&Guy она пока не знает), предпочитает фотоэпиляцию bikini-line лазерной, время от времени запаздывает с восковой эпиляцией ног и носит гелевые ногти (предпочитая яркие цвета), тогда как мне больше нравится французский маникюр. Лена не посещает ночные клубы (цвет лица), не курит (цвет лица) и частенько противодействует попаданию спермы на лицо (казалось бы!). Пьет исключительно вино (в ее холодильнике я как-то видел и пиво), раз в два месяца сидит на диете по кому-то там. Предпочитает рестораны японской или итальянской кухни, скорее из-за социального статуса, нежели из-за вкуса.

Полгода назад она сделала первый взнос на новую квартиру (судя по плану, уродливый монолит в районе Бауманской, 120 квадратов и «нулевой цикл»). Ее нынешняя квартира в Перове обставлена в соответствии с правилами фэн-шуй в псевдокитайском стиле (IKEA,

разбавленная дорогими светильниками и аксессуарами, привезенными из загранкомандировок). Она утверждает, что помешана на минималистском дизайне, что, скорее всего, красивая выдумка (пару раз я видел в ее спальном шкафу плюшевых зайцев и мохнатую розовую подушку). Лена не замужем и не обременена детьми, потому что последние пять лет сосредоточена на карьере аудитора то ли в PriceWaterHouse, то ли в Deloyf, или где-то еще — никак не могу запомнить. Она стремится выглядеть как настоящая европейская бизнесву-мен, оплачивая свою часть ресторанного счета золотой AmEx. В тридцать лет она занимает пост заместителя начальника департамента и, должно быть, получает около четырех тысяч долларов в месяц. Ее речь изобилует англицизмами. Например — «это слишком overestimated проблема», говорит она подруге, оплакивающей убежавшего любовника. Ездит Лена на шестой Mazda, взятой в кредит. Ну, это вы и без меня поняли.

— Как-то сложно все, — повторяю я и ставлю бокал на стол, не отпив.

Лена отворачивается. Я замечаю, что ее глаза становятся влажными. Или это эффект освещения? Какое-то время мы сидим молча. Интересно, о чем она думает? О том, как сложно жить в России человеку, чей внутренний мир разрывается между традиционным американским прагматизмом и пресловутой русской духовностью? Или о том, во что трансформируются наши отношения? Например, сможет ли русская женщина с прекрасным именем Елена сделать из экспата русского? Вернуть его к корням, и все такое... Судя по тому, что временами по ее лицу пробегает тень, и она морщит лоб, пытаюсь прогнать какую-то мысль, внутри Лены идет борьба. Или напряженный мыслительный процесс. Или все вместе. Она все еще гладит мое запястье.

— Знаешь, — Лена снова поворачивается ко мне, — я поеду с тобой... я не могу без тебя. — В ее зеленых глазах уже нет слез. На типично русском широкоскулом лице читается решимость. Она поправляет браслет, затем слегка закидывает голову назад и подхватывает руками длинные светлые волосы (зачем она так их осветляет, непонятно. Кажется, в оригинале она русая). Она улыбается одними уголками пухлых губ. — Мы поедем в Америку вместе. Понимаешь? Ты и я... К тому времени у нас уже будут блестящие карьеры. Ты возглавишь какой-нибудь департамент в WalMart, я продолжу работать в финансах в BONY, Citibank или JP Morgan Chase... И наши дети будут американцами. В крайнем случае, нам поможет твой отец. В крайнем случае...

И все это она говорит таким тоном, будто вопрос уже решен. Хотя за все шесть месяцев я ни разу не предлагал ей ехать со мной в Америку. Ни единого раза! И эта ее решимость, особенно последние слова, произнесенные с некоторым нажимом, заставляют меня поверить в то, что у Лены все серьезно. И что самое главное, по расписанию. Чтобы не выдать охватившего меня волнения, я снова соглашаюсь, киваю и говорю:

— Блестящие карьеры у нас будут гораздо раньше, honey. Так что помощь моего отца не потребуется. К тому же я не люблю никого просить. I hate it, you know! — Я обворожительно улыбаюсь и поправляю левую запонку от Paul Smith. Лена счастливо улыбается в ответ. Мы чокаемся, отпиваем вина, тянемся друг к другу губами. Целуемся. Глаза Лены искрятся. Мы снова целуемся. Со стороны кажется, будто у нас помолвка, хотя это и не так. Наконец приносят горячее, и мы замолкаем, увлеченные едой... или размышлениями о будущем.

Лена ест фаланги краба в кисло-сладком соусе, я — спагетти с мясом краба и томатным соусом (странное сочетание, но довольно вкусно). До этого у нее был тартар из тунца, а у меня сашими из лосося с кресс-салатом. И все это в сопровождении Vermentino из Bolgheri от Antinori. Потом будет кофе, а от десерта мы, скорее всего, откажемся.

Я рассказываю все это не с тем, чтобы продемонстрировать, как хорошо мы разбираемся в гастрономии, а просто, чтобы вы поняли, что мы — молодые профессионалы, уиррие, если хотите, которые могут себе позволить оставить триста долларов за ужин на двоих в ресторане «Золотой» на Кутузовском проспекте города-героя Москвы.

— Забыла тебе сказать, — Лена пытается достать вилок из панциря мясо краба. — Ко мне обратился приятель, директор по маркетингу компании, выпускающей косметику. Они запустили новую линию...

— Ты предлагаешь мне test it? — смеюсь я, ковыряясь в спагетти.

— Дурачок. Ему нужно инициировать публикацию в «Одиозном журнале», — наконец она справляется с фалангой.

— Инициировать? Как это называется... — Я щелкаю пальцами. — За-каз-няк, да? Ты спрашиваешь, могу ли я помочь тиснуть оплаченный материал?

— Не злись! — Лена сдвигает брови. — Ты можешь помочь? Это мой знакомый, и у него есть бюджет.

— Ex-boyfriend? — смеюсь я.

— Не хочешь — так и скажи! — Лена отворачивается.

— Окей, окей! — Я примирительно дотрагиваюсь до ее запястья. — Нет проблем. Дай ему мой телефон, я что-нибудь придумаю.

Чтобы исчерпать этот мелкий конфликт, я выхожу в туалет, хотя вообще-то мне туда не нужно. Закрывшись в кабине, сажусь на унитаз, достаю сигарету и закуриваю. Не то чтобы Лена не любит, когда я при ней курю, просто мне захотелось провести пару минут в одиночестве. Докурив, я встаю, подхожу к умывальнику, включаю воду и смотрю на себя в зеркало. Черные волосы, крупные черты лица, красиво очерченные губы, слегка заметные синяки под глазами. Я выгляжу так, как и должен выглядеть преуспевающий менеджер среднего звена. На мне серый, в бледно-розовую полоску костюм от «Canali», однотонная розовая рубашка от «Pal Zileri», запонки, коричневые ботинки «инспектор», также от «Zileri» (ботинок в зеркало не видно). Я не ношу часов, предпочитая следить за временем с помощью Nokia 8800 за тысячу долларов. Последние четыре года я устраиваю в гостиницах скандалы, если не нахожу в ванной любимой пасты «Lacalut». Мне двадцать семь лет. Я ни разу в жизни не ел вермишели «Роллтон»...

Через час мы в Перове, в Ленкиной квартире. В гостиной, уже наполовину раздетый, я показываю ей газету «Коммерсантъ», прихваченную в ресторане. На первой полосе пишут о том, что «крупнейший в мире ритейлер, американская корпорация WalMart, два года назад открывшая офис в России, объявила о приобретении пяти гипермаркетов в Москве».

— Помнишь, в ресторане я сказал тебе, что наши блестящие карьеры состоятся раньше, honey? — Я протягиваю ей газету. — Look!

Лена пробегает глазами текст и улыбается:

— Скажи, тебе просто повезло? Или тебе сообщили об этом сегодня в офисе и ты подводил меня к теме?

— Как тебе это удастся? — Лена обнимает меня за шею.

— Все зависит от того, как себя позиционировать. Я думаю... — но договорить не получается, потому что Лена увлекает меня в постель.

Через десять минут она сидит на мне, ритмично двигаясь. Красный бюстгальтер остается неснятым. Сегодня какой-то особенный день?

— Я хочу от тебя детей, — шепчет она, наклонившись к моему лицу и касаясь моей щеки влажными губами. — Понимаешь?

Я еле удерживаюсь от того, чтобы не ответить: «Я, типа, тоже». Хотя, если честно, первая моя реакция — вскочить и надеть презерватив. Вместо этого я обнимаю ее, мы долго целуемся, я шепчу:

— I love you, baby, — и добавляю уже по-русски: — Я люблю тебя...

— Я люблю тебя! — кричит Лена.

— Я люблю тебя! — кричу я. Можно было бы укунить ее за мочку уха, да только это слишком уж отдает «Орхидеей». Поэтому я просто снова целую ее в губы.

Кажется, она опять принимается плакать...

РИТА

*Телка-модель — это не модно.
Телка-модель — это вчерашний день.
Бери поводок — выводи урода,
Телку-модель,
Телку-модель.*

КАЧ. Телка-модель.

— Вау! Нереально! И кто это устраивает? Тарико? Класс! — Рита поворачивается ко мне, не отрывая LG Prada от уха, и поднимает левой рукой бокал с «мохито», будто бы чокаясь со мной на расстоянии, хотя мы сидим рядом. Последние полчаса ей звонят каждую минуту. В те редкие моменты, когда не звонят, звонит она. Диалоги стандартные: она рассказывает подругам, где находится, подруги рассказывают, где находятся они. Между приветствиями — описание присутствующих, смешки, междометия, восклицания «Вау!», «Класс!», «Супер!» и «Бред какой-то». Разговор сопровождается отчаянной, киношной жестикуляцией. Обычно так выглядят люди, копирующие манеру поведения отечественных кинозвезд. Рита же выглядит как копирующая манеру поведения людей, копирующих отечественных кинозвезд.

Периодически мы возвращаемся к предмету нашего разговора, каждый раз вспоминая, на чем остановились. В какой-то момент я теряю нить и желание договорить до конца и начинаю думать, куда же подевался Пашка.

— И ты уверен, что уложишься в полгода?

— Что? Ты мне?

— Тебе. Ты действительно уверен, что откроешь этот бар за полгода? — Я не заметил, как Рита закончила очередной разговор, положила мне руку на колено, а другой обняла за шею. На левой руке у Риты «Zenith Lady Star» на голубом ремешке. Надо же, а я вначале и не заметил. Интересно, настоящие?

— Сто процентов. Там ремонт минимальный. — Я закуриваю. — Помещение небольшое, с инвесторами полное понимание, контракты со спонсорами: алкоголь, сигареты. Из геморроя только — найти нормальных строителей и быстро получить лицензию на алкоголь.

— Ты уже думал, как его назовешь?

— Скорее всего, «Нефть». Врубается? «Не-е-е-фть», — нараспев повторяю я название будущего бара. — Это тебе не какой-нибудь очередной цифровой бар типа «13/7», «Семь» или «Один». Тут все будет концептуально. Начиная с названия.

— Концептуально? — Она делает глоток «мохито». — Кто в наше время в этом разбирается? Все хотят фана, легких наркотиков и хорошей музыки. Ну, в смысле, которая не напрягает. — Она засовывает ладонь мне под футболку. — Тебе, с твоей вечной тягой к эстетике должно быть тяжело...

— Знаешь, — я одним глотком допиваю виски. — С одной стороны, не стоит считать обывателей быдлом. В конце концов, мы работаем для них. Они несут свои деньги в ночной город, и все такое. С другой — девяносто процентов людей, с которыми встречаюсь, мне отвратительны. И я бы платил им свое бабло, лишь бы никогда и нигде с ними не встречаться. Как-то сложно все...

— На самом деле все просто. — Она целует меня в щеку. — ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО. Если не усложнять. Не грузись. Пойдем...

— Как Шитиков? — спрашиваю я по дороге к танцполу. — Не надумал насчет корпоратива? Нам нужна площадка.

Сзади раздается хлопок. Я инстинктивно оборачиваюсь и вижу бармена, замершего с бутылкой «Bacardi» в руках. На стойке перед ним разбросаны мята и куски льда для «мохито» вперемешку с осколками стакана. Бармен стоит и тупо пялится то на стойку, то на бутылку. Мы с Ритой рассматриваем бармена, будто чего-то ожидая. Например, что бокал магическим образом соберется обратно.

— Как Шитиков? — повторяю я вопрос.

— Шитиков? Ах да! Он обещал перезвонить завтра и все решить. — Рита берет меня за руку и увлекает за собой.

Мы выходим из VIP-зоны, спускаемся по лестнице и попадаем на танцпол. Масса танцующих равномерно распределена вокруг двух тумб с go-go girls. Девушки одеты в красные купальники, их тела накачаны, движения гиперэротичны, лица отсутствующие.

— SUPERNATURE! SUPERNATURE! — звучит из динамиков. Диджей кидает в зал пустую пластиковую бутылку, и танцпол взрывается, вздев руки в едином порыве.

— НЕ ГРУЗИСЬ! — кричит мне Рита и начинает танцевать.

Она очень сексуально двигается и моментально становится объектом внимания двух танцующих рядом мальчиков, одетых одинаково: голубые джинсы и обтягивающие белые футболки.

— В смысле? — спрашиваю я, делая шаг вперед и придвигаясь к Рите вплотную. Но она меня уже не слышит — облизывает губы, закрывает глаза и вздымает руки вверх. Кажется, она полностью отключилась, сосредоточившись на музыке. Со стороны это выглядит безумно притягательно.

На Рите голубая футболка с глубоким вырезом, надетая на голое тело, узкая джинсовая юбка и босоножки. Она выглядит на двадцать пять (когда молчит), рассказывает всем, что ей почти двадцать шесть, хотя месяц назад ей исполнилось двадцать три. Четыре раза в неделю Рита посещает фитнес Dr.Looder (беговая дорожка, тренажеры, бассейн), четыре раза в неделю — клубы (пятница, суббота, воскресенье, утро понедельника), не пропускает ни одной распродажи в магазинах «ЦУМ», «Остатки сладки», «Подийум», — хотя основное место ее покупок все-таки «Дисконт-центр» на Саввинской (не признается в этом даже близким подругам). Многим врет, что учится заочно в РГГУ на менеджменте (хотя там учится ее подруга), раз в месяц где-то стрижется под мальчика, волосы не красит (натуральный цвет воронова крыла), рассказывает, что делает французский маникюр и эпиляцию голеней в «Персоне LAB» (на самом деле, на дому у знакомой маникюрши, которая действительно работает в «Персоне»), время от времени начисто выбривает лобок.

Рита употребляет легкие наркотики (здоровье позволяет), не соблюдает диету (возраст позволяет) и является яркой противницей курения (вредно для здоровья). Пьет исключительно... да почти все, кроме водки. Предпочитает городские кафе типа «Этаж» или «Курвуазье» один раз в день, на завтрак (около часу дня).

Год назад у Риты появился зеленый «Mini-Коопег» (подарили родители, занятые, по слухам, добычей газа). Она снимает восьмидесятиметровую студию в районе Кутузовского («не хочу зависеть от родителей»), хотя в действительности это «в районе» находится у метро «Молодежная». Квартира увешана работами псевдовеликих «молодых русских фотографов». На фотографиях в основном она. Интерьер минимальный — большая плазма, музыкальный центр, ванная с кучей средств по уходу за кожей, кухня, забитая коробками мюслей и соковыжималками (многие не работают), большая красная кровать и пара шкафов («нет желания серьезно тут обустраиваться»). Да, и еще свечи. По всей квартире. Очень много больших, маленьких и средней величины свечей. С разными ароматами. «Как в дорогом СПА-отеле», — говорит Рита тем, кто впервые у нее в гостях. Не знаю, как насчет СПА, но у меня лично, как закрою глаза, возникает навязчивое ощущение, будто я завернул в церковь.

Рита стремится выглядеть продвинутой рекламщицей, настоящим профессионалом с западным подходом и одновременно профессиональной моделью, обладая при этом херовым английским и работая в промоагентстве («креатив, сопровождение проектов, ну, в общем, много чего») и пару раз в месяц вышагивая на каких-то левых показах («вообще-то зовут работать в Италию, но я раздумываю»). Рита мечтает устроиться пресс-секретарем в серьезный ночной клуб типа «Мост», «Дягилев» или «Крыша», хотя я не уверен, что там вообще бывают пресс-секретари. «Работа по контрактам со спонсорами — тоже клево», — говорит она. Еще она считает, что очень похожа на Водянову... Местами.

Точная сумма ежемесячных доходов неизвестна, но судя по всему, основной доход — родители. Грудь очень красивая, но все-таки второго размера.

— Ты видел Пашку?! — кричит мне Рита.

— Чего? — Музыка орет так, что ни черта не слышно.

— Не понял!

— Ты Пашку видел? — Ритка прислоняется ко мне и кричит прямо в ухо. В глубине ушной раковины звенит тоненькое «и-и-и-и-и-и». Кажется, я начинаю глохнуть. Совсем как тот диджей в фильме «It's all gone», у него в самом начале были такие же симптомы.

— А! Пашку! Нет, не видел. Я его ищу уже полчаса!

— Теперь я кричу ей прямо в ухо.

— Чего ты орешь?! — Рита отталкивает меня.

— Я не глухая.

Я киваю, поднимаю вверх оба больших пальца и начинаю раскачиваться в такт музыке.

— Он возле раздевалки, с двумя армянами. Один похож на Мартиросяна из «Комеди Клуб»! — еще сильнее кричит Ритка.

— Я вместе с армянами не хочу. Я их близко не знаю, — говорю я.

— Чего? — Ритка не слышит.

Я опять подхожу к ней вплотную:

— Я их не знаю! Уйдут — тогда подойду! — ору я и отпрыгиваю, чтобы не попасть под удар этой глухо тетери. Теперь она меня уже не отталкивает, а наоборот, обнимает за шею, виснет на мне и говорит:

— Какая разница, знаешь — не знаешь? Просто Пашка сейчас уехать может.

— Куда он поедет, если тут столько народа? — усмехаюсь я, отстраняюсь и иду к раздевалке. По дороге ко мне подтанцовывает какая-то студентка с огромными зрчками.

— Как дела? — игриво улыбается она. — Давай потанцуем?

— Как тебя зовут? — спрашиваю я, скользя взглядом по ее телу.

— Мне тоже тут очень нравится, — наклоняется она к моему уху, продолжая извиваться в танце.

— Вкусненькая таблеточка, да? — хмыкаю я. — Вторая уже сегодня?

— Лера, — кивает она, растягивая губы в улыбке.

— Ты бы лучше ехала домой уроки учить, Лера, — киваю я в ответ.

— Нет, только половинка, меня саму угостили.

— Смотрю, тебя нормально так штырит, — бросаю я и двигаю дальше.

Слышу за спиной: «Сам уроки готовь, придурок!» Своевременно девушка реагирует, ничего не скажешь.

Пашку я действительно нахожу у раздевалки, мы вместе идем к туалетах, и он заходит в крайнюю левую кабинку. Выйдя, кивает мне, говоря что-то вроде: «Я поехал в "Оперу"». Я захожу в кабинку, защелкиваюсь, запускаю руку за бачок и выуживаю оттуда малюсенький целлофановый катышек. Да... Негусто.

Ритка уже сидит в VIPe, говорит по телефону и пьет новый коктейль. Она уже достаточно дата, что неудивительно. Этот «мохито» четвертый или пятый? Впрочем, какая разница?

— Взял? — спрашивает Ритка, закончив разговаривать. Я киваю.

— Класс! — она прищуривается, отчего ее лицо высокими скулами и карими глазами становится агрессивно-сексуальным. Она делает глоток «мохито» и немного обливается. Капли коктейля медленно скользя по ее высокой шее. Скорее всего, это заложено в сценарии.

— Знаешь, я подумала и решила, что буду тебе помогать с твоим клубом, — внезапно говорит она. — Мы сделаем офигенный проект. Такой проект, от которого всем крышу снесет. Ты и я... Через год заработаем кучу денег. С твоими связями и моей энергией — легко! Давай выпьем за это!

Она говорит таким тоном, словно мы с ней эту тему постоянно обсуждаем. Вроде как я ее уговаривал, а она не соглашалась. А теперь вот решила окончательно. Хотя за все три месяца, что мы вместе, я ни разу не заводил с ней подобного разговора.

— Было бы... Было бы круто, — говорю я, запинаясь от неожиданности. — Ты и я. Было бы очень круто, зайка.

Я беру из ее рук «мохито», делаю большой глоток целую в губы, наполняя ее рот пряным алкоголем. Глаза Риты подергиваются туманом. Она отрывается от меня, закидывает голову

назад и залиvisto хохочет. Капли коктейля все еще текут по ее шее и почти достигают выреза на футболке.

...Через десять минут Рита, упершись лопатками в зеркало, сидит на тиковой столешнице с утопленной железной раковиной. Я двигаюсь рывками, а Рита все время сползает вниз, так что мне приходится упираться ногой в дверь.

— Сильнее, — нарочито громко стонет Рита. — Сильнее! — Из ее руки на пол выпадает скрученная в трубочку банкнота. — Я люблю тебя, — Рита открывает глаза, усилием концентрируется на мне и шепчет: — Мы самая крутая пара в Москве.

Я смотрю на себя в зеркало через ее плечо. Короткая стрижка а-ля Джастин Тимберлейк, карие глаза, темные круги под ними. Я выгляжу как заядлый тусовщик (я и есть он). Футболка наполовину задрана, тертые джинсы спущены до колен, носок кед «Paul Smith» с традиционным рисунком чуть выглядывает из-под наплывов джинсовой ткани. Мне двадцать семь. За последние полгода я не пропустил ни одной сколь-нибудь значимой вечеринки в Москве...

— Я люблю тебя, — стонет Рита и кусает меня за мочку уха.

— Я люблю тебя, — шепчу я.

— Я тебя ненавижу, — Рита бьется в экстазе. В дверь начинают стучать.

— Я знаю, — одними губами произношу я.

Но Рита уже не слышит, она издает короткий стон, инстинктивно дергает рукой и открывает воду. Брызги попадают мне на живот.

— Я знаю... — снова шепчу я.

МИСС БРОДВЕЙ

Вечер, собравший сонм красивейших девушек страны (вспоминается фраза «Россия будет прирастать регионами»), вечер, на который стремились попасть все холостые и не очень мужчины столицы (с годовым доходом не менее двенадцати миллионов евро) и падкая до лоящихся от жратвы и выпивки столов пресса, подходил к концу.

Наблюдая за финалом светского раута, я понимал, что главное в отечественном кинематографе — телки. Как и в любом другом российском искусстве, в сущности.

Только что со сцены объявили победительниц конкурса. Обойдя шеренгу одетых в купальники участниц с синими ногами (в зале очень холодно), ведущие вручили цветы и главный приз самой «Мисс Бродвей» и двум финалисткам. Все это свершалось под улюлюканье жюри, едкие комментарии ведущих и дружные аплодисменты собравшихся. Подвыпившая пресса громче всех благодарила организаторов и вразнобой скандировала «Атлантик»! «Атлантик»! Победительница, грустноглазая девушка из Уфы, получила автомобиль «Mercedes», главную роль в новом фильме, море цветов и обнадеживающие улыбки спонсоров. Две финалистки получили бабла, право на участие в кинопробах и плотоядные взоры «партнеров проекта». И только мы с моим приятелем Антоном не получили ни черта, не считая халявного буфета.

Сытые гости начали дружное продвижение к сцене, чтобы получше рассмотреть победительниц, пресса слаженно щелкала камерами, призерши обнимали и целовали «Мисс», не забывая смахивать слезы, кинозвезды жали руки организаторам, члены жюри, с вздохами, словно после тяжелой работы, вылезали из-за столов. Короче, гости были погружены в атмосферу искренней радости. Непонятно только с чего: двадцать четыре девушки на шестьсот гостей явно не делятся.

— Интересно, зачем на этот конкурс такие бабки тратят? — интересуется Антон, оглядываясь по сторонам.

— Как — зачем? — отвечаю, закуривая. — Такие призы дешевле, чем телок у Листермана покупать.

— Пошли за призами! — Он хлопает меня по плечу.

— У меня завтра встреча в редакции с утра, — пытаюсь соскочить я.

— Я тебя умоляю! — кривится Антон. — Зря водителя брали?

— Ну, вообще-то могу и к часу приехать. — Здравый смысл все-таки берет верх.

— Вечно ты ломаешься!

— Чего втираем? Как обычно? — скорее для галочки, нежели из интереса, уточняю я.

— Ну да. «Мое кино — это мое кино. Мое кино — это мое кино. Важнейшим из искусств для нас является кино», — кивает Антон.

— Давай только в этот раз без скандалов, — предлагаю я.

— Когда я скандалил-то? — удивляется он.

— Да никогда, в принципе, — пожимаю плечам я, — только вот на прошлогодней «Мисс Бродвей» ты бухой приставал к победительнице, и мы чуть не получили в башню от спонсоров. А так никогда! Значит, этот раз план такой: подходим к двум самым заплаканным...

— Или к двум с самыми алчными глазами?

— Как правило, это одно и то же. Значит так: я — режиссер нового фильма, а ты — продюсер «Атлантик».

— Ты режиссер? Ты хотя бы один термин профессиональный знаешь? Или имя великого режиссера?

— «Снято!» «Дубль два!» Спилберг! Буслов!

— Так, все понятно. У тебя познания в области кино хуже, чем у конкурсанток. Продюсером будешь ты, а я про Антониони и Бергмана поговорю.

— Как скажешь. — Я поднимаю руки вверх. — Сдаюсь. Только давай быстро: подошли, сняли и отъехали. Про Бэкхема будешь дома рассказывать.

— Бергмана.

— Ну Бергмана...

Мы двигаемся по залу ресторана «Ярь» сквозь плотный строй девушек с бокалами шампанского в руках, нетрезвых коллег-журналистов, спонсоров, инвесторов, промоутеров и кинозвезд, подходим к сцене, возле которой сгрудились проигравшие, и начинаем вычислять самых податливых. Мое внимание привлекает высокая брюнетка со спортивной фигурой, облокотившаяся на край сцены и закрывшая лицо руками. Ей пытается вытирать слезы русоволосая фея, которую природа щедро одарила не только формами, но и смекалкой. Утешая подругу, она не забывает смотреть в зал в поисках кого-то, кто сможет подсластить горечь поражения. И судьба (ну надо же!) моментально вознаграждает ее:

Девушки, ну зачем вы так расстраиваетесь? — как можно более доброжелательно улыбаюсь я.

— Ты посмотри, какой натурализм! — встречает Антон. — Настоящая Клаудиа Кардинале в «Сладкой жизни»!

«...Ни фига себе познания!», — мелькает в моей голове, и я говорю вполне веско:

— Да, в этой сцене, на...

— На пляже,— заканчивает Антон, — когда она плачет на пляже. Девушки, вам не плакать нужно, а быстрее контракты подписывать! Нет, ты посмотри, я уже десятки пробы делаю, а тут такие экземпляры!

— Настоящие итальянки, — соглашаюсь я. Брюнетка моментально успокаивается и поднимает

на нас свои растекшиеся глаза. Ее подруга настороженно нас изучает.

— Подумаешь, в финал не вышли! Какая глупость, — продолжаю я. — У вас в кино перспективы получше, чем у победительниц. Вы уж мне поверьте.

— А вы организаторы? — спрашивает русоволосая.

— А мы похожи на организаторов? Антон, мы в самом деле похожи на организаторов?

— Невозможно, — отрицательно качает головой Антон.

— Я— Андрей Буслов, креативный продюсер «Атлантик», а это мой друг, известный режиссер, Антон Бондарчук, брат...

— Андрей, давай без титулов, я тебя прошу, — хмурится он.

— Бондарчук? — глаза брюнетки заблестели, теперь уже не от слез. — И вы...

— Брат. Младший,— извиняющимся голосом говорит Антон. — Фамилии не выбирают, сами знаете.

— А ваша фамилия мне тоже знакома, — вторит русая, глядя на меня.

— Ну да, мы ведь в одной индустрии... один момент. — Я отскакиваю и ловко перехватываю с подноса официанта пару бокалов шампанского. — Это вам, милые дамы!

— Ой, спасибо, — хором говорят они. — А вы?

— Мы разберемся, — улыбается Антон. — Шампанское — дамский напиток...

— И к чему такие слезы? — спрашиваю я брюнетку.

— Да ладно... проехали! — Она делает глоток шампанского. — Просто жюри тут...

— Нет, Наташ, ты видела, кому они первое место отдали? Она по подиуму пройти не может. Корова! Ноги подкашиваются!

— Своя, сто процентов, — кивает Наташа. — Прямо зла не хватает.

— Не расстраивайтесь, — уговаривает их Антон. — У членов жюри разные вкусы. Были бы мы в жюри, мы бы вам первое место дали, сразу обеим.

— Я, кстати, завтра скажу Синельникову, что жюри можно было бы и пообъективнее найти!

При упоминании имени президента «Атлантика» девушки наостряют уши.

— Андрюш, я тебя умоляю! — отмахивается Антон. — Мы в прошлом году с братом в жюри сидели, так Федя был в ярости. Наши голоса оказались в меньшинстве!

— Шоу-бизнес, — развожу я руками. — Ладно, хватит об этом. Давай лучше девушек веселить, не видишь, какие они усталые?

В течение двадцати минут мы знакомимся. Брюнетка представляется Наташей из Кемерово, русоволосая — Аней из Екатеринбурга. Девушки столь упорно готовились к конкурсу, что «даже на работу забили» (Аня — «учительница и немного модель», Наташа —

«бывшая модель, теперь менеджер супермаркета»). Влив в обеих еще по паре бокалов шампанского, мы быстро объясняем про наш новый проект «Три сестры», куда на главную роль пробуются Заворотнюк, «а актрисы на две другие роли — настоящая головная боль». Мы сыплем профессиональным терминами типа «лайн-ап», «прибыль с бокса», «бюджет», «сложные вторые планы», «никто не умеет играть восьмерку», «прокат стал неподъемным, и если бы не Костя Эрнст...» и тому подобное. В конце концов, мы дружно решаем продолжить разговор о тяжелом труде кинематографистов в ресторане, предварительно заехав ко мне домой («документы оставить и переодеться»). Проводив девушек до гримерки, мы остаемся за дверьми и обсуждаем распределение ролей.

Минут через десять наши прения нарушает весьма развязный молодой человек в мятом сером костюме и съехавшем набок галстуке. На груди у него красуется табличка «Организатор».

— И куда это мы конкурсанток увозим? — прищурившись, спрашивает он. — У них еще банкет со спонсорами!

— Это не конкурсантки, а наши девушки, — напряженно отвечаю я. Антон сдвигает брови к носу и бычится.

— Ваши девушки?! — клерк лезет в карман пиджака, выуживая список, и продолжает допрос, оглушая нас своим фрикативным «гг». — И из какого они рехиона?

— Регион — это ты. — Я медленно растягиваю слова и надвигаюсь на него. — С каких это пор так называемые организаторы устраивают допросы сотрудникам! ФСО?

— Мужики, вы чо? Вы чо? Так бы и сказали сразу, — мямлит он, птясь.

— Мы тебе сразу и говорим, — подключается Антон.

В этот момент из раздевалки выпархивают наши подруги.

— Готовы уже? Поехали домой, — кивает им Антон. Клерк ретируется. Мы берем девиц под руки и быстро проходим к выходу. Антон звонит водителю, сигнализируя, что мы покидаем эту ярмарку невест. Через две минуты мы залезаем в салон черного «Hammer H2» и двигаем в сторону метро «Аэропорт». Антон откупоривает бутылку шампанского, водитель через плечо нервно косится на нас, я сижу на переднем сиденье и курю. Девушки рассказывают что-то про нечестное жюри и победительниц, Антон понимающе кивает. Через пятнадцать минут мы стоим на крыльце моего дома, допиваем шампанское и выкидываем пустые бокалы в урну. Антон просит, чтобы мы его немного подождали, поскольку он должен дать водителю инструкции насчет вечера. Девушки рассматривают наш блестящий джип, стараясь не показывать свой неподдельный интерес. Наконец Антон вылезает из машины, берет под руки подруг, я открываю дверь и пропускаю их в подъезд. Арендованный нами «Hammer» уезжает в ночь.

Дома мы долго пьем кофе, шампанское «Ruinart» и белое вино и через какое-то время решаем, что уютные домашние посиделки гораздо лучше выхолощенной ресторанной кухни, тем более что спиртного в доме еще достаточно, а я набираю номер ночной доставки суши («девчонки, в Москве есть только один настоящий суши-бар, про него мало кто знает»). Потом Аня говорит, что сидеть в принципе все равно где, «лишь бы компания была нормальная» (ох уж эти милые провинциальные девушки, готовые стать актрисами), еще через какое-то время привозят суши, и девушки выражают свои восторги, смакуя продукты ближайшего псевдояпонского заведения и приговаривая что-то вроде: «У нас, конечно, суши делать не умеют». Я возражаю, что в «Москве тоже мало где умеют», а Аня проявляет патриотизм, замечая, что в Екатеринбурге есть один ресторан, в котором...

Но это уже не важно, потому что Антон поражает всех, в том числе и меня, историями из жизни режиссеров, актеров и продюсеров мирового и отечественного кинематографа. Аня делится подробностями участия в «Мисс Бродвей», а Наташа рассказывает, как будет готовиться к следующему конкурсу. Потом Антон уморительно разыгрывает диалог, произошедший между Никитой Михалковым и Мишей Ефремовым на съемках «Двенадцати», я обещаю все решить по конкурсу в следующем году, а, распив третью бутылку шампанского, мы по ролям разыгрываем перед ними будущий фильм «Три сестры». При этом Антон явно знаком с Чеховым, тогда как я, никогда не любивший классику, лихо вплетаю в сценарий

сценки из «Иствикских ведъм» (тех тоже было трое). В таком темпе мы осваиваем две бутылки белого вина, доходя наконец до того момента, когда никто особо не парится, чья рука лежит на чьем колене. Кто-то предлагает сыграть в карты, кто-то — включить музыку и потанцевать, но ни тому, ни другому так и не суждено сбыться, потому что на часах полвторого ночи, а девушкам еще нужно попасть в гостиницу до девяти утра, ведь там остались вещи. Последним заслуживающим внимания нюансом становится недопитая бутылка белого «Pinot Grigio» от Livio Felluga, которую Наташа опрокидывает на себя, а попытавшись отстраниться, роняет на пол, и та вдребезги разлетается, обдав всех брызгами. Кухня оглашается пьяными возгласами «на счастье!», Антон говорит, что в кино это считается хорошей приметой, а Наташа отвечает, что ей нужно в ванную замыть платье, тогда как Аня последние полчаса просто молчит и зачарованно ловит глазами каждое движение Антона. Я предлагаю выпить на брудершафт, но вместо этого иду показывать Наташе, где у нас ванная. В итоге пары оказываются в разных комнатах, моя подружка разворачивает полотенце, ложится в кровать и, перед тем как погасить свет, говорит:

— Хорошие вы ребята, Андрюша, только ни фига вы не продюсеры и не киношники.

— Что за недоверие! — вздымаю я левую бровь.

— Продюсеры не таскают случайных знакомых по своим квартирам. Даже в Кемерове.

— В Кемерове есть продюсеры? — недоверчиво спрашиваю я.

— Есть, Андрей. Даже в Кемерове есть. Только они таких, как мы, актрис сначала ведут в ресторан, потом в баню.

— Ты на самом деле хочешь стать актрисой?

— Я на самом деле хочу любым путем свалить из Кемерова. Куда угодно, — тоскливо говорит она.

— Что мешает?

— Отсутствие продюсера, — криво усмехается Наташа.

Из-за стены уже раздаются характерные вздохи.

— Анька такая смешная, — отстраненно замечает Наташа. — По-моему, она в твоего друга влюбилась, дурочка.

— Почему дурочка, зайка? Любовь — это прекрасно! — жизнеутверждающе говорю я.

— Это точно, — вздыхает Наташа. — Я бы тоже в тебя влюбилась... лет пять назад.

— А я лично в тебя влюбился сразу, на церемонии, — гоню я.

— Это заметно. — Она проводит пальцем по моему подбородку. — Ты красивый мальчик. У тебя есть девушка?

— В данный момент я холост, — чуть смущенно говорю я.

— Смотри-ка, ты даже краснеть умеешь, — она запрокидывает голову и улыбается. — Влюбился он в меня... все хотят любви, Андрюша. Ты хочешь, я тоже хочу... настоящей!

— Давай, пока мы еще не встретили всепоглощающую страсть, просто займемся любовью, — предлагаю я.

— Разве у нас есть выбор? — говорит она, потянувшись к выключателю.

— Вряд ли, — отвечаю я уже в полной темноте.

CURRICULUM VITAE

(Два месяца спустя)

Вспоминаем и молимся.

Вспоминаем и молимся.

Кровосток. Биография

В двенадцать дня сработал таймер на музыкальном центре, который я безуспешно пытался настроить последние три вечера и на который уже почти забил, решив, что он умнее меня. Но вот вчера, кажется, все сделал правильно, или просто так получилось, короче говоря, музыкальный центр будит меня грязным битом «Кровостока».

Я родился в Москве, в семидесятом, на краю города. Моча рано ударила в голову.

Человек снова доказал, что он умнее машины.

С этой оптимистичной мыслью я продираю глаза и начинаю постепенно втягиваться в сегодня.

Потом школа, драки, вонючая форма, клей Гак я становился сильнее.

Мне бы тоже хотелось стать сильнее. Реально, я проснулся с ощущением того, что уже устал. Хронический недосып? Отсутствие спорта? Недостаточно активная половая жизнь? (Это, конечно для галочки, хотя... в общем, Неля тоже оказалась сухой, но речь не о том.) Слишком много алкоголя, наркотиков и сигарет? Кстати, сигареты остались? Да, вот пачка. Любите ли вы курить в постели, как люблю это я? Я в курсе, вы очень хотели бы это любить, но жена не дает. А любить себя она вам еще дает? То-то же. У меня вот нет жены. По трем причинам:

Первая. На хрен не нужна (это по жизни).

Вторая. Я пока не чувствую себя способным на длительные серьезные отношения. Я не готов взять ответственность за себя и за того человека... (это для прессы).

Примечание ко второй: За меня бы кто взял ответственность... (это для спонсоров).

Третья. Шэрон Стоун уже замужем (это в принципе).

Или она уже развелась?

Речь снова не о том. У меня сегодня, кажется, крайне лиричный настрой. Закуриваю первую сигарету. О-о-о! Чувство, сравнимое с первой любовью в школе, первой заработанной тысячей долларов (лучше бы с первой сотней тысяч, правда, как это — я не знаю, но, думаю, круче, чем сигарета), первой пьянкой, первым опытом однополрой любви. Н-да. Ну, это я лесбиянок имел в виду. В общем, лежу, слушаю музыку, курю. Кайфово...

Воровал в раздевалках...

В одиннадцать кинул первую палку...

Брежнев сдох...

Стал заходить в качалку.

Кирзачи и теллага.

Я родился в Москве, в семидесятом, на краю города... Нет, я такого про себя сказать не могу, хотя меня отчаянно притягивают те времена. Очень хочу, но не могу. Можно, конечно, потерять паспорт и потом, дав денег ментам, получить новую ксиву, рассказывая окружающим, что в свои тридцать пять я выгляжу на четвертак только благодаря легким овощным сокам и тяжелым наркотикам. Это прикольно, но, с другой стороны, придется

базарить за все эти старперские темы, философствовать, говорить, что в наше время, конечно, было лучше, веселее и моднее, но... зачем говорить о каком-то другом времени, когда ВСЕ время принадлежит мне? В общем, идея с заменой паспорта не канает. В этом нет будущего. И... как-то сложно все.

Родился я в Питере, а не в Москве, в восьмидесятом, в центре города. Кирзачи и телагу видел по телевизору два раза и еще пару-тройку раз на стройках коттеджей у папы или у своих знакомых. Клей нюхал два раза в восьмом классе. Не прикололо. Про Брежнева рассказывал папа (не уверен), в одиннадцать лет я палок не кидал, зато нехило дрович на шведскую «Magma Private», а это покруче, чем тюрить неумелый секс с прыщавыми одноклассниками. Уж в чем в чем, а в порнухе-то я разбираюсь (признаться, сам подумываю снять что-то подобное). В качалку не заходил, да что там — меня и в фитнес не заманишь («Петровка-спорт» — 50 процентов скидки, «World Class» — бесплатно, — у меня там знакомый менеджер). Зато в свои одиннадцать я уже лет шесть как заходил завтракать с мамой в гранд-отель «Европа» (но это к слову). Пошел в школу, где мог бы отлично учиться ввиду того, что «этот мальчик из хорошей семьи, его папа...», хотя учителя почему-то это по достоинству не оценивали. Отчасти сие объяснялось пролетарским происхождением учителей, а отчасти (и главным образом) моей ленью и неусидчивостью. В общем, все было неплохо. С тройков я не слезал. Зато и на героин не подсел.

Потом папа стал слишком много зарабатывать, что слишком мало стало устраивать маму, которая продолжала тянуть на себе всю бытовуху и выслушивать его монологи о собственной избранности. Начались мелкие ссоры, напоминавшие бои местного значения, потом крупные скандалы, потом швыряние друг в друга антикварной посудой, доставшейся от бабушки. Мама начала больше работать, папа стал еще больше гулять. А кто обещал быть буддийским монахом? Становиться хорошим/ей мужем/женой также никто не клялся на крови.

Потом между драгоценными родителями выросла тонкая (шириной в стодолларовую купюру) стена непонимания, постепенно разросшаяся до ширины стены Кремлевской. Папа переехал в Москву, а мама перефразировала известную цитату: «Я счастлив, Горький, что живу с вами на одной планете!» до такой степени, что та зазвучала как: «Я не могу сказать, дорогой супруг, что счастлива жить с вами в одной стране». И уехала в США. Куда, ввиду своего малолетнего возраста, был увезен и я.

*Купил боксерские перчатки, спиздили в школе.
Пиздец был Витьку и Коле.
Линолеум, пятна крови, поставили на учет.
Ночью взломал бытовку, от пацанов почет.
Время течет...*

В Штатах опять школа. Если в Ленинграде я учился в английской спецшколе при Академии наук, то в Америке попал в самую страшную из всех школ района — школу имени Мартина Лютера Кинга. В Америке гуляет шутка: «Если где-то рядом есть надпись «Martin Luther King» — надо бежать». Это потому, что надписи такие, как правило, в самых ужасных черных районах, куда белые дети попадают редко. Но мне «повезло». Мама зарабатывала копейки, и нам ничего не оставалось, кроме как снимать квартиру (если это можно назвать квартирой) в самой отстойной части города...

Пора бы и в душ, смыть следы ночного города и все такое. Вообще вода — это хорошо. Последнее время от депресняка только душ и спасает. Солярий еще. Интересно, сколько стоит домашний солярий? Я бы из него не выходил. Устроил бы Доминиканскую Республику в отдельно взятой квартире. Чего-то голова уже слишком грязная. Как у шахтера, не иначе. С другой стороны, чем я не шахтер? Забой вчера был такой, что крыша клуба чуть не рухнула, похоронив под собой всю нашу бригаду. Блин. Кстати о «Крыше». Не стоило, ох, не стоило мне вчера так энергично танцевать с этой Нелей. С другой стороны, Вова должен был раньше сказать, что она девушка Шамяля. Ну, Неля, ну виделись где-то, «лицо жены хозяина нам

знакомо», и все такое. Фигурка хорошая, грудь там, сапоги «Gucci», вроде знакомая, реально. Опять же «не помню, откуда помню». Я что, все про всех знать должен? Или всех помнить? Тем более наощупь!

Я же не справочная! В общем, неприятно. Черт знает чего у этого Шамиля на уме! Да я вроде и не делал ничего такого. Да... «Лицо жены хозяина нам знакомо... Выстрел — кома». Тьфу-тьфу-тьфу. По башке еще надо постучать. По Володиной. Надо же предупреждать! Ладно, отоврусь, если что. Скажу, пьяный был или обознался, пообещаю фотографии в светскую хронику тиснуть — и все дела. Сыграем на тщеславии.

Черт, уроды! Ну почему? Почему, если ты намылил голову в 2007 году, в квартире, находящейся практически в центре столицы нашей Родины, то шансы пятьдесят на пятьдесят, что горячую воду не выключат? Как-то сложно все, понимаете? Как-то очень сложно. На, сука! Ой...

Эй, там! А холодную-то воду зачем? Ну жажнул я по крану, и что такого? Кран-то мой! Хочу — ломаю, хочу — нет. Эй вы, мутанты! Включите воду! Уже все равно какую! У меня глаза щиплет! Нащупать бы полотенце да посмотреть ясными глазами на все это безобразие. Да, прикольный видок. Так, что ли, пойти? Скажу, новый гель, за столы. Ага. Это он не на мыло похож, идиот, а на разводы от кокса, врубаешься?

Потекла... Правильно... Пока не применишь силу, не поймут. Национальная особенность. Теперь быстренько смыть, сделать все свои дела и рвать отсюда когти, пока снова не закрутили водяные гайки.

Так... На чем я, собственно, остановился? Ах, да! Первый день в школе запомнился мне навсегда. Оказывается, вся совковая система изучения иностранных языков была нацелена на то, чтобы человек знал правила, а говорить не мог. То же самое случилось и со мной — я знал все глаголы и времена, а банально ответить в школе на вопрос «Do you want milk or water?» не мог. А еще оказалось, что я — единственный белый в классе. Все остальные были неграми или латиносами. Вот я и получил свой «welcome gift» на игровой площадке. Меня избили сразу пять или шесть негритосов. Я этого не стыжусь, потому что хотел бы посмотреть на вас, когда шесть огромных негров с криками «white boy!» накидываются и начинают бить ногами. Что, все себя Чаками Норрисами почувствовали? А зря...

С каждым ударом по почкам у меня темнело не только в глазах, но и в сознании, где пачка жвачки и пара фирменной джинсы постепенно терялись в океане ненависти и голода, который очень четко обрисовывался за бортом моего корабля.

Пусть не врут эмигранты, живущие на «welfare» (гособеспечении), что в России зоновские понятия, а на Западе — свободы полный край. Полная лажа. В школе нам давали двадцать талонов в месяц на еду. Каждый талон пронумерован и датирован, и его можно было обменять на ланч. Выбора блюд не существовало — ты стоял с подносом, и тебе клали на него то, что сегодня включено в одновариантное меню. Американский бюджет рассчитывал размер порций, видимо, опираясь на данные по белым дистрофикам, потому что неграм, которые в тринадцать лет владели баскетбольным мячом лучше всей сборной СССР, этой порции явно не хватало. А нехватка еды всегда отражается на настроении человека. У нас в школе драки за ланчи были регулярными. Били «bully» — крупные негритосы, отнимавшие еду и деньги у более мелких. Я оказался в числе мелких, потому что сравнивать советского мальчика, сына врача и учительницы, со зверьем, происходящим от африканских рабов, по меньшей мере глупо. Первую неделю я вообще оставался голодным, а потом увидел, что более слабые ребята плевали на свои ланчи, чтобы их не забрали «bully». В общем, вначале я не мог преодолеть омерзения, а потом понял, что еда вкуснее голода, и начал плевать. Обеды отнимать прекратили. Я начал есть и драться на равных. Сантиметр за сантиметром моя кожа менялась на жесть (кстати, так надо будет написать в автобиографии или интервью «Esquire»).

Так, чего-то жрать хочется. В холодильнике — опять сок и кола. Сок и кола. Кола и сок. Тут чего, Кейт Мосс живет или кто? Холодильник топ-модели. Надо еще шприц туда положить. Андрей, вы на диете? Да, я ем только героиновый шик. Это что, новая диета такая? Типа кремлевской? Нет, типа гарлемской. Интересно, я же вчера приехал с коробкой суши. Или мне показалось? Или я вчера реально приехал, а? Так... пойдём по комнатам... вот она, слава

роботам! Все-таки вчера мой внутренний винчестер не накрылся. Ужас какой, придется жрать сухими, ничего не поделаешь. «Педигрипал», не иначе.

Короче, флавишей ефкейп мне фувули иги, фрифизенные вавой из саша, то есть, я хотел сказать, что клавишей Escаре мне служили книги, привезенные мамой из Russia (просто есть очень хочется).

Книги привезли в восьми коробках. Были еще американские телесериалы, которые учили меня жизни вместо оставшегося в России отца. Редкие созвоны и новости оттуда ничего не давали, помню, по CNN смотрел, как в Москву вошли танки и стреляли по какому-то «Белому дому» в центре — Москву я тогда еще не очень хорошо знал. Мама благодарила Бога, что мы вовремя уехали, да и я потихоньку начал думать, что драка с негром и кроссовки «Nike Air Jordan» лучше, чем попасть под трассеры в столице моей бывшей родины. Что такое трассеры, я тогда не знал, но их эффект мне продемонстрировал CNN, на ближайшие пять лет отбив желание возвращаться в Россию. Существование в Америке мне вообще мало чем запомнилось: мама на работе, потом мама вышла замуж за советского инженера, поскольку четко уверила себя в том, что простой инженер лучше полуплеганого миллионера, который утром может присутствовать на Лубянке в качестве почетного гостя, а вечером — в качестве постояльца. С отчимом у них никогда не было любви, просто тупое совковое существование, каковое осточертело маме через несколько лет, и она с ним развелась. Отчим умер через год после развода. Ы-ы-ы-к. Фу, как некрасиво получилось! Это все сухоматка.

Ладно, пора одеваться. Чего бы надеть-то, а? Что на улице? Ага, вроде солнце. На дворе трава, на траве дрова. Витя тоже на траве, а вот Саша уже на трамале, да. Тэкс-тэкс-тэкс. Хдэ жэ кастюм? У меня, кстати, прикольно выходит ростовский говор с «гэканьем». Ну, в смысле прикола, я имею в виду. На людях-то я так не прикалываюсь, только дома, а то много мудаков могут подумать, что я из Ростова, и бросятся на шею с криками «Бра-а-а-а-т»!

Опять домработница, эта тупая ослиха, не отнесла костюм в химчистку. Ужас! Простейшие операции доверить нельзя, а вы говорите! Стоп, я же ей денег за месяц не заплатил... вот осел... ну, то есть у меня-то дел побольше, чем у нее, могла бы и напомнить и все такое. Чего сразу на работу не выходить, а? Позвонила бы, сказала: «Андрей Сергеевич, я вам напоминаю». Так нет, сразу в отказ. Как-то сложно все, да? Сложно у них все.

Окей, наденем что-то более демократичное. Джинсы, джинсы, джинсы. Одни голубые залиты вином, другие залиты... да... в общем, залиты... чем-то... вот, отличные джинсы. С этим ясно. Свитер? Да, прохладно, можно и свитер. Где-то тут был коричневый Etro... в кухне нет. Так я о школе еще хотел сказать.

Школа шла своим чередом, такие же трояки. За драки и прочую ерунду поставили на учет в полицию, куда регулярно приезжал тогда еще живой отчим, чтобы внести залог. Телевидение спасало, оно же и учило английскому. Сначала я, правда, выучил «ebonics» — язык негров, благодаря сериалу «Fresh Prince of Bell Air» с Уиллом Смитом, ну и другим телепрограммам, нацеленным на внедрение демократических понятий неграм с начальным образованием. Почему-то всегда бесили сериалы, которые я смотрю сейчас, такие, как «Friends». Тогда мне были мерзки эти счастливые еврейские дети богатых родителей, живущие в хороших кварталах Нью-Йорка. Я видел в них фальшь, потому как за все годы шоу там не бывало ни одного негритоса. Ну как в Нью-Йорке шесть человек не могут найти негра?!

Интересно еще узнать, как в шестидесятиметровой квартире один Андрей Миркин не может найти один свитер? Не шесть свитеров, а один! Понимаете, один! В ванной его тоже нет. Осталась комната.

Я, наверное, не переваривал их потому, что сам был таким, только по абсолютно непонятным мне обстоятельствам попав в полчерный квартал. В черную школу и семью советского инженера, который не хотел слушать ни про мой детский сад на Итальянской улице, ни про школу у Смольного, ни про двухмесячные поездки на отдых в Болгарию (это при совке-то), ни про колбасу/сгущенку/икру/шампанское/джинсу и пачку денег в томике книги Н. Валентинова «Встречи с Лениным».

В пятнадцать лет я впервые накурился. Ничего серьезного, просто купил «дайм-бэг» у латиноса-торговца, сам забил в разрезанную вдоль сигарету «Phillies Blunt» и закурил на

крыльце школы. Так мне открыл свои золотые ворота изумительный мир вещей, которые скрашивают наше менее красочное существование. В привычку не вошло, иногда баловался.

Школа подходила к концу. В один из летних дней внезапно позвонил отец и сказал, что он в «Waldorf Astoria». Я примчался на всех парах. Встретились в вестибюле, словно старые однокурсники, которые никогда не были знакомы в институте. Папу уже ждал лимузин, и мы поехали на 57-ю улицу в «Russian Tea Room». Стоит ли говорить, что после почти пятилетнего перерыва белужья икра показалась мне манной небесной. Дорогой, черной небесной манной.

Свитер, кстати, тоже не дешевый. Куда же я его дел-то? В шкаф? Блин... одни носки. Может, я, типа, сороконожка, а? И тут нет. Может, я его на прошлой неделе у Жанны оставил?

— Але, привет, слушай... да нормально все, ага. У тебя тоже? Рад за тебя. Ты даже представляешь, как я рад. Да подожди ты с братом своим, я хотел узнать, не оставлял ли я случайно у тебя на прошлой неделе свитер, такой коричневый, а? Нет? Спасибо. Потом про брата расскажешь, мне бежать надо. Это... у меня вторая линия. Пока!

Где-то в середине обеда папа крепко взял меня за руку и сказал.

— Андрей! Я не хочу, чтобы ты возвращался в Россию. Я знаю, как ты здесь живешь, и даже понимаю, что ты этого абсолютно не заслуживаешь, но того, что творится там, ты не выдержишь.

Речь об ужасах жизни в России не запомнилась. Мне кажется, это обычное дело: приезжая в Америку, почему-то принято поливать грязью Россию.

Но тут я начал думать, что уже пять лет как в России ни в кого не стреляют (по крайней мере, из танков).

Попал в федеральный, взял первый мерин.

Подвис на винте капитально, вылечила Бутырка, спасибо Кере.

Суд, пятнаха, севера, мошка, крышка, лютые лица.

Поняв, что не хочу всю жизнь учиться и работать, чтобы потом «заработать хорошую кредитную историю и получить ипотеку под хороший процент на дом в не самом плохом районе», я свалил. Если и существует американская мечта, с ипотекой она в моем сознании точно не вяжется. Или, может, просто это не моя мечта? Смотря как себя позиционировать.

— Алле. Леночка? Леночка, солнце мое. Ага, спасибо. Когда? Нет, на закрытие фестиваля не пойду. Как-то сложно все. У меня совещание в это время. Слушай, мне очень срочно надо узнать, не оставлял ли я случайно у тебя на прошлой неделе свой свитер, такой коричневый, а? Нет? Не был у тебя на прошлой неделе? Кто, я? Не был? Ладно, давай, извини! У меня вторая линия!

В общем, поехал в аэропорт. Мамино «Андрей, ты понимаешь, что там на самом деле происходит?», полтора косяра от развоза пиццы, штука от продажи старой «Toyota Camry», девять часов перелета, самолет «Delta Airlines», приветливые лица стюардесс, первый класс (спасибо папе), шампанское, а потом... А потом все-таки Севера... Заснеженная Москва.

— Приветствую... Ну что, идиот, велкам хоум, так, кажется, у вас говорят? Нахер ты приехал, я не знаю. Но чему быть, того не миновать.

— А почему ты на милицейском уазике, папа?

— Это «Гелендваген», «Мерседес» такой.

— А что у тебя тогда полицейская лампочка на крыше?

— С детства хотел, вот и поставил. Садись давай.

С папой был неприметный мужчина, который везде открывал ему двери, озирался по сторонам и периодически загораживал отца от каких-то людей. Я не сразу понял, что он бодигард, думал, что бодигарды только у звезд и политиков. В России же телохранители были у всех, кто мог себе это позволить.

— Алле. Катюш, привет. Как фотосессия? Не прошла кастинг? Ух, сволочи какие! Я обещал? Слушай, погоди-погоди, давай по порядку. Сначала скажи, не оставлял ли я у тебя случайно на прошлой неделе свой свитер, такой коричневый, а? Нет? Ладно, будем искать. Что значит обманул с кастингом? Ну да. Он мой друг. Нет-нет, я звонил. Ну просто... просто у него

не получилось.. Что значит— мои рекомендации никто не слушает? Очень даже слушают! Да? Сама ты фуфел! Я что, виноват, что ты такая корова, что не можешь пройти кастинг? Я? Нет, я же сказал, я звонил ему. Ну не знаю. Ну придумай сама, почему он тебя не взял.

Все зависит от того, как себя позиционировать. Все, чао.

Я уже начал представлять, как подъезжаю к своему вузу в папином узике-«Гелендвагене», как синяя лампа на крыше играет тенями на завистливых лицах однокурсников. Телохранитель выходит, открывает мне дверцу, и, отстраняя людей, пытающихся пожать мне руку или хотя бы дотронуться до меня, сопровождает на занятия. А еще чтобы он мне иногда говорил: «Андрей Сергеевич, здесь небезопасно», а я б ему отвечал: «Ваня, дай мне побыть с людьми, я так устал смотреть на мир из окна "Мерседеса"!».

Ничего подобного не произошло. Папа поселил меня в одной из своих квартир — небольшой, зато хорошо обставленной студии в районе метро «Аэропорт».

По дороге из аэропорта нас завезли в какое-то лажовое фотоателье, где мне велели сидеть прямо и не дергаться. Я так и сделал.

— Алле. Да, слушаю. Да, Жанна. Что? Да пошла ты сама, понятно? Да! Ага. Точно. Ты выговориться звонишь? Да мне все равно, что с твоим братом, ясно? У меня свитер пропал. Да, важнее. Приняли? Ха-ха! Не надо жрать колеса! Пусть лучше учиться идет. Я не знаю куда. В ПТУ! В медицинское. Ага. Пусть проходит практику на химфаке МГУ и передознется там чем-нибудь свежесинтезированным. Все, кладу трубку. Я не слышу тебя. Все, пока.

Брата у нее приняли... Выкупить за два косаря, нормально, да? Я, что ли, ему экстази продавал? Я что - самый богатый? Так вот...

Дома — тысяча долларов в месяц на еду и расходы, кредитная карта на экстренный случай (стоит ли говорить, как скоро он наступил). На столе лежала карта Москвы с обведенным красным кружком папиным офисом на Тверской и надписью «Здесь не появляйся». Через день после приезда мне в дверь позвонила папина сотрудница и передала конверт.

Я налил себе «Dewars», который начинал любить, сел в удобное кресло и открыл конверт. Из него выпала маленькая книжка в черном кожаном чехле. Студенческий билет. Миркин Андрей Сергеевич. Факультет журналистики Московского государственного университета. Первый курс.

Фотография в пуловере «Valentino», в котором приехал, получилась хорошая. В общем, абзац и все такое. Едва поступив на журфак МГУ, я ушел в раскрутку...

*Пошел в раскрутку, из зала суда прыгнул с лохом,
ушли в лес, его мясо есть,
товарняк, попутки.
Москва, сажу у братков,
новая ксива, новая работа, новые колеса,
решаю вопросы...*

Машину мне папа так и не купил, кстати. Может, оно и к лучшему, с моим-то образом жизни. Постоянные зависания, пьянки, гулянки, дружки-подружки и т. д.

Институтские годы не особенно мне и запомнились. Нет, конечно, бывали всякие подружки, смешные преподаватели, несколько пьянок с группой, студенческое братство и все такое. Но без фанатизма. Ничего такого, о чем можно было бы впоследствии сказать «как же мы это растеряли за годы?», я не приобрел. Может, оно тоже к лучшему? С экзаменами и зачетами я старался решать вопросы через деканат, нехитрым способом увеличивая заработную плату педагогам. А когда некоторые из них этого не хотели, подключался папа. Он, кстати, во многом помогал университету. Вообще, меценатство — хорошая российская традиция. Да, конечно, он частенько пенял мне, что я имею шикарную возможность учиться в лучшем вузе страны, и как это поможет мне в будущем, и все прочее. Что институт — тот самый базис, тот фундамент, который позволяет не только получить системное образование, но и жизненные принципы и, в конце концов, наметит вехи будущей профессии. На мои

вопросы относительно названия того прекрасного вуза, где папу научили ловко обращаться с федеральным бюджетом, он уклончиво отвечал что-то про «времена были другие». Но я, понятное дело, не велся на эти разводки. «Я, — отвечал я папе, — как Максим Горький. Я тоже живу в людях. И мои университеты, пусть и не имеющие ничего общего с коммунами бурлаков, не менее тяжелы. Да, мои плечи не знают лямки тянущих баржу. Но я учусь гораздо более важным в современном мире вещам. Я из коммуны прогрессивной московской молодежи, мы на своих плечах тянем в Европу баржу под названием Россия. Пропагандируем новые ценности, современные технологии, и все такое». Обычно после таких разговоров папа урезал мне дотации вдвое. Но я не пасовал перед трудностями. Светоч прогресса — не самая легкая ноша, особенно когда несешь его трясущимися после выходных руками. Но в целом от маршрута я не отклонялся. Я приехал в Москву, чтобы знакомиться. И к окончанию универа оброс связями, что дикобраз иглами. Поверьте, это животное — самое приспособленное для жизни в московском зоопарке.

Все эти романы, неумелые соития в общаге, скороспелые свадьбы, столь же скороспелые разводы... Брошенные дети, брошенные жены, брошенная жизнь. Бесперспективняк и глупость. Глупость и бесперспективняк. Удивительно, но большинство моих сокурсников до самого окончания универа стреляли у меня и друг у друга деньги, жили на полшага — то в общаге, то на хатах своих стремных дружков или в съемных апартаментах. Хотя, конечно, меня понесло. Съемные апартаменты могут быть в Восьмом аррондисмане в Париже, тугая же хаза в Текстилях как-то иначе называется. В общем и целом, кто-то жил за счет родителей, кто-то — за счет тех, кто жил за счет родителей, кто-то — не имея ни друзей, ни родителей, — вообще непонятно, на что и как жил. И все эти чуваки умудрялись выстраивать вокруг себя такие хитрые схемы, что я только диву давался. Головняки с девушками, участие в каких-то стремных политических партиях, попадосы с мелким бизнесом (а-ля устроился в Лужники торговать с прилавка, отошел в туалет, вещи украли, хозяин-хачик выставил на бабки). И при всем этом круговороте дерьма страсти кипели, как в «Санта-Барбаре». Игры в «настоящих друзей», водка на кухне до зари, кровавые страсти на почве неразделенной любви, муки творчества, комплексы нереализованности. В общем, как-то сложно все было. Я в этом предпочитал не участвовать.

Хотя встречались и такие, кто врубался в модные фишки, лазил по кислотным вечеринкам, охотно слушал и передавал сплетни про светскую жизнь, и все такое. Но, начиная со второго курса, я насовсем выпал из студенческой жизни и ушел в жизнь ночную. Я, типа, не слушал все эти базары про жизнь ночного города, я ее делал. Когда чуваки из этой пригламуренной компании втягивали через свернутые в трубочку банкноты нюхательный табак, думая, что тем самым шокируют окружающих, я советовал им еще и жрать зубную пасту.

— Освежать дыхание? — спрашивали они.

— Морозить десны, чуваки, морозить десны. Когда-нибудь вы про это узнаете. А пока тренируйтесь на табаке. Лучших из вас ночная Москва непременно заключит в свои объятия.

Одного нюхача из той тусовки я видел потом у входа в клуб «Мио» исчезающим в оперативных «Жигулях» под присмотром пары сотрудников ФСКН. Москва действительно заключила его в объятия. Засим мои пути с бывшими однокашниками не пересекались. Впрочем, как и дороги...

После окончания института я понял, что, несмотря на образование, мой жизненный путь еще не определен. Карьера политического обозревателя мне не светила, так как в политике я не особо разбирался. Писать об экономике оказалось еще труднее. Как можно анализировать состояние экономики страны, если в твоём собственном кошельке еженедельно случаются банковские кризисы, а раз в месяц ты вынужден объявлять суверенный дефолт по внешним займам? Если бы не помощь Международного валютного фонда / отца, долги в зачатке похоронили бы молодое государство в лице меня. Таким образом, я пошел по пути наименьшего сопротивления, решив писать о том, что ближе. О тусовке.

А местонахождение моего свитера все еще не определено. Знаете, что самое ужасное с утра? Самое ужасное — это когда, лежа в постели, ты мысленно уже выбрал свой сегодняшний

гардероб, а, попытавшись одеться, не можешь найти одну или несколько его составляющих. Учтите, все зависит от того, как себя позиционировать! Выбор гардероба и его последующая смена способны серьезно изменить ваш день! Я отказался от дальнейших попыток обзвона знакомых в поисках утраченного и решил надеть белый хлопковый свитер, связанный крупными косами, и голубые джинсы. Выгляжу в этом прикиде как молодой интеллектual. Хорошо еще очки завести. С простыми стеклами.

На чем мы остановились? На тусовке. Поскольку глянцевые монстры в лице «Vogue», «GQ» или «Harper's Bazar» не спешили предложить мне ежемесячную колонку, а американский «Robb Report» почему-то не сделал меня главным редактором российского издания (и это несмотря на мой вкус и тягу к luxury!), путь наименьшего сопротивления привел меня в деловую интернет-газету «Путь», сначала в качестве фрилансера, а затем — ежемесячного обозревателя.

Тусовка стала моей работой. Да-да! Если для многих счастливиц ночные клубные зависания и посещение всех этих открытий/закрываний/презентаций/показов и являются отдыхом, то для меня это стало самой что ни на есть тяжелой работой. А что поделать? Не кочегары мы, не плотники. Признаться, иногда хочется стать топ-менеджером, с рабочим днем с десяти до девятнадцати и неизменными кофе, Интернетом и колонками светской хроники Андрея Миркина, который проводит бессонные ночи и тратит свое здоровье ради того, чтобы каждую неделю держать своих читателей в курсе всех новинок московской жизни. Но я сам выбрал этот путь. Пусть не легкий, зато интересный. Чего уж там — работу свою я люблю и отношусь к ней как к творчеству. Увидите, по моим колонкам ваши дети будут изучать историю России начала XXI века! Я похож на средневекового хрониста. Да что там, я настоящий поэт ночного города! Из моих колонок легко могла бы получиться «Божественная комедия» Дантеса.

Сначала моя колонка была ежемесячной, затем стала выходить два раза в месяц, потом стала еженедельной. У меня появились постоянные читатели, интернет-поклонницы, враги, и, конечно, завистники. Я чувствовал, прямо-таки предвкушал, какие-то грандиозные изменения в своей карьере. Год спустя после знаменитой колонки про ночную жизнь московской золотой молодежи, которая произвела настоящий фурор, меня пригласили НТВ, в программу «Главный герой», посвященную жизни ночного города (продолжительность сюжета семь минут восемнадцать секунд, есть запись), а через день я получил приглашение занять пост ответственного за светскую жизнь Москвы в «Одиозном журнале». Оп-ля! Вчерашний тусовщик, «один из подающих надежды», стал главным по тусовке в одном из самых значимых журналов города! И это в двадцать четыре года! Сам я называю эту должность «гламур-менеджер». В шутку, конечно, хотя заказал себе визитки именно с такой надписью. Ну, для стеба.

«Крышуем банки, сидим в особняке на Таганке». Офис «Одиозного» действительно расположен в особняке. Правда, не на Таганке, а на Пушкинской, что тоже неплохо. Туда-то мы сейчас и отправимся.

Я снова захожу в ванную, причесываюсь, чищу зубы пастой «Lacalut», тщательно вычищаю межзубное пространство нитью, настолько тщательно, что начинает саднить десну. Затем возвращаюсь в комнату, думая о том, поранил десну или нет. Еще не хватало самому себе учинить парадонтоз или кариес десен, или как там это называется, я не доктор. С последней строчкой «Кровостока» выключаю музыкальный центр, хватаю сумку с виниловыми дисками и собираюсь на выход.

*Кровь наполнила рот...
Вот и все,
Приплыли...*

Нет, все-таки саднит, и вообще во рту какой-то солоноватый привкус. Перед тем как покинуть квартиру, снова захожу в ванную и плюю в раковину. Черт! Реально, кровь наполнила рот. Проблемы со здоровьем, особенно видимые, повергают меня в отчаяние. Хочется

немедленно вызвать «03», потому что последствия пореза десны мне неведомы, а если наложить на это мою всегдашнюю мнительность, то перспектива открывается ужасающая. Я собираюсь с силами, достаю мобильный и набираю номер Риты:

— Алле, привет, зайка, у меня тотальная проблема!

— Привет, я в спортзале, на дорожке, не могу разговаривать, осталось пробежать двадцать минут, перезвони!

— Эй-эй, постой, какая, на хрен, дорожка! У меня реально ужасные новости!

— Ты забыл попросить для меня дисконтную карточку в «Подиум»? Ты хочешь сказать, тебе ее не дали?

— Хуже! Я ДЕСНУ ПОРЕЗАЛ! Что мне делать?

— Десну?.. Ну, типа, вызови врача, это может быть серьезно...

— Врача... гм... спасибо...

— Ой, да, Андрюш, а мы сегодня пойдем на фешн-шоу на «Веранду у дачи»?

— Не знаю. Не уверен. Если, типа, выживу.

— Окей. Ну, держи меня в курсе, как там с твоей десной. Я волнуюсь. Перезвоню чуть позже.

Да уж... клубные «девушки-стробоскопы» — не лучшие помощницы в медицинских проблемах. Я набираю Лену. Тут же сбрасываю. Нет, Лена слишком педантична, начнет выяснять детали, симптомы и прочее. Ей я звонить не хочу. Но Лена тут же перезванивает сама:

— Андрей, ты звонил? Я не успела подойти, выходила из кабинета.

— А yeah... Звонил! — (Что за идиотская манера переспрашивать, когда по определителю и так видно, кто звонил!)

— Ты решил отменить совещание?

— Management meeting? Совещание? (Какое, к черту, совещание? Ах, да!) Нет, honey, солнце мое, не отменил. Просто тут... у меня... you know...

— Что-то случилось? — В ее голос звучит преувеличенная тревога. — Ты в порядке?

— Я... как это? Десну... десну порезал!

— Как?! — Лена вскрикивает. — Чем?

— Я порезался, you know... порезал десну (черт, чем я ее мог порезать на работе?)... листом... бумаги... Несся по коридору — в одной руке мобильный, в другой папка, а мне, damn it!.. всунули отчет по продажам. От безысходности я нес его в зубах.

— Бедненький... как собачка, — кажется, она всхлипывает.

— Ooh yeah... Типа того (сама ты, сука, собачка!). Кровь течет... don't you know... ты не знаешь, что в этих случаях делают?

— Ой... это... это может быть опасно! Главное — не пытайся остановить кровь самостоятельно, это может обернуться заражением. Я сейчас позвоню подруге, она врач. Я тебе перезвоню через две секунды!

Положительно ни на кого нельзя положиться! Если бы я описывал эту ситуацию, то написал бы что-то вроде: «В этот момент страдания наполнили меня». Но в этот момент я вспоминаю, как где-то слышал о том, что саднящие десны следует полоскать. Начинаю рыться на полках, пока не нахожу какой-то дерьмовый флакон с жидкостью розоватого цвета и нарисованным зубом. Прочитав на флаконе, что он «дарит морозную свежесть деснам», смело отвинчиваю крышку. Минуты две полощу рот водой с этим мятным раствором, наверняка забытым какой-то девушкой, и десну перестает саднить.

Провожу еще какое-то время перед зеркалом, снова причесываюсь и выхожу из квартиры. Звонит Ленка:

— Андрюш, подруга сказала, что надо прополоскать рот чем-то успокоительным, я записала пару названий, вот...

— Солнце мое, спасибо, honey, я уже прополоскал!

— Чем?

— М-м-м... травой!

— Какой травой? — удивление Ленки возрастает. Как будто только она знает лажовое правило, что рот следует полоскать.

— Да мне тут на reception desk... секретарши дали drug... из аптечки...

— Остановил?

— Кого?

— Кровь!

— А! Yes, I'm okay! Да, все окей. Остановил!

— Хорошо, — Лена удовлетворенно вздыхает. — Ну расскажи, какие еще новости? Ты точно не хочешь пойти на закрытие?

— Хочу, really! Но не могу! Солнце мое, у меня через пять минут meeting... встреча, мне нужно документ распечатать. Drop me a line! Перезвони!

— Ты такой занятой, — канючит Ленка. — Когда мы увидимся?

— Завтра. May be... то есть наверное завтра! Я тебе перезвоню через час, солнце мое.

— Я тебя люблю!

— I love you too! Я тебя обожаю!

СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ АНДРЕЯ М.

*Everybody wants a lover.
Everybody wants a lover like that.
Would you like me to seduce you?
George Michael. Too Funky*

На улице ловлю тачку, называю адрес и запрыгиваю в машину. Пока едем, листаю свой органайзер, параллельно чатаясь в ICQ с секретаршей главреда «Одиозного» Верой, сообщаящей мне последние редакционные новости. В качестве новости дня отмечаю, что верстка нового номера уже началась. У меня еще не сданы ресторанный рейтинг и моя колонка, к половине фотографий «Светской хроники» нет подписей, провисло интервью с ресторатором, и... как-то сложно все, одним словом.

В районе «Белорусской» нас подрезает убитая совковая тачка, «шестерка» или «семерка» или даже, может быть, «Волга», я не разбираюсь, и мы с водителем одновременно начинаем орать:

— Эй ты, смотри, бля, куда едешь! — кричит он.

— Эй ты, смотри, бля, кого везешь! — кричу я ему в ухо.

Водитель разворачивает свое будкообразное лицо ко мне, подъезжает к тротуару, останавливается и медленно говорит:

— Нахуй!

— В смысле? — спрашиваю я.

— Пошел нахуй отсюда рысью, сопляк! Вылезай, пока я тебе нос не сломал!

Я беру под мышку сумку с винилом, вытряхиваюсь из тачки и закрываю дверь. Водила срывается с места, даже не убедившись, отпустил я ручку или нет. Подождав, пока он отъедет довольно далеко, на безопасное для меня расстояние, кричу ему вслед:

— Психопат! Гребаный шизофреник! Тебе лечиться надо! Сходи к психоаналитику! Если тебе, конечно, денег хватит!

Выплеснув негатив, иду вверх по Тверской, рассуждая вслух:

— Стрелять таких надо. Или стерилизовать по принуждению. Расплодились, ублюдки! Хамье непромытое! За спиной два класса и три коридора, а туда же — рога мочить. Бычье! Город свиней и хамов! Спрашивается, куда в «самой читающей стране мира» делись все интеллигентные люди? По кухням небось сидят, водку пьют да правительство ругают. А дети бомбят на улицах и хамят пассажирам. Уроды, одни уроды кругом! Подъехать с пацанами, вытащить из тачки... Набить рожу, да на квартиру еще выставить, чтобы сдох, сука, в своем сарае на колесах!

Дальнейший мой путь сопровождается представлением сцены справедливого возмездия. Три черных BMW шестой серии загоняют моего обидчика в глухой двор, мы с пацанами вылезаем из машин и достаем волыны. Кто-то из наших вытаскивает за шкуру бледного от страха бомбилу. Я подхожу к нему, навожу пушку прямо в лоб и медленно, растягивая слова, цежу сквозь зубы:

— Ну что, падла, сразу тебя кончить, или ты сначала нам отпишешь свою сраную хату в Бескудникове?!

И фоном играет «Каста» — «Про Макса». Причем пушку я направляю на него в тот самый момент, когда из

динамиков звучит, как вы сами понимаете:

*И когда кто-нибудь мочил рога,
он подтягивал своих пацанов и наказывал быка.*

Уже подходя к гостинице «Минск», я размышляю о том, что три шестерки «BMW» не станут гоняться по городу за беспонтовым бомбиллой, обидевшим старшего из клана, хотя бы

потому что последний не ездит на бомбилах. Но сама ситуация очаровывает меня своей уличной красотой, и я представляю, что бомбила вполне мог оказаться дилером, кинувшим братву, например. В любом случае «Каста» все равно очень в тему сюжета.

Тем временем я подхожу к офису и открываю дверь. Здесь, в «Одиозном», я провел уже два года. За это время многое изменилось. Да, за какие-то два года я стал одним из лучших светских обозревателей Москвы. Помимо еженедельной колонки в «Пути» и ежемесячной в «Одиозном», через мои руки прошли тысячи новостей, репортажи об отдыхе трудящихся из Ниццы, Куршевеля и Сент-Морица. Сам я успел дать несколько интервью молодежным журналам, прокомментировать список самых богатых людей России для «Forbes» (комментарий не вошел в номер, отчего он, конечно, потеряли в рейтинге)...

— Привет, красавчик! — (Это та самая Вера, секретарша, моя явная поклонница.) — Выспался? — Она прыскает в ладонь.

— Привет-привет! Я — как Нью-Йорк. Человек-город!

— В смысле?

— В смысле никогда не сплю!

— Миркин, привет! — (Это наша вторая секретарша, Даша, неврастеничка и, кажется, моя тайная поклонница.) — Главный и фоторедактор сказали, что твой новостной блок будет вырезан, потому что фотографии ты до сих пор не отобрал!

— Они не посмеют! — шутливо говорю я. — Фото у меня с собой, сейчас отдам.

Я успел оценить новый альбом «Tiesto», сделать обзор лучших клубов Ибицы, написать про клубную жизнь в Интернете...

— Здорово, Андрюх, когда флешку отдашь? — (Это Денис, наш системный администратор и, как мне кажется, скинхед, но ко мне он относится лучше, чем кто-либо, что особенно важно при просмотре порноресурсов.)

— Привет, привет. Брат, завтра принесу, мне она еще на один день нужна!

— Але, ну сколько можно-то? Месяц уже несешь. Завтра точно будет?

— Брат, точняк. Кстати, клевые у тебя «казаки». Новые купил?

— Это не «казаки», это «гриндерсы», — отвечает Денис обиженно, но все же обрадовавшись комплименту. — Так что с флешкой-то?

— «Гриндерсы»? Ну, все равно, типа, клевые. А сфлешкой... считай, она у тебя, брат. — (Главное в общении с компьютерщиками — вовремя добавить слово «брат». Это располагает.)

Помимо Интернета, мои обзоры в прошедшем году были посвящены самым дорогим мобильным телефонам, самым продаваемым яхтам (я воспользовался похожей статьей в американском «Robb Report») и лучшим московским ресторанам. Рестораны выходят теперь ежемесячным обзором, что, конечно, накладно в плане посещений, зато очень поднимает градус селф-пиара среди владельцев общепита.

— Миркин, ты в курсе, что зарплату в этом месяце не получишь? — (Эта толстая чувиха — наш главный бухгалтер, Оксана Александровна. По ходу, она так же, как Вера и Даша, моя поклонница.)

— С чего это? — с вызовом говорю я. — Я, типа, стал акционером? Почему меня не известили заказным письмом?

— Нет, ты, типа, не отчитался по подотчетным средствам, выданным тебе на прошлой неделе для твоего ресторанного обзора, — передразнивает она.

Я слегка краснею, но быстро справляюсь с собой и, как мне кажется, стальным голосом отвечаю:

— Вы, Оксана Александровна, ставите весь журнал на грань исчезновения. И знаете почему?

— Потому что журнал уже не выдерживает твоих представительских?

— Нет. — Я делаю трагическое лицо. — В свое время журнал «Wallpaper» был создан одним человеком, Тайлером Брюлем. Вы, конечно, о нем не слышали, что обидно, ведь вы работаете в издательском бизнесе. Так вот. Он уволился, когда финансовый менеджер устроил ему скандал из-за счета на такси, оплаченного корпоративной кредиткой. Он уволился, А журнал, конечно, существует, но уже не то... Понимаете, к чему я клоню?

— Понимаю, Миркин, понимаю. Такси у нас не оплачивают, к твоему сожалению. Когда отчитаешься по деньгам?

Я театрально закрываю руками лицо и убегая по коридору. Перед дверью своего кабинета сталкиваюсь с музыкальным обозревателем Геней. Мы договорились написать совместный отчет о выступлении треш-шапито КАЧ. Гена повернут на рэпе, и хорошие отношения с ним нужны мне для того, чтобы однажды он написал грамотный пресс-релиз на выход первого альбома моей группы... Да, не удивляйтесь. Как говорится, талантливые люди талантливы во всем. Не ограничиваясь журналистикой, литературой, ресторанной и разной иного рода критикой, я начал серьезно заниматься музыкальным творчеством. Лирику я писал уже давно. Когда-то это должно было выстрелить во мне, и вот полгода назад я и два моих приятеля собрались, чтобы записать альбом в стиле гангста-рэп (или гангста-трэш, как мы его позиционируем). Я отвечаю за тексты, Антон — за аранжировку, а третий наш товарищ, Ваня, просто читает. Проект назвали «Московский Первый», и наш первый альбом вот-вот вспорет мозги аудитории, подобно хорошему колумбийскому первому. Концепция бренда, философия и название, не говоря уже о продвижении, как вы уже догадались, лежит на мне.

Гена, хотя и педик, известный московский музыкальный обозреватель. Испытывает ли он ко мне симпатию? Хм-м-м... пожалуй да. Но поскольку человек я дружелюбный и общительный, меня это не удивляет. Иногда мы вдвоем ходим на концерты рэп-команд (nothing gay), а с недавнего времени я изредка участвую в его музыкальных обозрениях в журнале.

— Привет, Андрюшка! — кричит он мне. — Где твоя часть обзора?

— Гена, — я отвожу его в сторону и тихо, но внятно говорю: — Послушай. Я же тебя просил не называть меня Андрюшкой. Я ничего не имею против твоей сексуальной ориентации, но ты этим своим «Андрюшкой» меня компрометируешь. Я все-таки имею репутацию... скажем так... ловеласа. А тут ты со своим уменьшительно-ласкательным!

— Да брось, Андрюш. Кого этим удивишь в век унисекса? Тем более ты мелькаешь по журналам в фотоотчетах рядом с такими персонажами, по сравнению с которыми я — натурал! Так как там с твоей частью?

— Будет, будет. Через час. Я, конечно, мелькаю, но ты все равно... это... ну, типа, не перегибай палку... и все такое...

— Чего не перегибать? — радостно заливается Гена.

Не дослушав, я скрываюсь за дверью своего кабинета.

Да, Гена прав: намелькался я за этот год изрядно. Тусовочные фото, фотосессия для журнала «OM light» в образе сутенера, съемки для МТВ в программе «Новые лица», титул «самого многообещающего из поколения двадцатилетних», которым меня наградил один журналист из «МК» (статья, правда, была про московские бордели, наркоторговлю и прочие пороки города, но не в этом суть). Статья «Разбитое сердце Жанны Фриске» в газете «Жизнь» (я там на заднем плане залезаю в чей-то джип, так что можно подумать, будто Жанна плачет в том числе из-за меня).

— Але? — у меня звонит телефон.

— Андрей, ты начал ВТИРАТЬ? — это опять Рита.

— Чего?

— Почему у тебя порезана десна? Ты втирал в десны наркотики? Ты хочешь стать наркоманом?

— Я?! Втирал?! Дура! — Она реально начинает меня бесить, особенно учитывая то, что позавчера она рассказывала, как они «шалили» с подружкой Натусей (сука еще та). Ага. Дома у друзей, таких же, как она, маменькиных сынков и дочек, закидывались экстази перед дискотекой. А я теперь наркоман! — Да я порезался зубной нитью, идиотка!

— Ой... а я уже подумала... Андрей, я...

— Ага, ты, наверное, подумала, почему это я тебя не пригласил «пошалить», да? Или как там вы с этой дурой Натусей называете употребление запрещенных веществ? И вообще, уже час как я истекаю кровью, а она только перезвонила. Это и есть твое «чуть позже?».

— Андрей, не смей разговаривать со мной в таком тоне! — Рита начинает срывать.

— Я вообще не готов с тобой разговаривать. У меня встреча, все, пока.

— Андрей, не вешай трубку, я ведь волнуюсь за тебя!

— Все в порядке, я у доктора, не волнуйся.

— Позвонишь, как освободишься?

— Обязательно. Целую.

— Ты про «Веранду» не забыл?

— Я тебя люблю.

— Я тебя обожаю. Тотально.

— Пока.

— Пока!

После разговора с Ритой опять заболела десна. Черт! Love hurts или как там?

И вот, в двадцать семь, я узнаю о том, что, скорее всего, то есть очень возможно, журнал «GQ» поставит меня на 69-ю позицию в списке самых стильных людей Москвы.

— Bingo! — скажете вы.

— То ли еще будет! — скажу вам я. Снова сплевываю. Теперь уже в салфетку, но крови, слава богу, нет.

Учитывая среднее арифметическое возрастов всех остальных участников (хотя я еще не выяснил, сколько исполнилось Марату Сафину, но, принимая во внимание, что и с Жанной Фриске я ошибся года на три в меньшую сторону, получается около 35) и среднее арифметическое состояний их родителей/спонсоров (здесь еще больше вопросов), получается, что шансы стать гиперпопулярным и мегабогатым у меня еще ого-го. То есть их определенно больше, чем, скажем, у сборной России на победу в чемпионате мира по футболу, но чуть меньше, чем у Билла Гейтса, если он вдруг задумает потратить все свои миллиарды до конца жизни. В любом случае первым, скорее всего, «Грэмми», получу я, а не Тимати. И уж, конечно, не Серега с «Бумером», надеюсь, вы понимаете, о чем я. Иными словами, чего они достигли, все эти люди? Даже не люди, а номера, остальные девяносто девять номеров? На что они почти истратили свою жизнь? У меня, право, нет ответа. Все их деяния настолько незначительны, что мне даже неловко об этом рассуждать.

Реально я, кажется, краснею. У меня такой смущенный вид, хоть фотосессию делай.

Прикиньте: я стою с видом трогательного, смущенного первокурсника. С голым торсом и в рваных джинсах «D&G». Босиком. А в руке — роза. Нет, лучше сигарета. Да, точно, сигарета. А на полу валяется дубленка, как в том клипе у Боно из «U-2». И под фотографией надпись: «"Смущенный Амур": Андрей Миркин в интервью журналу "Vogue" говорит, что до сих пор стесняется, когда знакомится с девушкой!»

Интервью, конечно, должно начинаться моими словами. «Наверное, я не должен вам этого говорить, но я очень надеюсь встретить ту, которой смогу вручить свое сердце на брелоке. Но... у меня пока не очень получается. Как-то сложно все...» И ниже список девушек, которыми Андрей Миркин (то есть я) имел бурные романы в течение последних двух недель. Ха-ха! Я даже название придумал:

АНДРЕЙ М. БЕССПОРНО ТРОГАТЕЛЬНЫЙ. ИНТЕРВЬЮ БЕЗ ПОРНО.

Вот таков вкратце мой жизненный путь, вплоть до сегодняшнего дня. Весь мой опыт (немалый, заметьте), все мои мечты, надежды и guide lines.

Дверь кабинета медленно открывается. Воистину, побыть одному, хотя бы десять минут, мне удастся только на фотографии глянцевого журнала. Да и то мало-реально, учитывая количество рук, его листающих, и количество глаз, рассматривающих мои фотографии. Я разворачиваюсь вместе с креслом к окну, чтобы оказаться спиной к собеседнику. Скорее всего, это кто-то из девочек-секретарш с очередным тупым вопросом. Поскольку они все равно мало чего соображают, единственным достойным собеседником может служить моя спина.

Итак, дверь открывается. Я сижу к ней спиной и медленно, с сигаретой в зубах, произношу:

— Сегодня я еще не готов выслушивать глупости. — Я тоже. Миркин, номер верстается. Где твоя хроника, умник?

На пороге стоит главный редактор «Одиозного журнала»...

— Ко мне зайди, немедленно! Дверь снова закрывается.

Я встаю, приглаживаю волосы, беру со стола пачку каких-то бумаг (моя лирика, выписки из кредитки и какие-то распечатки из Интернета). Со всем этим добром выхожу в коридор, тихонечко стучусь в дверь, делаю трогательное и вместе с тем ответственное (как мне кажется) лицо и врываюсь в кабинет:

— Здравствуйте, Алексей, как у вас дела? — выстреливаю я с порога, не давая ему наброситься на меня. — Понимаете, с некоторыми материалами случилась небольшая заминка. Такой, знаете... как это лучше сказать, когда контракт не может быть выполнен...

— Форс-мажор, — выдыхает Всеславский, вертя в руках пластиковую шахтерскую каску с надписью «Передовик», по слухам, подарок одного из вице-премьеров.

— Ага, круто. Ну, в смысле, точно. Форс-мажор. Я, повторюсь, некоторые материалы не могу сдать в срок по объективным, не зависящим от меня обстоятельствам. Все мы, как вы знаете, зависим от Провидения, и на этот раз воля случая...

— Какие конкретно? Интервью? — Он начинает раздраженно постукивать пальцами по каске.

— Интервью в данный момент находится на подписи у Бухарова. Он должен был прислать мне его сегодня, но почему-то не прислал и...

— Ресторанный рейтинг?

— Оксана Александровна, наш бухгалтер...

— Я в курсе, кто это. И что? Она распорядилась сделать налоговую проверку во всех ресторанах города, и они закрылись?

— Нет, ну... почти так. Она выдала мне средства на посещение новых заведений несколько позднее, и теперь я вынужден дописывать рейтинг, основываясь на впечатлениях друзей, посетивших рестораны, которые я... на которые мне...

— ...не хватило. «Светская хроника»?

— О, тут уже все красиво. Почти все готово, осталось только...

— Фотосессии?

— Алексей, позвольте, ну что мы как в игре «Кто хочет стать миллионером»? Вы мне задаете все более и более сложные вопросы в каждом туре, а оплата за правильные ответы, заметьте, все время одинаковая. Если бы мы были в телевизоре, я бы уже скопил тысяч шестьдесят в виде несгораемой суммы... Я готов...

— Стоп. Не ты. Я. Я готов уволить тебя тотчас же. И только врожденная интеллигентность не позволяет мне назвать тебя кретином и послать ко всем чертям.

— Sorry?.. Вы хотите сказать, что я...

— Я хочу сказать, Миркин, что слишком хорошо к тебе отношусь и позволяю работать в свободном полете надеясь, что зачатки твоего таланта наконец разовьются и разбудят следом твою совесть. А зря. Тебя надобно заставлять работать, как шахтера в забое...

С этими словами он надевает на голову эту самую строительную каску козырьком назад, что делает его положим на рэпера старой школы.

— ...в забое, да. И тогда твои амбиции...

Тут я понимаю, что моя карьера зависит от того, насколько грамотно я сейчас отоврусь, а весь дальнейший ход событий, соответственно, — выиграю ли эту словесную дуэль.

Я на пару секунд отключаюсь и представляю себе, что мы с ним встретились в Нью-Йорке, за зданием заброшенной фабрики. Он — старый глава Восточного клана, типа Notorious B.I.G., а я — молодой глава Западного клана, ну, типа, Тупака Шакура, но симпатичней. С каждым из нас по пятьдесят черных бойцов. Черные джипы, кожа, бейсболки, рваные джинсы, рваные майки. Все на волынах, помповых и прочих девайсах. И он мне реально предъясняет, что я просрочил оплату за партию товара на сутки, и говорит что-то типа: «Ты в курсе, что час опоздания стоит сто штук, или вы там, на Западе, расплачиваетесь щелчками?» А я, молодой и наглый, слушаю его, глядя себе под ноги, курю план и изредка сплевываю, всем своим видом показывая, что его базары мне до фонаря. В какой-то момент я его прерываю улыбаясь и говорю, что, типа, готов платить хоть по мулику за полчаса. Дело не в деньгах. Да-да. Именно так я и говорю: «Не в них сердце, брат. Главное — репутация. Все

зависит оттого, как себя позиционировать». Я откидываю косяк, и в этот момент на крыше фабрики появляются еще полсотни моих пацанов, наставляющих на него ганы. «Наши пацаны поднимают стволы. Для папы остановилось время — встали котлы». И он, конечно, дает заднего и типа говорит мне: «Релакс, чувак, релакс, мы все уладим», и идет к тачке. А я останавливаю его и предлагаю начать читать. Я говорю: «C'mon Biggy, Let's talk a little!», чтобы словесная дуэль выявила сильнейшего. И мы читаем полчаса, час, и в конце он, показывая указательным пальцем левой руки сначала мои цепи, потом на мои рваные штаны, тату и кольца на пальцах, говорит:

— «Но зачатки признания усилили бесплодные амбиции...»

А я делаю паузу и даю финальную фразу, обводя рукой пацанов, стоящих сзади меня и на крыше:

— «Но, уходя за границы стиля, нужно знать, что будет сложно возвратиться».

И тогда мои и его пацаны начинают мне хлопать подпевать «Йоу! Йоу!». И все вокруг начинают брататься, смеяться, обнажая белоснежные зубы (от природы, а не от использования суперотбеливающей новомодной пасты «Lacalut Brilliant»), и он подходит ко мне и говорит что-то вроде:

— Теперь, когда музыка рассудила наш спор, ты победил. Ты молод и дерзок, и теперь я буду называть тебя Братом...

— ...и тогда твои амбиции начинающего гангста-рэпера, возможно, поубавятся, и ты станешь просто хорошим репортером, — заканчивает Алексей.

Я пытаюсь понять, откуда он знает про мою группу, и еще прикидываю, что хорошим репортером быть не хочу, я и так самый лучший. Заодно я понимаю, что нужно срочно что-то сочинить, и начинаю импровизировать:

— Алексей... понимаете... я не хотел говорить об этом, да и не говорил никому. Помните, вы как-то сказали, что хороший журналист должен быть прежде всего хорошим менеджером, чтобы хотя бы научиться правильно администрировать личное время?

— Помню. И что с того? Ты же так и не научился.

— Так вот. Я в прошлом сентябре подал документы, сдал экзамены и поступил на факультет управления СМИ при Кембриджском Университете. Раз в месяц приходится мотаться в Англию, слушать семинары. А тут еще первые экзамены на носу. Хочу MBA получить. Обучение дорогое... занимать я не привык, к папе обращаться гордость не позволяет. Ну я и устроился работать в три компании креативщиком. Слоганы всякие, пресс-релизы, про-моакции придумываю. Вот...

— А что это за факультет управления СМИ?

— Открыли недавно, его еще рекламировать не начали, а конкурс уже ого-го. Мне друг рассказал, у него там, в Лондоне, девушка учится.

— И когда же ты все успеваешь?

— Да выбора нет, Алексей, нет у меня выбора. Журналистика — это мое. Хочу стать в ней профи. И если сейчас не получу дополнительного образования, потом уже не успею. Приходится вертеться. Вы уж меня простите! У меня с сентября все эти залеты со сдачей материалов и начались. Можете меня уволить, конечно. И будете правы. Жаль, я раньше вам все не рассказал.

Надо представить себе лицо Алексея. Он похож на растаявшее мороженое. Слова мои, как видно, пролились на его сердце бальзамом. Весьма неожиданно для меня, признаться.

— Послушай, Андрей! — Он встает, по-отечески обнимает меня за плечи. — Что же ты раньше молчал? Это же совсем другое дело.

— Да неудобно было, — заставляю я себя покраснеть.

— Я вот, когда на журфаке учился... Мы ведь еще и коллеги?

— Да... — еще более робко отвечаю я.

— Так я, когда учился, тоже подрабатывал. Бывало, полмесяца проваландаешься на левых приработках, а сессия уже почти провалена. А что делать? Жить-то надо было. Но успевал как-то, старался.

— Я вот тоже стараюсь, очень даже. Только вот...

— А группа и у меня была. Знаешь, такой панк-рок рубили — мама, не горюй! Типа «Clash». Круто играли, круто.

— О! Я как раз хочу рэп с панк-роком скрестить, вы что думаете?

— Думаю жестко должно получиться. В свое время... Н-да. Ладно, Андрей, это меняет дело. Я, признаться, начал уже в тебе разочаровываться. Даю тебе время до пятницы. В пятницу — будь добр.

— Мне сегодня до вечера хватит!

— Не надо фанатизма. В пятницу. Все, давай, иди творить, брат по перу.

Я закрываю дверь и поднимаю вверх кулак. Yes! Он все-таки назвал меня братом!

Теперь, когда отсрочка получена, стоит заняться делами. Поскольку интервью еще не запланировано, и не факт, что оно вообще состоится (тьфу-тьфу), поскольку ресторанный рейтинг занимает минут десять (если с кофе), самое время заняться обзором светской хроники. Я решаю написать на работе обзор, свою авторскую колонку для «Пути», а затем съездить к владельцу «Ностальжи» Игорю Бухарову и попутно заняться легким шопингом / разведкой боем в ЦУМе. Да. И еще пойти в солярий. Круто? Главное, как уже говорилось выше, правильно планировать личное время! Осталась одна загвоздка — подписи к фотографиям. И урегулирование финансового вопроса с Мариной...

Я выхожу, чтобы налить себе кофе, и слышу голос секретарши Даши:

— Что, Миркин, невеселый такой? Сняли с тебя скальп у главреда?

Мое презрение к Даше в этот момент таково, что я готов ответить ей спиной, и только особенности физиологии человека мешают мне это сделать. Я разворачиваюсь, подхожу к ней и как можно громче говорю:

— Даша, я могу тебя уничтожить прямо на месте. И даже не левым пальцем правой ноги, как ты могла бы подумать. Я раздавлю тебя весом собственного интеллектуального багажа...

Пока она собирается с мыслями, чтобы сначала осознать услышанное, а потом придумать ответ, я уже сижу в своем кабинете и набираю номер фотографа Марины. С баблом, конечно, неудобно получилось. Что ж ей прогнать-то? Потерял? Ага, точно... Забыл дома? «Твои проблемы», — скажет это бесчувственное животное. Я представляю себе Марину, вечно одетую в жесткое кожаное мини и рваную джинсовку. Она стоит, перепоясанная ремнями фотоаппаратов, как Анка-пулеметчица; в одной руке сигарета, в другой телефон. Короткие волосы покрашены фиолетово-зеленовато-огненным цветом. Взгляд отсутствующий. Губы сжаты. Она разлепляет их, чтобы сказать: «Твои проблемы, чувак!» — Реально, больше от нее ничего ожидать.

— Да, — хрипло отвечает Марина.

— Как дела, звезда европейской фотографии? — Я стараюсь выглядеть (точнее, звучать) как можно более учтивым.

— Хреново, — еще более хрипло отвечает она. — Когда приедешь?

— Зачем?

— За фотографиями, — кашляет Марина.

— Постой-постой, а, типа, у меня нет другой возможности их получить? Электронной почтой там или еще чем?

— Без мазы. У меня Интернет не работает. Деньги кончились.

— Марина, ты меня убиваешь. — В этот раз кашляю я. — Какого черта ты круглыми сутками щелкаешь затвором фотоаппарата, если у тебя даже на оплату Интернета не нащелкивается?

— Послушай, милый мальчик! Не забывай, я фрилансер. Это ты зарплату получаешь за ежедневное безделье, а я деньги зарабатываю путем сотрудничества с разными изданиями. Я снимала вечеринки, которые ты попросил посетить, чтобы позавчера ты приехал, забрал диск и отдал мне деньги за съемку, которые тебе выдали в редакции. А пока я щелкала камерой, ты, как всегда, все прощелкал и не приехал. Так что выкручивайся теперь сам. Кстати, что с деньгами?

— Послушай-послушай, ты вот так вот сейчас не можешь меня подставить. Я завтра, до вечера, должен сдать эти «зверинцы», понимаешь? Деньги я тебе, конечно, отдам. Завтра... ну, в смысле послезавтра...

— Опять все просрал по клубам и распродажам?

— Да нет, понимаешь, тут такие неприятности были...

— У тебя каждый раз неприятности, когда речь заходит о чужих деньгах. Кошелек украл? Как в прошлый раз? — Марина раздражается клокочущим смехом.

— Не смешно, — я начинаю злиться от бестактного напоминания о давно забытой истории. — Я начал снимать из банкомата... и он не сработал... ну... короче... не выдал мне ничего.

— Какой банкомат?! Тебе же кэшем выдают в редакции для оплаты съёмок!

— М-м-м... ну... нуда... кэшем. Вот я и говорю. Мне нужны были деньги, а банкомат меня подставил, и я вынужден был отдать твой кэш, а потом у меня еще была одна заморочка и... одним словом, как-то сложно все было...

— Андрей, ты когда-нибудь научишься ответственно тратить деньги? Мне кажется, тебе нужно выдавать зарплату сразу бухлом, куревом, шмотками и наркотой. Да, и еще купонами на обеды в ресторанах, с четким указанием адреса и даты. А то ты у нас мальчик инфантильный, перепутаешь дни недели и умрешь с голоду.

— Слушай, ты, стерва! — Я начинаю заводиться. — Какого черта ты тут начинаешь мораль читать и учить меня, как тратить деньги? Я без твоих соплей знаю, куда и на что тратить свое бабло, ты лучше с фотами подумай чего делать!

— Мое, Андрюша!

— Не называй меня Андрюшей, ты игуана в кожаной юбке! Что значит «мое»?

— Мое бабло.

— А... ну... типа да, прости, твое, конечно.

— Бог простит. Или главред. Найдешь бабки, звони. Истерик малолетний.

И она вешает трубку! Представляете? Эта тварь, которая и фотограф-то, признаться, никакой, берет и вешает трубку! И это в то время, когда я стою на краю пропасти и deadline до сдачи номера вполне может оказаться deadline'ом до даты моего увольнения! Подстава с ее стороны полнейшая. Делать нечего, придется занимать деньги и тащиться к ней на другой конец Москвы. Идиотизм. День, так тщательно спланированный, катится ко всем чертям из-за одной алчной неврастенички, вообразившей себя Хербом Ритцем. И все из-за каких-то пары сотен долларов! Что поделать, мир несовершенен...

Я проверяю почту. Лихорадочно кликаю мышью, стирая спам. С понедельника жду письма от Пашки Алферова, менеджера «Polygram Records», которому еще в прошлую среду отдал наш диск с надеждой на то, что он поможет с контрактом. Шестьдесят писем. Viagra, Cialis... low prices. Luxury Watches at very low price. Enlarge your penis, снова Luxury Watches, «Сдается помещение в аренду, г. Одесса», еще раз Cialis, опять penis. Такое впечатление, что это мейл какой-то порнозвезды. Судя по заголовкам, я только и делаю, что трахаюсь, а в перерывах увеличиваю член и покупаю дорогие часы. Да, и еще снимаю помещения в Одессе. Ни одного письма по делу. «Тренинг по тайм-менеджменту» — это что еще за херня такая? NEW! Nasty schoolgirls at Rastynat.com! Wild and horny babies/cum shot/ — стоп, стоп, это как раз по делу, только сейчас времени нет. Письма от Алферова тоже нет. Реально, я не понимаю его позиции. К нему в руки попала бомба. Абсолютный хит! Новая волна русского гангста-рэпа. Любой продюсер перезвонил бы через десять минут после получения диска. Любой, но только не наши безмозглые лентяи, которые больше недели пребывают в ступоре. Может, уехал? Проверю еще вечером, а завтра позвоню. А сейчас нужно включить голову и подумать, как расписать свои маршруты в связи с незапланированной поездкой к Марине. Да, и еще: где бы денег найти на оплату ее работы? Планы, планы, одни планы в голове...

Я сворачиваю Outlook и захожу в Интернет по ссылке www.rastynat.com. Tons of absolutely free porn. Members Area — приветливо мигает баннер...

МАСКВА!

*Я хотел бы жить и умереть в Париже,
Если б не было проблем с шенгенской визой.*
© А. С. Миркин

Утомленный часовым шопингом, совершенно беспонтовым ввиду отсутствия покупок и постоянной ругани с некомпетентными продавцами, сижу на первом этаже ГУМа в «Bosco Safe», пью порядком остывший латте, рассматриваю посетителей и вдыхаю витающие вокруг ароматы. От торговых рядов пахнет стеллажами с новой одеждой, распродажами и достатком, со стороны Кремля веет кожей, которой обтягивают сиденья представительских лимузинов, кожаными папками и военной формой, в кафе пахнет парфюмом с цитрусовыми нотками, каким-то похотливым ферментом и алкоголем. И надо всем этим доминирует ГЛАВНЫЙ запах. Он везде: у барной стойки, в складках скатертей на столах, в волосах сидящих здесь девушек, в папках меню. Им пахнут официанты, посетители и праздношатающиеся гости столицы. Это запах свежееотпечатанных стодолларовых купюр. Здесь повсюду пахнет деньгами! Масква! В этот час здесь сидят только иностранные менеджеры, одетые преимущественно в голубые рубашки с запонками и костюмы блекло-синих тонов и отшопинговавшие телочки на содержании. Менеджеры в основном без галстуков, с легким загаром и в очках в тонких металлических оправках. Пиджаки сняты и висят на спинках кресел. Из их уст слышится: «хорошие перспективы», «город невероятно изменился», «рост экономики» и «отличные финансовые результаты». Телочки в основном с легким тюнингом, в босоножках на тонкой подошве и кричащих полупрозрачных нарядах. Кричащих не о том, что стоимость наряда превышает пятерку, а о том, что стоимость пластики под ним давно превысила десятку. С губ прелестниц слетают: «хороший промежуточный вариант», «в жестком поиске», «цены неподъемные» и «зато денег стал давать нормально». Персонажи обеих групп изредка переглядываются. Девушки, стрельнув глазами в сторону какого-нибудь менеджера, тут же насмешливо переводят взгляд, быстро скалькулировав в уме его годовой доход. Мужчины чуть дольше разглядывают девицу, но затем также отворачиваются, пересчитав пакеты с покупками, сваленные у ног, и скалькулировав годовое содержание модницы. И все это происходит на фоне Кремлевской стены, высящейся за окнами кафе. Кажется, она тоже наблюдает за происходящим и усмехается, чуть сдвинув на затылок рубиновую звезду Спасской башни. Вот это я и называю «тоталитарный гламур»...

Я говорю по телефону с Ритой, отказываюсь ехать на «Веранду» по причине встречи с инвесторами клуба (хе-хе), затем с Леной, которой также не удастся склонить меня к совместному походу на закрытие фестиваля (ссылаюсь на менеджмент-митинг), пару раз звонят из редакции (бухгалтерия и Вера), потом какие-то знакомые, потом идиотка Жанна все с тем же гребаным рассказом про своего братца-наркомана, а корову Катю, не прошедшую кастинг, я просто игнорирую. Должны же у меня быть выходные, правда, девушки? Последний звонок делаю Марине с обещанием быть у нее через час, выслушиваю ее едкое «час назад уже было через час», и телефон отключается...

— Молодой человек! — Я подзываю официанта.

— Да? — К моему столу, виляя бедрами, подходит худой бледнолицый юноша с тщательно уложенными гелем волосами и, кажется, подведенными глазами. Не в смысле латентный педик, а в смысле «просто пока еще не встретил хорошего парня».

— У вас есть зарядка для телефона? — я небрежно дотрагиваюсь до лежащего передо мной черного Nokia 8800.

— Вы знаете, нет, — вкрадчивым томным голосом отвечает мне эта хабалка. — К сожалению, у нас пока нет зарядки для Nokia Sirocco Edition.

— Это не «Сирокко», — раздраженно говорю я, — Это 8800.

— Да? — разочарованно вопрошает он, глядя на мой телефон. — 8800? Ща посмотрю.

Удивительно, но томность напрочь исчезает. Последнюю фразу он говорит голосом химкинского таксиста, разворачивается и уходит.

«Лох», — читается в складках на его спине.

«Сам-то ты на "Сирокко" когда задницей заработаешь?» — посылаю я в спину испепеляющий взгляд. Что характерно, наличие слегка подведенных глаз не делает провинциальную хабалку геем. Так же, как отсутствие «Сирокко эдишн» не превращает утонченного эстета в вульгарного модника. Все зависит оттого, как себя позиционировать. Но чувак не знает этого правила, поэтому и работает официантом. Наверняка еще и с мизерными чаевыми. Скажите, кто будет давать хорошие чаевые хабалке?

Минут через десять он снова подходит к моему столику.

— Зарядиться можно вон там. — Он кивает головой в сторону барной стойки. — Давайте ваш телефон.

— Хорошо, я сейчас туда сам подойду.

— Еще латте? — насмешливо спрашивает эта гнида.

— Спасибо. Посчитайте, — я кидаю ему кредитку, встаю и двигаю в сторону бара. Еще не хватало, чтобы я всякой пятидесятирублевой хабалке свой телефон в руки давал.

Минут пятнадцать читаю «Коммерсантъ». Пробегаю деловые полосы, мажу глазами по политике, внимательно читаю культуру и котировки. «Кто владеет информацией — владеет миром». Закончив с газетой, подваливаю к стойке, забираю телефон и возвращаюсь за столик. Рядом уже топчется хабалка.

— У вас карточка не проходит, — растягивая слова и глубокомысленно глядя на меня, выговаривает официант.

— Не может быть. Это «золотой» MASTER. У вас что-то с системой! — возмущаюсь я.

— Возможно, — соглашается он, — но ничего не получается. Я два раза пробовал.

— Тоже мне, заведение! Находитесь на Красной площади, а карточки не проходят. Интересно, как вы с иностранцами-то работаете?

Официант пожимает плечами, отворачивается к окну и замирает в ожидании.

Как же она не проходит-то? На ней вчера оставалась тысяча рублей. Или даже полторы! Понастроили гламурных ресторанов, а банковский сервис как был говном, так и остался. Как-то сложно все... Мне становится жутко неловко. Ладно бы это случилось с другим официантом, но рыться по карманам в поисках мелочи в присутствии этой хабалки мне совсем не комильфо. Я извлекаю из кошелька мятые десятирублевки, один полтинник и... и все. Кажется, я краснею. Хабалка косится на меня с довольным видом. Тварь какая! Я встаю, залезаю в задние карманы джинсов и в одном из них обнаруживаю сложенную в несколько раз купюру. Медленно достаю ее, опускаю глаза, и... справедливость торжествует! Это сотенная. Забрав со стола десятирублевки, я встаю и, не прощаясь, иду к выходу. Кажется, официант хмыкает.

Как только я включил телефон, первой позвонила Галина. Секретарша so called ресторатора Исаева, у которого я несколько недель назад, в момент жестокого финансового кризиса, взял триста долларов США, пообещав взамен включить его кафе для лохов «Окно» (идиотское название) в рейтинг «Городские кафе» на сайте «Путь.ру». Просил пятьсот, но моя всегдашняя доброжелательность к людям плюс его торгашеские прихваты свели сделку к тремстам. Правда, я пару раз после этого бухал у него с друзьями на халяву — то на то и получилось. Интересно, чего она хочет? Рейтинг вышел еще в понедельник.

— Да, — предельно серьезно начинаю разговор.

— Андрей? Это Галина, помощник Бориса Анатольевича.

— Я вас узнал по голосу (помощник, бу-га-га, в чем ты ему помогаешь-то?).

— Андрей, Борис Анатольевич очень хотел бы с вами встретиться на этой неделе.

— На предмет?

— На предмет э-э-э... нашего сотрудничества.

— А что не так-то? Рейтинг в понедельник вышел, там все есть! (Меня раздражают пустые встречи с идиотами.)

— Все в порядке, но он хотел бы встретиться. Когда вам удобно?

— Мне не совсем удобно на этой неделе. (Мне вообще с вами неудобно встречаться, как любому воспитанному человеку.)

— Может быть, выкроите минутку? — Галина начинает отвратительно лебезить.

— Я не уверен. (Хотя... чего б не пообедать у него на пару с Риткой? Место лажовое, правда. Скажу ей, что мне предлагают в этой помойке долю за раскрутку.) А давайте завтра, часа в три! Исаеву удобно?

— Борис Анатольевич все время на месте, — удовлетворенно заключает Галина.

— (Еще бы он был не все время. Чего ему еще-то делать, бездарю?) Вот и отлично!

Поговорив с Галей, решаю, куда поехать. К Марине ехать без мазы — денег для нее все равно нет. Стрельнуть бабла у друзей? Сомнительно. У кого-то на работе? Херово для имиджа. Остается одно — начать дербанить полученную неделю назад в «Citibank» кредитку Master Gold. В конце месяца перекручусь. Жалко, конечно, у меня были на нее другие планы, однако ничего не поделаешь. К Маринке я сегодня все равно не поеду, настроение уже не то. Да и есть дела поважнее. Например, договориться об интервью с Бухаровым, не опоздать на встречу с друзьями в «Sungate» на Тверской. Выспаться наконец. Впрочем, последнее — лишь фантазия. При моем-то ритме жизни...

В тот момент, когда я тяну на себя входную дверь ресторана «Ностальжи», мое внимание привлекает телка, сидящая в кафе киноцентра «Ролан». Рыжая, в ультракороткой юбке, с хорошими ногами и красиво очерченной грудью. Она сидит вполоборота ко мне так, что лица полностью не видно. Я открываю дверь, смотрю на нее и думаю, чем бы привлечь ее внимание, чтобы она обернулась. Из полуоткрытой двери выплескивается наружу «It's a wonderful world» в исполнении Луи Армстронга. Инстинктивно делаю шаг вперед, на звуки музыки, так сказать, и врезаюсь в человека. Повернув голову, обнаруживаю, что столкнулся с владельцем «Zeppelin Production» и совладельцем клуба «The Most» Жорой Петрушиным. Под мышкой у него газеты и какие-то бумаги, к уху прижат мобильник, он громко обсуждает какое-то мероприятие, одновременно пытается не глядя открыть дверь и не уронить на пол бумаги. В момент нашего столкновения с его головы срываются и падают темные очки (похоже, «Ray Ban Wraparound»). Очки падают медленно, кажется, целую минуту. Мы оба следим за их движением, а я думаю о том, что две недели назад отдал Жоре демоверсию первого альбома моей группы с подробными комментариями, хорошей устной презентацией и даже набросками обложки в надежде на то, что он непременно спродюсирует и издаст. И сейчас, когда очки стремительно приближаются к полу, мои шансы быть спродюсированным Петрушиным стремительно приближаются к минус 500. Я в ужасе гляжу на очки, которые уже почти касаются пола, и понимаю, что Жора тоже смотрит на них, ожидая, что стекла очков через секунду разлетятся вдребезги, и все это не предвещает ничего хорошего, а Луи Армстронг, тем не менее продолжает петь «It's a wonderful world». Когда моя так и не начавшаяся музыкальная карьера готовится разлететься к чертям вслед за очками, а память неистово прокручивает фамилии иных влиятельных персон шоу-бизнеса, КОТОРЫЕ МОГЛИ БЫ ПОМОЧЬ, Жора восклицает:

— Черт!

— Черт! — вскрикиваю я вслед за ним, складываюсь пополам и каким-то невероятным движением подхватываю его очки (все-таки «Ray Ban Wraparound») у самого пола.

— Ну, ты ниндзя! — говорит Жора.

Армстронг заканчивает петь, а рыжая телка поворачивается, привлеченная нашими вскриками. Лицо у нее абсолютно уродское. Не то что ноги...

— У-у-ф, — выдыхаю я, возвращая очки Жоре.

— Чуть не убил, — усмехается он, водружая их на место.

— Да я на телку засмотрелся, — оправдываюсь я и запинаясь.

— На эту? — Жора недоуменно смотрит на рыжую, потом на меня.

— Не. — Я зачем-то лезу в сумку, нащупываю свои очки и достаю их. — На блондинку. Она... она в туалет пошла.

— Ясно. Ну, ладно. Как дела-то в целом?

— Да ничего, все хорошо. Дела идут.

— Отлично. Ладно, брат, я побежал, на встречу опаздываю. — Жора протягивает мне руку.

— Жор, слушай, — я жму руку. — Дозвониться до тебя не могу. Хотел спросить, как тебе наш диск?

— Не понял,— Жора выдергивает свою руку из моей. — Какой диск?

— Ну, тот альбом, что я тебе давал. Демоверсия. Помнишь, я говорил, что там некоторые шероховатости, но мы уже скоро собираемся на доработку и сведение в Лос-Анджелес, а тексты...

— Ах, да, — обрывает он меня, когда я уже собрался рассказать, кто из американских гангста-рэпперов будет принимать участие в записи. — Вспомнил, с таким еще смешным названием, «Московский номер» или что-то в этом роде...

— «Московский Первый», чувак, «Московский Первый». Чуешь, чем пахнет? — Я надеваю очки. — Название в десятку, я тебе говорю, мы реально взорвем аудиторию.

— Именно. Короче говоря, этот ваш первый... Знаешь, мне показалось, очень по-детски. Для нашего лейбла не прокатит. Слишком примитивно, что ли... Рифмы корявые, звук какой-то левый...

— Послушай-послушай, ну я же тебе объяснял, что мы играем в новом стиле. Сейчас это очень актуально... Такой, понимаешь... такой гангста-трэш.

— Гангста кто?

— Трэш. Трэш — это то, что сейчас реально покатит, я кожей чувствую. Врубись, был гламур, но гламур сейчас в полном отстое. Сейчас модно все рваное, грязное, отстойное, мат, подворотни...

— Что-то я путаюсь. Гламур отстоен, а отстой моден. Но если отстой моден, а гламур сам по себе и есть отстой, то получается... Туфталогия какая-то получается. — Жора выходит из ресторана. У него звонит телефон. — Я перезвоню, — отвечает он и делает еще один шаг вперед.

— Fuck...— Я двигаюсь вслед за ним.— Ну как ты не понимаешь! Гламур — это когда клубы, дорогое бухло, кокос, ухоженные телки. Это уже демоде. А тут другое. Реально, совсем другое. Немытые патлы, винт, бейсбольные биты, девяностые...

— А тебе в девяностых-то сколько было? Ты же родной брат Олимпиады-80, или я на пару лет ошибся?

— На самом деле это не важно. Сердцем я там. Что, обязательно быть неврубным старпером тысяча девятьсот затертого года рождения для того, чтобы писать про ту эпоху? Где отстойные небритые чуваки с улицы, на дорогих тачках, которые по итогу трахают всех этих ухоженных девиц? Это... это как глоток воздуха посреди душного мегаполиса. — Я подбираю слова, которые должны бахнуть по его сознанию наотмашь. — Это как незащищенный секс в мире, где свирепствует СПИД, опасный, как бритва, острый, как нож гопника, и все такое...

— Андрей, как дорогие тачки у тебя вяжутся с отстоем? И потом...

— Ну... это как один из вариантов. Ты не за то хватаешься, это совсем не главное. Дорогие тачки — один из вариантов. Понимаешь, это напоминает гангста-стили Нью-Йорка и Лос-Анджелеса. Все поют про одно и то же, но с вариациями.

У него снова звонит чертов телефон. «Да-да, уже выехал»,— отвечает Жора и отключается. Теперь он уже не уходит, а напротив, разворачивается ко мне и, пристально глядя в глаза, говорит:

— Андрюх, я к тебе очень хорошо отношусь, но это напоминает картинку, как собрались бы малолетки, выпили водки и в один микрофон, перебивая друг друга, начитали ломающимися голосами кривые тексты про зону, где они никогда не были. Сплошной мат, мусора, мобилы, бэхи и прочие фетиши мира, в который они стремятся. Бред, в общем. Знаешь, если тебе нравится, то читай свой трэшер-рэп...

— Гангста-трэш, Жора, гангста-трэш. Ради всего святого, не путайся в терминах, это основа любой идеологии!

— В общем, ты его читай, свой трэш, дома, и не показывай никому, кроме друзей. Никто это не издаст. Слишком наивно и непрофессионально звучит. Все, побегу дальше...

— Послушай, ты не можешь так со мной разговаривать, окей? — Я делаю последнюю попытку вернуть ситуацию под контроль и заставить его послушать еще раз. — Я не какой-нибудь там Тимати, я знаю улицу. Я вырос на улице. Ты просто вдумайся в эти строки, брат:

*Четыре утра, Тверская,
Над канализационными люками пар.
Мокрая от крови рубашка.
Я достаю «макар»,
Слабеющей правой
Навожу на мента,
Соттон, Москва, я не сдался,
Братки потеряли кента.*

Признайся, старичок, не очень-то внимательно ты и слушал, да? Я понимаю, времени не хватило, прокрутил пару первых треков в машине, звонили на трубку, отвлекали тебя. Да? Ты еще раз прослушай, окей? Потом сам будешь меня благодарить, что я не дал себе уйти от тебя к другому продюсеру...

— Андрей, я слушал внимательно, и знаешь что?

— Что?

— В Москве над канализационными люками нет ни пара, ни дыма. Дым над канализацией присутствует в Нью-Йорке, американских боевиках и клипах Майкла Джексона. А в Москве люки закрыты. Да и нож гопника, сдается мне, ты из детской коляски видал...

— И что? Ну, допустим, маленькая неточность, но не в люках суть. Не в них сердце, брат...

— Весь твой ужасно написанный альбом — одна большая неточность. Это плохой альбом, Андрей. Читай по слогам: ПЛО-ХОЙ. Все. Я пошел.

Он хлопает меня по плечу и валит прочь.

— Я тебе позвоню завтра! — кричу я ему в спину. — Кстати, ты будешь в пятницу в «Дягилеве»? Там «Империя» устраивает отличную вечеринку!

Жора оборачивается и смотрит на меня как на полоумного. Потом пожимает плечами и выходит из кафе. Видимо, он не в настроении. Или водка «Империя» не спонсирует его мероприятия.

— Жор, а можно мне четыре пригласительных на открытие «Моста»?

Петрушин в последний раз оборачивается и показывает жестом, чтобы я позвонил.

— Окей, брат, — произношу я одними губами.

Следующие двадцать минут я провожу в безуспешной осаде помощницы Бухарова. Все мои аргументы на тему, что интервью с ним мне необходимо сделать в ближайшие два дня, на нее не действуют.

— Девушка из вашего журнала договаривалась об интервью с Игорем Олеговичем неделю назад, — справедливо замечает помощница. — Но от вас так никто и не приехал.

На прошлой неделе как-то сложно все было... Это в кино люди ходят по расписанию, а журналисты работают согласно творческим порывам. Знаешь ли ты это, бесчувственная табуретка? Сказать тебе, что я сломал ногу? Меня сбила машина? Что на тебя может подействовать? Вообще, чего я тут перед тобой оправдываюсь?

— Знаете, я на прошлой неделе не мог... я попал в больницу, — говорю я, опустив глаза. — А мне срочно нужно сделать это интервью, понимаете? Меня же уволят...

— Да? — Она недоверчиво и вместе с тем злорадно, чувствуя, что держит в своих руках чужую судьбу, говорит: — Даже не знаю. Я попробую поговорить с Бухаровым. Вы мне вечером позвоните...

И в тот момент, когда мне уже захотелось опустить ей на голову пепельницу, в ресторан входит коротко стриженный мужик в тенниске и расклешенных брюках, и эта властительница чужих судеб, эта хозяйка медной дыры, вскакивает с места:

— Здравствуйте, Игорь Олегович!

Я не даю ей продолжить, срываюсь со стула, подбегаю к ее хозяину и выпаливаю скороговоркой:

— Здравствуйте, господин Бухаров, я — Андрей Миркин из «Одиозного журнала», мы с вами назначали интервью, и я...

— Они назначали на прошлой неделе и не приехали.

Игорь Олегович, — шипит помощница, — а сейчас я говорю ему, что у вас плотное расписание.

— «Гламурный Журнал», да, помню, — говорит Бухаров, продолжая двигаться к бару. — На прошлой неделе была назначена встреча. А чего не приехали-то?

— «Одиозный»... я... Игорь Олегович... понимаете, такие обстоятельства были, что я...

— Проебал, что ли? — обезоруживающе говорит он смеясь.

— Ну... в общем да. А материал нужно сдать до пятницы, — выдыхаю я, обескураженный таким неожиданным поворотом.

— Вот вы, журналисты! В пятницу сдавать, а он только сегодня проснулся. Ты посмотри на него! Ты как тот студент с китайским языком. — Он останавливается и смотрит на меня, чуть прищурившись.

— Ну, типа того, — киваю я, чувствуя, как пылают щеки. Первый раз лет за пять, наверное.

— Значит так. Завтра в половине шестого приезжай, только без опозданий. У меня будет час времени.

— Спасибо, Игорь Олегович! — честно говоря, я и не верил, что такие удачи случаются.

— Все, договорились! — Он проходит за барную стойку и начинает говорить с барменом. А я стою как идиот и не знаю, чем закончить встречу. В итоге не нахожу ничего лучшего, чем выдать из себя:

— Приятно было познакомиться! Он оборачивается и кивает.

— Счастливо, Игорь Олегович!

— Счастливо. В попе слива, — хмыкает он. Я сгребаю со стула сумку и отваливаю.

Выйдя из «Ностальжи», я думаю перейти дорогу и зайти в «Шатер», плавучее летнее кафе, тоже Бухаровское, но, увидев поток машин, оголтело несущихся по бульвару, сворачиваю налево и иду к метро. Метров через сто вижу впереди длинноногую шатенку, увлеченно разговаривающую по телефону. Ускорив шаг, приближаюсь, любуюсь стройными ногами, тонкими щиколотками, коротким платьем и внезапно решаю, что если сегодня так прет, необходимо использовать этот день по максимуму. Встретить в таком месте молодую телочку, причем в одиночестве, — большая удача. Я вообще начинаю верить в то, что всех симпатичных девчонок уже лет с пятнадцати ставят на карандаш скауты олигархов или московские сутенеры. Только семнадцать исполнится — бах, она уже занята. Ты думаешь, не повезло, а это просто такая система.

Я достаю два пригласительных на прошедшую вечеринку, посвященную концерту Джорджа Майкла в Москве (самого певца там, ясное дело, не было) и, дождавшись, пока она закончит говорить, почти поравнявшись с нею, громко ее окликаю:

— Девушка, девушка, постойте, вы уронили!

— Вы это мне? — она оборачивается. Огромные карие глаза, удивленный взгляд, пухлые губы, волосы забраны в пучок — молодая студентка, мечта начинающего посетителя порносайтов. Но если там студенток в основном играют тридцатилетние порноактрисы, то в данном случае все без подстав. Ей действительно лет девятнадцать-двадцать, свежая кожа, никаких морщин в уголках глаз, а главное — глаза. Да-да, основное отличие тридцатилетних порномоделей от настоящих студенток — не состояние тела, а взгляд. Такого чистого, неиспорченного взора не бывает ни у Чейси Лейн, ни у Памелы Андерсон, вы уж поверьте мне, как старому фанату Магма. Такой взгляд бывает только у студенток третьего-четвертого курса, приехавших в Москву грызть гранит науки из Саратова, Ростова, Новосибирска или Самары. К пятому курсу, после упражнений с гранитом, они отрачивают огромные клыки, заодно утрачивая обворожительную восторженность в глазах.

— Вы это мне говорите? — повторяет она.

— Да, конечно! — Я протягиваю ей пригласительные. — Это же у вас выпало!

Она берет пригласительные, наверняка успеет прочесть написанное крупными буквами «эсклюзивное pre-party единственного концерта Джорджа Майкла», и тут же, словно обжегшись, возвращает мне:

— Это не мое, вы ошиблись. Но не отворачивается.

— Я знаю, что не ваше, — говорю я, понуро опустив голову. (Конечно не твое. Кто бы тебе дал пригласительный на закрытую вечеринку с Джорджем Майклом? Учитель физики, что ли?)

— На самом деле это мои пригласительные. Просто я решил вот так познакомиться с красивой девушкой.

— Оригинальный способ, — кокетничает она.

— Вообще-то дурацкий, — оправдываюсь я. — Пригласительные-то у меня есть, а девушки нет. Я за вами иду целый квартал.

— Правда? А я пять минут назад вылезла из трамвая. — Она хмурит брови.

— У-у-у-пс, — замешкавшись на секунду, я реагирую молниеносно и беспронимательно. — Странно. Значит, мне показалось, что я шел за вами целый квартал. Это было как в сказке. Я шел и смотрел вам в спину...

— Невероятно. Неужели такое бывает? — Она делает паузу, видимо, решая, продолжать разговор или нет.

— Знаете, я и сам думал, что такое бывает только в кино: раз — и влюбился. Я, наверное, мог бы за вами до Питера дойти. — Пока она скользит по мне взглядом, я не даю ей опомниться. — Меня зовут Андрей, я историк в прошлом, немного журналист в настоящем и еще чуть-чуть музыкант в будущем.

— Журналист, музыкант, аспирант. — Она улыбается и тут же выдает пошлейшую фразу: — Просто праздник какой-то.

— Да-да. Только ради ваших глаз. А как зовут их обладательницу?

— Меня? Катя!

В целом все получается не совсем так, как я себе представлял. Скорее, это напоминает сцену ухаживаний Броневого за Догилевой в «Покровских воротах». Тем не менее...

— Катя. У вас великолепное имя. Как у Екатерины Медичи или Екатерины Великой. — Я зачем-то выдавливаю весь свой хилый исторический багаж, но понимая, что он слегка не в тему, вовремя переключаюсь. — Представь, у меня только одна знакомая с именем Катя, Катрин Весна, диджей. Представляешь? За все двадцать пять лет (Чего это ты молодишься, придурок?) я не встретил ни одной Кати. Это судьба?

— Мы уже перешли на «ты»? — Девушка выдает «мнимую интеллигенцию». — Ты такой шустрый, это просто потрясающе!

— Не могу тормозить, зайка. Боюсь не успеть за знаком судьбы, и все такое. — Я возвращаюсь к своей привычной манере. «Как хороший микс, свелась история...»

— А ты тоже диджей? — спрашивает она заинтересованно и слегка выпячивает нижнюю губу. Боже, какие у нее губы!

— Возюкать пластинки? — презрительно говорю я. — Это не для меня. Я поэт. Хип-хоп, гангста-трэш. Я фронт-мен группы «Московский Первый», слышала такую?

— Не-а.

— Мы мало выступаем. В основном закрытые вечеринки. Или для своих. Не хочется тиражировать искусство и переводить все в бизнес. Мне его и в жизни хватает.

— Серьезная работа, — снова смеется она. — С утра в офисе, вечером в клубе, под утро с женой.

— (Какая ты остроумная. Тебе бы в женский «Комеди клуб»). Знаешь, с утра я в офисе не бываю, слишком частые репетиции. И потом, я совладелец «Одиозного журнала» — работа творческая, все зависит от настроения, а не от рабочего расписания. — При упоминании комбинации «совладелец» плюс «Одиозный журнал» Катя смотрит на меня более заинтересованно. Не уверен, что она его читала, но, скорее всего, слышала. Вот она — великая сила промоушена!

— Последний пункт мы тактично опустили, — замечает она не без надежды в голосе.

— Последний? Ах, да. А жены у меня нет. И не было. Как-то сложно все. — Я снова делаю грустное лицо.

— Физиологические проблемы? — продолжает упражняться в остроумии она.

— Зайка, ты стреляешь без предупреждения. — Я изображаю звук выстрела. — Но это не мой случай. Слушай, а что мы стоим, как опоры Крымского моста? Пойдем кофе где-нибудь выпьем?

— Опоры Крымского моста! — Она залиvisto хохочет. — Никогда такого не слышала!

— Только что придумал, — честно говорю я.

— Честность — такая редкость в наше время, — улыбается она.

Как и отсутствие силикона в губах, думаю я.

— Здесь в двух минутах ходьбы есть потрясающее летнее кафе «Шатер». А у кафе — пристань с настоящей венецианской гондолой. Тебя когда-нибудь катали в гондоле? В Москве? Не на «Мерседесе», не на лошади, а именно в гондоле?

— Ни одного раза, — отвечает Катя.

И вот через пять минут мы валяемся на диванах, курим, пьем зеленый чай и коктейли, болтаем о ее студенческой жизни — РГГУ, четвертый курс, экономика, возможно общежитие, но не в этом суть. Я рассказываю дежурные истории из жизни светского журналиста... то есть из жизни совладельца журнала, травлю байки как мы играли закрытый концерт для Прохорова в Куршевеле, она переспрашивает, кто такой Прохоров, что рождает аналогию с анекдотом, в котором школьница, услышав «сделать минет в рекреации», переспросила, что такое «рекреация», и жизнь приобретает веселенький зеленый цвет, как у «мохито», который я изредка потягиваю через вторую трубочку из ее стакана (это так не оригинально, но так трогательно). Я часто хохочу ее несмешным рассказам про однокурсников и мысленно прославляю гляцевую эпоху, в которой приезжие студентки старших курсов уже знают, что такое Куршевель, но еще не знакомы с Петей Листерманом. Это настраивает на оптимистичный лад и заставляет поверить в то, что и нам многое остается в этой скаредной на радости московской жизни. На подвешенных к потолку телевизорах поет Shade, снуют официанты, а слегка бухой гондольер пытается починить весло у гондолы. В «Шатер» входит Бухаров, я приветственно машу ему рукой, он сдержанно кивает в ответ, и Катя спрашивает меня кто это, а я говорю: хозяин заведения, мы знакомы сто лет. И еще она говорит: наверное, ты многих знаешь, а я глубокомысленно киваю и, помедлив, отвечаю: по роду занятий приходится. Нашу идиллию пытается нарушить мой мобильный, который трещал уже раза три, но я выключаю звук и заказываю кальян. «Двойное яблоко» — просит она, и я в который раз убеждаюсь, что все студентки почему-то непременно заказывают «двойное яблоко». Наверное, подсмотрели в каком-нибудь сериале. Кстати, гондольер так и не справился с веслом, отчего наша водная прогулка переносится на следующий раз. Мы покидаем кафе через полтора часа, обменявшись положительными эмоциями и номерами мобильных. Последнее, как вы понимаете, гораздо важнее.

ДРУЗЬЯ

*Friends will be friends,
When you're in need of love
They give you care and attention.*
Queen. Friends will be friends.

— Жесть, а не денек, — выпаливаю я, садясь за стол.

— Уработался никак? — ухмыляется Ваня, поглаживая бицепс. На Ване черная футболка, часы «Longines», прямые джинсы глубокого синего, почти черного цвета, черные кроссовки на трех липучках — все «Y-3», что, на мой взгляд, выглядит отстойно. И в плане бренда, и в плане цветовой гаммы. Ваня пьет минеральную воду «Evian» и постоянно приглаживает короткие волосы. Щеки у него здорового розового цвета, сразу видно: человек час назад разминался в спортзале. Рост метр девяносто, широк в плечах, руки дальнобойщика, но с маникюром (учитывая размер и форму рук, выглядит омерзительно). Честные голубые глаза, небольшое количество веснушек на носу, пухлые губы. Одним словом — любая бы замуж пошла. Мой ровесник Ваня приехал в город-герой Москву из Саратова десять лет назад с тремя сотнями долларов и перспективой убогого общежития. Года три как успешно делает карьеру финансиста в каком-то строительном холдинге. Холост. Парень неплохой, но лоховат, что в целом не проблема, принимая во внимание то, что из нашей компании он самый платежеспособный. Еще он помешан на хип-хопе и читает как бог. Это чистая правда, иначе год назад я бы не взял его в проект «Московский Первый».

— Не то слово, — я жестом подзываю официантку, — не то слово, брат. Времени не хватает. Один проект сменяет другой.

— Вызывает уважение тот факт, что при своем плотном графике, тотальном вовлечении в огромное количество проектов и полном погружении в ночную жизнь ты как-то умудряешься не забывать друзей. И опаздывать на дружеские вечеринки всего на сорок минут, — ледяным тоном говорит развалившийся в кресле Антон, отвернувшись к окну. — Вызывает уважение...

Вся компания разражается хохотом. — Я не понял, это была такая шутка, чувак? — Я недоуменно развожу руками и оглядываю стол. — Это чего, у вас тут теперь такие шутки, да?

— Нет, что ты! Это констатация факта, — все так же спокойно продолжает Антон. — Просто я как человек неорганизованный искренне завидую таким людям, как ты. Которые не забудут, не подведут, не опоздают, когда в них есть необходимость...

Все снова ржут. Антон наконец разворачивается ко мне.

— Я врубился, чувак, это кусок твоего нового сценария! Ты наконец начал писать сценарии! — Я прищуриваю левый глаз и указываю на Антона пальцем, как это делают герои идиотских американских ситкомов. — Я пришел не вовремя? Перебил читающего Панина? Sorry, брат, я реально не хотел.

— Знал, что ты поймешь. — Антон картинно щелкает пальцами и стряхивает кусочек зубочистки с лацкана пиджака. На Антоне коричневый пиджак на трех пуговицах, белая футболка с принтом в виде сильно декольтированной Белоснежки и похотливо улыбающихся гномов (производители не опознаны), вельветовые штаны цвета ирландского сеттера и коричневые замшевые лоуферы. На запястье пластиковый «Swatch» — стильный парень, ничего не скажешь. Род занятий обязывает. Антон Панин вместе с какими-то чуваками пишет музыку для телесериалов. Пишет много, покупают мало, но в этом году их мелодии вошли в два сериала, причем последний имел неплохой рейтинг. Он на пару лет старше нас, невысокий, худой, с вечно изможденным лицом, горящими зелеными глазами и жиденькими каштановыми волосами до плеч. Точеный профиль, успех у девушек, огромная фонотека, нестабильные доходы, общение с Интернет-маргиналами, дома — постоянно хорошая трава и диджейский пульт. Работник искусств, одним словом. Музыку для «Московского Первого» пишет именно он.

— You got it, man! — он снова щелкает пальцами.

— Да-да. Слушайте, чуваки, я такую телку на улице встретил! — Я снимаю очки. — Нетронутая еще большим городом, свежая, застенчивая студентка. Возможно, даже из провинции. Я как-то... — Я шевелю пальцами в воздухе, но закончить мне не дают.

— Ну, тогда опоздание на сорок минут не считается проблемой, да? — Ваня делает еще глоток воды. — Какие-то сорок минут не в счет. Особенно если ты ехал в метро. — Он презрительно кривит губы. — Или шел пешком. По улице.

— Кажется, меня унизили, да? А в чем дело-то? У нас чего, собрание с целью формирования командного духа, или как?

— Мы собрались по поводу Вовки, — серьезно замечает Антон. — От него девушка ушла.

— В пятницу, — подтверждает до сих пор молчавший Вова. Он появляется в нашей компании редко, и я очень мало его знаю, но с Антоном его связывают какие-то старые отношения. Впрочем, какая мне разница? Выглядит Вова так, как если бы фронтмена «Aerosmith» Стивена Тайлера коротко постригли и одели в светлосерый офисный костюм и розовую рубашку. Реально, он очень похож на Тайлера — тот же лягушачий рот, те же безумные глаза и черные волосы. Ему бы еще голос да наркоманское прошлое — цены бы не было. Но Вова не поет, не пишет и не концертирует. Он занимается продажами кондитерских изделий в компании «Марс» — всех этих приторно мерзких «Сникерсов», «Марсов» и «Баунти», фу. Еще Вова по пятницам танцует в клубах и изредка нюхает кокаин. Не для того чтобы весело провести время, отнюдь: чтобы было куда надеть рваные голубые джинсы и оранжевую рубашку, купленные на распродажах три года назад. Действительно — не пропадать же вещам, пусть давно вышедшим из моды, но практически неношеным. Ну, вы знаете эту корпоративную философию: мы умеем не только тяжело работать, но и весело и зажигательно отдыхать в выходные перед новой трудовой неделей! Нюхает он, судя по всему, из тех же соображений. Я оглядываю собравшихся, не понимая, сделать мне трагично-участливое лицо или нет. На всякий случай сначала решаю разрядить обстановку.

— Как дела, Вован? — хлопаю я его по плечу. — Как жизнь в целом?

— Живем потихоньку, — механически отвечает Вова.

— Это скоро пройдет. — Я цепляю вилкой пару гренок из тарелки Вани.

— В смысле? — Вова поднимает на меня глаза.

— Э, хорош есть из моей тарелки! — бьет меня по руке Ванька, но промахивается.

— Ве вавко фоль? — я прожеываю грeнки. — Жалко тебе, что ли? Официантка идет уже десять минут. Мне чо тут, с голоду сдохнуть?

— Я специально заказал себе «Цезарь» с курицей, чуть поджаренной с двух сторон. У меня диета, — поясняет он.

— Я взял гренки, чувак. Я взял гренки, а не курицу, — укоризненно качаю я головой.

— Да? — Ваня смотрит себе в тарелку. — Тогда ладно. Можешь еще взять.

— Спасибо, меня еще тошнит от тех, что я съел пару секунд назад, щедрый ты мой! — Я изображаю рвотный позыв в тарелку.

— Дрон, что ты имеешь в виду? — снова спрашивает Вова, развернувшись в мою сторону.

— Не хочешь — как хочешь, свинья неблагодарная! — Ваня пожимает плечами и придвигает тарелку поближе к себе.

— Жадная женщина, жа-а-а-а-дная, — пою я на мотив известной песни из репертуара русского шансона, — жа-а-а-дная женщина, жадная!

— Идиот, да сожри ты его весь! — Ваня двигает ко мне тарелку и чуть не опрокидывает бутылку с «Evian». — Ты ж не успокоишься!

— Я тебя не слышу. Мелочный корпоративный уродец, пожалевший пару гренок для друга, — продолжаю я валять дурака.

— Дрон, черт тебя дери, что ты имел в виду? — Вова практически лег грудью на стол.

— Девушки, может быть, вы отвлечетесь от вашего диетического салата, мать вашу так?

— Антон ввинчивает сигарету в пепельницу. — Дрон, ты не слышишь, о чем тебя спрашивают?

— Кто? — отрываю я ладони от ушей.

— Тайлер, — Антон указывает на Вову.

— Сколько раз я просил не называть меня этим идиотским ником! — огрызается Вова.

— Ну ладно, не буду, — пожимаю я плечами, — ты об этом спрашивал? Окей заметано!

— Я тебя не про это спрашивал. Я интересовался, что ты имел в виду, когда сказал: это скоро пройдет?

— Чего? — Я не врубаюсь, чего этому идиоту от меня нужно.

— Ты спросил меня, как дела, я ответил, живем потихоньку, ты сказал, что это скоро пройдет. Что ты имел в виду? — истерит Вова.

— Да ничего я не имел в виду. Вы тут все с цепи что ли сорвались, неврастеники чертовы! Один раздражается длинными тупыми монологами, второй жрет диетические салаты, как гомик, третий истерит. Вам всем к врачу надо, чтобы он прозак выписал. У вас тотальные проблемы, придурки! Умоляю, не надо меня грузить вашим негативом!

— Сам ты истеришь! — хором говорят Ваня с Антоном.

— Удивительно, чего ты среди нас делаешь, самовлюбленный болван! — Вова закуривает, что случается очень редко. — Тебе надо на подиуме быть, а не тут.

— А тебе — в «Якитории», — злобно отвечаю я.

— Почему в «Якитории»? — удивляется Вова.

— Ну, там же все ваши собираются обычно.

— В смысле? Какие наши? — Вова наглухо не врубается.

— В том смысле, что раньше самураи получали жалованье из расчета сколько-то там риса в год. А теперь корпоративные самураи получают в обмен на свою зарплату тот же рис плюс роллы «Калифорния» в «Якитории». Прогресс. Врубаешься, о чем я?

Но ответить он не успевает, потому что подходит официантка. Я заказываю двойной «Dewars», салат «Цезарь» (нормальный, не диетический, уточняю я на всякий случай), воду без газа и крем-суп из шампиньонов.

— Извините, но я свои роллы жду уже полчаса! — возмущается Вован.

— Заказов много, повар не успевает, — отвечает официантка.

Вова открывает рот, чтобы наехать на нее, но замолкает, потому что все дружно прыскают со смеху по поводу роллов. Я тычу себя пальцем в грудь, вполголоса говоря: «I'm the daddy».

— Ладно, чуваки, стебанулись — и хватит. — Антон снова закуривает. — Андрюх, у Вовки нет настроения. От него девушка ушла.

— Круто, — киваю я. — Значит, теперь можешь отжигать, не ночуя дома?

Ваня с Антоном укоризненно смотрят на меня.

— Не просто девушка, а невеста. Я ей предложение сделал месяц назад. — Вовка затыгивается, делает глоток вина и выпускает дым. — А она в пятницу собрала вещи и ушла.

— А чего она ушла-то? — интересуюсь я, но, кажется, Вова, погруженный в свой рассказ, не слышит.

— Я пробил у друзей скидки на двухнедельный тур в Италию через восемь дней. Ввязался в ипотеку. Родителям сказал, что женюсь. Начал уже смокинг себе на свадьбу присматривать. Кольца там... — Вова кивает сам себе и наливает еще бокал. — А главное — непонятно, чего ей не хватало? Деньги — пожалуйста, подарки — да ради бога, рестораны, клубы, шопинг. Я даже подруг ее тупорылых дома по воскресеньям терпел. Не пил почти. Это, — он касается пальцем левой ноздри, — ну вместе только. Пару раз в месяц. Чего ей не хватало-то?

— Ну, может, вернется еще? — предполагает Ваня. — Может, ей это... ну, типа, нужно время, чтобы все осмыслить?

— Или осознать, ЧТО она потеряла, — вторит Антон, делая глоток виски.

— У меня такие перспективы. — Вова залпом выпивает бокал и тянется за новой сигаретой. — Через два года максимум — директор направления. А там и в Европу могут перевести. Или здесь коммерческого дать. Дура. Кого она себе найдет? Тусовщика? Понтореца? Мажора на «BMW», купленном на родительские бабки? Я ей «Тойоту» купил. Кредит взял, между прочим. Сука. Тварь. Два года вместе. Цветы, подарки...

— Пойди пойми их, — пространно замечает я. Честно говоря, проблемы Вовы мне до фонаря. Я жду не дожусь, когда он закончит или напьется до мычания. Приносят мой салат, виски, воду и Вовины роллы. Вова снова кивает сам себе. Наливает еще бокал, просит принести новую бутылку и валит в туалет.

— Вы как хотите, а я сейчас пойду куплю наркотиков, — говорю я, глядя в потолок. — Легче удавиться, чем слушать это.

— Очень смешно, — меланхолично замечает Антон. — Лучше пойди и склей ему барменшу, а то он от нас не отстанет.

— Я только одного не понимаю, зачем вы его позвали? — обращаюсь я к друзьям.

— Не видишь — у парня проблемы! Бесчувственный ты олень, мы же с ним общаемся. Встретились выслушать друга, — говорит Ваня.

— Я с ним не общаюсь, — закуриваю я. — И уж тем более он мне не друг.

— Он мне высушил весь мозг, — замечает куда-то в сторону Антон (кажется, с момента моего появления он даже не поменял позы). — Я чего, должен его ныть один выслушивать? Нет уж, увольте!

— Хорошенькое дело, — вгрызаюсь я в курицу, — офигительное. Вы, значит, по каким-то своим мотивам решили сделать из себя жилетки, чтобы этот корпоративный самурай вам навзрыд выплакался. А я-то тут при чем? У меня на эту пургу времени нет. Лучше бы о наших делах поговорили.

— Чуваки, кто сегодня видел ролик на «Youtube», в котором менты вытащили из машины парня, обожравшегося бутиратами?

— Я, — поднимаю я руку вверх. — Он у меня на телефон закачан, показать?

— Антох, ты видел? — спрашивает Ванька. Антон отрицательно качает головой. Я достаю телефон и показываю сюжет. Менты снимали это видео прямо с мобильного: стоит чувак с совершенно окаменевшим лицом, неспособный даже говорить. На вопросы ментов отвечает неестественно писклявым голосом одно и то же: «Нихуя себе!». Менты отпускают едкие комментарии по поводу величины его зрачков, его танцев за рулем и прочего. Наконец чувак, видимо, вспоминает про танцпол, делает два-три неловких движения телом и кричит: «Опа-па-па-па!». Менты продолжают его подначивать таким же криком: «Опа-па-па!» и возгласами: «Смотри, смотри, он танцует!» Мы понимающе смеемся. Вообще, мне кажется, наркоманский юмор — наиболее тупой, но самый стебный.

— Кстати, какие новости из мира большого шоубиза? — спрашивает Антон после просмотра ролика.

— Неужели тебе это в самом деле безразлично?

— Ладно, Дрончик, хватит кривляться, рассказывай! — Ваня начинает нетерпеливо постукивать пальцами по столу.

— Встречался сегодня с Петрушиным. Очень заинтересовался. Сказал, что звук подправить нужно кое-где и тексты. Но в целом он готов с нами работать.

— Он уже месяц готов, а воз и ныне там. — Антон опять отворачивается к окну.

— Да? — Я бросаю вилку. — Может, ты сам тогда займешься продвижением нашего диска? Оторвешь задницу от кресла и начнешь бегать по лейблам, продюсерам и так далее?

— «Если есть Интернет, нахуй нужен продюсер?», — меланхолично отвечает этот сноб. — Как поет КАЧ.

— Так займись Интернетом, если ты такой умный, — взрываюсь я, — или пиши такую же музыку, как КАЧ, тогда мне легче будет продвигать!

— Дрон, Дрон, не обращай на него внимания, я за тебя! — Ванька поднимает сжатую в кулак руку. — А чего с этим чуваком с «Полиграма»?

Ответить я не успеваю. Возвращается Вован.

— Только не спрашивай у него... — тихо говорит Антон.

— Вова, а к кому она ушла? — интересуюсь я, недослушав. Антон подпирает рукой голову и прикрывает глаза.

— К козлу одному... журналисту. — Вова свирепо вращает глазами. — Дешевому писаке из «Большого города». Колумнисту сто долларовому. Уроду, как и все журналисты.

— Э-э, полегче. Я, между прочим, тоже журналист. Они все разные, хотя есть среди них и уроды.

— Вот я и говорю, к уроду. Записку оставила: «С тобой скучно, прости». Сука! — Вова бухает кулаком по столу.

— Спокойно, спокойно, брат! — Ваня хватает его за локоть. — Все нормально, не кипятись.

— А я всегда говорил, что телки любят неформалов. — Я настолько разозлился, что настроен уничтожить этого Вову. — Диджеев, леваков, интернетчиков. Им нужна романтика, нужна игра, врубаешься? Чтобы была страсть, любовь, пряный запах измены и все такое. А какой с офисным рабом может быть роман? Ты должен быть интересным челом, а ты неинтересный, ты надежный, понимаешь?

— Тебе этого не понять. Ты же никого не любишь, просто всем мозги пудришь, а я Леру любил, — кажется, Вова начинает напиваться.

— Я не люблю?!

— Ребят, хорошо, а? — примирительным тоном говорит Ваня. Антон, напротив, самоустранился и пишет эсэмэсок.

— Что значит — не люблю? В том-то и дело, что люблю. Когда у меня начинаются отношения с девушкой, я погружаюсь в нее, теряю сон, влюбляюсь одним словом. Даже когда...

— Даже когда девушек несколько,— включается Антон.

— Какая разница? — пожимаю плечами я.

— Началось... — Ваня встает и уходит.

«All I wanna do is have some fun before I die» начинает петь Sheryl Crow из колонок, висящих прямо надо мной.

— А у тебя что, много постоянных девушек? — вылупляется на меня Вова, что звучит в его исполнении как «А ты правда занимаешься оральным сексом с ежами?». Вероятно, его это настолько шокирует, что он даже снимает пиджак и перекидывает его через спинку кресла.

— У него их две, — кивает Антон. — Бизнесвумен и рекламщица-модель. Пробует себя в разных областях... и все такое.

— И давно? — Вова пытается налить вина в мой виски.

— Полгода уже. Две постоянных, не считая случайных контактов. А до этого было три, но никакой разницы. Две, или три, или четыре, — я перехватываю его руку с бутылкой и отставляю свой стакан.

— Гонишь, — неуверенно говорит Вова.

— Да, конечно. Гоню, понтуюсь, прогоняю левые телеги, или как там это у вас называется?

— Вы все еще трете за любовь? — осведомляется возвратившийся Ваня.

— Прикинь, он полгода живет с двумя телками одновременно, — хлопает его по плечу Вова.

— Я в курсе. И до сих пор не спалился? Фантастика! Антоха, ты в курсе, что я его пару раз встречал в «Гудмане» с этой, как ее?..

— Леной, — смеюсь я.

— Точно. Сидит на костюме, на запонках, пьет вино, строит из себя менеджера, трет с ней за бизнес. Я как раз на ужин с коллегами приехал, а тут — он. Даже вначале не понял, что это наш Дрончик. Ты ей меня как представил? Для какой сети гипермаркетов я строю объекты?

— Для WalMart, брат. Я рассказываю ей, что работаю в WalMart.

— Так он же еще не вышел на рынок!

— Вот-вот выйдет. Об этом все газеты пишут. Раз в месяц. И так уже два года.

— Чистый жулик, — замечает Ваня.

— А я с ним в прошлые выходные висел на «Крыше» вместе с этой сексуально озабоченной нимфоманкой Решетниковой, — отзывается Антон, не отрываясь от своих эсэмэсок.

— А откуда ты знаешь, что она нимфоманка? — заливаюсь я хохотом. — Ты спал с ее собакой, и она тебе рассказала?

— Я так думаю. Скажи, пожалуйста, а зачем вы на любой вечеринке стараетесь трахнуться в туалете? Она думает, все топ-модели так себя ведут? Или это ты ей внушил, что в мире гламура все крутые промоутеры ведут себя именно так? Кстати, про какой клуб ты ей плел в тот раз? Тебя берут в долю в «Рай» или куда?

— В «Нефть», Антоша, в «Нефть». Я сказал ей, что открываю клуб «Нефть». При случае поддаки, если еще раз встретимся. — Ситуация забавляет меня до колик. Парни тоже от души ржут. Один Вова сидит с глупым лицом, глядя то на меня, то на Антона, то на Ваню. Но все-таки больше на меня.

— А... как тебе это удается? — Он икает.

— В нем умер актер, — замечает Антон.

— Просто девушки доверчивы по своей природе и не допускают, что все жаркие признания этого клоуна давно заучены им наизусть. Если что, он и гаишнику может прогнать неслабую телегу.

— Все зависит от того, как себя позиционировать, — резюмирую я. — И прекрати оскорблять моих девушек. У Лены, между прочим, высшее экономическое образование, а у Риты... у Риты хорошее портфолио, — ржу я.

— А ты не боишься, что они это... пробьют тебя? — вопросительно изгибает бровь Вова. Он близок к тотальной потере контроля. — Одна узнает, что никакой ты не бизнесмен, а вторая наведет справки и поймет, что твой клуб — полная лажа. А на самом деле ты обыкновенный журналист...

— Пробьют! — Я прикрываю лицо рукой. — Они чего, менты что ли? Вова, твоя ошибка в том, что ты пытаешься соответствовать стандарту менеджера среднего звена, однажды навязанному тебе непонятно кем. Телки любят фантазировать. Им не нужна правда, им нужна красивая история. Нужно больше фантазировать, понимаешь? Лена хочет выйти замуж за молодого симпатичного менеджера и уехать с ним в Америку — я дарю ей мечту. Рита хочет спать с известным промоутером — welcome! Все хотят игры и страсти. Я страстно играю, чувак. Страстно играю. А у страстного любовника могут быть любые хобби — своя хип-хоп-банда, суперпопулярная колонка в «Одиозном журнале». Я тот, кем люди хотят меня видеть, но кто я — знаю только я сам! — От этого пассажи я чуть слюной не подавился (красиво вышло, надо запомнить). — И потом, я не обыкновенный журналист, а талантливый! — Я поднимаю вверх указательный палец. — Твоя бывшая подруга ушла к журналисту, поэтому я прощаю тебе агрессию к нашему цеху.

— Невеста, а не подруга, — бычит Вова.

— Какая разница? Поиграл бы с ней. Начал бы книгу писать, увлек бы ее этой идеей. Ты не просто менеджер, ты еще и писатель, понимаешь? А там, глядишь, и правда книгу бы написал. Пишут же другие, чем ты хуже? — Я хлопаю его по плечу. Все хохочут. Краем глаза замечаю, как за столик у входа садятся две мои знакомые — Настя из «Conde Nast» и еще какая-то телка, «не помню, откуда помню». Судя по тому, как они осматривают ресторан, обе в жестком поиске.

— Поиграть! — Вова закуривает. — Тебе хорошо говорить. — Он поочередно обводит глазами Ваню и Антона. — Ему хорошо говорить, да? Он ведь не живет с двумя телками под одной крышей!

— Ты теперь тоже не живешь ни с кем под одной крышей. Так что попробуй, — заключаю я и встаю, чтобы двинуть в туалет.

— А если одна из них встретит тебя с другой? — делает Вова последнюю попытку расколоть меня. Видимо, он не верит рассказанному и считает, что его разводят.

— Главное, Вован, правильно выбирать локации. Например, ходить с одной девушкой только в рестораны, а с другой — только в клубы и кафе. И потом, «Постоянное чувство опасности» — мой псевдоним, чувак. Андрей «Постоянное чувство опасности» Миркин.

Вернувшись, я обнаруживаю, что вечеринка постепенно умирает. Вова сидит, обхватив голову руками, и канючит, Ванька откинулся на стуле и говорит по телефону.

— Не ты первый, не ты последний, дружище, — излагает Антон. — Не надо так концентрироваться на проблеме. Расслабься. В кино сходи. Или в клуб.

— Да не хочу я никуда ходить... тварь какая. Не... ты понимаешь, я, главное, уже родителям сказал... ы-ы-ы... кольца там... — Вова уже почти невменяем. Антон поднимает на меня молящие глаза... и я врубаюсь, что если сейчас Вову не отцепить, остаток вечера мы проведем в транспортировке тела домой и выслушивании по десятому кругу про кольца, родителей, тварей и так далее.

— Вован, а правда, что у сотрудников отдела продаж твоей компании есть штатная инструкция, согласно которой все, кто имеет дело с клиентами, обязаны держать на своих рабочих столах надкушенные шоколадные батончики? — стараюсь я сменить тему. — Или не правда?

— Надкушенные? Ну, я слышал, раньше такое было. Теперь-то, конечно, нет. — В глазах Вовы появляется что-то человеческое. Если вы хотите привести в чувство пьяного клерка, спросите его про работу. Только название родной компании способно вернуть его к жизни, из любого состояния. — Вообще-то на этапе выхода на рынок такое вполне могло быть. Для формирования уважения к собственному бренду. Или типа того. — Взгляд Вовы снова плывет.

— Уважение, лояльность, да? Это круто, чувак! Это реально круто! Вы же еще и собачьими кормами торгуете, так?

— И собачьими, и кошачьими... а вино еще есть! Да чем мы только не торгуем! — Вовин локоть соскальзывает со стола, опрокидывая бокал с вином.

«Relax, take it ea-a-a-sy», — поет из колонок Mika. Ваня продолжает говорить по телефону.

— А на столах у сотрудников, продающих эти корма, тоже должны находиться образцы продукции? Просто распечатанные или все-таки надкушенные?

— Да кто знает, что там у них стояло! — Моя шутка оказалась слишком тонкой для Вовы. — Вань, в натуре, хорош по телефону трещать, поговори с пацанами,

«Вот и до пацанов договорились, — думаю я, — интересно, когда? Минут через десять или позже?»

— Ну что, будем разъезжаться, — включается закончивший разговор Ваня. — Считаемся? И тут Вова выдает. Ему даже десяти минут не потребовалось.

— А поедем в караоке, а? В «Кафку». Ща столик возьмем, попоем часик, а?

— Последний раз предложение «поехать в караоке» вкупе с «пацанами» я слышал полгода назад в «Галерее», — шепотом говорю я Антону. — С тех пор я туда не хожу. Спасибо тебе за вечер, брат.

— Я, что ли, его напоил? — шипит Антон,

— Ты сделал гораздо хуже. Ты пригласил сюда меня.

— Иди к черту, я сам не знаю, как мне отсюда свалить! Если ты такой умный, отцепи его.

— Э, в натуре, хорош шептаться! — разворачивается к нам Вован. — Короче, поехали, я проставляюсь. За начало холостой жизни. — Он закатывается пьяным смехом и поднимает правую руку. — Посчитайте нас!

— Вов, давай не сегодня, — пробует приструнить его купеческую удаль Антон.

— У меня завтра встреча в девять, я не могу, — категорично выступает Ванька.

Я понимаю, что никто из этих слюнтяев не способен разрешить ситуацию, и принимаю отчаянное, но верное решение. Отваливаю к столику со знакомыми девицами. Они пьют шампанское, едят сашими и глазят по сторонам. Картина, в целом, типична.

— Здравствуйте, девушки, как складывается вечер? Давно не виделись! — Я целую обеих в щеки. — Настя, у тебя грустные глаза, ты меня расстраиваешь!

— Скучно, Андрюша, очень скучно, — откликается Настя. — Вот сидим с Машкой, допиваем шампанское и отчаливаем.

— Как-то безрадостно все у вас, — мажу я глазами по Маше. — Как-то сложно все.

— А у тебя есть предложения? — Настя делает глоток и прищуривается. — Это твоя компания, да? — указывает она на наш столик.

— Ага. Ничего интересного. Выгуливаем сына одного угольного олигарха (только между нами, окей?). Он желает в караоке ехать, а мы хотим домой, спать. — Я делаю унылые глаза. — Завтра нас снова ждут пыльные офисы столицы.

— У вас тоже ничего веселого, как я посмотрю. Город умер, если даже ты, Андрюшечка, едешь домой в столь ранний час.

— А что за сын? — оживляется Маша.

— Сын? — Я ухмыляюсь. — Сын на самом деле спит и видит, как очутиться за вашим столиком.

— Он же пьяный в хлам, — кривится Настя. — Сейчас начнутся слюнявые приставания.

— Я тебя умоляю, зайка! Я тебя умоляю! — Я обнимаю ее за плечи. — Какие приставания?! Скрасит ваше тоскливое одиночество, и все!

— В смысле? — не врубается Маша.

— В смысле счет оплатит. Или дальше куда пригласит.

— Я дальше никуда не поеду. Я поеду домой, — мотает головой Настя.

— Ну, и не поедем, так... потрещим. — Маша стучит пальчиками по бокалу. — Андрюш, он вообще нормальный? Ты его давно знаешь?

— Господи, да десять лет уже. Какой он нормальный? В пятницу развелся и собирается оставить бывшей жене папину квартиру на Комсомольском, а сам съехать в дом на Истру. Нормальные люди так поступают?! На черта нормальному человеку жить на Истре, я вас умоляю!

Глаза Маши загораются. Настя переводит взгляд на Вована, затем на меня.

— Маш, в принципе, можно еще по бокалу. Как думаешь?

— В принципе... — Она делает паузу. — А сколько сейчас времени?

— Какая разница, зайка? — Я беру в руки щипцы для льда и кидаю в Машкин бокал пару кубиков. — Relax, take it e-e-e-a-a-a-sy-y, para durirum daram dara...

— Ну ладно. Веди своего холостяка, — уголками губ улыбается Настя.

— Ты точно уверен, что тебе нужно домой? — интересуется Маша, поправляя под платьем бретельку бюстгалтера.

— К сожалению, зайка. К огромному сожалению, — я прикладываю руку к груди, картинно кланяюсь и скипаю обратно к нашему столику.

Там продолжается жаркая дискуссия по поводу скоропалительного расчета. Вова настаивает на продолжении праздника.

— Брат, — я встаю у него за спиной и кладу руки ему на плечи, — брат, я только что разговаривал с двумя телками. Не оборачивайся. Он все равно делает попытку обернуться, но я удерживаю его обеими руками.

— А... чо за телки-то? — мычит Вован. Антон и Ваня с надеждой смотрят на меня.

— Хорошие, Вова, хорошие. Одна из них на тебя запала. Вторая, в принципе, тоже не прочь. Пошли, познакомлю.

— Я не знаю. — Вова обмякает на стуле. — Неудобно как-то... Ты гонишь или серьезно говоришь?

— Вова, чего ты менжуеться, а? Ты человек, а не офисная мебель! Пошли со мной! — командным голосом говорю я ему прямо в ухо.

— Вован, телки нереальные, мне отсюда хорошо видно, — кивает Ваня.

— А одна из них работает в финансах «Nestle», я ее знаю, — подзуживает Антон.

— Вова, это шанс, который судьба посылает тебе в ответ на недостойное поведение твоей бывшей. Я тебя умоляю, не упusti его. Сделай это ради своей страны, чувак!

— Почему ради страны-то? — Вова все-таки оборачивается. — Страна-то тут причем?

— Присказка такая. — Я не даю ему опомниться, хватаю за плечи и тяну вверх. Вова встает, надевает пиджак и неуверенно тащится за мной.

Мы подходим к девушкам:

— А вот и мой грустный, но прекрасный друг, сударыни. Это Владимир. Тоже скучает. Девушки смеются.

— Володя, а вы о чем скучаете? — спрашивает его Маша.

— А давайте выпьем за скуку! — перехватывает инициативу Настя.

— А потом в караоке поедem, — выдавливая из себя этот пьяный баран. Кажется, все мои усилия пошли прахом, но неожиданно меня выручает Маша:

— А что? Я, например, очень люблю петь, — похоже, она готова отправиться даже в зал игровых автоматов.

— У вас еще, оказывается, и общие интересы! Маша, ты никогда не говорила мне, что любишь петь!

— Ты никогда не спрашивал, — хмыкает она и переключается на Вову. — А куда поедem? В «Крик»? В «Чипполино»?

— Bravo! — Я хлопаю в ладоши. — Ладно, друзья, я, пожалуй, пойду. Не буду вам мешать, не хочу отвечивать, и все такое. — А может, с нами, а? — интересуется Вовка.

— Нет, нет, нет. Наин, ноу вей, но пасаран и так далее.

— Бывай, брат. — Вова встает, обнимает меня и целует в обе щеки. — Завтра увидимся! Счет за стол пусть сюда пришлют!

— Нет проблем, старичок! — Я выскальзываю из его объятий, незаметно посылаю девушкам воздушные поцелуи и возвращаюсь к ребятам.

— Как тебе это удалось? — выпаливает Антон. — Я думал, мы сегодня попали, — кривится Ваня.

— Все зависит от того, как себя позиционировать. — Я допиваю свой виски. — Ваня, позови официантку, пусть она счет за наши посиделки этому кретину отнесет.

Ваня беззвучно, но картинно аплодирует. Антон поднимает два пальца, салютуя. Откуда-то сверху начинает играть «Smalltown Boy»:

*Run away,
Turn away,
Run away,
Run away.*

Я ставлю пустой бокал на стол:

— Пора валить, они могут передумать...

ОРГНАЙЗЕР

*Кроме всех перечисленных приемов рекомендуем
взять на вооружение важнейший принцип
тайм-менеджмента: «Все может быть
усовершенствовано».*

Из какого-то тренинга

Я купил себе новый «Moleskine». Не в том дело, что старый закончился, а просто надоел. Кучи непонятных имен, телефонов, какие-то пометки, цифры, расчеты... Замусоленные страницы, и все такое. Когда-то я его купил, чтобы начать, наконец, писать книгу о ночной Москве. Ну, знаете, списывать портреты с живых людей, подмечать сцены, переносить увиденное на бумагу. Даже первые записи успел сделать. Однажды, сидя в кафе с какой-то компанией, достал эту записную книжку, и тут одна телка говорит: «Ты знаешь, что в таком же блокноте делал записи Хемингуэй?» Представляете? Эта глупая сука так и сказала, причем с таким видом, словно сообщила одной ей ведомое тайное знание, ибо никто, кроме нее, не читал рекламной брошюры, валяющейся на каждом стенде с элитными канцтоварами. «"Moleskine"» — такие блокноты вели Хемингуэй, Набоков и Сент-Экзюпери». Это все равно что сказать человеку с банкой «Пепси» в руках: «Ты знаешь, что это вкус победы?» Не люди, а билборды! С тех пор я при посторонних ничего не записываю в «Moleskine», чтобы не давать идиотам поводов продемонстрировать свою *информированность*. Эта мысль во мне еще более укрепилась, когда с такими блокнотами стали ходить не только *правильные* люди типа медийщиков, журналистов, пиарщиков, но и вся колхозная тусовка — от студентов педагогического до содержанок, от менеджеров среднего звена до домохозяек. Полный отстой! А новый блокнот я купил для того, чтобы записывать свои тексты. Писать на диктофон — попсово, а в блокнот — оригинально. Во всяком случае, мне кажется, так оно и есть.

Я открыл первую страницу и под титулом «In case of loss, please, return to» написал: «Рукописи горят!». Блокнот Андрея Миркина. Указал телефон, почту, ICQ. Подумав, дописал запасное мыло и адрес блога в ЖЖ — www.mirkin.livejournal.com. Оценил написанное — вроде все, на строчке as a reward \$ _____ хотел написать 1000, но передумал и один ноль не дописал. Признаться, мне и сотки-то жалко. И потом, я никогда ничего не теряю. Вот только свитер... черт! Не будем об этом.

А утром следующего дня я сижу в кресле, скрестив ноги по-турецки, пью растворимый кофе и пишу в «Moleskine» план действий на сегодня:

- 11:00 (?) — написать ресторанный рейтинг/звонить по поводу корпоратива Шитикову.
- 12:00 — забрать фотографии у Марины («мастеркард» — кэш).
- 13:00 — Рита/звонить Антону по поводу субботы.
- 15:00 — Встреча с Исаевым в «Окне»/совместить Рита, обед.
- 16:30 — Редакция. Сдать фотографии, «зверинцы» подписать/звонить уроду из «Полиграмм»/разобрать пригласы, понять, что с вечером/звонить Лене/звонить Кате (???) /авансовый отчет бухгалтер (??).
- 17:30 — Интервью Бухаров.
- 19:00 — Подъехать к Петрушину (??)/заехать в «Боско» / Савинская/солярий (?).
- или
- 19:00 — Ужин (кто?).
- Вечер: Какая-то туса (см. разобрать пригласы в редакции).

Многовато дел получается, и, главное, все в один день. Вообще, я заметил, в последнее время количество звонков, встреч, обедов и ужинов, идиотских посиделок и деловых переговоров превысило все возможные пределы. Это следствие моей сверхвовлеченности в проекты? И, самое главное, все вечно переносится, откладывается, перезванивается, согласуется попозже, сдвигается на неделю, «подвешивается на hold», не успевается в срок,

замораживается — и вообще непонятно когда делается. Москва — город менеджеров на hold-е. Такое впечатление, что в этом городе все занимаются только тем, что перезабивают стрелки, переносят сроки, меняют графики и уходят от ответственности. Как-то сложно все, понимаете? Будь ты хоть тысячу раз организованным челом, эти упыри-клерки все равно не позволят тебе ничего сделать в срок. Вообще работать получается только с творческими людьми. Мы как-то по-другому чувствуем ритм, врубаемся? Дышим в унисон, скользим по поверхности, одним словом, понимаем друг друга с полуслова. Э... какая-то левая рифма получилась. Все из-за того, что нервничаю перед этим звонком. Надо тормознуть.

Я иду на кухню, наливаю себе еще кофе, достаю мобильник и начинаю раскладывать пасьянс «Солитер». Я всегда так делаю перед важными делами. Типа, на удачу. Разложу — выгорит, не разложу — выгорит позже. Частенько совпадает. А уж если устанавливаю рекорд по времени, значит, точно поперло. Неразложенные пасьянсы тоже полезны — успокаивают нервы.

Не успеваю загрузить игру, как мобильник начинает конвульсивно дергаться в припадке режима вибрации. «Маринафото» высвечивается на экране. Сколько сейчас времени-то? Уже больше одиннадцати?!

— Марин, ты меня в дверях поймала, — вру я наугад, — хватаю такси и лечу к тебе. Соскучилась?

— Миркин, ты придурок? Время без пятнадцати двенадцать, в каких ты дверях?! Мне нужно уезжать в половине первого, я не собираюсь тебя ждать, понял?

— Что? Тебе нужно уезжать? — говорю я голосом идиота, не понимающего, о чем идет речь. — А куда? Ты мне ничего не говорила.

— Миркин, какая разница, куда? Ты обещал приехать в двенадцать. Сейчас уже без пятнадцати, а ты еще дома.

— Марин, тут так вышло... мне еще нужно было деньги на трубку положить. — Я соображаю, как бы договориться, фотографии-то нужнее мне, а не ей. — Может, перенесем на обед или на вечер? Как тебе удобно?

— Набери меня часа в три, там посмотрим, — отвечает Марина недовольно.

— Круто! Я тебя тотально обожаю! — кричу я в трубку. — Какой же ты раздолбай! — Марина отключается.

...Без десяти двенадцать, надо же! Как время то быстро идет, а? Чувствуете ритм? Так... Марина переносится на три, значит забрать у нее фото и приехать с ними в редакцию к полпятому не выйдет. А позже без мазы — интервью с Бухаровым. Ехать в офис без фотографий ради авансового отчета и разбора пригласительных беспонтово. Я зачеркиваю Марину в 12:00 и редакцию в 16:30. Стало попросторней. Знаете это чувство? Когда зачеркнешь в ежедневнике какое-нибудь дело, возникает ощущение, словно уже сделал его, правда?

Что ж, остается набросать ресторанный рейтинг, выпить еще кофе — и вперед, к Ритке. Первая половина дня фактически сложилась. Что мне нравится в моей профессии — так это мобильность. Да честно говоря, мне моя профессия вообще нравится.

Начнем с определения. Кто такой журналист? Если на визитке у меня написано «гламур-менеджер», то в определении я пошел бы еще дальше — «провайдер духовности». Для нашей аудитории мы — носители сакрального знания. Мы развиваем и доносим до людей тренды и правильные понятия, сокращая время, которое они потратили бы на решение вопросов, что купить, куда сходить и где поесть. Мы обогащаем их лексикон и интеллектуальный багаж фразеологизмами и речевыми оборотами: большинство славных представителей московской тусовки, несмотря на проживание в окрестностях Рублевского шоссе, не умеют внятно излагать свои мысли. В силу образования/воспитания либо в силу отмирания данного навыка, за ненадобностью. Посему говорить за них приходится нам, светским хроникерам эпохи первичного накопления капитала. Они говорят фразами из наших статей, спорят нашими едкими комментариями к светской хронике, оперируют краденными у нас шутками. Мы для них круче толкового словаря Даля для русской интеллигенции. Если общественный регресс продолжится, многим нашим персонажам, дабы отстаивать

собственную позицию, придется либо носить с собой коробки с гляцевыми изданиями, либо научиться пользоваться ноутбуком и демонстрировать доказательства своей правоты с экрана монитора. Они почитают нас сильнее, чем язычники — своих деревянных богов.

Мы похожи на странствующих по пыльным дорогам средневековой Европы пилигримов, несущих на своих устах новости, предания и откровения. Реально, мы вылитые пилигримы. Мы также странствуем из издания в издание — платят униженно мало. Даже пилигримам, я уверен, подавали больше. А какие о наших доходах слагают легенды! «Песнь о Роланде» отдыхает в сравнении с душераздирающей сагой об уходе Шахри Амирхановой из «Bazar».

Вдобавок мы торчим первыми на линии шквального огня критиков нашего порочного мира. Почему-то все хотят сделать ответственными нас (еще, может быть, рекламщиков и политехнологов). Главный аргумент состоит в том, что гляцевые медиа отупляют аудиторию. Ха-ха-ха. Кого тут отуплять — все и так давно отупели до предела. Иначе как вы объясните, что население страны сделало своими гуру персонажей с сомнительной репутацией, страдающих алкогольной и прочими зависимостями, и с зарплатой в полторы тысячи долларов?

Мы, светские журналисты, одновременно и солдаты на первой линии гламурного фронта, и интеллектуальные боги современности. Не будет нас — система лишится связи между миром производителей и миром покупателей. Так-то вот. Ладно, чего-то я увлекся.

Я включаю ноутбук и открываю файл с ресторанным рейтингом прошлой недели. Так, кто там у нас? Ага. «GQ», «Cantinetta Antinori», «Турандот» и т. д. В общем, будем считать, что пятерка лидеров на этой неделе изменений ни претерпела. Новиков, Делос и «Ресторанный трест» пока ничего нового не открыли, пусть старые повисят. В середину пару летних площадок — «Хаятт» и «Веранду». С серединой все окей. Так, что дальше? Рекламных пауз нет, остаются малоприметные новички. Надо еще «Пушкин» из рейтинга убрать, десятую неделю висит, неудобно. И городское кафе «Окно» — я обещал им неделю, она прошла. А замыкает таблицу ресторан «Канapé» (нечего было со скидкой выпендриваться! «Мы модное место, мы модное место!» В следующий раз вообще выкину к черту. А сейчас еще в комментариях подгажу). Вот и все вроде? Главное — указать, что рейтинг составлен на основе пожеланий посетителей. Перейдем к написанию комментариев...

Про рестораны писать просто. Начнем с того, что положение ресторанного критика в Москве весьма забавное. С одной стороны, сами критики не выдерживают никакой критики (надо будет потом начитать рэп, посвященный этим людям, в сопровождении жестких гитарных рифов. Или жесткого бита. В любом случае, первая строчка уже есть, и она удивительно хороша). Так вот. Если почитать этих критиков, создается впечатление, что у нас в городе что ни ресторан — то обладатель трех звезд по «Мишлену», что ни повар — то Алан Дюкас. И любые, даже самые простые блюда начинают играть в руках российских шеф-поваров новыми, невиданными доселе красками. И винные карты составлены такими сомелье, что западные коллеги не годятся даже на то, чтобы уносить пробки, когда российский гуру откроет бутылку. А уж про создателей интерьеров российских ресторанов вообще можно не говорить. Эти люди настолько креативны и гениальны, что по ходу не наймут Филипа Старка даже маляром, предпочтя ему безымянного молдавана. Реально, не каждый удостоится чести малевать стены по эскизам САМОГО (далее сонм мало чего говорящих в архитектурном мире фамилий). В действительности дело обстоит несколько иначе. Гид «Мишлен» пока не оценил ни один российский ресторан ввиду того, что Россия, по мнению составителей, находится на кулинарной карте Европы где-то рядом с Антарктидой. Безусловно, в Москве есть несколько талантливых и даже гениальных поваров. Проблемка в том, что эти светочи РУССКОЙ ГАСТРОНОМИИ... итальянцы, испанцы и японцы. А в руках иных российских столпов самые простые блюда подчас разыгрывают такими красками, что диву даешься, каким образом можно умудриться испортить обычные продукты. Семгу на гриле, например...

С другой стороны, аудитория читает ресторанные обзоры только с двумя целями: узнать адрес ресторана и его ценовую политику. Поверьте, никому не интересно, каким образом шеф-повар ресторана «Х» готовит оленину да какие новые вина ввел в винную карту сомелье ресторана «Z». Да-да, все эти названия вроде «конкассе», «великолепных креветок-темпура»,

«воздушного супа-биск» и «искрящегося десерта с дикой грушей» никому нафиг не интересны. Парадоксально, но факт. Московская публика ходит в рестораны не есть, она ходит тусовать...

И любому начинающему ресторанным критику это нужно запомнить, как «Отче наш». Тогда все становится на свои места, а гастрономические очерки оказываются делом легким и приятным. К примеру, нужно написать обзор ресторанов, посещенных за неделю. Заметки, сочиненные в качестве рекламы, понятное дело, стоят на первом месте, ибо они есмь хлеб твой насущный (и виски тоже, не менее насущный). Затем пишем про заведения, в которых на этой неделе ты получил/планируешь получить дисконт. Как правило, к данной категории можно отнести все рестораны, лежащие в пределах Садового кольца и Рублевки, потому что если ты не ужинал там вчера, то непременно придешь послезавтра. А хороший обзор — отличный повод для знакомства!

Итак, для начала нужно похвалить кухню в обозреваемых заведениях, жонглируя эпитетами, перечисленными выше. Ими пользуются все ресторанные критики, и в плагиате никто не обвинит, ведь они стали такой же неотъемлемой частью ресторанной критики, как словосочетания «провокационный Готье» или «хулиганы Дольче и Габбана» в обзорах фешн-показов. Хотите прослыть оригинальным? Не бойтесь экспериментов. Просто подставляйте определения к блюдам, указанным в меню. Не бойтесь ошибиться! Флорентийский стейк так же может быть воздушным, а «темпура» — искрящейся. В конце концов, это зависит от вашего авторского взгляда и степени дружеских отношений с хозяином заведения.

Если еда настолько дерьмова, что это ее качество не замажешь определениями «фьюжн», «авторская кухня» или «эkleктичное меню», стоит сразу переходить к дизайну. В ресторане вполне может подаваться «неплохое» (читай, омерзительное) ризотто, но зато лаунж-зона, выдержанная в традициях парижского «Costes», или барная стойка, представляющая собой «кусочек ледяного восторга», выполнены на уровне, который не часто встретишь в европейских столицах. Бывает, что и еда, и дизайн «неплохие»... Не проблема, зато в данном «настоящем городском кафе» каждый уикенд публика наслаждается сетом лучших мировых диджеев — резидентов клубов Лондона, Нью-Йорка или Ибицы (имена и названия клубов можно не уточнять. Слов «лучшие» и «резиденты» в сочетании с Ибицей вполне достаточно). Бывает, что заведение не отличается ни едой, ни интерьером, ни наличием диджеев. В таком случае рекомендую сконцентрироваться на красоте персонала. Что-то, а уж девушки в Москве реально красивы, и ошибиться тут сложно. Если все-таки описываемое вами заведение настолько ужасно, что и девушки не помогут, стоит написать про «великолепный вид из окна, напоминающий панораму, что открывается из парижского «Georges». Иногда это выручает. Помните, плохих ресторанов в Москве нет, что доказывается счетами в них. Ужин в любом заштатном кафе-шапито в центре города обойдется вам минимум долларов в пятьдесят вне зависимости от кухни, уровня шефа и отсутствия парковки.

И, наконец, основное, базовое определение. Главное — оставаться со всеми в хороших отношениях. Это по твоему сраному мнению ресторатор открыл помойку, чтобы травить своих клиентов. А может, он об этом всю жизнь мечтал? А может, он его для своей любовницы открыл? А может, он завтра откроет лучше? А может, ему просто деньги девать некуда? ТЕБЕ-ТО, КОЗЕЛ, КАКОЕ ДЕЛО? Ты чо, типа реальный критик? Типа разбираешься? Типа не знаешь, что владелец этого рая для гурманов вчера рулил бригадой пацанов? Типа у тебя два здоровья? Типа самый крутой критик с самой большой аудиторией? Типа она тебя читает? Типа разбирается? Типа делает выводы? Нет? А чо ж ты тогда написал-то, урод? Может, еще раз придешь, продегустируешь? Понравилось? Пятьдесят процентов скидки понравились, гнида, или настоящие японские суши? Суши? Так-то... Одним словом, любите московских рестораторов! Не пишите о них плохо, они кормят как умеют. Некоторые — по-настоящему великолепно, остальные — просто хорошо...

«Таким образом, мы подошли к седьмой позиции ресторанного рейтинга «Одиозного журнала». На седьмое место попадает новое заведение от создателей известного московским гурманам...»

РИТА 2.0

— И, как обычно, этим «кто-то» должна быть я, понимаешь? В целом гребаном рекламном агентстве нет никого другого, кто мог бы поехать на встречу с этими придурками из «Моторолы». Я сказала Никифорову, что я ему не волшебная палочка, и если ихние руководители...

— Их, — говорю я вполголоса.

— Вот именно! Если их боссы хотят встретиться с нашими, он должен сам поехать, понимаешь? Что он о себе возомнил? Он что, Константин Эрнст, что ли? У него нет времени лично встречаться с топовыми клиентами? И потом, для нормальных проектов есть эта коза Власова, а все геморрой — Решетниковой! Все в курсе, что он трахает Власову, ради бога, кому какая разница? Нравятся тебе кривоногие Чебурашки — твое дело, но причем тут бизнес? Почему одни должны разгребать дерьмо, а другие только сливки жрать, а? Я так ему и сказала...

Излагая все это, Рита ходит по квартире, яростно рассекая воздух ладонями. На ней короткий, до середины бедра, желтый халат, а между пальцев ног торчат мягкие распорки (педикюрша только что уехала). Она двигается, аккуратно переставляя ноги, отчего кажется мне похожей на утенка из диснеевских мультиков. Периодически она достает из кармана халата телефон и проверяет, нет ли эсэмэсок, или неотвеченных вызовов, или... впрочем, я вообще не знаю, какого черта она его постоянно достает. Я сижу на диване, листаю «Make Up», пытаюсь ухватить суть ее эскапады, затем беру «Vogue». Иногда я говорю «да» или «нет», или «сто процентов», в зависимости от того, как Ритка заканчивает предложения. В общем-то она говорит о простых вещах, но... как-то сложно. Такое впечатление, что она рассказывает о конфликте с начальником самой себе. «Какая грудь у Скарлетт Йоханссон! Вот это я называю Голливуд. Просто интересно, своя или нет?»

— ...интересно? — долетает до меня обрывок фразы, звучащей уже с кухни. Мысли мои, что ли, читает?

— Вообще-то да, а тебе нет? — машинально говорю я и поднимаю глаза.

— Мне? В каком смысле? — Рита стоит, держа какой-то промоплакат оранжевого цвета (интересно, зачем он ей?). — Ты вообще слушаешь меня? Я тебя спрашиваю: тебе что, вообще неинтересно, что у меня происходит?

Я откладываю журнал и собираюсь ответить, что мне очень интересно, но в этот момент включается музыкальный центр и начинает играть какой-то лаундж, по-моему «Mezzanine de l'Alcazar Volume 4» (я не уверен), затем звонит мобильник, а плакат выскальзывает из Риткиных рук и падает на пол. Мы оба начинаем оглядываться в поисках звонящего аппарата, я лезу в карман джинсов, а Ритка в карман халата. Мелодия звонка вроде бы моя, но, достав свой телефон, я не вижу никаких звонков, молчит и ее LG, и мы застываем с глупыми лицами, но тут Ритка будто что-то вспоминает, идет в ванную и возвращается, держа у уха такую же, как у меня, Nokia, только разукрашенную узорами типа Палех.

— Алло. Да, все в порядке, я тебе перезвоню через час, я на встрече. — Она кладет телефон в карман, поднимает с пола плакат и подходит ко мне.

— Какой у тебя телефон модный! — Я вытаскиваю из пачки сигарету. — Давно купила?

— На работе выдали, я им сказала, что если они хотят поддерживать свой имидж с помощью внешнего вида сотрудников, пусть начнут хотя бы с телефонов. — Она снова достает телефон и перекладывает его в другой карман.

— Хорошая работа у тебя, зайка... — Я закуриваю. — Всем бы так!

— Да, кстати, о работе Я начала рассказывать, а ты меня не слушал, поросенок. — Рита подходит ко мне и шутливо щелкает по лбу. — Ты думаешь, нормально такие плакаты клиентам делать?

— Я думаю, что совсем ненормально, зайка. Это просто ужас, а не плакат! — Я выпускаю дым, беру ее за руки и притягиваю к себе.

— Андрюш, сколько раз тебе повторять, что я ненавижу, когда ты куришь? — говорит она. — Ты думаешь только о себе!

— Зайка, ты несправедлива, в данный момент я думаю только о тебе.

— Затужи немедленно!

Я достаю пачку, отрываю у нее крышку и тушу в нее

— Фу, гадость какая, выкинь в помойку! — Рита корчит недовольную рожу и картинно зажимает нос. — Вонь, ужасная, бр-р-р!

Я встаю,двигаю на кухню, швыряю весь этот трэш в ведро и, уже весьма раздраженный, возвращаюсь в гостиную, опрокидывая по пути стоящий в прихожей пластиковый пакет с покупками. Из него вываливаются: упаковки бумажных полотенец, пара дезодорантов СК, зубочистки в прозрачной тубе, пластиковая банка со жвачкой «Orbit», и другие мелочи. Я сажусь на корточки, собираю все это хозяйство обратно в пакет и говорю, вертя в руках блестящую (она реально блестит) упаковку с зубной пастой «Lacalut Brilliant White»:

— Модной пастой зубы чистишь, зайка. И не дешевой.

— А ты, можно подумать, не можешь себе позволить, бедняжка, — хихикает Ритка.

— Ты что! Я ею только серебряные запонки «Dior» чищу. Моим зубам такое не по карману!

— Иди сюда, дуралей! — Рита машет мне плакатом.

— Теперь, когда дым растаял, видишь ли ты, как пылает мое сердце? — паясничаю я, чтобы сбить собственное раздражение. Рита хихикает, я подбегаю к ней и валю на диван, одновременно стаскивая с ее плеч халат.

— Подожди! — Она переходит на шепот, вероятно, заигрывая.

— Это невозможно, — шепчу я.

— Аккуратней! — Ритка отталкивает меня и показывает куда-то в район своих ступней. — Дай сниму. Она садится, осторожно достает из пальцев лягушачьи распорки и кладет их на журнальный столик. Да, современные девушки — как рыцари средних веков: чтобы снять латы, им требуется час. Рита скидывает халат, я стягиваю через голову футболку.

— А откуда у тебя царапина на предплечье?

— Какая царапина? — В самом деле, я не знаю, откуда у меня может быть царапина. — Где, зайка?

— Вот! — Рита указывает на мое левое предплечье, и я вижу чуть проступающую розовую полоску. Интересно, откуда это? Меня всегда раздражают портящие мою внешность следы на теле. Особенно несанкционированные...

— В спортзале оцарапался? — предполагаю я.

— Интересно, в каком? Давно ты был в спортзале?

— Ты пытаешься уличить меня в измене? — Я глупо хихикаю. — Зайка, я принадлежу только тебе и российской журналистике.

Я обнимаю ее, целую в шею и тут снова звонит этот чертов мобильный. Она лезет в карман халата, я — в джинсы. Теперь звонок мой.

— Да! — кричу я в трубку.

— Андрей, я тебе отправляю эсэмэс, это очень важно, — говорит Вера, секретарша Всеславского.

— Я не могу говорить. Я на интервью!

— Перезвони по номеру, который я тебе отправлю, этот человек из какого-то закрытого VIP-клуба хотел встретиться с...

Я разъединяюсь, не дав ей договорить, и отключаю телефон.

— Что за девушка? — интересуется Рита.

— С работы, — говорю я и снова опрокидываю ее на диван.

Под моим локтем шуршит плакат, смятый до такой степени, что на нем можно прочитать только: «МОТО-ЭКСТАЗ».

С третьей попытки у нас почти получается. Господи, до чего я ненавижу секс в сопровождении занудного лаунджа!

Через пару часов мы сидим в исаевском «Окне», все равно мне с ним тут разговаривать.

А ты потом куда? — спрашивает Рита, отправляя в рот ягоды клубники.

— Потом у меня встреча с владельцами. — Я делаю глоток кофе, слегка обжигаюсь и морщусь. — Нудные люди. Предлагают долю. Потом — в редакцию, потом на интервью, потом еще на встречу, если успею.

— У меня такое впечатление, что я забыла сказать тебе что-то важное. — Рита закатывает глаза.

«Ты залетела?» — Я чувствую, как дергается мое левое веко.

— Что именно, зайка?

— Не могу вспомнить, неважно, потом само придет. Слушай, я давно говорю, тебе нужно сесть за руль. Понимаю, если бы у тебя денег не было. — Рита облизывает ложку. Сексуально, как ей кажется. Все-таки откуда у нее новый телефон? — С твоими финансовыми возможностями купил бы себе какую-нибудь красивую девочку. «Porsche Cayman», например. Катал бы меня...

— После Америки я не могу тут водить, я же тебе говорил. Меня бесит здешнее поведение на дороге.

— Найми водителя!

— Вот еще! Чтобы он круглые сутки слушал мои разговоры по телефону? Мне проще сразу наняться советником к конкурентам.

— Давай ты купишь «Porsche», а я тебя буду возить, а? — Она тянется ко мне губами. — Представляешь? Ни у кого в городе нет такого водителя!

— Хорошая идея, — смеюсь я. — Только «Porsche» — это слишком банально. Да и потом еще угонят... Надо купить чего-нибудь дешевое, не дороже полтинника. Ну, в крайнем случае, шестидесяти.

— Ура! — Рита хлопает в ладоши. — Я буду возить своего зайчика!

Мы целуемся.

— Хорошая идея, — киваю я, — у меня свободных денег примерно с полтинник. Надо подумать. Чтобы из проектов не вытаскивать.

— Кстати о машинах. — Лицо Риты становится очень серьезным — Я, наконец, решилась. — Она говорит таким тоном, будто последние полчаса мы обсуждали какую-то важную проблему и пути ее решения.

— На что, зайка?

— Я решилась поменять машину. Вот! — Рита выдыхает. — Возьму «Lexus IS 250».

— Красивая машина, — соглашаюсь я.

«Это и есть то важное, что ты не могла вспомнить? Интересно, откуда у тебя такие бабки, а? Неужели ты действительно дочь миллионеров?»

— Продаю свою «стрекозу», — говорит она, словно услышав мой непроизнесенный вопрос. — Ну и кое-что отложено. Плюс родители. В общем, послезавтра приходит моя новая машинка. Ты не представляешь!

Дальше следует пятиминутный монолог, в котором Рита описывает новое приобретение. «Лапочка», «девочка», «у нее такие глазки» — весь этот набор лажовых эпитетов разом выплескивается на меня.

Интересно, это случайно не связано с твоим новым телефоном, зайка? — озлобленно думаю я, чтобы не сосредотачиваться на «лапочках-девочках», — очень похоже, что связано.

— Единственная проблема в том, что Людка... Помнишь Людку, мы с ней вместе в «Фабрик» ходили?

— Не-а, — лениво отвечаю я.

— Людка за мой «мини» еще десятку должна осталась. — Мое незнание Людки, похоже, не производит на Риту никакого впечатления. — Представляешь, я ей говорила, что мне бабки нужны на этой неделе, а эта дура меня продинамила. Послезавтра машину забирать, а Людке хоть бы что. Я ей говорю, займи у кого-нибудь, а она: так получилось, ты не переживай, в понедельник отдам. Какой к черту понедельник? Мне машину завтра забирать! Понимаешь?

— Сволочь, — резюмирую я, глядя на стрелки на ее часах.

— Вот именно! — Рита подается вперед. — Скажи она раньше, я бы с салоном договорилась или перезаняла до понедельника. Чего тянуть-то до последнего дня? А теперь я как дура должна чего-то придумывать из-за того, что люди такие безответственные!

— Просто ужас какой-то! — Я полагаю, что наш диалог подходит к концу, и отвечаю абсолютно механически.

— Андрюш, а ты меня не выручишь до понедельника?

— Чего?! — не врубаюсь я.

— Одолжи мне десятку до понедельника! — Ритка проникновенно смотрит на меня и медленно ест клубнику. — А в понедельник Людка вернет, и я тебе отдам.

— Десятку? До понедельника? — Я тяну время. Все это довольно неожиданно. И главное, как обставила все, сучка! Я тоже баран — «у меня... свободных денег... в районе полтинника». Если бы понты можно было менять на бабки, я давно бы уже стал миллиардером. Сказать ей сейчас, что мне нужно вложиться в проект? Типа, через две недели могу дать хоть двадцать, а сейчас... А там и история с «Лексусом» сойдет на нет. Ага. Конечно. «Клубный деятель. Открывает самый дорогой клуб. Промоутер. Даже десятку не может любимой девушке одолжить. Главное, я же в долг просила, не просто так», — что-то в этом роде она скажет своим подругам, презрительно скривив рот. Вот тебе и позиционирование!

— До понедельника, — уверенно говорит Ритка, — а если Людка не вернет, займу у родителей.

— Да, конечно. — Где же мне их взять-то, душа моя? Друзья такие же беспонтовые, к ним обращаться бесполезно. Рыбалко? Точно, можно, у Лехи занять. Для него-то десятка — не деньги. Черт, как же я ненавижу одалживаться! Особенно по мелочам. Особенно не для себя. Хотя стоп! Почему не для себя? Ты ж не ее спасаешь, чувак, а собственный имидж. Это гораздо дороже, зайка. Гораздо дороже. — Да, конечно, зайка. Давай попробуем завтра решить это дело.

— Спасибо, любимый, — говорит она шепотом. — Кроме тебя, никто никогда не поможет. Все думают только о себе.

Я, в общем, тоже, — думаю я, — мир несовершенен.

— Кстати, ты про понедельник точно знаешь? В том смысле, что я могу и дольше подождать. Просто мне во вторник нужно вложить деньги в одно предприятие. Я должен рассчитать свои финансовые потоки, и все такое...

— А тебе в это шапито предлагают деньги вложить? — Рита презрительно кривится.

— Не-а, что я, идиот? Эти предлагают долю за то, чтобы я их промоутировал. Двадцать процентов. Хочу договориться о двадцати пяти-тридцати, — я нарочно роняю зажигалку, нагибаюсь за ней, а сам смотрю по сторонам в поисках чужих ушей. Убедившись, что никого рядом нет, продолжаю из-под стола: — Мне совершенно все равно, что продвигать, пельмени или эту тошнيلовку. Дам им пару советов по сервису, меню, правильной музыке, мероприятиям. Это мой бизнес!

— Удивляюсь твоему таланту делать деньги из воздуха, — улыбается Рита моему появлению из-под стола, продолжая есть клубнику. — А это не мешает твоему бизнесу с клубом?

— Мой основной талант — создавать команды. Главное — расставить всех по своим местам, задать направление, вдохнуть идею и все такое. Дальше все дело только в контроле.

— Ты уже наметил, что будешь делать на открытии «Нефти»? — спрашивает Рита, прищурившись.

— Наклонись ко мне, зайка! Рита послушно наклоняется.

— Тимберлейка, — шепотом говорю я. — Мы привезем Джастина Тимберлейка!

— Да ладно! — Глаза Ритки широко раскрываются. — Это какой же бюджет нужен?

— Секрет. МТС уже согласился. Во вторник у меня переговоры со вторым спонсором.

— Ты гений! — Рита откидывается на стуле. — Я тебя обожаю. Я вспомнила! — взвизгивает она.

— ???

— Шитиков вчера звонил. Сказал, свяжется с тобой сегодня после четырех. По поводу корпоратива.

Дура, что ж ты раньше молчала? Я достаю сигареты и долго прикуриваю, стараясь скрыть свою радость.

— Круто. А он дату не обозначил?

— А у тебя что, есть дни, в которые вы не можете выступить? Гастрольный тур? — довольно резко замечает Рита.

— Не ерничай, — осаживаю я ее, — у нас у всех куча дел. Неужели ты думаешь, что мы только сидим и ждем этого корпоратива? Мне просто площадка нужна, обкатать программу.

А-а-а, — тянет Ритка. Я размышляю, связана ли новость о корпоративе с положительным решением вопроса о десятке в долг или нет? Хочется думать, что это простое совпадение, тогда как реальность говорит о невозможности совпадений в меркантильных вопросах. Наши отношения плавно съезжают на обмен услугами? Если так, мне пока не потянуть промоагента за десятку, пусть даже и с очень хорошей фигурой. Как-то сложно все... Или я стал настолько мнительным?

Ей приносят фруктовый чай. «Борис Анатольевич уже подъехал», — сообщает мне на ухо официантка. Играет «Great Pretender» Фредди Меркьюри. Возникает пауза.

— Я хотела у тебя спросить, внезапно склоняется ко мне Ритка, — одну вещь. Ты знаешь, мы так мало времени проводим вместе...

— Угу, — мычу я, а сам уже думаю о том, как было бы круто затусить с Джастином в Москве. Показать ему правильный ночной город, телочек, устроить закрытую вечеринку в его честь. А утром, очнувшись в президентском номере отеля «Park Hyatt» среди полуголых женских тел и полупустых бутылок шампанского, набросать вдвоем ремикс «Cry me a river — Night in Moscow remix». Тимберлейк будет играть на рояле (он обязательно потребует рояль в номер) и вполголоса петь «Cry me a river, cry me a ri-i-iv-e-e-eg», а я буду читать что-то вроде «Little less tears, little more fun. Night in Moscow getting me down». А потом мы выпьем еще бутылку шампанского на двоих и Джастин мне скажет: «Чувак, ты реально чувствуешь музыку. Врубаешься с одной ноты. У меня есть студия, мы можем сделать классный проект — прорыв в музыке! Давай ты переедешь в Штаты на какое-то время, например, на год!» А я отвечу, что не могу без запаха Москвы по утрам, и...

— Одну вещь. Давай попробуем пожить вместе. Например, я перееду к тебе на какое-то время...

Стоп. Ахтунг! Какого черта Тимберлейк предлагает мне пожить вместе? Он чо, пидар? Вроде бы нет. А тогда... я наконец-то врубаюсь, что предложение озвучила Рита, а никакой не Джастин. Я просто отключился, выпал на секунду-другую, и все такое... Но то, что Рита делает мне подобное предложение, напрягает меня даже больше, чем если бы я услышал такие речи от Джастина. Он хотя бы мега-звезда.

— Что ты говоришь? — Я пытаюсь вернуться в реальность. — Переехать? Ко мне?

— Ты против? — Рита поджимает губы, — Нет, что ты! Просто...

Не слишком ли много неожиданных поворотов для одного дня?

— ...Просто у меня такой бардак дома...

— Ты такой глупый! — Ритка гладит меня по щеке. — Найдем домработницу. Тебе еще не надоела холостяцкая жизнь? Фаст-фуд, завтраки на бегу? Когда ты последний раз ел домашнюю еду? Кстати, я неплохо готовлю.

Меня и ресторанная вполне устраивает, — думаю я, но вслух довольно грустно говорю:

— Было бы круто!

— Ты такой трогательный, просто прелесть! Почему у тебя печальный голос?

— Ну... потому что... мне, типа, еще никто не предлагал жить вместе. Я уже даже и не помню, как это...

Сам в это время думаю о том, что совместное проживание с Решетниковой в моем ежедневнике не записано не то что на сегодня — на весь текущий год!

— ...было бы здорово попробовать...

— А что тут пробовать? Давай сразу после этих выходных, а?

— После выходных?

...В крайнем случае, можно будет врать ей, что остаюсь раз в неделю у родителей. Или два. Ну, это если отмазаться не получится.

— Давай после выходных, мне нравится эта идея! Мы снова целуемся. У меня во рту горчит. Наверное, от кофе. Играет Bryan Ferry — «Will you love me tomorrow».

— Я тебя люблю» — говорит Рита.

— Я тебя обожаю, — отвечаю я.

Повисает пауза. Не спорю, мне всегда по кайфу, когда девушка берет инициативу в свои руки. Но на совместное проживание это не распространяется. Я театрально смотрю на время на своем мобильном:

— Слушай, десять минут четвертого, мне же нужно с этими упырями встречаться!

— А я поехала в офис... Я забыла, мне документы нужно взять. Увидимся вечером?

— Я тебе позвоню после последней встречи, окей?

— Супер! Слушай, Андрюш, я забыла спросить, не хочешь слетать отдохнуть на недельку? Перед открытием своего клуба, — говорит она, роясь в сумочке. — У меня подруга с любимым во Франции. Где-то под Монопелье сняли виллу. Приглашает нас, ты как?

— Где-то где? — переспрашиваю я.

— Под Монопелье, во Франции, — повторяет Рита. В ее глазах легкий испуг. Чего испугалась, она и сама не знает, вероятно, моя интонация навела ее на мысль о том, что сказано что-то не-то или не так.

— А... понятно! — Я сглатываю, чтобы не делать ей замечания и не затягивать времени до ее исчезновения. — Понятно. Надо подумать, — я ерошу рукой волосы. — Запара страшная, сама понимаешь...

— Давай вечером обсудим? Или после выходных, окей?

— Окей!

— Ты мне вечером скажешь насчет десятки? Или завтра?

— Окей! — снова говорю я на автомате, потом, врубившись, что она имела в виду, говорю: — Я тебе привезу завтра после обеда. Или ближе к вечеру.

Когда она уходит, я перехожу в дальний конец зала.

Исаев сидит за небольшим столиком и пьет зеленый чай. На столе стоит коричневая барсетка. Типичный русский турист в Турции. Он, наверное, еще и на «Гелендвагене» ездит, лошина. Периодически он оттирает пот со лба и пухлых, слегка розовых щек. За его спиной — ложа в восточном стиле, с напольным топчаном, затянутая шторой. За шторой очертания лежащего человека.

— Здравствуйте, Борис Анатольевич, — почему-то мне хочется назвать его Анталевичем по аналогии с русским народным курортом.

— Здравова. — Он отхлебывает чай. — Ну, ложись, рассказывай, как жизнь.

— Регулярно. — Я сажусь за стол и понимаю, что мне предстоит, возможно, самая нудная беседа в моей жизни. Правильно, нельзя идти на поводу у временных финансовых затруднений.

— Рейтинг видели?

— Вот ты шустрый какой. Я думал, посидим, поговорим о жизни, о любви, а ты сразу к делам. Это девушка твоя была?

— Ага, — отвечаю я, но сам отчего-то отрицательно мотаю головой.

— Это хорошо. Читал я твой рейтинг. Вместе с партнером читал, да, Петь?

— Ага, — слышится голос из-за шторы. Интересно, почему партнер не может сесть за стол, он чего, переутомился? Или это партнер-невидимка?

— Я вот хотел узнать, почему наше кафе на девятом месте? — Он открывает крышку стоящего перед ним чайника и зовет официантку: — Маш, иди сюда!

— Да, Борис Анатольевич, — подходит Маша, лет девятнадцати, с бледным лицом.

— Я просил две минуты назад кипятку плеснуть, вы чо тут все, опухли от жары? — говорит он, грозно надувая щеки, но выглядит все это очень комично.

— Извините, Борис Анатольевич, сейчас принесу.

Маша уходит.

— Вот и приходится сидеть здесь целыми днями, контролировать. А ведь у меня еще куча бизнесов! Ничего без меня не делают. Да, Петь?

— Угу, — опять отзывается голос.

— Таков ресторанный бизнес, — сухо резюмирую я.

— Так все же почему на девятом-то? — Исаев снова сводит брови к переносице.

— Понимаете, Борис Анатольевич, в рейтинг «Одиозного журнала» нельзя сразу попасть в пятерку. Там в основном уже известные рестораны, а только что открывшиеся вообще не имеют шансов. Хорошо еще сумел втиснуть на девятое, а не на десятое. У меня на оба места вот такая очередь, — я развожу руки в стороны.

— Да? А на шестое или седьмое? Я бы доплатил...

— Это места для ресторанов Новикова или Делоса, или «Ресторанного треста». У нас с ними совместные проекты. Интересы собственников, вы же понимаете, — я закуриваю.

— А это... с собственниками твоими можно познакомиться? Сюда их пригласить, к примеру? — Исаев постукивает пальцами по столу и внимательно смотрит на меня.

— Боюсь, что нет. Одни в Лондоне, другие в... ну, сами понимаете где... Русские старатели, одним словом.

— Где? — непонимающе хлопает глазами Исаев. — А в Лондоне кто? Абрамович?

— Там, Борис Анатольевич, там, — поднимаю я палец к потолку. — А вы знакомы с Романом Аркадьевичем?

— С кем? — Исаев продолжает одупляться. Я давно заметил, что упоминание Кремля и Абрамовича вместе оказывает на лохов убийственное воздействие.

— Ну, вы тут Абрамовича помянули...

— Нет, не знаком. Ну, если люди такие занятые, тогда понятно. У нас и у самих дел полон хребет, правда. Петь? — Исаев даже разворачивается к шторе, но на этот раз Петя молчит.

В общем, говорить больше, похоже, не о чем. Приносят чайник кипятка, меняют пепельницу, я прошу еще кофе. «Hey, mister DJ» поет Madonna.

— А вот я хотел спросить, — возвращается к жизни Исаев. — А чо ты пишешь, что в «Марио» средний чек составляет сто долларов, когда я там вчера с Наташкой пятьсот оставил?

— Понимаете, средний чек — это условное определение.

— Типа?

— Ну, типа, берут общую сумму выручки ресторана за день и делят на количество посетителей. Например, выручка в день тридцать косарей, а прошло триста рыл, получается, что среднестатистический человек оставил в ресторане сто долларов.

— Типа, лох оставил? — осклабился Исаев.

— Ну, типа, да, — улыбаюсь я.

— А нормальных людей, которые съели на триста, а потом еще взяли по четыреста «Чиваса», их чо, не учитывают?

Я теряюсь, не понимая, что говорить. В итоге соглашаюсь:

— Не учитывают.

— Во, слышь, Петь! Нас с тобой не учитывают! Как ты вчера сказал это называется?

— Дискриминация, — откликается невидимый Петя.

— Во, я и говорю. Дискриминацию делают.

Снова пауза. Как же ты меня достал, кто бы знал! Диск заело. По второму кругу играет Madonna.

— Борис Анталевич, — все-таки я оговариваюсь, — ваша ассистентка сказала, что у вас какой-то разговор ко мне был.

— Разговор? — Исаев недоуменно чешет затылок. — Странно. Так просто пригласил. Перекусить, чаю попить...

— Просто мне бежать нужно. У меня через полчаса интервью с чиновником из мэрии, — вру я.

— С чиновником? Тогда ладно, беги. Ты, может, наш ресторан поднимешь на пару позиций. А то гостей нет ни хера. — Исаев пытается говорить по-свойски.

— Попробую, Борис Анатольевич, но не обещаю. Сами понимаете, где работаю.

— Да понимаю... А, вот еще что! Мы тут с партнером сеть кафе восточной кухни думаем открыть, да. Петь? Поддержишь?

Похоже, Петя уже заснул.

— Решим, Борис Анатольевич, — улыбаюсь я. — Договоримся, мы же теперь не чужие люди.

— Ну, хоть на этом спасибо!

— Борис Анатольевич, я счет попрошу?

Надеюсь, у тебя хватит ума не давать его мне? — гадаю я.

— Да прекрати ты, — машет рукой Исаев, — давай до встречи! Заходи почаще. Друзей приводи, мы вам скидочку...

— Конечно, Борис Анатольевич. — Я жму ему на прощанье руку и валю на воздух. Отчаянно хочется травы. Или еще чего-нибудь легкого...

«В ВЕНУ ЗА 200 ДОЛЛАРОВ! 500 МЕТРОВ!», — читаю я перетяжку, висящую посередине улицы. Господи, чем же там ширяют?

В НОЧНОЕ

За нарушение покоя граждан и тишины в ночное время в городе Москве настоящим законом предусмотрены следующие виды административных взысканий:

- предупреждение;
- штраф.

Закон Мэрии Москвы
от 12.07.2002

Сижу в «Шатре» уже полчаса, жду Бухарова, пытаюсь дозвониться Шитикову, но безрезультатно. Может, действительно сам перезвонит? Честно говоря, не очень верится. От нечего делать проверяю диктофон: все работает. Все это время звонит Марина — не отвечаю. Настойчивая девушка. Если человек не подходит дважды после десяти звонков — чего тут непонятного? В конце концов, она присылает эсмэску такого содержания: «perezvoni mne, urodez, ya sotru vsu fotosessiu». Сотрет она, как бы не так! Истеричка чертова! Вообще, день сегодня какой-то хреновый — ничего из запланированного не сделал, все сдвинулось к чертям. Я же говорю, кругом одни упыри. Пью уже второй чайник чая. От нечего делать перезвонил по телефону, присланному секретаршей Всеславского — оказались какие-то мутные перцы. «Хотите абсолютный эксклюзив? Мы, — говорит собеседник, — проводим черную мессу, самую большую в России. Нужен разбирающийся в ночной жизни, не хотите поучаствовать?» Поучаствовать кем? Как-то сложно все. Записал адрес, договорился встретиться с ними завтра в три. Наверняка бесперспективняк. Посмотрим. Несколько раз звонит Лена. Типа, скучает, типа, «в последнее время мы стали мало видеться». И эта туда же! Нет, вы подумайте: одной мало, второй мало. Я и так уже разрываюсь. I'm all over, babies. Ужас какой-то! По мне, так я с обеими вижусь больше, чем хотелось бы. Была бы возможность — взял бы у обеих отпуск за свой счет, а еще лучше — написать заявление по собственному. Боюсь, не подпишут. Что-то я стал уставать от общения с девушками такого формата. Старею? И еще, за последнюю неделю я не смог разложить пасьянс в своем телефоне ни единого раза. Просто ни единого. К чему бы это? Вспоминается вчерашнее чаепитие с Катей здесь же. Хочется ей позвонить, дико хочется. Может, влюбился? Хорошо бы, конечно, влюбиться по-настоящему. С долгими телефонными разговорами, прогулками под луной, длинными чаепитиями, ожиданием на станциях метро... э... в метро не хотелось бы. Лучше в кафе. Или в кино, на худой конец. Когда я последний раз был в кино? По-моему, на презентации «Пиратов Карибского моря». От кино там осталось одно название, банально напились на фуршете. Я сижу и прислушиваюсь к себе, пытаюсь понять, что во мне изменилось. Как там в книгах пишут? Что-то родилось внутри меня. Слушаю внимательно — ничего во мне не родилось, но все равно состояние какое-то стремно-тревожное. И несколько сентиментальное в то же время. Вообще, прикольно было бы влюбиться в эту Катю. Интересно, откуда она приехала? Или просто дочь спального микрорайона? Ист-Энд бой и Вест-Энд герл. Влюбиться так, чтобы ревновать... кстати, все-таки откуда у Ритки новый телефон? Что-то не верю я в щедрость ее работодателей.

Поразмыслив над всеми этими головняками, набиваю эсмэску Катке: «Привет)) Сижу в «Шатре», вспоминаю вчерашний кальян. Предлагаю сегодня продолжить. Скучаю. Андрей)))».

Не успеваю закурить, как приходит ответное письмо: «Кальян был су-у-упер! Сегодня не могу к сож. Попробуем завтра?))))»

«Кофемания», обед, часа в два?» — отвечаю я.

«Посмотрим))) Не могу писать, у меня пилатес начинается», — отбивает Катка.

«А что это?» — интересуюсь я, но переписка внезапно прекращается.

В пятый раз набираю Шитикова — жажда наживы выгнала эстонца из леса? И — о чудо! Он отвечает.

— Алло! Дмитрий? Здравствуйте, это Андрей Миркин, по поводу корпоратива. Я пытаюсь до вас дозвониться уже второй день. Мы могли бы встретиться?

— Миркин? — на том конце повисает пауза. — Миркин... а-а-а! Добрый день, узнал. По поводу корпоратива, точно. Я как раз тебя набрать хотел. Подъезжай в районе восьми в «Шанти». Удобно?

— Да, конечно. Диски у меня с собой. Значит, в восемь?

— Договорились.

А-а-а-а! Хочется подпрыгнуть. Выгорит, выгорит, выгорит, тьфу-тьфу-тьфу! Надо через левое плечо плевать. Интересно, почему же пасьянс не складывался?

— Ты чего расплевался? — говорит подошедший Бухаров. — Гадаешь что ли? Давай, у нас сорок минут.

Я включаю диктофон, закурываю и быстро прокручиваю в голове, как переформулировать вопросы, уже фигурировавшие в других интервью, найденных мною в сети.

— Только давай без банальностей и вопросов, на которые я сто раз отвечал, — просит Бухаров.

— Конечно, Игорь Олегович, — развожу я руками, — у меня каждое интервью — попытка показать индивидуальность собеседника.

— Ага, поехали!

— Итак, Игорь. Как давно вы начали заниматься ресторанным бизнесом?

— Здрасте... — Бухаров вопросительно смотрит на меня.

— Это я для вводки, типа «этапы большого пути», — пытаюсь увильнуть я.

— Может, тебе пресс-релиз дать почитать? — предлагает он.

— М-м-м... — Я на секунду задумываюсь, стоит ли отвечать отрицательно...

— Я взял диск у Риты, послушал пару треков, — говорит Шитиков.

— И как?

— Ну, я такое не люблю, но раз клиент хочет, почему нет?

Дмитрий Шитиков работает кем-то вроде организатора досуга для состоятельных господ. Вечеринки, дни рождения, корпоративные пьянки и прочее такое. В свои тридцать пять он — обладатель автомобиля «BMW X-5», квартиры в «Алых парусах», двух любовниц и нехорошей репутации любителя слишком юных дев. «Шестнадцать лет — уже старуха», — говорят люди о его вкусах. Впрочем, мне до фонаря. За его плечами множество дорогих ивентов, в том числе выездных в Монако и Куршевеле и десятки склок с коллегами по цеху. «Жулик» — самое мягкое, что я услышал в его адрес от своего приятеля грека Илиаса Меркури (прикольная фамилия, кстати, на его месте я бы всем врал, что мой папа — истинный владелец luxury бутиков «Mercury». Поди разберись — есть такой на самом деле или нет). Ну, ладно, речь не о нем, а о Шитикове. Появившись на двадцать минут позже, он с ходу врубает меня в тему, эдак по-простому:

— Короче, Дрончик, я тут навел справки о тебе и этой твоей группе «Московский Первый». То, что вы поете, в принципе — кал, но для карнавала покатит.

— Что значит — кал? — впадаю я в бычку. — Для какого еще карнавала?

— Ты денег хочешь заработать или залупиться? — прищуривается он.

— Вообще-то денег, — честно отвечаю я.

— Тогда молчи и слушай, гангста репер. Юбилей хозяина компании «Транс-бетон» Ларионова Владимира Яковлевича. Серьезный олигарх, читал, наверное?

— Ларионов! — еще бы я не читал о миллионере из русской десятки «Форбса». — Знаковая фигура.

— Все мероприятие пройдет в форме карнавала в ресторане «Паризьен» на «Динамо». Маски-шмаски, цирк с конями. Вы выходите перед основными музыкальными номерами, перед «Виа-Грой» и «Серебром», после Тани Булановой и какого-то танцевального шоу. Идете в качестве элемента контркультуры. Тексты, которые будете петь, мне пришлешь завтра до обеда. Я утвержу. Чтобы с матом, но иронично. Без всяких там призывов к насилию и оскорблений, понял?

— Понял, — честно говоря, я немного оторопел от его напора и решил только слушать.

— Гонорар — трешка, но распишешься за пять, обычная процедура. Если где-то всплывет информация о том, что взял не пять, а три — тебе же хуже, считай, что московская корпоративная кормушка для тебя закрыта. Ясно?

— А две штуки ты... ну то есть, — я делаю руками движение, будто скольжу по поверхности шара.

— Ну, то есть так оно и есть. — Шитиков оборачивается, приветственно машет кому-то, затем тушит сигарету в пепельнице. — Деньги тебе отдаст мой ассистент за час до начала. Старт в восемь, ваш выход в десять. Такие дела.

— Дим, у меня вопрос. Если карнавал, что надевать-то?

— Надевать? Не знаю, я не конферансье. — Шитиков чешет висок. — Ну, оденьтесь чикагской мафией или зверями, как эти финны с «Евровидения». По-моему, все гости одеваются какими-то зверями, так в пригласительных было.

— А самый главный должен быть в самом ярком наряде, да? Павлина там или петушка, — залиvisto хохочу я, вдруг улавливая, что начавший было смеяться вслед за мной Дима внезапно умолкает, и мой смех звучит, подобно хриплому кашлю больного воспалением легких в одиночной палате.

Дима пронзительно смотрит на меня и, резко растянув губы в улыбке, отрывисто смеется:

— Ну и мудак ты, Дрончик!

— Почему? Что я такого сказал? Что они, дикие, что ли, эти твои олигархи, на карнавалах никогда не бывали?

— Бывали они, конечно, везде, и на Багамах, и на Сейшелах, и на карнавалах тоже. Только перед тем как начать вкушать все прелести жизни богатых людей, они посещали совсем другие места.

— Типа?

— Ну, вот Ларионов, думаешь, всегда был нефтяным олигархом?

— А чо?

— В очо. Он до того, как стал на «Майбахе» ездить, сидел на зоне пятерку в восьмидесятых. Врубается?

— Да... то есть не очень. И я-то тут причем? На что ты обиделся?

— На то самое. На «очо». Ты хоть знаешь, что по понятиям значит предложить человеку прийти на праздник в костюме петушка?

— Блин... — начинаю врубаться я и чувствую, как на спине выступает холодный пот. — Блин, я и забыл. Вот я мудак-то! Извини меня, пожалуйста, я это... не силен в теме.

— Договорись ты, Миркин, в один прекрасный день. И ведь отвечать придется за базар-то. Сделают из тебя телку, гы-гы. Тебе ж не привыкать! Портфолио у тебя есть. Готовая модель для эскорт-услуг. Ладно, проехали. Я убежал. Жду текстов завтра до обеда.

...Шитиков уходит, а я остаюсь сидеть в холодном поту, пью воду и думаю о том, что с блатной лирикой надо быть поаккуратней. Может, вообще в текстах переключиться на клубную тематику? Минут через десять меня отпускает, и я наконец-то понимаю, что НАС УТВЕРДИЛИ НА КОРПОРАТИВ! Наше первое публичное выступление! Заказываю сотку «Dewars», залпом выпиваю и продолжаю сидеть, тихо офигея от радости.

Нам подтвердили корпоратив! Господи! Значит, Ты есть! Ты одет, как Тупак Шакур, у тебя огромный бриллиантовый крест на груди, бандана на голове, и ты врубаешься в хип-хоп!

Из динамиков стонет Bryan Molko:

*I see you've found my underground,
Help yourself to guns and ammo.
Nothing here has ever seen the light of day.
I leave it in my head.*

*It's the first day of the rest of your life.
It's the first day of the rest of your life.*

Ночь ловит нас в Москве, в салоне «Range Rover Vogue», несущегося по улице Красина в направлении Садового кольца. В машине нас четверо: я, мой друг Леха (олигарх-лайт, у которого я час назад занял десять тысяч долларов и теперь вынужден сопровождать его в ночи, хотя не могу сказать, что мне это так уж не нравится), и две наших сегодняшних лучших подружки — Света и Полина.

Леха в принципе хороший парень. Мы познакомились с ним три года назад, очнувшись после фестиваля «Fortdance» мутным питерским утром в гостинице «Невский Палас» среди переплетенных тел друзей и проституток, пытавшихся оживить нас своими неумелыми оральными ласками. Не подумайте, что это они от страсти — просто им было заплачено до двенадцати дня. Именно Лехе принадлежит гениальные слова: «Конец очередной пьесы — опять скучно, и ничего впереди. Недоплатили бы шлюхам, что ли. В этом была бы какая-то недосказанность...»

Изредка Леха берет меня компаньоном в свои ночные бои со скукой, иногда дает взаймы — немного и ненадолго, хотя в принципе для него мои кредиты — не суммы. Ненадолго, потому что Леха для меня — единственный банк, которому я плачу вовремя. В обычном банке можно попасть на проценты, в ситуации с Лехой — на отношения. А это полный отстой. Скажите, кто из нас сможет одолжить знакомому десятку по первому звонку? Таких нет, а Леха есть. Поэтому когда он предложил «куда-нибудь выдвинуться», хотя я уже собирался покинуть его квартиру с деньгами в кармане, я не устоял. Другьям же не откажешь! Тем более если они олигархи-лайт.

— Слушай, не будь лохом, сделай погромче! — говорит одна из девушек.

— Ты к кому обращаешься?

— К радио, — продолжает она.

— Прикольно, — отвечаю я, — а я думал, ты таким образом, типа, понравиться пытаешься...

Мы познакомились с ними в «Мон-кафе», а лучшие они потому, как что может быть приятнее, чем снять в два часа ночи, когда вокруг полнейший бесперспективняк, двух симпатичных (а не самых отстойных, как подумали некоторые) девиц? Круче — только тридцатипроцентная скидка в «Марио», а таких там не бывает, сами понимаете, или совершенно случайно найденный на улице косарь грина. Но лохов, роняющих доллары тысячами, я что-то не припоминаю. То есть я, безусловно, знаю некоторое количество лохов, но у каждого из них как назло кредитные карточки, а не кэш. При всем этом — золотых кредитках, дорогих костюмах, машинах и всем прочем — лохами они и остаются. Более того, определенное количество внезапно упавших на них денег лишь отягощает их положение, и они, не умея их тратить, выглядят еще большими лохами. Да что там говорить, полными колхозанами. Лошпеками на педальной тяге! Нет, вы только подумайте: для того чтобы правильно держать кофейную чашку, не оттопыривая мизинца, они наверняка нанимают репетитора!

Каково, а? Мне это кажется уродским, но ничего не поделаешь. Сегодня я тут, завтра — в Лондоне, послезавтра — в Милане, а там, глядишь, и...

Так о чем я? Ах, да, о лохах. Точнее, о том, что одна из этих телок назвала меня лохом. Ну, типа, попыталась назвать. В общем, я делаю музыку погромче, настолько громко, что задние колонки Лехиной машины начинают ухать. Девки визжат, я с хлопком откупориваю бутылку «Asti Gancia», торопливо отхлебываю из горлышка и передаю бутылку Полине (Свете?). Она неумело берет ее у основания, делает два торопливых глотка, и пена из ее рта с шумом вырывается наружу, летит на переднее сиденье, где сижу я, и — что бы вы думали — заликает мне всю грудь! Натурально, моя синяя, совершенно новая футболка от «Dsquared» целиком оказывается в этой чертовой пене. Я говорю что-то вроде «Какого хрена?», и Света (Полина?) принимается извиняться, пытается вытереть мою футболку рукавом, и говорит мне какие-то глупости, но все ее робкие попытки уже не играют никакой роли, равно как и ее имя. Потому что футболка стоит 450 долларов, и теперь безнадежно ИС-ПОР-ЧЕ-НА!

Тем временем начинается припев, и все окружающие, включая эту лошлицу, начинают подпрыгивать на сиденьи и подпевать:

You'll remember me, for the rest of your life!
You'll remember me, for the rest of your life!

Английского тут, понятно, никто не знает, кроме меня, разумеется. Поэтому все подхватывают только окончания слов:

You'll remember me, for the rest of your life!
You'll remember me, for the rest of your life!
Don't fuck it up!

Я пытаюсь узнать, куда мы едем. Леха предлагает отправиться в «Галерею», но я говорю ему, что она закрыта, и встречно предлагаю поехать в «Vogue Cafe», декламируя при этом: «Брат на Рейнджровере Vouge приехал в «Vouge». Телок — сток, отдохнул чуток. Йо!»

Раскидываю пальцы на манер этих доморощенных клоунов типа «Фабрики звезд», и хлопаю Леху по плечу. Девчонки на заднем сиденьи заливисто хохочут и начинают скандировать «Boг! Boг!». Я тоже смеюсь, и тут до меня доходит, что «Vogue Cafe» тоже закрыто, потому как уже полчетвертого. И по ходу поезда вообще все рестораны закрыты, и надо бы придумать, куда двигать дальше. Я говорю об этом Лехе, а он кивает и отвечает:

— Ага. Ну, тогда, может в «Галерею»?

Я врубаюсь, что название «Галерея» уже звучало и понимаю, что Леха пьян еще сильнее меня и начинает путаться в показаниях. И я хочу ему сказать, что он уже предлагал «Галерею», но вместо этого у меня вырывается вопросительное:

— Э-э-э-э?...

И тут кто-то из девчонок предлагает ехать в бар «30/7», который еще может быть открыт, и мы дружно соглашаемся, закуриваем и пялимся в окна — каждый в свое. А я украдкой посматриваю, куда пялится Леха, поскольку он за рулем и бахнуться в фонарный столб или припаркованный мусоровоз мне совсем не улыбается, потому что мне двадцать семь лет и моя будущая вилла на мысе Антиб еще не успела соскучиться по мне. Более того, она никогда не простит мне, если я променяю ее на ржавый, отстойный московский мусоровоз. В какой-то момент мы встаем на светофоре, и фары выхватывают на стене граффити, представляющее собой одно слово:

ЗАЧЕМ

И одна из девушек, которая не пила «Asti», говорит, глядя куда-то в середину салона:

— Интересная надпись. Действительно, зачем? Думая, что она обращается ко мне, отвечаю:

— Прикольно!

— Ничего прикольного, Андрей, совсем ничего прикольного...

— Да? Вообще-то да... Я бы написал красным. А контур обвел бы... таким ядовито-зеленым.

— Ты действительно так думаешь? — продолжает она. — То есть ты сейчас говоришь именно то, что думаешь?

— Ну... я не совсем уверен. — Мне почему-то становится неловко, и я чувствую дискомфорт от того, что эта телка загоняет меня в тупик. Но в последний момент я собираюсь и говорю ей лениво-отстраненно:

— Знаешь, как вариант ядовито-зеленый тоже был бы очень неплох. Но, если хочешь, пусть будет любой цвет. Я тебя умоляю! Пускай будет цвет, который ты захочешь. Do it your own way!

— Андрюш, а ты когда-нибудь делал что-то your own way?

— Я? Ха-ха! Ты бьешь наповал, крошка! — Я складываю руки наподобие пистолета, целюсь в нее и произношу «паф!» одними губами, а потом делаю вид, будто сдуваю дым после выстрела. — Кстати, гашиш будешь? — заканчиваю я с победным видом.

Она смотрит на меня во все глаза, не мигая. И от этого ее взгляда мне снова становится не по себе.

Уже часов пять утра, но наш диалог продолжается. Основательно набравшись в «30/7», мы оказываемся на пороге ее квартиры в районе Ленинского проспекта. Одной рукой я обнимаю ее за талию, в другой держу букет цветов, купленный у бабки, непонятно как оказавшейся в этот час на бульваре. Девушка долго копается в сумочке в поисках ключей от квартиры. Все это время я целую ее, закрыв глаза, и пытаюсь прогнать первые симптомы «вертолетной» болезни. Наконец она находит ключи и открывает дверь, я облегченно вздыхаю и еще крепче обнимаю ее.

— Конечно, Андрей, конечно — Она отстраняется. — Все непременно случится. Тотчас же. Можно прямо здесь. На пороге. Только один ма-а-ленький вопросик, окей?

— Да, зайка, можно даже два, только не больше, а то я весь просто сгорю. — Я снова притягиваю ее к себе и начинаю целовать в шею.

— Итак, Андрюша, у нас все сегодня случится, если ты скажешь мне, как меня зовут. У тебя десять секунд. — Она демонстративно поднимает руку с часами (марка мне неизвестна, впрочем, неважно).

— Эй-эй, что за дела? Что за проверки тут такие? — На этот раз отстраняюсь я, понимая, что ее вопрос — удар ниже пояса, ведь последние три часа я называл ее «зайка», «солнце», «дорогая», в общем, как угодно, только не по имени. А ведь она представлялась. Или нет? Как-то сложно все! — Послушай-послушай, что за детский сад а? Неужели ты в самом деле думаешь, что я не знаю, как тебя зовут?

— Восемь... — Она продолжает смотреть на часы.

— Может, хотя бы в квартиру зайдем? Нет, конечно, если тебя прикалывают такие игры, если ты находишь их возбуждающими, я, безусловно, за! — Я подмигиваю ей. — Если тебя это заводит, я готов притвориться, что не знаю, как тебя зовут. Хочешь? Типа, мы друг друга не знаем и случайно столкнулись в лифте пять секунд назад, да?

— Мы действительно друг друга не знаем. Три секунды.

— Э... — и тут я вспоминаю, что она точно представлялась! Вспомнил! Она либо Света, либо Полина. Одно из двух. Надо выбрать. Шансы 50 на 50. Тоже мне, любительница викторин! Я стараюсь улыбаться шире: — Понимаешь, Полина... — и тут же получаю сильнейшую пощечину, а потом толчок в грудь, который отбрасывает меня назад. Я прикрываю глаза, чтобы восстановить чувство реальности, а когда снова открываю их, вижу перед собой только дверной глазок.

— Света, открой, я же пошутил! — Я надавливаю кнопку звонка, — Света, Светочка! — Интересно, как ее мама в детстве называла? Говорят, на девушек такие воспоминания действуют. — Светлячок, ну прекрати! Ты хочешь оставить меня ночевать на улице? А если я простужусь и умру? Вместе со мной умрет надежда российской журналистики, понимаешь?

— Пошел к черту, паяц дешевый! — доносится из-за двери. — Я позвоню в милицию, если ты не уберешься отсюда через минуту.

— Опять таймер? Ты спортсменка? Бегунья или пловчиха?

— Пошел отсюда! — истерично кричит она из-за двери. Еще парочка моих фраз, и она точно заревет. — Убирайся, скотина!!!

Чего мне как раз не хватало, так это ночных разборок с мусорами. Нет, конечно, я готов к такой встрече, даже к громкому скандалу с выносом на первые полосы газет и веб-ресурсов. С заголовками типа «В Цюрихе задержан enfant terrible российского шоу-бизнеса!» И ниже: «Андрей Миркин, проходящий лечение в самом дорогом швейцарском реабилитационном центре для наркоманов, задержан полицией при попытке пронести гашиш. Фото и видео». Но тут, в подъезде, явно не тот случай. Поэтому я сваливаю.

— Невротичка, — говорю я напоследок, — принимай транки. Только не мешай их с «мохито»! Адъёс!

Света — одно из самых ненавистных мне имен. Еще раз убедился в том, что мне категорически противопоказано иметь дело со Светами. Тьфу!

Выйдя из подъезда, раздумываю о том, что вечер пошел псу под хвост, тупо пялюсь на дисплей телефона, и тут в мою пьяную голову приходит идея позвонить Ленке. Я набираю номер, долго жду, она не отвечает. У меня рождаются нехорошие предположения. Звоню еще раз — без результата. Наконец, с третьей попытки, она снимает трубку и говорит хриплым спросоном голосом:

— Да... але... Андрюша, что-то случилось?

— Нет, все в порядке. Просто... просто закончил выгуливать своих иностранцев, и мне так тоскливо стало. Я соскучился по тебе! Ты дома?

— Дома, дома, где же мне еще быть?

— Я хочу тебя увидеть!

— Приезжай, конечно, приезжай!

— Я тебя разбудил, sorry, ты, наверное, крепко спала, — зачем-то говорю я.

— Андрюш, дома поговорим, приезжай скорее!

Через тридцать минут я стою на пороге другой квартиры, сжимая в руках все тот же букет. Ленка открывает дверь и сразу натывается на выставленные мною вперед цветы:

— Цветы, — говорит она, — так трогательно! Какие красивые... Ты так редко даришь мне цветы. Где же ты достал их ночью? Да еще полевые?

«Они полевые? Своевременное открытие», — думаю я.

— Я и сам об этом думал, honey. Я так редко дарю тебе цветы. Очень редко... очень... прости...

— Ну, иди ко мне. — Она повисает у меня на шее, целует в губы. От нее пахнет теплом и домашними тапочками. В какой-то момент я чувствую себя загулявшим мужем. — Я по тебе ужасно соскучилась.

— Угу, — киваю я, борясь с внезапно вступившим в голову опьянением.

— Ты такой холодный, замерз на улице? — Она смотрит мне в глаза.

— Чуть-чуть, — шепотом говорю я и закрываю дверь, а Ленка принимается раздевать меня на пороге, прерывисто дыша.

Просто horny housewife какая-то. Хотя мне почему-то уже не хочется секса. Да, сдается, что еще полгода таких скачек, и моя жизнь окончательно превратится в не самый бюджетный порнофильм.

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

*Как же тебе повезло,
Моей невесте.
Мумий Тролль. Невеста.*

*Вера: Вы женаты?
Бардаму: Нет, мадам.
Вера: А жениться не собираетесь?
Бардаму: На вас, мадам?
Вера: Да хоть и на мне.
Бардаму: Ладно! Договорились!
Луи Фердинанд Селин. Церковь*

Я лежу в джакузи по шею в воде. Напротив меня грудастая брюнетка. Она вытаскивает из воды ногу и ставит ее на бортик ванны. У меня нечеловеческая эрекция. Дверь ванной комнаты открывается, я оборачиваюсь и вижу высокую блондинку шведского типа в мокрой футболке на голое тело. Она подходит ко мне, я плотоядно смотрю на ее гладко выбритый лобок, глотаю слюну и перевожу взгляд на брюнетку. Она облизывает губы. В этот момент блондинка уже подошла вплотную к ванне, присела, положила подбородок на бортик и опустила левую руку в воду. С ума сойти! «Эй, зайка, ты стреляешь не целясь», — говорю я ей.

— Кофе будешь или сок? — отвечает она.

— А? Чего? В каком смысле? — спрашиваю я, не понимая, как вопрос соотносится с ситуацией.

— Я уйду на работу, завтрак на столе, если хочешь, я сварю кофе, сок в холодильнике. — Это Ленка говорит, склонившись надо мною. Я, типа, проснулся? Вот дерьмо!

Ленка уже в костюме деловой женщины — белая рубашка, джинсы, приглушенная косметика, аккуратно уложенные волосы. Кстати, почему джинсы? Ах да, сегодня же пятница! Ежедневный день условной независимости офисного планктона.

— Уже? А что так рано? Сколько времени? — пытаюсь сообразить я.

— Рано? Андрюша, уже половина девятого. Я с этими пробками еще и опоздаю наверняка. — Лена целует меня в губы, отстраняется и поправляет волосы. — Это ты как топ-менеджер можешь себе позволить приехать в офис к одиннадцати.

Действительно, для них половина девятого — уже поздно. Черт, а я уже и забыл, кто я этим утром. Я приподнимаюсь на локтях.

— Половина девятого! У меня же meeting в одиннадцать, honey! Что-то я заспался с тобой.

Я улыбаюсь, обнимаю ее за шею, впиваюсь в губы, в голове начинает брезжить мысль об утреннем сексе. Без мазы: это у меня по утрам блядки, а у нее по утрам пробки. Как-то сложно все. Интересно, как она мыслит себе семейную жизнь без утреннего секса? Или думает устанавливать будильник на пораньше? Часов на семь утра. А если попадетсЯ былинный богатырь? Тогда на шесть что ли? Перспектива совместной жизни с ежедневной побудкой в шесть утра разом убивает желание. Я встаю, осматриваюсь по сторонам в поисках белья, не обнаруживаю его и вопросительно смотрю на Лену.

— Одежда в шкафу, в прихожей — отвечает она, затем, словно вспомнив нечто важное, садится на стул напротив кровати и начинает рыться в сумке.

— Ага. — Я встаю с постели, потягиваюсь и собираюсь направиться в ванную освежить дыхание, и все такое. Когда я уже почти вышел из спальни, Лена лупит мне в спину выстрелом из гранатомета:

— Андрюш... так здорово, когда мы просыпаемся вместе. Я бужу тебя, кормлю завтраком...

«И что?» — хочу сказать я, но вместо этого оборачиваюсь и посылаю ей голливудскую улыбку.

— Я давно хотела тебе сказать... то есть... я хотела у тебя спросить... черт, глупость какая.
— Она закрывает лицо ладонями секунд на десять, потом опускает руки, улыбается, смотрит на меня блестящими глазами и говорит: — Давай поженимся!

На какую-то долю секунды я теряю самообладание, съеживаюсь, как испуганный кот, потом все-таки беру себя в руки и улыбаюсь еще шире. Интересно, почему они выбирают столь уместное время для подобных предложений? Ну ладно Ритка, она всюду опаздывает и часами может тупо пялиться на дисплей мобильного в попытке вспомнить, под каким именем занесла в память номер маникюруши. А эта-то? У Лены все и всегда запланировано. Наверняка еще в понедельник отметила в своем органайзере напротив пятницы: «Спросить Андрея по поводу женитьбы». Значит, время выбрано намеренно. Неужели в надежде на мою утреннюю кому, невозможность мыслить и ориентироваться в ситуации?

Жениться! Да я еще толком глаза не разлепил. Тоже мне, сватовство вслепую... Мое положение осложняет еще и то, что голый человек не способен ответить ничего вразумительного на подобное предложение! Как-то сложно все! И что мне отвечать? Банальное «да, конечно» или тупое «а когда?», «а зачем?». Или переспросить «в смысле?». А, может быть, пойти дальше, включить лицемера: «Я и сам давно хотел тебе предложить, зайка, да все не решался. А тут ты, зайка, первая подняла эту тему, да так удачно! Так удачно, зайка, что я и не знаю, что тебе ответить, родная!!!» Слишком много «заек», слишком мало эмоций... Что же делать-то?

— Я... Лена... — Я сажусь на пол, смотрю на нее с восторгом, киваю, в общем, строю из себя дауна, которому в шестнадцать лет первый раз показали мяч.

— Андрюша! Ты... ты чего? — Лена садится рядом со мной на пол, обнимает меня и шепчет: — У тебя сейчас такие глаза... ты такой счастливый!

Да-да, счастливый. Придумай еще чего-нибудь. Ну? Какой я еще? Трогательный, нежный, сексуальный? Господи, что же тебе сказать-то? Я закрываю глаза, пытаюсь сообразить, как выкрутить ситуацию.

— Лен... you know... я давно хотел... в общем... э-э-э...

— Молчи! — Она прижимается ко мне всем телом, чуть дрожит, и, кажется, всхлипывает.
— Ты такой трогательный... Ага, я такой!

— Ты просто не представляешь, что я сейчас испытываю...

Если б я тебе сказал, что испытываю я, ты бы свихнулась. Шею не дави, задушишь!

— Это так... это так прекрасно...

Можно просто охуеть. Шею отпусти! Я с нетерпением жду, когда она меня отпустит. Желательно, чтобы мои глаза к этому времени уже увлажнились. Говорят, надо что-то такое подходящее вспомнить. Мелодраму? Как меня лупили негры в школе? Ах, я же свитер потерял и, кажется, безвозвратно. Во!

— Господи, такое впечатление, что я всю жизнь ждала этого утра, и вот оно пришло. — Лена наконец отпускает меня, отстраняется, и смотрит мне в глаза. — Я люблю тебя. Я без тебя не могу жить. Когда тебя нет, я не могу дышать. Ничего не могу!

Чистый инвалид, а не телка! Я целую ее в губы и говорю:

— Я люблю тебя. I love you!

— Ты плачешь? — Она начинает целовать мои глаза, губы, лоб, щеки.

Господи, когда же это кончится?

— Я... просто... you know... — Я хлюпаю носом. Потом еще раз. — У меня никогда не было такой женщины, как ты.

Чистая правда, все остальные очень даже могли дышать в мое отсутствие...

Короче, еще минут десять мы лобызаемся, обнимаемся, гладим друг друга, как макаки в цирке, а я думаю о том, как я попал. Сначала эта Рита с идеей переезда ко мне, теперь Лена с женитьбой. В принципе они неплохие девочки, жалко бросать их из-за ерунды. С другой стороны, я сам себе говорил, что устал, что нужно сменить формат, и все такое... Но чтоб вот так, кардинально! Послать сразу двоих?! И почему я? Почему именно меня судьба ставит перед самыми херовыми решениями, почему мне всегда достаются такие лажовые концы? Никакого тебе хэппиенда. Мерзость. Ситуация крайне напряжная. Все равно, как себя ни

позиционируй — ситуация дерьмовая. Я сижу в объятиях Лены, и слезы катятся по моим щекам. Мне безумно жаль себя.

Я встаю, даю Ленке последний раз насладиться видом моего заплаканного лица, и отправляюсь в ванную. Типа, скрыть захлестнувшие меня эмоции, прийти в норму, вернуть себе мужской облик, перестать слышать ее идиотские всхлипывания, наконец! Забравшись в ванну, я включаю душ, подставляю голову под теплые струи, стараюсь расслабиться. Интересно, сколько еще она проторчит в спальне? У нее же рабочий день, в конце концов! Распорядок, встречи, планерки, завершение отчетного периода, что там у них еще бывает? Я просто кожей чувствую ее присутствие за дверью, и это меня дико раздражает. Чего ты там стоишь, тратя рабочее время? Или тайм-менеджмент не для тебя придумали?

— Андрюша, — говорит она из-за двери, — милый, я побежала. Я люблю тебя. Увидимся вечером. Позвони, когда будешь выходить из дома.

— Хорошо, — выдавливаю я. Уходит. Ага. Наконец-то.

— Андрюш...

Да какого черта тебе еще нужно?!

— Ты знаешь... я хочу тебе сказать, что ты... ты просто удивительный. Я никогда не видела, чтобы мужчины плакали в такие моменты, даже в кино. Ты просто потрясающий. Я люблю тебя.

— Я... обожаю тебя, — бормочу я, сидя на дне ванны и плюясь водой в противоположную стенку.

Кажется, теперь ушла. Я встаю, открываю кран посильнее и пытаюсь расслабиться, вспоминая свой утренний сон с телками. Телки, телки, телки... если у кого-то прожитые годы ассоциируются с успехами в учебе или карьере, президентскими выборами или дефолтами, ценами на нефть или обналичку, то основные вехи моей жизни — это телки. Когда мне говорят: «Год 2002-й», я вспоминаю Машу и Кристину, юных выпускниц истфака МГУ, с которыми я параллельно крутил в то время роман. 2003-й — безумный роман с Ольгой, 2004-й, 2005-й — это... беспорядочные годы, одним словом. 2006-й — Жанна, Юля и Катрин, клубный угар, мультинациональные корпорации и журналистика, конец 2006-го и 2007-й — Рита и Лена, модельный бизнес и снова корпорации. Женщины — это моя карьера, моя поэзия, мои университеты, что ли... Нет, конечно, я никогда не был жиголом. Просто через женщин узнавал жизнь, разные социальные слои, разные бизнесы, тусовки. Они вели меня вперед, я ориентировался в этом мире по вспышкам страстей не хуже, чем по маякам. Мне все время их не хватало, я постоянно кого-то очаровывал, в кого-то влюблялся, кого-то влюблял в себя, кого-то завоевывал. А завоевав, немедленно начинал борьбу за собственную свободу. Такой вот замкнутый круг. Сейчас я понимаю, что мы все-таки любим друг друга взаимно — мир девушек и Андрей Миркин. Я полигамен и быстро пресыщаем, они — жуткие собственницы и ненасытные животные. Но друг без друга мы не можем, «это по любви», как поет «Мумий Тролль». Да, действительно — пусть я не отвечаю стандарту надежного спутника жизни, зато создаю для каждой из них ее собственный мир. Скажите, разве можно за это корить молодого человека? В целом я идеальная реинкарнация Казановы: холостой, увлекающийся и ветреный. Я не прошу многого, меня всего лишь нужно постоянно удивлять. В отличие от современных мужчин, я не отношусь к женщине как к резиновой кукле, которую вдобавок приходится кормить и одевать. Для меня каждая из них — Вселенная. Разве я виноват, что иная вселенная оказывается меньше моей кухни? Я исследователь, а не стриптизер. Мне постоянно нужны новые открытия. Разве я многого прошу?

«Андрюша, сегодня день рождения Алены. Сбор в 20:00 в «Симачеве». Пожалуйста, не забудь. Я тебя люблю», — читаю я текст, написанный аккуратным Лениным почерком на листочке, вырванном из ее органайзера. Листочек придавлен связкой ключей от квартиры.

«В 20:00!» Интересно, почему нельзя написать по-простому: в восемь часов? Что за идиотская манера — писать любимому человеку в таком стиле? Не хватает только подписи в конце: *С уважением, Елена Спирина, аудитор, PriceWaterhouseCoopers*. А что? Смотрелось бы органично.

Я наливаю кофе, закуриваю и раздумываю, чем бы заняться. На часах десять утра. Честно говоря, вставать рано — это правильно. Можно неспешно позавтракать, выбрать одежду, составить расписание рабочего дня, сделать много нужных звонков, короче, успеть сделать в два раза больше, чем обычно. Проблема в том, что делать особенно нечего...

Я беру кофе, бутерброды, пепельницу и иду в спальню. Завалившись на кровать, опять закуриваю и включаю канал VH1, по которому показывают подборку клипов «Garbage». Я обожаю просыпаться под этот канал. Особенно если показывают программы типа «We are the 80's» или «Rock Show» или сплошным потоком ролики клевой команды. Когда начинаешь свой день с кофе и неспешно выкуренной сигареты под «Blur», «Pulp», «Radiohead», «Cure», «Oasis», «Nirvana», «Pearl Jam», «Smashing Pumpkins», «Linkin Park», голову наполняют всякие креативные идеи, а душу — чувство стабильности и уверенность. Западная же попса восьмидесятых добавляет ощущение шика, праздника и разнузданной стильности. В общем, канал VH1 жизненно необходим нормальным людям по утрам. Жаль, что у меня дома его нет...

«Stupid girl, stupid girl — all you have you waist it», — поет вокалистка «Garbage», отбрасывая со лба спутанные волосы. Она клевая, эта Ширли Менсон. Одна из немногих, на которых я готов жениться. Есть еще Анджелина Джоли, но эта кандидатура может быть рассмотрена, если я выберу путь хип-хопа с виллами в Майами, шикарными кабриолетами, шампанским по триста долларов за бутылку и длинными яхтами. С другой стороны, в момент пика моей карьеры Джоли будет уже старухой с кучей приемных детей-ниггеров, что, несомненно, скажется на ее сексуальности. А Ширли — как раз то, что нужно героям андеграунда. Такие, как она, — вне времени. С ней не нужно будет говорить про «самоопределение», «проблемы ухудшения ситуации с пресной водой», «перспективы», «противопехотные мины», «жизненный комфорт» и прочую лажу. Мы могли бы вполне благополучно существовать где-то между Лондоном и Питером, время от времени расставаясь для студийной работы. Хотя изредка можно было бы записываться дуэтом. Типа такой хип-хоп с жесткой гитарной аранжировкой. Совместное турне, клип и все такое. После гастролей можно было бы отъезжать на полгода в Шотландию, читать шотландскую поэзию (интересно, есть такая?), лежать на траве, покуривая косяки, ездить за покупками в ближайший дискаунтер, как студенты. Как студенты...

С такими мыслями я возвращаюсь в ванную, причесываюсь, придирчиво разглядываю себя в зеркало. Потом смотрю по сторонам, беру пасту «Lacalut» и вывожу ею на зеркале сердце. Хочется дописать внизу «Forever not yours», да, боюсь, не поймет. Потребуется официальный мейла или письма на бланке.

Я вытаскиваю мобильный и начинаю писать эсэмэску Кате. Кстати, об эсэмэсках. Надо бы мне, идиоту, стирать эсэмэски перед тем, как оставаться ночевать у своих подруг. Понятно, что читать чужую почту неприлично, тогда как иметь такую возможность и не пользоваться ею — непозволительная глупость. Лена, скорее всего, не станет шерстить мой телефон, а вот Рита... От этой всего можно ожидать. Хотя и от Лены тоже, если честно. Черт, откуда же у Ритки новый телефон? Стопудово какой-нибудь олень подарил.

«Ты уже проснулась? Как насчет нашего обеда сегодня? Часов 12, окей?» — отправляю записку Кате.

В двенадцать дня в «Кофемании» уже полно народу. Продвинутые студентки, дети состоятельных кротов, работники рекламных агентств, креативщики, режиссеры, интернетчики, дизайнеры, журналисты — в общем, вся та братия, кою принято именовать людьми творческих профессий. Да, еще только что проснувшиеся содержанки, завтракающие перед шопингом / салоном красоты, западные бизнесмены и русские клерки «богема style». Если с телками и экспатами все понятно, то последняя категория всегда вызывает у меня продолжительные приступы смеха. Они одеты в однотонные синие костюмы, розовые рубашки и галстуки, в руках у них газета «Коммерсантъ» или «Ведомости», реже «РБК», на столе чашка кофе, салат «Цезарь» и вода без газа, реже сок. Посредственные клерки — истинные короли нашего мира, гвардия капитала. Если штурмовики СА носили коричневые рубашки, то нынешние мультинациональные штурмовики носят розовые. Иных

принципиальных различий между ними нет — то ли экспаты среднего звена, то ли русские менеджеры топ-уровня, с первого взгляда не поймешь. Но это нам только так кажется. На их взгляд, они кардинально другие. Для того чтобы выгодно отличаться от калиброванных русских коллег, они носят крохотные щеточки волос под нижней губой, демонстрируя этим свою ярко выраженную индивидуальность (и в то же время не особо выходя за рамки корпоративного стиля). Выглядит это так, словно у человека на лице внезапно вырос мох. От экспатов их отличает место, выбранное для бизнес-ланча. Это тебе не банальные «Старлайт», «Галерея» или «Гудман». «Кофемания» — место, где собираются творческие люди. Чем это заведение отличается от остальных, я не понимаю. Вероятно, для себя они объясняют означенную атмосферу близостью к консерватории. Реально, я не раз слышал от разных индюков фразу: «Здесь особая атмосфера... особая публика, понимаешь?». Из чего я сделал вывод, что если когда-нибудь судьба предоставит мне шанс открыть очередной мандежник, я непременно назову его «Арт-кафе».

Катя опаздывает, я пью вторую чашку латте, верчу головой по сторонам и не знаю, чем занять руки. Пойти, что ли, взять бесплатную газету со стойки? «Коммерсантъ» — «Ведомости» — «РБК»? И что я там найду? Сотое упоминание о том, что главный финансовый тренд этого года — выход на IPO? Город попугаев. Если появляется какой-то дизайнер, поп-группа, галерея, сумасшедший художник, ресторан — все дружно начинают «следовать тренду». Так и с IPO — впечатление такое, что сегодня даже хозяйева десяти палаток «Куры гриль» мечтают выйти на IPO. «Не сейчас, конечно. В январе». Нет, за газетой не пойду. Во времена, когда я был очарован магией слова «яппи», на моих столах в офисе и дома непременно валялись такие газеты. Причем лежали они таким образом, чтобы наклейка «Бесплатная копия для ресторана «Vogue Cafe» («Сыр», «Ваниль»)) сразу бросалась в глаза. Чтобы сразу было понятно, что человек может себе позволить бизнес-ланчи в ресторанах со средним чеком в сто долларов. На самом деле я там только и делал, что пил кофе или самбуку у знакомых барменов. Теперь, попадая в чужие офисы, я периодически натыкаюсь на заваленные этими газетами столы такого же заигравшегося молодняка, и понимающе усмехаюсь. Нет, за газетами не пойду. В итоге руки я занимаю вовремя зазвонившим телефоном:

— Да!

— Добрый день, «Дягилев проджект» приглашает вас на вечеринку «Фата-Моргана», в субботу, — сообщает мне голос девушки из клуба «Дягилев», которая каждую пятницу спамит телефоны московских «мужчин с возможностями», напоминая, что пришел очередной уикенд — время тратить.

— На какую вечеринку?

— «Фата-Моргана», в эту субботу, приходите!

— Да, спасибо, отвечаю я и отключаюсь. Мне до сих пор не понятно, как я-то оказался в этом «мейл листе» толстосумов? Или они поставили в список рассылки всех мужчин города, у кого есть непогашенные кредиты, мобильные телефоны или хотя бы кредитные карточки? Вдруг кто-то с прошлой недели неожиданно поднялся?

— Как называется вечеринка? — переспрашивает кто-то за моей спиной. Я оборачиваюсь, чтобы получше рассмотреть спрашивающего — одного из розоворубашечных клерков (мха на лице нет, зато в нагрудном кармане пиджака имеется розовый платок, а на столе — пресловутые «Ведомости»).

— Ага. Понятно. Спасибо, только я, к сожалению, не смогу, — на полном серьезе отвечает парень. — Я в субботу на «Винзаводе», там Гельман устраивает мероприятие по современному искусству. Скажите, а во сколько начало? Ага... очень жаль, да... спасибо...

Я чуть кофе не подавился: видели идиота? На «Винзаводе» он будет! Извиняться перед девушкой с ресепшн ночного клуба, подробно объясняя ей, почему не придешь на вечеринку, все равно что читать стихи автоответчику МТС или отвечать на электронные письма с заголовком «Do you want to enlarge your penis» — «Yes, but not these days. Unfortunately, I'm going to Irkutsk. Business-trip, until next Friday». Да какая ей разница, кто ты, где ты будешь и почему не придешь? Ты для нее — имя в списке, над которым занесена ручка, чтобы поставить галочку. Полный идиот. Интересно, он и на эсэмэс-рассылку, которую делает скрипт, отвечает?

К слову сказать, мне приходит эсэмэска. Неужели Катя опаздывает? Нет, это очередная рассылка: «ПРИГЛАШАЮ СЕГОДНЯ НОЧЬЮ НА ВЕЧЕРИНКУ «36 МОНАХОВ ШАО-ЛИНЯ» В РАЙ. АНДРЕАС». Все, пятница началась. Раздраженный чертовыми рассылками, клерками, любящими современное искусство, и опозданием Кати, отвечаю на эсэмэску: «ИНТЕРЕСНО, ЧТО БУДУТ ДЕЛАТЬ МОНАХИ? ПИЗДИТЬ ГОСТЕЙ?». На самом деле интересно другое: есть ли вероятность, что кто-то прочтет мой ответ? Было бы прикольно...

За стол напротив меня приземляется пара одинаковых тюнингованных блондинок неопределенного возраста, одетых в спортивные костюмы «Juicy Couture» (одна в розовый, другая в желтый). В начале девяностых московские бандиты ходили в спортивных костюмах всюду — на дело, в баню, в казино, на футбол. Московские блондинки двухтысячных повторяют то же самое: куда бы ни пришли, все превращают в зал для фитнеса. В сущности, какая разница между «Adidas» и «Juicy Couture»? Спортивный костюм и есть спортивный костюм. Ничего не меняется... абсолютно ничего...

Те же проявления колхоза находят отражение и во внешности девиц — они словно сестры Маши Малиновской. Губы, сиськи, лоб, скулы — все сделанное. Знаете, как мальчики из бедных районов приходят к парикмахеру с фотографией Эминема, говоря: «мне вот так вот сделайте». Эти подружки, вероятно, приходили к хирургу с фотографией Малиновской. Или у них один и тот же доктор?

На руках у девиц усыпанные камнями часы практически мужских размеров, в ушах и на пальцах — довольно безвкусные ювелирные изделия, с камнями, но не «многокаратниками», что указывает на принадлежность девиц ко второму, а то и третьему эшелону «милых». Одна из телок беременна, у нее и камни в ушах побольше. Все время, что я их рассматриваю, красавицы сидят молча, с кислыми минами, презрительно рассматривают окружающих и пьют вино. Grimасы у них также очень забавные — в выражении презрения участвуют только области вокруг губ и глаза. Все остальное лицо не двигается. Просто потому, что не может. В их положении приходится выбирать: либо ботокс с подтяжками, либо мимика. Периодически они смотрят в сторону третьего стула, на котором возлежат кожаные сумки. На столе нарочито разбросаны сигареты, квадратные зажигалки, два телефона «Vertu» в клубничных тонах и ключи от авто. Чтобы всем было понятно: «Ты хотя бы знаешь, ублюдок малолетний, перед чьей женой ты тут квадратами пресса играешь? Не понял еще? Ну так запиши телефончик, завтра со мной в гостиницу прокатишься...»

Прибывает третья подружка, рыжая, модельной внешности, несколько моложе обеих (гадина!), с несколько лучшей фигурой, но и одета поплотнее: укороченное красное платье, красные туфли, красная сумка, небольшие часы на запястье, маленькие камни, зато губы свои.

— Привет, девчонки! — Она целуется с каждой чуть ли не в засос. — Представляете, я сегодня прочитала в каком-то журнале, что недосып — это прибавленный с утра килограмм. Я чуть с ума не сошла! Вчера целый день на фруктах, а потом трахалась до четырех утра, встала в десять. Это что, значит, вся диета насмарку? Шесть часов сна — недосып или нет?

— А ты взвешивалась? — спрашивает девица в розовом.

— Да я еле встала под душ, а ты говоришь — взвешиваться. Жанна, ты не представляешь, такой мужик!

— Радоваться надо, что трахалась. Недосып у нее! — говорит беременная телка в желтом.

— Мне кажется, что недосып, это когда спишь меньше нормы. Норма — двенадцать часов или типа того, — продолжает «розовая» Жанна.

— Ой, ладно, — отмахивается вновь прибывшая. — В общем, вы поняли, я ему все-таки дала.

— У тебя новые туфли? — говорит Жанна, рассматривая ноги модели.

Да, позавчера купила. «Christian Labutan», — небрежно замечает та.

— Кому, Лиз? — без тени интереса спрашивает беременная. — Менту этому?

— Жень, ну какому менту, с ментом я уже рассталась, — обижается Лиза. — Я же тебе рассказывала, его Толя зовут, нефтетрейдер он. С виду лоховат, конечно, но деньги есть. Кольцо мне купил «Chopard», — Лиза хвастливо выставляет палец.

— Камень мелковат, мог бы и побольше, тоже мне, нефтетрейдер! — фыркает Жанна. — Вон Женьке на следующей неделе ремонт заканчивает в «Алых парусах». Двести метров квартира, между прочим. А у нее никакой не нефтетрейдер, просто банкир.

— Ну так Женька тоже постаралась. — Лиза со смехом обводит взглядом контуры Женькиного живота. — Не знаю, девчонки, мне кажется, я влюбилась, неожиданно! Он такой романтичный вчера мне сказал в ресторане: «От тебя пахнет летом».

— Клубом что ли? — не понимает Жанна.

— Каким клубом? — переспрашивает Женя.

— Ну, клуб такой был «Лето», до «Дягилева» еще, — поясняет Жанна.

— Он что, идиот? Типа, намек на вчерашнюю моду, — Женя пытается сыграть бровями, забывая про ботокс во лбу, но вовремя останавливается.

— Почему сразу клубом? — Лиза закуривает. — Летом, цветами, ну что там еще бывает? Еще в театр пригласил завтра. У него есть специально обученный человек, который занимается закупкой билетов на лучшие спектакли.

— Типа баера, чтоли? — спрашивает Жанна, склонив голову набок. — Я слышала, сейчас это модно. Раньше специально обученные баеры только шмотки закупали, а теперь билеты на концерты, в театр...

— Ну да. Типа баера, — соглашается Лиза.

— Влюбилась, романтика, театр! — Женька делает глоток вина. — А чего ж тогда такой жадный, если романтик? Лиз, ты бы пробила по тусовке, кто он, где живет, сколько денег. Может, он женат?

— А женатые тоже ничего, как я посмотрю, — Лиза смеется. — Когда, говоришь, ремонт закончишь?

— Какая ты сука! — кривится Женька. — Я его максимум в полгода разведу. Он как про ребенка услышал, сразу как шелковый стал. Еще повезло, что на УЗИ сказали «парень», он парня давно хотел, а его «ваганьковская» уже не в форме.

— А сколько Вагизу лет? — как бы между делом интересуется Жанна.

— Около сорока пяти, — отвечает Женя.

— Было десять лет назад — ерничает Лиза.

— Ой, я тебя умоляю! — Женька высовывает язык. — Уж лучше, чем твой бывший мент, который шил форму на заказ у каких-то итальянцев. Полгода мозги тебе пудрил и «мерс» подарил. Тоже мне, восточная щедрость!

— Он мне еще денег на квартиру дал, — Лиза тушит сигарету. — Полтинник.

— Невиданная щедрость, — вставляет Жанна.

— Ладно, — Лиза вздыхает. — Зато трахался хорошо и отдыхать возил раз в месяц. Там все понятно было, он честно сказал, что женат, что ему разводиться нельзя. Так что особо без иллюзий.

— А по бабам бегать можно, да? Не надо было тебе ему врать, что залетела, надо было на самом деле беременеть. Они от новых детей сразу с ума сходят, — качает головой Жанна.

— Что значит — не надо? Он сразу в отказ пошел, сказал, что детей не хочет, — злится Лиза и закуривает новую сигарету. — Он бы тогда меня просто на хер послал. А так хоть машину вымучила!

— Кстати, она права. Они на аборты ведутся. У меня подруга так за год на квартиру заработала, — соглашается Женька.

— Ты, главное, с этим своим Толей не нагрейся. Предложи ему пожить вместе какое-то время. Сразу будет понятно, что за экземпляр. Какие-то мужики пошли балаболы. Романтика! Летом пахнет!..

— Тебе, конечно, легко, ты замужем, — констатирует Женька, и в этот момент на ее лице отражаются все ее ночные размышления над собственным будущим: уйдет — не уйдет, женится — не женится.

— Ой, ладно! — хмыкает Жанна. — У моего начались «сороковые-роковые». Командировки, конференции. Я так думаю, что какую-нибудь крысу себе нашел. Или с работы кого. Детектива наняла проверить.

— А если он его вычислит и перекупит? — в голосе Женьки зазвучали нотки интереса.

— Мне все равно, если честно. Я ему по пьяни однажды сказала: «Ты у меня вот где! Все твои счета, документы. Все твои схемы. Все про тебя знаю. Если уйдешь, то голым!»

— Он тебя закажет, — испуганно шепчет Лиза.

— Не закажет. Детей очень любит. Да и спрятано у него за границей достаточно. С голоду не умрет. Главное, чтобы меня голой не оставил. В общем, они все одинаковые, женатые, не женатые. Дальше собственного члена не видят. Почуяли молоденькую суку — и вперед. Сколько теперь этих тварей? В каждом ресторане по сто штук. Начинают уже лет с пятнадцати. С другой стороны, кто из мужиков не гуляет? Перебесится — и домой.

Вы-то, конечно, были более порядочные в свое время, — подмечая я. — Начинали в шестнадцать.

— Это хорошо, что ты в бизнесе понимаешь, — одобрительно кивает Лиза, — другие сидят, уши развесят, а потом локти кусают оттого, что не позаботились в свое время о тылах.

— А если он тебя с твоим «дайвером» запалит? Не боишься? — Женька пристально смотрит на Жанну.

— «Дайверы», «бартендеры», слушай, я что ему, за каждую шлюху предъявляла? — равнодушно говорит Жанна. — Сколько их у него было! Мы же взрослые люди. У каждого свои грехи. Просто я в последнее время чувствую, что это у него не простые блядки. Что-то серьезное...

— Алло, — отвечает на звонок Лиза. — Алка, я же тебе говорю, нет других способов. Я не знаю. Давай я тебе перезвоню.

— Что Алке надо? Опять ищет знакомого директора автосалона? — злобно говорит Жанна. — Тварь она конченная, ты с ней осторожней.

— Она меня просто достала. Хочет сменить в Vertu мелодию сигнала. Вчера звонила в консьерж-сервис, в Лондон, ей там сказали, что мелодия не меняется, теперь ищет в Москве, где поменять. Не нравится ей, видите ли!

— Она дура что ли? — изумляется Женька. — У всех Vertu одинаковый звонок, чтобы своих сразу было слышно. Зачем его менять-то?

Интересно, кто же башляет этим клиническим идиоткам? — думаю я. — Одна в Лондон звонит, другая рекламные проспекты цитирует. Интересно, а специально обученный человек для отправления эсэмэсок у них есть?

— Не знаю, — пожимает плечами Лиза, — а что за история с менеджером? Она за скидки на тачки трахается?

— Ты не знаешь? По-моему, уже весь город знает. — Жанна поправляет прическу и оглядывается по сторонам. — Алка твоя приезжает с хахалем в салон «мерса», где у нее знакомый директор. Они выбирают тачку, он платит наличными. На следующий день она приезжает с другим хахалем, выбирает ту же тачку, он платит за нее. В итоге она получает и машину и бабки. Там даже неважно было, нал, безнал. Если оба мужика безналом хотели платить, им говорили, что машина в резерве, и можно только наличными. Ну, директору что-нибудь отстегивала. И все довольны — и директор, и мужики, каждый из которых думает, что это он ей машину купил, а главное — она в шоколаде.

— Чистая аферистка, — соглашается Женя. — Она, когда в Москву приехала, начинала с того, что врала разным лохам, будто они ее триппером заразили. Слезы, истерики — все как положено. Раз в месяц с очередным такое исполняла. Кто-то деньги давал, кто-то еще и подарки.

— А мужики потом не проверялись что ли? — изумляется Лиза.

— Даже если и проверялись! Ты пойми психологию мужика. Получит отрицательный анализ — и подпрыгнет до потолка. У всех жены, девушки, любовницы. Что он, деньги, что ли, у нее пойдет забирать? Рад без памяти, что пронесло.

— Теперь у нее серьезный роман с каким-то строителем, — Лиза чихает. — Вот, правильно, со строителем. Он от нее не отходит. То звонит, то эсэмэсит. Тридцать шесть лет. Разведен.

— Или врет, что разведен? — откликается Женя.

— В общем, не знаю. Она его плотно в оборот взяла. Говорит мне: «Я к бабке одной хожу, ворожу на него, чтобы не свинтил. Где я себе еще такого сладкого найду?» Собирает его фотографии, волосы, раз в неделю относит все бабке. Говорит, он ей собирается предложение сделать.

— Кстати, у тебя вещи из дома не пропадают? Нижнее белье, расчески? — спрашивает у Жанны Женька.

— У меня? Да нет вроде... не замечала, а что? Думаешь? Вообще-то да... Эти молодые шлюхи сейчас все на гаданиях и ворожбе повернуты. Надо мне тоже к моей бабке пойти, провериться на порчу.

— Обязательно, помнишь, я тебе давала телефон Нади? Вот к ней и иди. — Лиза поднимает вверх большой палец. — Вот такая бабка! Я ее Алке дала, она Алкиного хахаля за два месяца к ней подтянула...

...Катя опаздывает уже на двадцать три минуты. Устав от болтовни этих клуш, похожих на осовремененных героинь фильма «Девчата», я заставляю себя подняться, иду к стойке с газетами, беру «Ведомости» и натыкаюсь на заметку о том, что некая компания разработала девайс для IP телефонии, позволяющий абонентам вести неограниченные по времени разговоры из любой точки земного шара через компьютер. Оплачиваться они будут за счет рекламируемых в течение разговора товаров, то есть девайс сканирует темы разговора и в нужный момент, услышав слово «кино» — бац, и выводит на твой экран анонсы новых фильмов. Причем (как пишет изготовитель) гражданские права не нарушаются, поскольку разговоры абонентов будут лишь «сканироваться», но не записываться. Круто, правда? На нас станут создавать досье, да еще и на этом наживаться. В хорошеньком мире мы скоро окажемся! И за всю эту экранизацию романа «1984» мы еще и заплатим из своего кармана, уж будьте уверены!

Когда чувство ненависти к корпорациям практически захлестывает меня и я раздумываю, кому бы позвонить, чтобы поделиться праведным гневом, к столику подходит Катя. Выглядит она просто великолепно. Подчеркивающая грудь черная водолазка, ультракороткая трикотажная юбка, под ней черные лосины, на ногах лакированные балетки... В общем, умереть — не встать.

— Привет, ты давно здесь? — говорит она, одаривая меня сияющей улыбкой. — Извини, меня в институте задержали.

— Нет, не очень, — говорю я, хотя любой другой на моем месте выдал бы что-нибудь язвительное. — Ты с лекции?

— Не-а, семинар прогуливаю, — хихикает она.

— Как здорово! — Я чувствую, что начинаю плыть: она само очарование, эта Катя. — Тебя покормить?

— Ага, — кивает она. — Я такая голодная! Что читаешь?

— Статью про девайсы, сканирующие разговоры абонентов, — протягиваю я ей газету. — Представляешь, до чего додумались?

— Круто! — говорит она, бегло просмотрев заметку. — Интересно, дорогая штука будет?

— Не знаю, — говорю я, глупо улыбаясь. Даже эта ее потребительская слепота кажется мне милой. — Наверное, нет, в Китае все что хочешь сделают недорого.

— Интересно, почему у нас такую технику не делают? — спрашивает она, погружаясь в меню и очаровательно хмуря лоб.

— На Лубянке, наверное, делают, — механически отвечаю я.

— Это в «Белом Ветре»? — отрывается она от меню. — Он же «На Никольской»? Или в «Цифровом»?

— В «Цифровом», — улыбаюсь я, — конечно, в «Цифровом».

Боже мой, какая же она красивая! Признаться, в первый раз в «Шатре» я не оценил всей прелести этой девушки. Может быть, я все-таки влюбился?

— Я буду «Цезарь», свежевыжатый апельсиновый сок и спагетти карбонара, — заключает она.

— Ага. Я тоже, — говорю я, хотя мне совершенно не хочется пасты.

— Ну рассказывай, как дела? — спрашивает она, отпивая кофе из моей чашки.

— Как-то... по-разному, — честно говоря, я даже не знаю, что и ответить. С одной стороны, у меня много забавных историй: про Ритку с деньгами, про Ленку с женитьбой, про то, как я не угадал имя ночной знакомой (это особенно ржачно), только не думаю, что данные темы уместны. Поэтому я говорю просто:

— Знаешь, в основном новый номер верстаем. Вот приезжал вчера вечером на работу. Смотрел статьи, новости, светскую хронику, ресторанный рейтинг, журналистские колонки...

— Какая у тебя интересная работа, — оживляется она. — Ты же всех их знаешь, да? — Она обводит рукой зал. — Ну, тусовщиков. Вот интересно...

— Ага, — я скромно киваю.

В следующие полчаса на меня обрушивается град вопросов следующего характера: «а правда, что Ксения Собчак ненавидит Волочкову?», «голубой ли Киркоров?», «как зовут того мужика, который заставляет приезжих девушек продаваться олигархам?», «сколько ресторанов у Новикова?», «все ли участники "Фабрики" спят со своими продюсерами?», «сколько миллионов у Тимати?», «выпускают ли в город участников проекта "Дом-2"?» и все в таком роде. Мы съедаем по салату, выпиваем пару бутылок минералки, в то время как я ей односложно отвечаю репликами типа: «этой истории уже сто лет», «что это меняет?», «кого там заставлять, они сами рады», «пол-Москвы», «Дробыш столько не потянет», «а кто это?» и «им там свой город выстроили». Обсуждая Тимати, мне приходится быть более словоохотливым, потому что подробности его личной жизни известны Кате гораздо лучше, чем мне (что ж, что эфиры на «Первом» способны даже из лошади сделать Бритни Спирс). За это время она успевает пять раз помахать проходящим мимо подругам, прочесть четыре эсэмэски и покраснеть, завидев двух парней своего возраста, что можно ложно истолковать как неиспорченность. А я успеваю несколько раз подумать о том, из какой же глуши она приехала в Москву. Ее глаза рыщут по залу в поисках знакомых, которым можно демонстративно помахать, тогда как я постоянно держу под прицелом вход, чтобы спастись бегством, завидев знакомых еще на дальних подступах.

Я пускаюсь в рассуждения о всеобщем увлечении модными брендами, имиджем и тому подобной фигней, высказываюсь в пользу антиглобализма и одобряю отдельные страны, воюющие с американской попсой, которая стремится всюду продвинуть свой «Barbie-world», и в этот момент Катя произносит знаменательную фразу:

— Я как-то выпала из «трендов» в последнее время. У кого какие сумки, кто что смотрит и кто куда ходит, честно тебе скажу. У меня просто другие приоритеты. Поступить в аспирантуру, например. Я больше вглубь себя смотрю, чем по сторонам.

Она пытается доходчиво объяснить, почему перестала общаться с некоторыми подругами, о примитивных мечтах современной молодежи, говорит, что не смотрит телевизор, «если только музыку», ну и «Фабрику» иногда. Рассказывает о мальчиках с первого курса, играющих в гангста-рэпперов, о том, что верхом шика считаются отношения с парнем, который регулярно вывозит (она употребила именно это слово) свою девушку в Турцию, хотя обладание крутым мобильным тоже котируется.

О помешательстве на потребительских кредитах («у нас вся группа должна»), о том, что она лично брала кредит всего один раз.

Я сижу и слушаю весь этот милый вздор, и окружающее пространство кажется мне похожим на большой мыльный пузырь, причудливо изогнутый и переливающийся всеми красками спектра, в которые превратились сидящие вокруг. Исчезли официантки, бармены, клерки, экспаты, даже «девчата» в спортивных костюмах стали просто дружелюбными розовыми и желтыми пятнами. Я совершенно не слушаю Катю, просто киваю в такт модуляциям ее голоса и глупо улыбаюсь. Ее голос обволакивает и проходит сквозь меня подобно

звуку хороших акустических колонок. И действительно, он похож на музыку. Будь я престарелым рок-н-рольщиком, я бы записал в свой «Moleskine» что-то вроде «колокольчик в твоих волосах звучит соль-диезом», и только Кристина Агилера на пару с Бейонсе, старательно выводящие «Such a beautiful life», мешают мне впасть в псевдопоэтику. Мы выпили всего по бокалу красного вина, а я уже чувствую себя абсолютно пьяным. Я даже не помню, когда еще мне было так хорошо.

Я сижу и мечтаю о том, как здорово было бы слетать с Катей к морю: в Испанию, Францию, Италию, Египет, на худой конец. Все равно куда, лишь бы вдвоем и на большой срок. Утром мы бы валялись на пляже, днем обедали в приморских кафе или шляли по городу, днем заходили бы в сувенирные лавки, покупая ракушки, маленькие акварели, открытки и прочий хлам, напоминающий зимними вечерами о времени, когда ты был счастлив. Вечером — ужины в рыбных ресторанах, и я был бы одет в светлые слаксы и синий блейзер, как миллионер на Ривьере. А Катя носила бы легкие платья и шелковый платок на плечах, что делало бы нашу разницу в возрасте еще существенней, если взглянуть со стороны. К моменту нашего возвращения мы бы настолько прикипели друг к другу, что она стала бы посещать репетиции нашей группы, а я бы начал таскаться с ней по студенческим вечеринкам. Осенью Катя поступила бы в аспирантуру, а я бы окончательно завязал с офисным прошлым, переквалифицировавшись во фрилансеры. Мы расставались бы всего на пять—шесть часов в день (ей нужно учиться). Я бы, наконец, бросил пить и совать в нос всякую гадость, перейдя на красное вино. Мои друзья отпускали бы едкие шутки по поводу моей безоглядной любви (еще бы! Это им не начинающих моделей по углам тискать!), а ее сокурсники тихо ненавидели бы меня (молодящийся придурок), но весной следующего года я бы посрамил всех завистников, сделав Кате предложение... Свадьбу можно было бы справить на любой из летних площадок города, способной вместить сотню селебритиз, полтинник моих друзей, десятков ее подруг и чуть больше сокурсников (даже присутствие этого злобного жлобья не способно испортить нам праздник). После свадьбы мы бы немедленно улетели в то самое место, где все началось — Капт д'Агд, или Хургаду, впрочем, какая разница? Там мы снова стали бы ходить в шортах и растянутых майках, пить местное вино, курить дурь (ой, нет, я же завязал!), в общем — предаваться студенческим развлечениям.

Катя продолжает рассказывать о том, как ее подруга уговорила другую свою подругу сдать вместо нее историю новейшего времени, как они переклеивали фотографию в зачетке, как преподаватель, почуяв подвох, пронзительно рассматривал вытягивающую билет девушку. А я тем временем почувствовал, что к концу нашего разговора скинул лет пять. Поглупел то есть. Причем стремительно. Но, как известно, стоит нам погрузиться в светлые чувства, как где-то прорывает канализационную трубу, которая затопляет твой волшебный мир потоками дерьма. Звонит мобильный, я смотрю на определившийся номер, извиняюсь и отхожу в сторону.

— Привет, как дела?

— Ничего спасибо, Рит. Как ты?

— Я встречу закончила. Думаю, не пообедать ли нам?

Я столько есть не могу.

— Я на встрече, зайка. Давай лучше поужинаем... Черт, мы же с Леной на день рождения идем!

— Да ну, — капризно тянет она, — до ужина еще долго. Послушай, а не хочешь в кино? Я вторую неделю прошу, чтобы ты сводил меня в кино, мы сто лет там не были. В общем так, я тебя приглашаю в «Пушкинский», часов в семь, как тебе?

— Слушай, у меня никак не получится в семь, я... — Я беру паузу, чтобы быстренько придумать отмазку. — У меня в пять утверждение бюджета на открытие клуба, в шесть кастинг танцовщиц, в семь... в общем, еще что-то, полный загруз, зайка, полный загруз!

— Да... — теперь замолкает Ритка, — жалко... может, вырвешься? Сегодня же пятница, к вечеру все по тусовкам разъедутся, какое утверждение бюджета? В понедельник утвердишь.

— Ну Рит, ну я же не один утверждаю! — Я оглядываюсь на Катю и машу ей кончиками пальцев. — У меня же партнеры есть. Один в выходные в Европу уезжает, у другого свои заморочки, их хрен соберешь вместе...

— Я понимаю, ты у меня весь в делах, — выдыхает Рита. — Слушай... а вот...

— Что?

— Помнишь, я говорила тебе о проблеме? — голос Риты становится более вкрадчивым, — С машиной? У тебя что-нибудь получилось с деньгами?

— С деньгами? — Я вспоминаю про десятку во внутреннем кармане пиджака, и, значит, мне по-любому придется пересекаться сегодня с Риткой, чтобы отдать ей деньги. Я думаю, как лучше вписать нашу встречу в свой переполненный график, злюсь на себя за то, что валял дурака все утро у Ленки вместо того, чтобы приехать пораньше к Рите, скинуть бабки и весь день быть свободным. — Все решил, надо договориться, как передать.

— Давай я сейчас подъеду, у меня все равно «окно».

— Куда?

— Ну, туда, где ты находишься. Кстати, а ты где конкретно?

— Я? Я на «Пушкинской», вышел бутерброд себе купить, — вру я, чувствуя, что получается лажово.

Куда я вышел? Откуда я вышел? Из метро, что ли?

— Я могу туда подъехать.

— Отлично!

Стоп! Чего же тут отличного-то? А куда я Катю дену?

— Я могу там быть минут через сорок, если в пробку не попаду.

— Давай... давай через час, кафе «Этаж» на Тверской. А то мне надо еще с одним человечком встретиться.

— Хорошо.

— Все, договорились.

— Андрюш...

— Что?

— Я тебя люблю!

— Я тебя тоже, — я снова оборачиваюсь в сторону Катюки, — очень люблю.

К столу я возвращаюсь, можно сказать, другим человеком. Катя говорит по телефону, я прошу счет. Куда подевалась вся лирика, мечты о любви, свадьбе и пяти потерянных годах? Чертова жизнь — не успеешь влюбиться и воспарить к небесам, как тебя тут же швыряет оземь. Катя убирает телефон в сумочку и поднимает на меня свои ясные глаза:

— У тебя что-то случилось?

— У меня? Нет-нет, что ты. Партнер из Франции звонил, ни черта не слышно было, я отошел, чтобы не кричать на весь ресторан.

— Хорошо, — Катя смотрит по сторонам, явно собираясь отчаливать. Я все еще прокручиваю диалог с Ритой, вспоминаю про деньги, логическая цепочка выводит меня к Лехе, и тут меня осеняет:

— Кать, а пойдем в воскресенье на день рождения моего знакомого?

— Какого?

Я рассказываю ей о том, какой прекрасный у меня старший товарищ Алексей — энциклопедист, джентльмен, путешественник, почти олигарх (разумеется опуская dark side of Lioha в виде наших ночных походов, разврата и прожигания жизни). Какие безумно интересные творческие люди соберутся на этом празднике: артисты, художники, певцы, крупные бизнесмены, писатели (алкоголики, наркоманы, гомосексуалисты, аферисты, сумасшедшие...). Как весь город ждет этого праздника и что попасть туда могут единицы. Я в красках изображаю прошедшие вечеринки, завлекаю ее тем, что буду играть диджей-сет (кстати, можем сыграть вместе). В общем, минут через десять она обещает подумать, через пятнадцать вспомнить, что у нее в воскресенье, а через двадцать говорит, что скорее всего у нее получится.

Я нахожусь на седьмом небе от счастья после таких авансов. Оставляю на чай неприлично много и, зачем-то взяв в руку Катькину сумку (полный кретин), иду к выходу.

На улице я ощущаю новый прилив сил и предлагаю Кате прогуляться, хотя она делает вид, будто торопится. Мы идем по Тверскому бульвару, и меня просто подмывает взять ее за руку, но я все-таки не решаюсь и даже сую руки в карманы. Господи, до чего же я смешон в своем вечном стремлении казаться серьезным, думая о том, что скажут знакомые или просто случайные прохожие, увидев, что я прочесываю бульвар, взявшись за руки со студенткой! Так называемое общественное мнение уничтожило саму суть чувств, оставив нам лишь «правильные» картинки. Действительно, в мире, где сущестительное «любовь» чаще всего употребляется в связке с «заниматься», внешние проявления чувств должны соответствовать последней фотосессии Антона Ланге для журнала «Vogue»: все вокруг в приглушенных тонах, она полулежит в кресле, в черном платье и с распущенными волосами. Он стоит, склонившись над нею, в строгом костюме и белой рубашке, расстегнутой до середины груди. В руках у Ромео и Джульетты по бокалу пенистой жидкости, а для полноты картины вокруг разбросаны подушки с логотипом: «Ромео и Джульетта. Игристое, полусладкое». Страсти добавил фотошоп, о выпуклостях в нужных местах позаботился хирург, а над томными лицами поработал стилист. «Все выглядит достаточно элитно», — как написал какой-то питерский глянец. В такой позе не стыдно и на люди показаться.

Еще не стыдно быть замеченным в неудобной позе на заднем сиденье машины, в туалете ресторана, «в атмосфере клубной вечеринки», на пьяном танцполе бара, на прокуренных диванах стриптиза. Любовь в наше время скукожилась до картинки в журнале, пэкшота в телевизионной рекламе, рекламного щита 4х6, стоящего на пересечении Цветного бульвара и Садового кольца. Сегодня проявлять свои чувства, как это было принято раньше у нормальных людей, считается детским садом. Прогулки в обнимку, поцелуй в шею, совместное собирание осенней листвы — от всех таких проявлений любви мы шарахаемся, словно речь идет о педофилии. Тогда как саму педофилию стараемся выдавать за любовь с пометкой «актуальные тренды».

Все нежные переживания из классических романов «восстановлены», переложены на «Кодак», отретушированы, выхолощены компьютерным дизайном и очищены от шероховатостей и мелких помарок, свойственных человеку. Обезжирены, осветлены, лишены «негатива и излишнего драматизма» и выброшены на полки глобального супермаркета, выложены на сайты знакомств, поставлены в прайм-тайм и закатаны в журнальные статьи под заголовком «Как построить любовь»? Инструкция без слез». Действительно, что для нас значат слезы любви? Это всего лишь стразы Swarovski, оторвавшиеся от чьего-то платья и пылящиеся под диваном...

Мы идем вверх по бульвару, и я постоянно перемещаюсь вокруг Катки. Размахиваю руками, смеюсь, рассказываю ей истории из своей американской школьной жизни, студенческих лет, какие-то глупые анекдоты, юморески из жизни русского кино, услышанные когда-то от Антона, а потом внезапно останавливаюсь и выпаливаю:

- А пойдем сегодня в кино?
- Когда? — опешив от неожиданности, говорит Катка,
- Ну... часов в семь? В восемь? В «Пушкинский»... нет, лучше в «Октябрь»!
- А что там показывают?
- А какая разница?
- Да? — Катка на секунду задумывается, потом улыбается и отвечает: — А пойдем!

И это ее «а пойдем!» возвращает меня в глупое состояние вселенского счастья, я улыбаюсь, взглядом победителя смотрю на людей, движущихся по бульвару, потом ловлю для нее машину и от волнения даже забываю ее поцеловать, хотя мечтал об этом всю дорогу. Я закуриваю, смотрю на другую сторону Пушкинской площади и ловлю себя на мысли, что первый раз в жизни меня не раздражают бомжи, собирающие бутылки, и мужчины, стоящие вокруг памятника Пушкину с куцыми букетами в руках.

Перед тем как встретиться с чуваками, обещавшими эксклюзивное интервью про черную мессу, я успеваю забросить в редакцию диктофон с текстом предыдущего интервью, быстро

пересечься с Риткой, отзвонить Ленке, подтвердив, что сегодня все в силе, отправить эсэмэску с тысячей извинений в адрес Марины, получив короткий, но емкий нецензурный ответ. Все это время мне падают рассылки из клубов «Крыша», «Дягилев», «Рай» и «Фабрик» — и все это по второму кругу, заметьте. В какой-то момент я понимаю, как чувствует себя мой мейл-бокс, переполненный спамом. Решив хоть как-то заглушить их активность, я нырнул в метро и, больше не осаждаемый алчными дельцами от ночной жизни, доехал до «Китай-города». До кино оставалось три часа.

Поднявшись по Солянке, я свернул направо и оказался во дворе, образованном тремя плотно примыкающими друг к другу домами дореволюционной постройки. Я закурил, задрал голову вверх и стал разглядывать окна, пытаюсь определить, какие из них принадлежат квартире этих масонов. Честно говоря, я мог бы просто достать блокнот, посмотреть адрес и зайти в нужный подъезд, но почему-то мне захотелось посмотреть на окна. Постояв во дворе минут пять, я подумал, что со стороны это должно выглядеть странно и даже подозрительно: чувак стоит посреди двора и шарит взглядом по окнам. Любая бабка, увидев такую картину, непременно вызовет ментов.

И хотя я ничем предосудительным не занимался, перспектива встречи с милицией меня не привлекала. Не то чтобы на вопрос «ваши документы» я сразу начинаю доказывать, что десять минут назад не курил план, просто у меня с милицией чисто эстетические противоречия. В общем, сверясь с блокнотом, захожу в третий подъезд.

На четвертом этаже трижды нажимаю на кнопку звонка шестьдесят шестой квартиры, прежде чем дверь мне открывает козлобородый мужик, одетый в то, что осталось от домашнего халата или сутаны, черт его разберет. Судя по черному цвету, скорее сутана.

— Ты кто? — спросил меня козлобородый, поправляя спутанные космы.

— Андрей Миркин из «Одиозного журнала». Мне сказали, что меня ждут, — говорю я, ощущая неприятное жжение где-то посередине груди.

— Здесь всех ждут, — зыркнул на меня исподлобья козлобородый и отодвинулся, освобождая проход. Прежде чем закрыть за мной дверь, он выглянул в подъезд, убеждаясь, что там больше никого нет.

«Приятная квартирка», — подумал я.

Я попал в длинный коридор со стенами, исписанными непонятными граффити, похожими на татуировки, которые делают себе на предплечьях пацаны из питерского Купчина или московских Текстильщиков, короче, те, кто приходит в местный тату-салон, говоря мастеру: «Сделай мне "тарантину"». Ну, буквы там непонятные. Зигзаги».

— Налево, — указал мне пальцем козлобородый. Я хотел было разуться, но, слегка осмотревшись, решил, что в этом притоне следует оставить себе хотя бы минимальную защиту. В комнате, куда он меня завел, из обстановки были только лежащий на полу ковер, кресло при входе и топчан в дальнем углу. Решив, что валяться на топчане наверняка принимавшего «на грудь» не одного гепатитного, а то и спидового наркомана, мне запахло, я сел в кресло.

— А ты, значит, из журнала, — скорее утвердительно, чем вопросительно сказал мужик, сев на топчан.

«Значит мое место — гостевое. Слава богу!»

— Из журнала, — кивнул я, — а у меня с вами интервью?

— Со мной? — мужик разразился кашляющим смехом. — Нет, не со мной. С мастером. Гашиш хочешь?

— Не очень.

Мужик вопросительно посмотрел на меня.

— Ну... то есть вообще не хочу. — Я посмотрел в его серые, водянистые глаза и перевел взгляд поверх головы мужика. Все стены были увешаны странными картинами, изображавшими животных с человеческими лицами, женскими и мужскими. Картины абсолютно уродские — неестественно переплетенные тела зверей с четко отрисованными гениталиями, пятна крови, какие-то кресты, полумесяцы и прочая околорелигиозная (или околешаманская?) атрибутика.

— Пишу на заказ. Некоторые клиенты не забирают, кто-то с оплатой тянет. Такие оставляю себе. — Ему даже моего вопроса не понадобилось, чтобы начать рассказ о своих гребаных картинах. — Тебе кто больше нравится, девочки или мальчики?

— Мне? Не знаю, — честно ответил я.

— Хе-хе. Что значит «не знаю»? На такие вопросы всегда есть четкий ответ. Как можно не знать, с кем тебе лучше, с девочками или с мальчиками?

Торчки чертовы. Заманили. Сначала рисуют каких-то уродов, а потом спрашивают, кто больше нравится. Да они на людей-то не похожи. Как бы слинять отсюда по-скорому?

— Вообще-то с девочками. В жизни. А тут же картины...

— А это что, не жизнь?

— А что, жизнь?

Козлобородый было открыл рот, чтобы разразиться длинной тирадой, но, на мое счастье, в комнату вошел высокий русоволосый человек в строгом черном костюме и водолазке.

— Вы из журнала? — спросил он приятным низким баритоном.

— Да. А вы — Мастер?

Мужчина кивнул, развернулся и вышел в прихожую. Я не раздумывая пошел за ним. Мы дошли до конца коридора, вошли в маленький кабинет с двумя креслами и низким журнальным столиком между ними. Над столиком — зеркало в тяжелой деревянной раме. Мужчина жестом предложил мне присесть. Я кивнул.

— Андрей, вам Вера уже рассказала в двух словах?

— Ну... не так чтобы очень. — Я щелкаю пальцами. — В общих чертах.

— Тогда расскажу подробнее. Дело в том, что у нас в следующую пятницу... мероприятие, скажем так. И мы, считающие себя наследниками Северной масонской ложи, будем проводить мессу, посвященную...

Далее этот придурок плетет что-то про факельное шествие в московских катакомбах, сопряженное с выставкой картин какого-то Силантия (видимо, козлобородого), перформансом и скрипичным концертом. Он пускается в рассказы про древние языческие культы, сатанизм, достает из большого конверта рисунки с козлами, чертями, старцами. Несет ахиною про то, как они хотят объединить все московские секты в «некое культурное пространство». А у меня в голове проносится «во попал!», «Вера — идиотка!», «какая же тварь меня посоветовала?», «как же отсюда слинять побыстрее?»... Я решаю, что в подобной ситуации нет ничего лучше, как во всем соглашаться с этим психом и говорить глупости: возможно, так он быстрее меня выпустит. Заканчивает он свою тираду фразой:

— В общем, нам нужен промоутер этого мероприятия, — и выжидающе смотрит на меня.

— Кто, простите?

— Промоутер, — повторяет псих.

— Ага, промоутер, значит, — понимающе тяну я. — А спонсоры мероприятия понадобятся? Ну там алкоголь, цветы, свет?

— Было бы неплохо, — соглашается он.

— Окей. — Я начинаю говорить в своем привычном тоне, — давайте подумаем об антураже. А можно я приду на эту... как ее... ну... — я несколько раз щелкаю в воздухе пальцами, пытаюсь вспомнить, как называется эта херь.

— На мессу?

— Вот именно, на мессу. Можно я приду на мессу в кедах «Converse»? Прикиньте, я буду в черном костюме от «Ralph Lauren», черной водолазке от «Prada» и в черных кедах «Converse». Везде горят факелы, задник сцены (кстати, кто вам делает дизайн? У меня есть выход на крутого дизайнера) драпирован черным, все стоят молча, играет такой мрачный трип-хип. Да, запомните, диджей обязательно должен быть чернокожим. Запомните, негр — то, что вам нужно. И вообще черные сейчас рулят. «Wu-Tang Clan», Jay-Z, Beyonce (ну, это, типа, не ваша тема, но тоже очень круто, очень крутая телка). Короче, с диджеем решили. Так вот, играет музыка, раздаётся звонок мобильного, я вынимаю из кармана черную Nokia 8800 и

говорю что-то типа: «Прости, дорогая, у меня нет времени, я на мессе. Завтра в три в "Галерее"». Я ловлю на себе взгляды окружающих, как бы извиняюсь выражением лица и изучаю носки своих кед. А мелодия трип-хоп переходит в нарастающую фазу. По-моему, полный отпад, чувак! Да, самое главное. У кед на боковых сторонах большие пластиковые звезды. У вас, по-моему, такой же логотип?

— О чем вы? — Он морщится, и, склонив голову, впериает в меня немигающий взгляд своих пронзительно-голубых глаз. — Вы думаете, это будет еще одна вечеринка?

— Э... типа, я что-то путаю? Или, может, костюм от «Ralph» неактуален? Дайте-ка подумать... «Gucci»? Окей, окей я понял, сморозил фигню... «Dries Van Noten»? Слишком педовски, согласен. Бельгиец, но более строгий, что ли? Именно. Фак, я точно вчера перебрал. Как я мог это упустить! «Dirk Bikkembergs!» В точку, чувачок, в точку! Я же тебе сказал, не промахнешься, если будешь работать со мной,— окончательно заигрываюсь я.

— Ты перепутал, Андрей. Ты очень сильно перепутал...

— Э-э-э... — вопросительно мычу я, чуть опустив подбородок, и боковым зрением рассматривая свое отражение в зеркале. Я нахожу, что с этой адской работенкой морщин на лбу я еще не заработал. — Э... — продолжаю я. — Что не так, чувачок, я не врубаюсь?

— У нас вообще нет логотипа. У нас пентаграмма...

— Да? — Я почесываю затылок. — Окей, пусть будет пентаграмма. Так что мне все понятно. К завтрашнему дню могу прислать план мероприятия, предварительно поговорю со спонсорами. Кстати, сколько человек ожидается?

— Триста, не больше, — отвечает он, глядя на свои часы.

— Великолепно. Просто потрясающе. Дизайн пригласительных уже есть?

— Нет. — Он отрицательно мотает головой.

— Сделаем! — Я встаю и протягиваю ему руку. — Очень рад познакомиться. Не буду больше у вас время отнимать. Давайте мне ваш электронный адрес, завтра ждите план.

— Завтра же суббота, — недоверчиво косится он.

— У нас, промоутеров, выходных нет, давайте вашу карточку.

Мужик лезет в карман и протягивает мне свою визитку, я беру ее и, даже не взглянув, засовываю в карман джинсов.

— Вы меня проводите? — интересуюсь я, опасаясь снова попасть в комнату к козлотородому.

— Да, конечно.

Мы доходим до входной двери, прощаемся, я поднимаю глаза и вижу прямо над порогом слово «ЗАЧЕМ?», выведенное граффити, так же, как на улице Красина. Желание покинуть это место как можно скорее только укрепляется. Скатившись вниз по лестнице, я думаю только об одном: кто же меня так подставил?

Оказавшись на улице, я решаю пройтись до метро «Лубянка», хотя идти не близко. Очень хочется проветриться после этой чертовой дыры, пропитанной запахами жженных красок, индийских ароматических палочек и старой одежды. У метро «Китай-город» зачем-то приобретаю журнал «ОК» и выбрасываю в сквере у памятника Кириллу и Мефодию. Читать я его не стал потому, что уже на третьей странице обнаружил фотографию Моники Белуччи, ставшей блондинкой. На другом конце сквера, почти у памятника, где изваяния суровых воинов с ужасом взирают на то, как пожилые ловеласы снимают молоденьких солдат, пробегающая мимо девушка вручает мне стопку листовок партии СПС, призывающей поддержать гей-парад. До кучи на листовке еще и слоган напечатали: «Повысим рождаемость!». У Политеха получаю эсэмэс из клуба «Крыша»:

KRYSHA MIRA

SEMEYNIE CENNOSTI

Dj's: DUHOV, NILS, (+DRUMS), SPIRIT, VOLODYA (RSVP)

COMFORTPEOPLE+COMFORTMUSIC=COMFORTDANCE

Решив заодно проверить почту, я обнаружил в своем ящике сообщение с «Одноклассники.ру». Сообщение пришло от девушки, поставившей моей фотографии пятерку. У девушки однозначно трактующийся юзер-пик: треть фото — губы, треть — декольте, треть — салон дорогой машины. Помнится, я тогда ответил: «пришли мне свои фотки голые» или что-то в этом роде. И вот теперь она пишет: «И ты туда же. У меня, может быть, богатый внутренний мир». Врубаются, да? Если следовать такой логике, мне, интеллигентному молодому человеку, стоит разместить свои фотографии с эрегированным членом, предварительно увеличив его размер в фотошопе. Ну, чтобы всем случайно заглянувшем на мою страничку, было ясно, что я о Канте сюда пришел говорить (да-да, если следовать прямому спеллингу, я пришел на «Одноклассники» говорить именно о cunt'e).

Что-то происходит, я это чувствую. Что-то совершенно несурзное. Ночные клубы проповедуют семейные ценности, девушки, фотографирующиеся с голой грудью, предлагают обсудить их богатый внутренний мир. Интересно, доживем ли мы до того дня, когда скромные победительницы олимпиад по математике начнут предлагать в чатах занятия групповым сексом, а программа «Моя семья» откроет стрип-бар?

В понедельник я сидел в «GQ» баре в обществе своего фоторедактора и каких-то нефтетрейдеров. Так вот, от этих нефтетрейдеров вместо привычных «баррель», «квота» и «сырец» я услышал горячее обсуждение темы строительства нового нефтепровода через Афганистан. Не в том смысле, что это откроет невиданные перспективы для нефтяного бизнеса, а в том, что теперь, после расширения площади строительных работ, непременно подорожает анаша, врубаются? Когда они меня спросили, что я обо всем этом думаю, я даже переспросил, чтобы успеть сосредоточиться на вопросе. Что я об этом думаю? Действительно, что я об этом думаю? А? Господи, да я чуть с ума не сошел, представив, что нужно будет платить шестьдесят евро за бокс. Только вы-то здесь при чем? Вы что, курите?

Собравшись с мыслями, я ответил что-то вроде: «наверное, вы неплохо заработаете» и еще пошутил насчет бартера. Они брезгливо поглядели на меня, как обычно смотрят на бродячих собак секретарш. Представляете? Эти прилизанные ублюдки в пиджаках и галстуках, которые делают маникюр два раза в неделю и раз в месяц обследуют свою простату, наверное, решили, что я для них слишком не *контркультурный*. Слишком *консьюмеристский*, что ли.

Мир меняется, это я вам точно говорю. Вы только досмотрите, что вокруг происходит.

Вся Москва увешана плакатами журнала «Sex & The City» (который, как вы понимаете, проводит еще и литературные вечера). Красивые московские студентки не хотят работать в офисах, но при этом стремятся выглядеть как Сара Джессика Паркер. И дело не в том, что они действительно считают ее красивой, а в том, что стремление быть похожей на это страдающее дурновкусием носатое чудище в их понимании гарантирует скорое появление денег на туфли от «Manolo Blahnic». Те же студентки, работающие секретаршами, ненавидят Сару Джессику и сериал «Sex & The City» и *в качестве протеста* одеваются содержанками. Парадокс заключается в том, что первые в итоге получают *перспективную работу* ассистенток заместителя директора по маркетингу, а вторые — туфли «Manolo Blahnic», «Mercedes SLK» и золотой «AmEx». Первые больше никогда в жизни не смотрят «Sex & The City» вторые же начинают его обожать.

Любовницы на содержании больше не хотят выглядеть таковыми. Теперь они носят строгие костюмы, сумки «Downtown» от YSL, как студентки или деловые женщины. В цепочке их трендов — в этом сезоне модно *чем-то заниматься*. Жены состоятельных кротов хотят выглядеть любовницами на содержании: носят игривые наряды, делают обильную пластику и заводят себе *милого*, бартендера или массажиста (личный водитель в качестве любовника — слишком пошло). В итоге любовницы получают мужей, а бывшие жены действительно начинают чем-то заниматься.

Менеджеры среднего звена, каковые раньше с серьезным видом обсуждали в курилках преимущества трехлетнего «BMW» перед новым «Ford Focus», сейчас на таком же серьезняке обсуждают смерть Лучано Паваротти. Только представьте себе группу обсосов среднего возраста, которые по пятнадцать минут семь раз на дню *соболезнуют*!

Залезая на чужое культурное поле, менеджеры тут же вытесняют с него богемных аборигенов: нищих журналистов, сумасшедших поэтов, бездарных писателей и не востребуемых художников. С присущим им корпоративным энтузиазмом клерки начинают бухать, курить дурь и трахать страшных богемных телок в несколько раз интенсивнее, чем аборигены. Аборигены от безысходности перемещаются в офисы в качестве айтишников, копирайтеров и маркетологов, бывшие клерки — на фотовыставки, в музеи Востока и кинотеатры «Иллюзион». По выходным обе категории встречаются в местах типа «Жан-Жак», «Кофемания» или «Этаж», весьма довольные своими свежобретенными статусами. В итоге искусство у нас становится похожим на торговлю кормами для животных, а бизнес — творческим бардаком. Не работает ни то, ни другое.

Все смешалось, как в шейкере. «Виагра» постепенно убивает половую функцию, а «Ксанакс» вызывает безосновательную эрекцию, шампанское дает утреннюю депрессию, а кокаин — похмелье. Все стараются как можно быстрее поменяться местами с другими, сменить жену, работу, изменить социальный статус и культурную среду, не имея веских предпосылок или талантов. Политики, агитирующие за рождаемость, поддерживают гей-парады, а гомосексуалисты протестуют против прав с лесбиянками.

И вся эта ерунда делается только с одной целью — «поговорить о смене социокультурной парадигмы», «добавить пиара», «привлечь внимание к тренду», «засветиться в медийке». Что уж там говорить, если в наше время даже сатанистам нужны промоутеры! Если так дальше пойдет, то Сергей Минаев выпустит книгу «Альбомчег контркультурщика: гатовим дома», а Оксана Робски получит Гонкуровскую премию за фотоальбом «Гламурный дом». Даже Моника Белуччи перекрасилась в блондинку, представляете? Вот где настоящая «смена парадигмы»! Если для вас это *только* культурный шок, то для меня еще и смена образа во время мастурбации. С нетерпением ожидаю Пэрис Хилтон в образе жгучей брюнетки — хоть подрочу нормально. В общем, мир сошел с ума, вы уж мне поверьте.

Дойдя до метро «Лубянка», я начинаю подумывать о том, чтобы купить пару бутылок пива «Балтика». Желательно в пластике. Одно останавливает — в кино с ними не пустят. Имидж меня уже мало волнует — при такой-то смене парадигмы!

А потом случились потрясающие четыре часа, проведенные с Катей. Сначала мы пили кофе и смеялись над посетителями кафе, потом Катя рассказала, что, когда ее подруга была на собеседовании в строительной компании, самым серьезным вопросом рекрутера был: «*Это у вас настоящий "Louis Vuitton"?*»

— И это просто ужасно, — сказала Катя, — меня такие истории бьют наотмашь. Это самое поразительное, что я слышала за последний месяц, а ты?

А я? А я, окончательно утонув в ее глазах, сказал ей, что самым поразительным за прошлый месяц стала стриптизерша из клуба «Офис», сказавшая, что единственное, чем она по-настоящему гордится, так это тем, что трахнулась со Стингом, когда он к нам приезжал. «Сказала моему другу», — поправился я. — Фу, какая гадость! — скривилась Катя. Понятно, я не стал дополнять рассказ своей фразой, сказанной в ответ: «Можно, я подержусь за грудь, которую кусал САМ?».

Мы купили билеты, потом жевали попкорн и начос, потом сидели на предпоследнем ряду в «Октябре», и Катя смотрела «Жару», а я почти всю картину смотрел на нее. Я сидел и вел себя, как старый извращенец: украдкой нюхал ее волосы, смотрел на ее ноги, постоянно давил в себе желание поцеловать ее в шею. Меня просто распирало оттого, что расстояние между нами меньше пяти сантиметров и, несмотря на одежду, я каждой частицей кожи чувствовал исходящее от нее тепло. Я немедленно провозгласил «Октябрь» лучшим кинотеатром, а «Жару» — лучшим фильмом всех времен и народов. Единственное, чего мне хотелось больше всего на свете, — чтобы фильм никогда не кончился. Я готов был заплатить механику тысячу долларов, чтобы он поставил аппаратуру на «реверс». Еще бы: любые деньги отдашь, чтобы гонять счастье по кругу.

Я сидел совершенно пьяный и ближе к концу фильма осмелел до того, что положил ладонь на тоненькое Катино запястье, а она не стала сопротивляться, что сначала меня еще

больше распалило, а потом испугало... Так что традиционных поглаживаний я себе не позволил. Что со мной происходит? Откуда берется эта нежность? Мне бы с ней жадно целоваться, а я дотронуться боюсь. Слава богу, цветов не додумался купить, а то она бы точно решила, что я сумасшедший старомодный маньяк. А может, не решила бы?

Мы выходим из зала, держась за руки, переходим на другую сторону Нового Арбата, прогуливаемся до «Праги», потом сворачиваем на бульвар, доходим до «Кропоткинской» и почти все это время молчим. Видимо, любовь свела судорогой наши речевые органы, и мы просто упиваемся друг другом молча. Где-то на периферии сознания появляется предательская мысль о том, что мы уже проговорили весь отведенный на сегодня лимит и обсуждать больше нечего, но я гоню, гоню эту циничную гадость прочь...

У метро я минут пятнадцать уговариваю Катю сесть в такси, но она упирается, аргументируя тем, что на метро ей удобнее. В конце концов я провожаю ее до входа в метро, а сам ловлю машину, думая, что Кате не хотелось, чтобы я услышал адрес, который она назовет водителю.

Вообще, мне приятнее считать, что ей просто неловко было взять у меня денег...

ГЛАМУРНЫЙ КЛЕЙ

*Уже нынешнее поколение россиян будет
жить дольше, гуще и версаче.*

Журнал «Крокодил», октябрь—ноябрь 2007.

Я приезжаю в бар «Симачев» около одиннадцати вечера. На площадке перед входом стоят пятеро молоденьких девушек и двое предпринимателей среднего возраста. Девушки делают вид, что курят, предприниматели делают вид, что говорят по мобильным. Очень душно. Не найдя знакомых лиц, захожу. Там еще более душно. Очень много людей. Протиснувшись к бару, делаю попытку приблизиться к стойке и заказать «мохито», но попадаю в клещи двух крепких «фитнесс-форева» парней, выпасающих у бара своих коз. Значит, в другой раз.

Двигаюсь к диджейской стойке, машу рукой стоящему за пультом Феде Фомину, но он нагнулся и не видит меня. Играет песня Никиты «Улетели навсегда», года этак 1995-го. Интересно, это старперы пытаются вернуть молодость с помощью стремных треков? Но додумать мысль до конца у меня не получается. На припеве все поднимают руки вверх, девушки визжат, кто-то из танцоров оступается, толкает меня, и я врезаюсь спиной в свисающие с потолка гирлянды из стеклянных бус, отгораживающие основной зал от танцпола. Меня выдавливают сквозь бусы к столикам. Я наступаю кому-то на ногу, слышу «бля», оборачиваюсь, ищу глазами Ленку, но вместо нее обнаруживаю сидящую за сдвинутыми столами шумную компанию с Антоном в глубине. Кому наступил на ногу, я так и не понял. Впрочем, какая разница?

Антон, заметив меня, просит сидящего рядом парня подвинуться и приглашает к столу. За столами семеро мужиков и пять девушек. Мужики выглядят лет на сорок, хотя им едва ли за тридцать пять. Все прилично бухие и очень стильные. Самое страшное в том, что Я НИКОГО ИЗ НИХ НЕ ЗНАЮ! Антон тут самый молодой (не считая девушек, разумеется, они как феи, без возраста). На столе только виски и шампанское «Ruinart». Я сажусь рядом с Антоном, причем никто даже не оборачивается в мою сторону — дешевые снобы.

— Привет! — Я пожимаю Антону руку. — А кто все эти люди?

— Отдыхающие, — улыбается Антон, блеснит глазами и трет переносицу.

— Нюхал, что ли?

— Отмечаем день рождения Даева и выход на экраны телесериала «Отчаянные домохозяйки», к которому я музыку писал. — Антон игнорирует прямой вопрос, снова улыбается и поясняет: — Тут ребята с канала, пара продюсеров, мой партнер Димка, верхушка компании Даева и телки.

В его голосе сквозит превосходство, а фразу «ребята с канала» он говорит особым придыханием.

— Кстати, я тоже на день рождения Даева, только не знаю, кто это. Меня моя... э... девушка пригласила.

— Какая? Решетникова?

— Тс-с-с, — затыкаю я его. — Ленка.

— А, Ленка. Есть тут такая. Куда-то отошла с подругой.

— А при чем тут компания Даева? А какой канал? А виски заказывать у бара? — Я стараюсь получить максимум информации, чувствуя, как отношение Антона к присутствующим передается и мне.

— Компания Вадима, «КД», купила в сериале продакт-плейсмент для своих духов. — Антон придвигает мне бокал с виски. — Телок не знаю.

— Ясно. — Я делаю глоток. Какой канал как раз неясно, видимо, очень крутой.

— Андрюша, привет! Рита, давай я тебя познакомлю со своим молодым человеком! — слышу я Ленкин голос.

У меня моментально холодеют конечности. Я медленно оборачиваюсь, но, к счастью, Рита — это не Решетникова.

— Привет! — Мы целуемся, я киваю Рите, Антон смотрит на происходящее с большим интересом.

— Лена, познакомься, это мой лучший друг Антон, я даже не представлял, что его здесь встречу.

— Мир тесен, — сакраментально замечает Рита.

— Рита, Андрей работает в представительстве WalMart в Москве, — начинает Лена. — А еще пишет колонку в «Одиозный журнал».

— О, так мы коллеги? Я отвечаю за пиар в «METRO»! Так вы уже вышли на рынок? А кто у вас отвечает за пиар? А почему вы небыли представлены на конференции по рознице на прошлой неделе?

— Слишком много вопросов, darling. Мы пока не делаем большой помпы из нашего присутствия. Вот как откроем первый магазин, все сразу будет понятно...

— А в каком районе строитесь? За МКАДом или совсем в области? — не унимается эта корпоративная стерва.

— Рита, давайте не будем о работе, — благожелательно улыбаюсь я.

— Рита, а давайте выпьем! — приходит на помощь Антон.

— Я тебя так долго ждала, думала, не придешь, — шепчет Ленка.

— Дела, зайка, прости, что опоздал. Но я ведь пришел!

— Better late, then never, — улыбается Ленка. — Я соскучилась. Пойдем потанцуем?

— Сейчас, любимая, с народом познакомлюсь, — киваю я. Удивительно, я ловлю себя на мысли, что первый раз назвал ее «любимой». Это после Кати, наверное. Становится грустно.

К столу подходит худой чувак лет тридцати пяти, среднего роста, в темном костюме. Белая рубашка расстегнута до середины груди, на небритом, утомленном лице блуждает неясно кому адресованная улыбка, в правой руке — откупоренная бутылка шампанского. Он опирается левой рукой о стол, и я замечаю на его запястье каучуковый браслет со стальными вставками. Начинает играть Mika — «Grace Kelly».

— У Мика голос, как у Меркьюри, один в один. — Чувак приглаживает коротко стриженные волосы, взъерошенные гелем. — «Why don't you love, why don't you love me, without making me try?» — Он подпевает, наклоняется, обнимает за плечи девушку, сидящую к нему ближе всех, и целует ее в щеку. — «I wanna be like Grace Kelly, u-u-u yea-ah», я хочу праздника! Чо сидите, как упыри?

Он сгребает в кучу стоящие на столе бокалы, роняя парочку. На стол выливаются остатки, кто-то из девушек вскрикивает и пытается отодвинуться, остальные заливаются хохотом. Несмотря на то, что в некоторых бокалах виски, чувак начинает разливать всем шампанское, держа бутылку двумя руками, как победивший автогонщик. Брызги летят на сидящих за столом. По-моему, он сильно бухой.

— «I wanna be like Grace Kelly, u-u-u yeaah», — продолжает петь парень.

— У меня в бокале виски, — осторожно замечаю я.

— Да? — Он вопросительно смотрит на меня, продолжая наливать мне шампанское. — Впрочем, какая тебе разница?

— Впрочем, никакой, — соглашаюсь я, ведь на самом деле так оно и есть.

Все опять начинают смеяться. Закончив разливать, он ставит бутылку на стол, снимает пиджак с фиолетовой подкладкой и кидает его на пустой стул рядом со мной. Судя по разноцветным полоскам, которыми отделана подкладка, пиджак от «Paul Smith».

— Важнейшим из всех суверенных искусств для нас является кинематограф. — Он поднимает свой бокал. — Выпьем за кино!

— С днем рождения! — нестройным хором тянут собравшиеся.

— Забудьте о том, что я стар! — кричит он. — Зиг хайль, товарищи! И на танцы!

Все чокаются, затем встают и вслед ним отваливают на танцпол.

— А чо это за черт? — интересуюсь оставшегося сидеть Антона. — Он тут, типа, начальник цеха?

— Это и есть Вадим Даев. Он в своей косметической компании отвечает за... какая-то он шишка средней величины. Но все равно крутой. И у него день рождения, кстати.

Я смотрю, как все эти, немолодые, в общем, люди, отжигают на танцполе, как малолетки под экстази. Двое телок практически до конца расстегнули Вадиму рубашку.

— Антон, Андрей, мы пошли танцевать! — говорит Рита, но Лена явно не торопится выходить из-за стола.

— Мы сейчас, пять минут, — машу я им рукой. Девушки встают и уходят. Я отмечаю, что у Ленки очень грустное лицо.

— Лицо у него знакомое. Не помню, откуда помню, — говорю я, подсаживаясь ближе к Антону.

— Он старый тусовщик. — Антон придвигается ближе. — У Вадима был друг, коммерческий директор какой-то французской компании, которая овощами торгует. Они все время вдвоем везде лазили. На моде, на стаффе, на лаве — такие, типа, звезды восьмидесятых. Помнишь, на «Фортдэнсе» нас с ними Димка Ашман знакомил?

— Ага, — киваю я, хотя не вполне уверен, что был там.

— Вадим слился на какое-то время, а потом всплыл в политехнологиях, в команде Антона Дроздикова.

— Это который на Останкинской башне взорвался? — Я залпом допиваю бокал. Смесь виски и шампанского не кажется мне прикольной.

— Это у которого ты пытался бюджет вымутить на предвыборную кампанию в Интернете.

— Ничо я не пытался! — раздражаюсь я.

— Ага. А игру «Каспаров — Чесс», в которой вместо фигур политики, я придумал? — ржет Антон. — Тебе повезло, что не вписался тогда, сейчас бы очень пожалел.

— Ладно, проехали. — Я достаю сигарету.

— Понял теперь, кто это?

— Как-то сложно все. — Я чувствую неприятную мусть в голове. — А Вадим-то тут причем?

— Ты вообще «не алле», — Антон придвигается плотнее и говорит мне прямо в ухо. — Пару лет назад Вадим с тем своим другом вложился в клуб, который делал Саша, «Вуду». Помнишь, все тогда трещали, что «Вуду» купил франчайз у «Pacha Ibiza»?

— Ага, — после упоминания Ибицы я, наконец, начинаю ориентироваться. — Какое-то название у клуба было... чо-то там «лаундж»...

— «Джетлаундж». Короче, их с клубом кинули. «Вуду» исчез, а Вадим из-за этого разосрался с приятелем. Кто там из них кого кинул, непонятно. В общем, разошлись они. Потом политехнологии, теперь вот косметика. Я тебе просто канву кидаю, чтобы ты вспомнил, кто это, и в каких проектах был замечен. Как справка из ФСБ.

— Ты бы еще от Иисуса Христа начал. — Я, признаться, обиделся на Антона за это его «не алле». — Так бы сразу и сказал. «Форты», «Джетлаундж», технологии, ФСБ. Кстати, говорят, Дроздикова видели в городе. — Этим штришком я элегантно возвращаю себе титул «того, кто в теме».

Фомин ставит «Жору» — любимый трек посетителей «Симачева»

— Да ладно, — Антон открывает рот, чтобы что-то спросить, но в этот момент к столу возвращается Вадим. Он поднимает со стула пиджак, залезает во внутренний карман, достает кошелек и перекладывает его в брюки. С танцпола доносится нестройный хор подпевающих:

— Ебанный насос Жора, где ты был?

— Менты прихватили, я все слил!

— Ебанный насос, Жора, где ты был?

— К барыге ездил, еще взял!

— А вы чего здесь застыли? — обращается к нам Вадим. — Вы — дети-инвалиды? Танцы — не ваш профиль?

— Все окей, Вадик. — Антон поднимает бокал. — Мы тут дела обсуждаем с Андреем. Вы, кстати, знакомы? Андрей, самый популярный колумнист «Одиозного журнала».

— Мы года три назад встречались в «Цеппелине», обменивались визитками, — зачем-то вру я. — Ты мне свою точно давал.

— Могу еще одну дать, — кивает Вадим. — Хочешь? Честно говоря, не знаю, как реагировать. Меня спасает только то, что Вадим сам протягивает мне руку:

— Привет! Ты же молодой человек Лены, да? Она мне про тебя рассказывала. И как ты все успеваешь? И в WalMart, и в журналистике.

— I am allover, baby, — замечаю я.

— Ага. Я в курсе. Мы скоро будем вашими поставщиками, я тебя наберу узнать, кого у вас косметическим департаментом заведовать назначат.

— Я не знаю, это non-food.

— Понятно, что не food. А ты там чем занимаешься?

— А Леха с Мариной в туалет пошли? — снова выручает меня Антон.

— Да, конечно, — равнодушно отвечает Вадим.

— Ясно, — Антон встает, улыбается и рвет с места, бросая мне что-то вроде «я ща».

— Ты можешь вместе с ним, кстати, — кивает в сторону туалета Вадик, — или твоя девушка не одобряет?

— Я стараюсь не афишировать, — уточняю я. — А ты чего не идешь?

— Я уже отходил.

— В смысле?

— Менты прихватили. Я все слил. — Он ерошит волосы, смеется и закуривает.

— Ебанный насос, Жора, где ты был? — почему-то вырывается у меня.

— Во-во. — Он садится, стряхивает сигаретный пепел в пустой бокал и спрашивает, пристально глядя мне в глаза. — Как думаешь, мне лучше взять Наташку и поехать домой, или остаться и продолжить бухать?

— А где эта Наташка? — Я верчу головой по сторонам. — Как она выглядит?

— Какая разница? Просто скажи, взять или не взять?

— Ну... э... — Я не знаю, что и ответить. С одной стороны, я бы с ним еще потрещал, с другой — почему советы такого рода должен давать именно я? — Ну, я, типа, думаю, что надо остаться. Никуда, типа, не ехать с этой Наташкой...

— ...и все такое, — заканчивает мою мысль Вадик. Видимо, он тоже любит эту присказку.

Тоже любишь Бивиса и Батхеда? — смеюсь я, понимая, что эмоциональный контакт установлен.

— Уже нет, — отсекает он мой порыв. — Один мой знакомый любил. А я просто, типа, живу в квартире гостиничного типа.

Отчего-то он больше не кажется мне таким бухим. Я киваю, наливаю себе шампанского и предлагаю ему:

— Будешь?

— Говно вопрос! — Вадим берет у меня бутылку и пьет прямо из горлышка. — Скучно.

— Невесело, — соглашаюсь я. — А что за компания?

— Какая? — Он ставит бутылку на стол.

— Ну те, с кем мы за столом. Я никого не знаю.

— Эти? — он кивает в сторону танцпола. — Расхитители капиталистической собственности. Продюсеры закатали на канал, канал купил у них сериал, мы купили в сериале продакт-плейсмент, продюсеры откатали нам за это. Теперь всех гуляем, чтобы отметить выход сериала. Плюс у меня день рождения. Обычное дело, не заморачивайся! Лена сказала, что ты в «Одиозном», можешь со статьей помочь?

— Говно вопрос, — подражаю я ему. — Слушай, красивая история с продюсерами. Об этом можно книгу написать. Или песню. Мне приходит идея, не начитать ли остросоциальный рэп «Расхитители»?

— Обязательно напишут. Пройдет еще полгода, с канала уволят очередного обуревающего менеджера, он и напишет книгу, разоблачающую всю воровскую схему. Кому, как не ему, написать, а? — подмигивает мне Вадик. — Это раньше у Жванецкого было: что охраняем, то и

воруем. Теперь не так — что воруем, о том и пишем. Я, кстати, читал пару твоих колонок. Специализируешься на жизни богатых и знаменитых?

— Делать простые вещи гламурными и продавать это колхозникам — моя профессия. — Я откидываюсь на стуле и затягиваюсь сигаретой. — Я работаю гламур-менеджером.

— Я отчасти тоже, — кивает Вадик. — Мы случайно не встречались в прошлую субботу на открытии «Бистро»?

— Может быть, старичок, может быть. — Я довольно улыбаюсь (похоже, мы все-таки наладили контакт). — Так много этих закрытий и открытий, что всего и не упомнишь. Знаешь, одно из преимуществ моей профессии состоит в том, чтобы ходить через VIP на все вечеринки, не имея пригласительного ни на одну из них. Круто, согласишься?

— Не-а! — Он снова берет бутылку и отпивает из горла. — Шампанское выдохлось. Получать VIP-пригласы на все вечеринки города и никуда не ходить — вот это по-настоящему круто.

— Я тебя умоляю! — Я собираюсь поспорить с ним, но он не дает мне продолжить.

— Поверь, что это так. Тебе ведь это не запахло?

— Что? — не врубаюсь я.

— Просто поверить. — Он с интересом смотрит на меня. У него голубые глаза в небольших трещинках бессонницы. — Точно, я вспомнил, ты был с Решетниковой!

— Ты путаешь, — я отвожу взгляд.

— Я никогда ничего не путаю. Не ссы, Лена на танцполе. И потом, кто из нас безгрешен? Мужчины склонны к полигамии, тем более до сорока лет. Денег становится все больше, а активных сперматозоидов все меньше, усекаешь? — Он подмигивает мне. — В то время, как белые зарабатывают бабки, негры размножаются, чтобы через пятьдесят лет эти бабки у белых забрать. Поэтому каждый из нас стремится осеменить как можно большее количество телок. В общем, не бойсь, не вломлю. — Он снова подмигивает мне.

— А ты Решетникову давно знаешь? — тут в памяти всплывает ее новый телефон, рождая волны ревности. На всякий случай смотрю на танцпол, где Лена совершенно попово двигает бедрами. Тоже мне, Дженифер Лопес!

— Ага. Пару лет назад она дарила мне свои, тогда еще неумелые, ласки, — Вадик встает и тянется за пиджаком: кажется, интерес к разговору он утратил.

— Почему это, интересно, неумелые? — Я возмущен манерой, в которой общается этот придурок. — Может, все дело в тех, кому их дарят, чувак?

— Тогда еще неумелые. Теперь-то, скорее всего, они умелые. — Он примирительно смотрит на меня. — Прости, не хотел тебя обидеть. Я уже бухой. Просто мне тогда не повезло, а тебе теперь, наоборот, очень повезло с этой Решетниковой. У тебя с ней все серьезно? Я не знал. Хочешь еще шампанского?

— Давай. — Я расслабился. Он действительно прикольный, этот Вадик, просто любит выебнуться. Но это смотря как себя позиционировать. Со мной-то такие приколы не прокатят, я и сам такой. — У меня с ней ничего серьезного, так просто. Одна «из», понимаешь, о чем я? А Лена — моя девушка.

— Конечно! — Он тоже улыбается, наливает шампанского и чокается со мной бутылкой. — Мы друг друга поняли!

— А она у тебя давно работала?

— Я же тебе говорю, пару лет назад. В Ростовском филиале, если ты ничего не имеешь против. Надо признать, у нее почти нет южного акцента и великолепное тело.

— Странно. — Мне кажется, он чего-то путает. У Риты нет никакого акцента, хотя... — А зачем ей было работать, с ее-то родителями-газовиками?

— С какими родителями? Фак, в носу першит, не могу больше. — Он наливает шампанского в бокал. — Ну, может быть, тогда у нее еще не было родителей-газовиков. А переехала в Москву — и появились. Давай выпьем еще! Как там у газовиков говорят? «За нас, за вас, за нефть и газ»? Может, я вообще не ту Риту имею в виду?

Я отхлебываю шампанского и чувствую, что напиваюсь.

— То есть как? — но договорить мне не дает возвратившаяся к столу компания. Антона среди них не видно.

— Ебаный насос, Вадик, где ты был?! — картинно возмущается раскрасневшийся парень в футболке с принтом в виде анаши.

— Он работал с молодежью. Да, дорогой? — Вадика обнимает стройная шатенка лет двадцати пяти. Вероятно, это и есть пресловутая Наташа.

«Обломись, детка», — думаю я и сваливаю к туалетам. Проходя мимо танцпола, встречаюсь взглядом с Ленкой и показываю ей жестом: «пять минут».

Удивительно, но перед туалетами нет вечной толпы, только две молодых девушки делают вид, что моют руки, хотя сами наблюдают в висящее на стене большое зеркало за входящими и выходящими.

— Антох, открывай! — Я дергаю дверь мужского туалета. — Свои.

Тишина.

— Антох, ты чо, оглох? Открывай, — зову я звенящим шепотом, прислонившись к двери.

— Я выхожу уже, у меня нет ничего, — раздается из-за двери. Девчонки прыскают со смеху.

— Все окей, я из отряда «Спасатели Малибу». — Я изображаю, что предъявляю им ксиву. — За дверью мой сотрудник.

Дверь открывается, чуть не хлопнув меня по лбу.

— Сука ты жадная! — говорю я Антону. На его лбу капельки пота, глаза блестят, как новогодний шарик — сразу видно, «ничего не было»! — Не оставил брату?

— Иди к черту! — Антон выталкивает меня из дверного проема, одновременно приветствуя жестом телок.

— Последнее с пацанами делил, никого ни разу не слил. Не запалил. Так наш Антоха жил, — на ходу импровизирую я.

— Слушай ты, еврейский Эминем! — Антоха обнимает меня и выводит на танцпол. — Я чего, весь вечер должен ждать, пока ты с гламурными чуваками наговоришься?

— А у кого есть? — спрашиваю я.

— Чего?

— У кого есть?

Но Антон не слышит, мой голос заглушает хрипящий из динамиков «Дельфин».

*С утра приходят ко мне люди разные,
Бледные, прям на пороге могут скончаться,
И всякие другие разнообразные.
Розовые, еще не успели сторчатся...*

Я выхожу на танцпол и прижимаюсь к Ленке. Веселее не становится.

— Как только мы попадаем в большую компанию, ты сразу теряешь ко мне интерес, — говорит мне на ухо Ленка.

— Лена, ну что ты такое говоришь? — Я начинаю строить из себя оскорбленного. — Ты же сама сказала, что у Вадима ко мне дело. Вот мы его и обсуждали.

— Удачно обсудили? — Она смотрит куда-то в район моих ноздрей. Я хочу незаметно промокнуть нос, но вспоминаю, что незачем.

— Обсудили, потом еще договорим.

— Поедем домой! — Она прижимается ко мне еще сильнее.

— Так быстро? Неудобно, у твоего друга день рождения. Давай еще посидим?

— Давай, — грустно отвечает она.

Вернувшись с танцпола, я вижу, что компания поредела. По обе стороны от Вадима сидят девочки, он пьет виски, волосы растрепаны, глаза мутные. Напротив него парень в наркофутболке мотает головой и орет:

— Это так устроено, понимаешь! Хочешь ты этого или нет, но оно так работает!

— Боря, я тебя умоляю! Это у тебя в Киеве так оно работает, потому что пока лохов больше. Но это временно. Нельзя плыть в потоке, нужно играть на опережение, врубаешься? — Вадим тычет пальцем чуваку в лоб. — И потом, все вещи не упакуешь я розовую бумагу. Я тебе как бывший рекламодатель скажу: я не верю в то, что под соусом гламура можно одинаково хорошо продавать дрянное игристое итальянское вино и латвийские шпроты.

Девушки заливаются хохотом. Играет «Мумий Троль» — «Невеста».

— А я скажу, что можно и шпроты! — Чувак икает. — Каким образом, скотина ты пьяная, а?

— Если шпроты гламурные. — Чувак обводит глазами присутствующих и пьяно улыбается.

Девушки снова веселятся. Вадим откидывается на спинку кресла и закуривает. Увидев меня, он преображается:

— Вот кто нас рассудит! — Он хлопает Борю по руке. — Старичок, посмотри на этого парня. Он колумнист «Одиозного журнала», как раз пишет обо всей этой шняге.

— Зашибись, чувак, просто зашибись! — Я качаю головой. — С каких это пор продавцы отравленных кремов стали называть творчество шнягой? Это уже было в новостях? Я что-то пропустил?

— Прости, брат. — Вадик поднимает руки вверх... — Я бухой. — Творчество, Андрей. Конечно творчество!

«Этот тоже назвал меня братом, — думаю я, — налицо симптоматика».

— Скажи, Андрей, что самое крутое на сегодняшний день? — обращается ко мне этот Боря. — На что одинаково клюют менеджеры среднего звена и женщины средних лет?

— Биологические добавки? Фитнес? Рестораны молекулярной кухни? — (Откуда я знаю, о чем вы тут спорите, пьяные кретины!) — Однополая любовь? Гангста-рэп? Черная культура? Гангста-рэп как часть черной культуры — это, на мой взгляд, очень круто!

— Бьешь в яблочко, — хлопает в ладони Вадим, — точнее и не скажешь. Черная культура, йо браз!

— Не передергивай! — орет Боря. — Он все правильно сказал. Андрюш, я твой коллега, главный редактор мужского журнала в Киеве. Я пытаюсь доказать этому ослу, что можно с одинаковым успехом продать и рабочему с колхозницей, и менеджеру с моделью одно и то же, если упаковать это в...

— Люди, как сороки, бросаются на все, что блестит, — повторяю я однажды услышанную где-то фразу. — Все хотят праздника, одним словом... — Я делаю круговые движения указательным пальцем левой руки, будто бы крутя на нем связку ключей. — Одним словом... glamorous glue... гламурный клей...

— Именно! — Боря бьет ладонью по столу. — Выпьем?

Я киваю.

Боря наливает всем шампанского.

— То есть ты хочешь сказать, что можно «гламуризировать» все что угодно? — прищуривается Вадим.

— Все зависит от таланта креативщика, старичок, — подначиваю я.

— А, понятно. У нас в гостях «мальчик — ходячая цитата»! — Вадим делает глоток шампанского.

Девушки прямо-таки лопаются со смеху. Интересно, они вообще говорить умеют? «Rare me, rare me in, my friend, — поет Курт Кобейн.

— Следи за базаром, чувак! Я тебе не какой-нибудь Тимати, я знаю улицу. — Я беру бутылку и отпиваю прямо из горла, струя вспененной жидкости чуть не вырывается наружу.

— Вот именно, Вадик, вот именно. — Боря зевает. — При наличии таланта можно даже шпроты гламурно упаковать. Всем колхозницам банка шпрот покажется круче модного кафе, если Андрюха напишет, что в модных кафе Парижа только шпроты и едят. Вопрос цены вопроса. И наличия таланта, you know.

— Понятно. — Вадим встает с довольно злобным видом. — Вы не оставляете мне выбора. Предлагаю спорить на бабки!

— Вау, вау! — девушки начинают хлопать в ладоши. — Мальчики, вам обязательно нужно поспорить, это так прикольно!

— Сучкам предлагаю временно замолчать! — Он целует каждую девушку в губы. — Временно.

— Андрей, это как раз по нашему вопросу. Зачем нам шпроты? Мне нужно продвинуть новую косметику. Для... для собак. Смог бы ты красиво написать статью и разместить ее в своем «Одиозном»? Статью, которая придала бы образу косметики для собак этакий гламурный флер? Я правильный термин употребил?

— Я не пишу заказняков, — говорю я, разозленный тем, что этот павлин начал решать дела при скоплении народа. — Только за большие деньги.

— Например? — почему-то оживляется Боря.

— У вас таких нет.

— Выйдем проветриться? — предлагает Вадим. — Пошли, Борь!

— Пошли с нами, Антон, — киваю я.

На улице Вадим обнимает меня за плечи и, дыша химически-спиртуозным перегаром, наклоняется ко мне:

— Прости, братик, я все понял. Не хотел тебя подставить. Там народу много, а тут все свои. В общем, тема в том, что мне нужно продвинуть косметику, на самом деле. А этот хохляцкий лох просто под руку подвернулся. — Вадим ржет и бьет Борю по подставленной руке. — Люблю его, скотину — не могу! Хотел даже в Киев к нему переехать.

— Никогда не поздно, — улыбается Боря.

— Скажи, сколько стоит размещение такой статьи?

— Ну, типа. — Я думаю, какой цифрой их убить. — Ну, типа...

— Штука, — рубит рукой воздух Вадим. — Штука за статью в две с половиной тысячи знаков. Неплохо, а, чувак?

— Две, — поднимаю я два пальца вверх. — И только потому, что мы друзья.

— Понеслось. Борюня, готовь бабки, — снова хлопает в ладоши Вадик. — Условия такие: если Андрей пишет складную и красивую статью, которую опубликуют в его журнале, кроме твоего гонорара в двушку, я даю Боре пятьсот грин. Поскольку я полагаю, что статью про гламурную косметику для зверей хорошо написать нельзя.

— Можно, — не унимается Боря, — просто нужен талант.

— Этот самый талантливый, — льстит мне Вадим. — Если статья выйдет убогая, но ее все равно поставят, он же договорится (Вадим снова приобнимает меня), пятьсот грин даешь мне ты. Идет?

— Критерии убогости, — включается молчавший до сих пор Антон. — Кто их определяет?

Лицо Антона сейчас ошеломленно-настороженное. Еще бы, ему мой финт повернуть не хватит воображения и дерзости.

— Думаю, в части красоты материала наши с Вадимом взгляды совпадают, — предполагает Боря. Я согласен. Когда выходит новый номер твоего «Одиозного»?

— Погодите, погодите, — протестую я. — Номер выходит через три недели, но писать бесплатно — поищите журналистов из Саратова.

— Сколько вперед? — Вадим поджигает губы и вытаскивает кошелек.

— Полторы? — говорю я вопросительно.

— Понял. Штуку за глаза, — Вадик отсчитывает деньги.

— Антон — свидетель, — впрягаю я друга.

Все согласно кивают. Докурив, мы возвращаемся в бар.

— Вы поспорили? — осведомляется Наташа. — Ага, — кивает Вадим.

Лена смотрит на нас напряженно. Девушки хлопают в ладоши и снова кричат: «Вау!» и, кажется, еще: «Класс! Класс!»

— Вы с ума спрыгнули, — тихо резюмирует Антон.

— Скучно, — отвечает Вадим.

— Я в туалет, что-то дурно уже, — Боря уходит.

— Добиваем бутылку, считаемся и сваливаем. — Вадим доливает всем остатки шампанского. — Хорошо отдохнули.

— Ну что, honey, let's go? — предлагаю я Ленке.

— Я зайду умыться и поедем, — обворожительно улыбается она.

Огни танцпола смазываются и становятся похожими на фары автомобилей, если смотреть на улицу сквозь мокрое от дождя стекло. Интерьер «Симачев-бара» плывет у меня перед глазами. Отчаянно хочется спать...

— А почему эти телки не обижаются, когда ты называешь их сучками? — почему-то задаю я Вадику именно этот вопрос.

— Потому что мы не оставляем друг другу никакого выбора. — Он щелкает зажигалкой, пытаюсь прикурить, и роняет незажженную сигарету на стол между нами. Мы оба инстинктивно отдергиваем руки. Где-то далеко начинает играть КАЧ:

Бери на бас.

Бери на бас.

Либо мы этих пидоров.

Либо они нас...

Через двадцать минут мы с Леной сидим на заднем сиденьи такси, движущегося по бульвару. Мы сворачиваем налево, на Петровку, проезжаем «Дягилев», и я тоскливо смотрю в окно на чей-то чужой праздник. Если честно, отдохнули мы совсем не хорошо.

— Ты меня любишь? — тихо спрашивает Ленка. Я непонимающе смотрю на нее.

— Мне стало казаться, что большие компании для тебя гораздо важнее. Ты взял... взял и потерял меня. Я чувствовала себя как привязанная у двери магазина собачка. И за тобой не уйти, и с места не сдвинуться. Только за столом сидеть...

— А Антон с Ритой уехал? — почему-то интересуюсь я.

Я не знаю. Какое мне дело! Главное, что мы уезжаем вместе. Пока еще...

— What do you mean?

— Я имею в виду, что мы как-то... меняемся, что ли?

Просто я тебя не люблю.

— Я не понимаю, о чем ты? — меня начинает колотить злорада, и я выплескиваю ее на водителя: — Вы не могли бы радиостанцию сменить? Я, например, не люблю шансон.

— Пожалуйста, пожалуйста, — отзывается водитель и меняет волну.

— Мне кажется, мы отдаляемся друг от друга, — продолжает Ленка.

— Ты придумываешь, зайка. Видно, много шампанского выпила.

— Я его вообще не пила.

— Да? Странно... значит, ты просто устала, — говорю я, отворачиваясь к окну.

Или я от тебя устал...

«Taxi, take me to the other side of town... as fast as you can», — поет Bryan Ferry.

«Хочется проснуться завтра с утра в обнимку с Катей», — думаю я, и еще мне хочется плакать от бессилия...

PERFECTIL

Мы просыпаемся с Ленкой одновременно, в одиннадцать. Ее будит приступ жажды, меня — похоти. Отчаянно занимаемся любовью. Так рвут телочку, если жил с ней вместе, потом расстался на долгое время и вчера случайно встретил на вечеринке. Так нервно любят друг своих жен, еще так страстно, наверное, делают детей. Впрочем, дети в мои сегодняшние планы не входят. При всей чувственности сцены и продолжительности акта, при всех этих вздохах и укусах Ленка долго не кончает. Странное дело. Обычно ей хватает минут семи. Не проснулась? Мы переходим в doggy-style, я чувствую неумолимое приближение оргазма и стараюсь отвлечься. Как наши сыграли с англичанами в футбол? Понятия не имею. Сколько я должен по кредитным карточкам — в районе пятерки... Бли-и-и-и-и-и! В понедельник сдавать все материалы, интересно, Марина успеет сделать фотосессию? Нет, не то, не то. Я впиваюсь пальцами в Ленкины бока, что же еще-то проблемного вспомнить? Ритка хочет ко мне переехать... прикинь, она бы нас сейчас запалила! А, идиот, а-а-а-а-а, не-е-ет, ладно, по-о-о-о-том извиню-ю-ю-ю-ю-ю-ю-юсь, типа, сама виновата, чего тянуть-то, а-а-а-а-а-а-а-а...

Мы откидываемся на подушки, лежим несколько минут, после чего Ленка хихикает и говорит:

— Не успела она и опомниться!

Это у нас, типа, шутка такая с давних пор. Только если раньше она катила за шутку, то сейчас раздражает. Я закрываю глаза. Интересно, как так получается? Почему все фишки, ужимки, присказки или движения, характерные для девушки, с которой ты живешь, раньше казались тебе милыми, а сейчас выглядят нелепыми и раздражают? Почему со временем тебя бесят все детали, в которые ты когда-то влюблялся?

— Я тебя обидела? — вопрошает Лена, приподнявшись на локте, отчего ее левая грудь выглядит какой-то *размазанной*. — Ты странно реагируешь.

— Нет, все окей, honey!

— Я же вижу, что все совсем не окей!

И давно ты это видишь?

— Ленка, я тебя умоляю, все cool!

— Не надо меня умолять! Андрей, что происходит?

Ого, в девочке проснулся зверь! Опять предложишь жениться, зайка?

— Я просто немного устал вчера, не обращай внимания.

При чем тут усталость? — Ленка подползает ко мне. — Я заметила, что ты стал раздражаться на меня по любому поводу. Раньше тебя мои шутки смешили — или я что-то путаю?

— Нет-нет. Это я себя с кем-то спутал, — тихо говорю я и валю в ванную.

Пока я включаю душ, Ленка бубнит что-то за дверью.

Я чувствую бурление в животе и подступающую головную боль. Начинает мутить, причем не похмельно, а словно после пищевого отравления. Что же я съел-то вчера? Ужас...

Открыв шкафчик с туалетными принадлежностями, я раздвигаю бесконечные ряды баночек, скляночек, упаковок с тальком, дезодорантов, кремов и туалетных вод, прежде чем нахожу по-настоящему нужные вещи: шампунь, гель для душа и тюбик зубной пасты «Lacalut», которой я вчера писал на зеркале. Судя по тому, в какой последовательности девушки расставляют туалетные принадлежности, можно сделать вывод о том, что они бреют подмышки, обливаются духами и присыпаются тальком в десять раз чаще, чем моют голову и чистят зубы. Хотя, безусловно, все наоборот, и эта неразумная дислокация вещей — лишь еще одно доказательство абсурдной женской логики. Напоследок я цепляюсь взглядом за пластинку с темно-коричневыми капсулами «Фестала». О, кстати! Выдавливую две капсулы, проглатываю, что твой крокодил в зоопарке, потом решаю, что две — слишком мало для победы над бурей в животе, и глотаю еще пару. За дверью Ленка продолжает свои «бу-бу-бу». Стараясь не вникать, намыливаю голову, закрываю глаза и читаю на память один из своих текстов, думая о репетиции.

В конце концов Ленка открывает чем-то дверь, врывается в ванную (фу, какая бестактность!), выключает воду и возвращается к теме моего неадекватного, по ее мнению, поведения. Вопросы сыплются один за другим: «Что случилось?», «Почему ты молчишь?», «Какого черта?».

— Лена, голый человек не способен давать показания, you know? You have killed me, — говорю я, сидя в пустой и мокрой ванне.

— У тебя... — Лена нервно поправляет спутанные волосы. — У тебя другая женщина?

В этом своем отчаянии пополам с агрессией она дико сексуальна.

— ...Нет... просто, — отвечаю я честно, — просто неудобно, что не дал тебе кончить, honey.

Я опускаю глаза и вижу набухающую эрекцию. Второй сеанс мы проводим в ванной.

Минут через двадцать мы сидим на кухне, завернувшись в полотенца, и пьем кофе с вишневым вареньем.

— Давай я тебе омлет сделаю! — предлагает Ленка.

— Спасибо, зайка, только мне сейчас не хочется, в животе бурлит — я только что четыре капсулы «Фестала» саданул.

— «Фестала»?! А где ты его взял?! — изумляется Ленка.

— У тебя в ванной, в шкафу.

Воистину, еще одно доказательство бардака, царящего в женских головах: сначала бессистемно навалят кучу предметов, а потом сами не могут вспомнить, где что лежит.

— Андрюш, у меня в ванной никогда не было «Фестала». Где ты его нашел? Ты, наверное... — Ленка встает, идет в ванную и возвращается с упаковкой капсул. — Это? Ты это «Фесталом» называешь?

— Ну да, — усмехаюсь я.

— Андрюш, и сколько ты их выпил?

— Четыре штуки, чтобы наверняка.

— Ты с ума сошел? «Фестал» в таблетках, а это — «Перфектил»!!!

— А что это? — чувствуя подставу, вопрошаю я.

— Мне эти капсулы подружки из Лондона присылают, они в Москве в диком дефиците, а ты взял и сожрал практически мой недельный курс! — Лицо Лены выражает неподдельную обиду. — Да на этом комплексе сидят все топ-модели: Кейт Мосс, Наоми... Он даже в Европе не везде продается, а ты его жрешь вместо «Фестала»!!! «Не ешь, братец, козленочком станешь»!

— Лена, relax, что такого произошло? — Я чувствую, что бурление в животе возобновилось. — Что это за «Перфектил» такой? Я после него умру и сразу вернусь на землю в образе Кейт Мосс?

— Не смешно!

— А я бы хотел!

— Кристи Тарлингтон назвала «Перфектил» «My second life»!

— «Second life» — это игра такая компьютерная...

— Это у вас игра, а у женщин — вторая жизнь! Это витаминный комплекс, который после тридцати дней приема восстанавливает кожу, ногти после него не ломаются, волосы становятся гуще. Ну что я тебе рассказываю, ты же не модель! — Ленка укоризненно качает головой. — Что за манера тянуть в рот все, что ни попадя?

— Лен, а от изжоги и пищевого отравления он помогает?

— Я не в курсе, я его только по прямому назначению применяю. — Она открывает шкаф и кидает мне упаковку. — На, почитай.

На белой картонной коробке надпись «"Перфектил", капсулы. Рекомендуется при повышенной ломкости ногтей, изменении структуры волос, сухости кожных покровов, дерматитах, псориазе и эпилепсии».

— Он и эпилепсию лечит? — Что? — она берет упаковку в руки, — Не эпилепсию, а алопецию. Это значит «облысение».

— Понятно, — тяну я, непроизвольно пригладив волосы.

— В общем, Андрюш, сделай милость, если тебе попадется на глаза еще что-нибудь, сначала у меня спроси, а потом ешь. Договорились? А то в другой раз тесты на беременность с жвачкой перепутаешь, — смеется Ленка.

— Ладно-ладно. Common, — деланно сержусь я.

— Хочешь еще варенья? — Ленка гладит меня по голове. — Иногда мне кажется, что ты еще ребенок.

— Так и есть, — смеюсь я. — Варенье нереальное.

— Это мама. Представляешь, она до сих пор варит, — говорит Ленка, облизывая ложку.

— С ума сойти!

«Лучше бы она гашиш варила», — я тоже облизываю ложку.

— Когда я его ем, каждый раз вспоминаю, как в детстве бабушка с мамой летом варили на даче варенье, а я им помогала.

Просто какая-то «Моя семья»!

— Знаешь, а в Штатах никто варенья не варит.

— Правда? Я не знала. Значит ты, бедный ребенок, рос без варенья?

— Без варенья. — Я отрицательно мотаю башкой. Мы целуемся.

Дальше идет столь же трогательное и умилительное обсуждение всяких прикольных вещей из детства. Вспоминается «Faserland» Кристиана Крахта, в котором герой мальчиком любил высовываться из окна поезда и ловить ветер. В такие моменты он думал о том, что заодно с ветром ему на лицо попадают капли мочи из вагонного сортира. Хотел было выдать эту историю за свою, да боюсь, не проканиает за sweet memos. Под неторопливое поедание варенья в одно касание проходит тема свадьбы и устройства торжеств, на что я говорю, что в Америке такие темы принято обсуждать только за ужином в день помолвки. Этот ответ ранит Лену в голову, причем настолько тяжело, что мне даже удастся тактично наврать о своей репетиции через час. Превратившаяся в сахарную вату Елена грустно кивает.

— Давай сегодня после твоей репетиции сходим куда-нибудь, потанцуем, — говорит она, прощаясь со мной на пороге. — Мы никогда не были в клубе!

— Honey, I'm a private dancer. Я не люблю клубы, — печально улыбаюсь я в ответ.

— Тогда, может быть, поужинаем? — делает она еще одну попытку.

— Мои друзья не простят, если я свалю с репетиции. They gonna rape me, you know, — грустно говорю я. — Хотя, если честно, не так уж мне и хочется репетировать. — Я провожу пальцем по ее губам.

— I'm gonna rape you too. — Она целует меня взасос. — Позвони, если получится! Я сегодня целый день дома. Может, подруга приедет.

— Маша? — зачем-то спрашиваю я.

— Нет. Ты ее не знаешь, — смеется Ленка. — А почему Маша?

— Потому что я ее не знаю. Подумал — пусть будет Маша. Красивое русское имя...

Дома открываю почту, вытираю сотню писем спама, отвечаю на какие-то каменты в своем ЖЖ, в очередной раз напрягаюсь, что нет письма от рекорд-лейбла, зато вижу письмо от Даева: «Привет, Андрей!

Оклемался? В любом случае, привет. В аттаче — текст статьи. Будет круто, если напишешь и пришлешь на согласование сегодня. Иначе не успею подписать.

Вадим».

Надо же, не забыл! А я-то думал, понты кидал, клоун. Посмотрим, что у тебя за «косметика для гламурных животин»...

«Косметическая линия для собак Doggy-M (черт, и здесь doggy!) от MIORR® включает в себя шампунь, кондиционер, гель, защищающий от насекомых, дезодорант, — гласит рекламный кит. — Средства этой линии не вызывают аллергии у собак всех пород, за исключением служебных. Они обладают абсолютно нейтральным запахом, неспособным повредить нюху маленьких питомцев. Помимо защиты от насекомых косметика и парфюмерия Doggy-M от MIORR® восстанавливает поврежденные кожные покровы, улучшает рост шерсти и придает ей блеск, а также ежедневно дарит вашим любимцам дополнительную бодрость. Кроме того, Doggy-M от MIORR® — косметика на каждый день: в дождь, снег и слякоть ваши собаки

защищены от воздействия погодных условий двадцать четыре часа в сутки. Целевая аудитория инициированной публикации — "дамы с собачками". Дамы из светской тусовки и их маленькие подружки». Надеюсь, последнее про вибраторы? Не угадал...

Вот, собственно, и вся информация. Да, еще сведения об упаковке: каждый продукт помещен в индивидуальную дизайнерскую упаковку из стали. Негусто.

Подумать о том, чтобы втянуть этот продукт в гламур, мог только самый неумолимый бренд-менеджер. И правда, кому такое понадобилось? Ориентировочная стоимость продукта — от сотни евро в рознице. Никуда себе! Опа-па! Они там как рынок-то просчитывали? Интересно, сколько найдется идиотов, способных еженедельно тратить по 300 — 500 евро на своих слюнявых сволочь-терьеров, а? В Европе, наверное, немного, раз они решили запускать бренд в России. Они думают, что тут даже собаки в списки «Форбс» попадают? Нет, реально, вы подумайте, до чего мы тут дошли — с такими приколами скоро собачий Петя Листерман появится. Ага. Будет выдавать беспородных дворовых сук за кобелей с Рублевки. Если разобраться... если разобраться, это две штуки, так что пиши и не выебывайся, тоже мне, Че Гевара, зовущий «маленьких питомцев» на баррикады...

С чего бы начать? А главное — о чем писать-то? Google еще ничего не знает про косметику для собак от MIOORR, списывать из Wikipedia статью про шампуни для животных как-то негламурно. Могут спалить. Позвонить знакомым? Да они на собственную косметику столько не тратят. Чего же делать-то? Двушка, двушка, двушка... Я наливаю себе еще кофе, заставляя мозг включиться, возвращаюсь за компьютер и начинаю:

«Вы хотите, чтобы ваша собака пахла лучше, чем ваша горничная?» А! Нет, не то. Слишком пафосно и некорректно. С другой стороны, иные собаки дороже иных горничных. Такое не пропустят. Двушка, двушка, двушка... Черт! Почему вместо того, чтобы думать о материале, я думаю о бабках? Голова совершенно пуста. Может, использовать «оружие возмездия Рейха», припасенное на черный день? Выбора нет. Думаю, сейчас как раз такой случай.

Я падаю на колени, скорчиваюсь в три погибели, начинаю шарить под шкафом. Кроме пыли — ни черта. Но где-то он был! Это же не мираж! Бегу в туалет и возвращаюсь со шваброй. Минуты две лихорадочно возюкаю туда-сюда, затем выуживаю несколько фантиков, горю пыли и (звучит бравурная музыка, например, «Лунная соната») пачку сигарет, в которой (конечно, это не мираж) — половина косяка, заначенного пару месяцев назад.

«Собаки, как и люди, страдают от недостатка внимания. Им тоже хочется посещать гламурные вечеринки и встречаться там с клевыми кобельками и сучками!» — начинаю я заново. Да... косяк ушел за минуту, кофе — еще за полминуты, последние мысли о статье улетучились вслед за кофе. Я отхожу от компа, чувствуя, как голова наполняется дурманом, и включаю телевизор. Там идет реклама пива для лохов: в ролике трое друзей обсуждают своих умных знакомых и родственников. «У моего дяди — аналитический склад ума» (в кадре появляется ангар с надписью: «аналитический склад»). Потом еще что-то, потом эти спорящие об интеллекте бараны пытаются отгадать в кроссворде слово из четырех букв, которым обозначается содержимое головы. В конце концов они бросают это дело и выпивают пива. Просто. «Без понтов». Еще бы: какие уж тут понты, если ты дебил. Нет, положительно, в качестве рекламной идеи колхознику можно впихнуть что угодно!

Вслед за пивом идет нарезка какого-то быдлованского фильма. «"Морские дьяволы-2", — говорит стальной голос за кадром, — их ждали, и они вернулись. Старые друзья!» Скажите мне, кто ждал этих самых «Морских дьяволов-1»? И кому нужны «Морские дьяволы-2»? Воистину — план меня не берет, зато ящик убьет точно!

После этого трэша, когда я уже было решил, что от заказняка придется отказаться, когда все уже представлялось безвозвратно потерянным, приходит она! Муза! Она появляется в виде Пенелопы Крус, рекламирующей шампунь. Я вырубая телевизор, несусь на кухню, разбрасываю в разные стороны стопку глянцевого журналов, пылящихся на подоконнике, пока не нахожу пару женских журналов. В первом же мне попадаются нужные статьи: «Сливки для волос» и «Кожа как глянец»...

Все гениальное действительно просто. Сменить женщин на сук — чего тут голову ломать? Главное — даже сути не меняет. Дальнейшее идет как по маслу:

«Ваша сука (*стерто*) собака — настоящая сука (*зачеркнуто*) леди. Еще бы — у нее такая хозяйка! Вы берете ее с собой повсюду — на выставки, презентации, в кино, в рестораны и кафе, на показы мод в Милан, на выставку роскоши в Пекин. Она такая душка! Той-терьер, чихуа-хуа или йоркшир. Такая собака стоит целого состояния! Гламур, гламур Doggy! Даже в любимом СПА-салоне вы расстаетесь с ней только в солярии. Стоп!

А вы не думали, что ваша гламурная крошка завидует своей гламурной хозяйке? Конечно, скажете вы, мы едим в одних и тех же ресторанах, одеваемся в одних и тех же магазинах, у нас даже одинаковый вкус на мальчиков (*фу, блин!*) Все это так, но почему вы лишаете свою девочку удовольствия ежедневного косметического ухода? Не знаете, что собакам это снится? Или не знаете, что такая косметика уже есть? Да! Гламур бывает и на четырех лапах! Косметика Doggy-M от MIORR® — это большой сюрприз для ваших маленьких любимцев!

Превратить уход за волосами (*стерто*) шерстью в настоящее священнодействие — об этом мечтает каждая собака. И сегодня это легко сделать благодаря гламурной линии, состоящей из шампуня, кондиционера и геля, защищающего от насекомых...»

Добавив воды, и сосредоточившись на содранных из журнала характеристиках типа «легкой кремообразной консистенции», «карамельно-ванильного аромата» и «специальной формулы, восстанавливающей поврежденную шерсть» еще на полторы тысячи знаков, я заканчиваю на бреющем полете:

«Что общего между светскими дивами Нью-Йорка и Лос-Анджелеса — Пенелопой Крус, Бейонсе, Пэрис Хилтон и Джей Ло? Да, у них разные собаки, но один дилер (*стерто*), но эти собаки предпочитают "Doggy-M" от MIORR®!

Все продукты прошли обязательное тестирование на людях. Пострадавших нет. Есть подсевшие! "Doggy-M" от MIORR® — только для собак!»

В конце статьи я предлагаю три названия, Вадиму на выбор:

«Гаф-гаф, Pppp! Миорррр!» — с пометкой «обывательское»;

«Делай Doggy: Лучшие суки и кобели Нью-Йорка в экстазе!» — с пометкой «контркультурное»; «MIORR HADCORE!» — с пометкой «эстетское».

Сергей Минаев

Я еще раз пробегаю глазами колонку, сохраняю ее на рабочем столе и отправляю «мылом» Даеву на согласование. Две тысячи семьсот знаков текста, час работы, две тысячи долларов за материал — неплохо, да? Как говорил Фредди Меркьюри, «талант всегда себя проявит. Вот так-то, дорогуша!» Последняя цитата содержит легкий намек на то, что производители, продвигающие подобные продукты на рынке luxury, — чистые педерасты!

РЭП-БАЗА

*А вы, друзья, как ни садитесь,
Все в музыканты не годитесь.*
И. А. Крылов. Квартет.

— Нет-нет, это полная лажа! Все! Я так больше не могу! Стоп! — Антон вырубает пульт.
— Дрон, ты читаешь так, будто у тебя первый день месячных!

— Откуда ты знаешь, как бывает в первый день месячных? Ты гинеколог, что ли? — раздраженно говорю я, снимая наушники.

— Я не гинеколог, я просто многих записывал. Ты читаешь с такой интонацией...

— Я читаю с правильной интонацией!

— Ты читаешь как раздраженная, неудовлетворенная и истеричная телка. «О-о-опер Сви-и-иркин са сваим фантомам с утра вы-ы-ыходят из Бальшова дома», — передразнивает меня Антон, уткнув руки в боки и капризно надув губы. — После того как Ванька закончит свой кусок, ты должен вступать жестко, агрессивно.

— Чего ты меня учишь? Тоже мне, Тимбаленд нашелся! Я этот текст писал, и мне лучше знать, мать твою, где добавить агрессии, а где читать нейтрально, понял?

— Ты читаешь не нейтрально, а *томно*, врубаешься?

Ты читаешь как манерная провинциалка. Мы уже два часа пишемся, а ты только и делаешь, что порешь косяки. — Антон хватает сигареты, закуривает, отходит в угол и усаживается в кресло.

— У меня сегодня коллизия приключилась, я вообще мог по состоянию здоровья не приходить, — пытаюсь отшутиться я. — Меня от «Перфектила» колбасит!

— Это еще что? — недоумевает Ваня.

— Средство, на котором модные лондонские телки сидят. Омолаживает, ногти укрепляет, и все в таком духе. Короче, была лохушкой, выпила «Перфектила» — стала моделью, — мрачно заканчиваю я.

— Это официальный партнер Лондонского модельного агентства «Элит Модел Лук», — замечает Антон.

— А ты откуда знаешь? — изумляюсь я.

— Раз в неделю пью чай с Линдой Евангелистой. Какая разница, откуда я знаю? Просто в теме, и все. Ты лучше скажи, какое отношение «Перфектил» имеет к твоей отвратительной читке?

— Я его сегодня у Ленки в ванной с «Фесталом» перепутал. Живот болел, я и лупанул четыре капсулы.

Антон презрительно фыркает.

— Чего ты фыркаешь, я чего, знал, что ли?! — злобно реагирую я.

— И чего теперь с тобой будет? — настороженно спрашивает Ваня.

— А ничего! Отрастут у меня ногти, сиськи, губы надуются, и выйду я замуж за олигарха. Хоть с вами, дураками, перестану на репетициях время тратить!

— Из тебя получится прикольная телочка, — смеется Ваня. — Мы тебя сразу Листерману продадим, а на вырученные бабки построим студию.

— Ты бы еще капсулу открыл и снюхал содержимое, Кейт Мосс ты наша подмосковная! — равнодушно замечает Антон.

— Ой, кто бы говорил! — тоном базарной торговли парирую я. — Вань, ты посмотри на нашего продвинутого чувачка, а? Короче, рассказываю. Этот сноб в прошлом году встречался с одной телкой. Нашел у нее дома крем для сосков Agent Provocateur.

— Что за крем? — не врубается Ваня.

— Так, хорош уже придумывать! — напрягается Антон.

— Ничего не придумываю, ты мне сам рассказывал. Это, Ваня, крем, которым телки соски мажут, чтобы вставляли, когда футболку надевают на голое тело.

— И чего? — Все еще не понимает Ваня.

— А то, что этот модник, — указываю я на Антона, — решил, что раз соски эрегируют, то этим кремом можно и член намазать, да, Антон?

— Все, закончили, — Антону неприятно продолжать разговор.

— Нет, нет, давай, Дрончик! — ржет Ваня.

— Короче, намазал член. Эрекции никакой, зато жгло, говорит, сильно, — хохочу я. — Долго жгло, Тох?

— Я чувствую, мы сегодня все на юморе вместо музыки. Предлагаю разбежаться, — тихо говорит Антон.

— Ой, ладно тебе! Ты меня подколот, я тебе ответил, — продолжаю я.

— Что-то ты меня в последнее время дико утомил своими подколками...

— Ты меня тоже, что с того?

— Ну иди, прикалывайся в другом месте, клоун!

— Какие мы обидчивые! Меня, значит, можно изводить за «Перфектил», а тебя за крем для сосков нельзя?

— Дрон, ты пошутил, все посмеялись, — напрягается Антон. — Я больше репетировать не хочу. Разбегаемся.

В это время открывается дверь, и из комнаты выходит Никита, двадцатитрехлетний брат Антона, обладатель великолепного брюшного пресса, хорошо развитых мышц, спутанной копны светлых волос и смазливой рожи, похожей на физиономию солиста «А-На» Пола Ваактаара. Из одежды на нем только белые трусы Calvin Klein с высокой резинкой. Судя по помятой роже, спать он лег часов в шесть утра. Кивком головы Никита здоровается с каждым из нас, проходит к холодильнику, достает пакет яблочного сока и принимается пить жадными похмельными глотками. Закончив с соком, ставит пакет обратно в холодильник, прислоняется к стене, скрещивает руки на груди, заставляя мышцы пресса чуть заиграть, и с интересом наблюдает за происходящим.

— Ребят, вы собрались, чтобы разосраться? Нам в среду выступать, если кто забыл, — пытается помирить нас Ваня.

— Ты тоже хорош. Читаешь, как вареный. «Бэ-э-э мэ-э-э». Дай секса, изобрази мачо. — Антон нервно затягивается. — Вспомни, зачем ты в спортзал ходишь!

— Ты посмотри на этого психа, он же на всех бросается! — Я отхожу от микрофонной стойки и иду к холодильнику. — Антош, вчера в городе трава кончилась, или тебе никто не дал?

— Мне? — Антон расплющивает недокуренную сигарету в пепельнице, встает и начинает расхаживать по комнате. — Зато, я смотрю, у вас вчера вечер удался. Всем дали, ничего не закончилось. Сколько раз говорю: давайте перестанем бухать, торчать и отжигать до утра если, на следующий день репетиция! Вы меня сегодня просто достали!

— Тох, расслабься, — улыбаясь, говорит Ваня. — Вчера ж пятница была!

— У Миркина всегда пятница, — злобно отвечает Антон, одергивая свитер. — Прошлая репа была в воскресенье, так он пришел бухой! А на неделе до этого вообще не присутствовал!

— Курт Кобейн бухал, торчал и отжигал даже на репетициях. Это как-то отразилось на творческом наследии группы «Нирвана»? — Я стараюсь говорить как можно спокойнее.

— Ты не Кобейн, Миркин! — Антон подходит ко мне вплотную и начинает орать. — Ты, сука, ни разу не Курт Кобейн! Ты — безответственный урод, привыкший все делать через жопу!

Никита отлипает от стены и подходит к журнальному столику, слегка виляя бедрами, как модель на показе.

— Чего ты орешь, придурок! — завожусь я. — Это я безответственный? А кто нам пишет тексты?

— Ты в основном пишешь припевы, — парирует Антон.

— Окей, но припев — это скелет всего текста! — возражаю я.

— О да! — Антон картинно кланяется мне в пояс. — Извини, забыл!

— Ты, тварь неблагодарная! Если помнишь, это я, — тычу я себя пальцем в грудь, — я нашел для нас корпоратив! А ты даже спасибо не сказал! Твоего снобизма хватило только на

то, чтобы промолчать! Тебе даже в голову не пришло просто сказать: «Спасибо, чувак»! Только и можешь орать, изображая из себя гения!

— Действительно, Антон. — Ваня подходит к нему и кладет руку на плечо. — Дрон, конечно, не самый ответственный чувак, но он старается нас продвинуть. Говорит с людьми, суетится, и все такое. Чего ты заводишься? На самом деле, это же он нашел нам площадку для первого выхода.

— А чего вы на ней делать-то будете? — Антон раздраженно скидывает его руку с плеча. — Вы так же выйдете и сонно, невпопад слажете? Дело же не в корпоративе, а в том, как на нем выступить. Вы хотите обосраться? Я — нет! Давайте я отдам вам диск, который свел, вы просто засунете его в плеер и выступите под «минусовку»!

— Ссышь выступить, так и скажи! — Я залезаю в холодильник и беру банку колы. — Диск он свел!

— Да, свел! — Антон снова подходит ко мне — Между прочим, всю ночь работал на компе, чтобы ты сегодня мог косячить.

— Не умеешь работать головой — работай руками! — почему-то вырывается у меня. — Я отвечаю за творческую часть и промоактивность, если кто забыл!

— Да пошел ты... в таком случае, — заключает Антон и снова садится в кресло. — Смотрю, вам этот корпоратив совсем башню снес. Вы кого из себя возомнили? «Бу-Танг Клан»? Или, может, «Паблик Энеми»?

— Напоминаю: «"Бу-Танг Клан"— хлам, ну его в спам! Прошлогодний снег...», — цитирует Ваня группу «Кровосток».

— «... заебал он всех», — резюмирую я.

Все замолкают и отворачиваются друг от друга. Гармонию застывшей композиции нарушает лишь Никита, бесцельно бродящий по комнате с журналом в руке. Видимо, он настолько привык к женскому обществу, вздыхающему при виде его юных форм, что уже не может перестроиться. Реально, он выглядит как модель на показе — в своих белых трусах, с оттопыренным членом и снисходительной ухмылкой. Он чего, думает, мы телки? Старается пройти мимо каждого — вдруг кто не заметил, какой он красивый мальчик? Я начинаю беситься. Может, он педик?

— Если всем надоело, давайте отменим корпоратив и разбежимся — нарушает тишину Антон. — Или, если вы думаете, что это мои придирки — просто отыграйте вдвоем.

— Антон, прекрати, — серьезно говорит Ванька. — Я понимаю, что ты нервничаешь, хочешь как лучше. Мы все нервничаем и все хотим как лучше, да, Дрончик?

— А выйдет как всегда, — хмыкаю я. — Нам действительно стоит разбежаться. По крайней мере, сегодня. Я не готов писаться, когда на меня, типа, оказывают давление! Давайте попробуем в понедельник. Хотя нет, в понедельник у меня дела. Во вторник!

— Ах, да! У тебя же расписание! Давайте лучше в среду с утра, — разводит руки в стороны Антон. — А ещё лучше вообще без репетиций!

— Я так скажу: репетируют трусы, — смеюсь я.

— Ага. А новые песни пишут те, у кого старые плохие, — кивает Антон.

— Давайте передохнем, выпьем кофе и опять попробуем, — улыбается Ваня. — Чуваки, главное — не паниковать!

— Никто не паникует, — тихо говорит Антон, видимо, окончательно избавившись от негатива. — Главное, чтобы самые остроумные передохнули и влились в процесс.

Он бросает на меня косой взгляд, встает и идет к холодильнику. Открывает дверцу, достает сок, подносит к губам, замирает на секунду с закрытыми глазами и понимает, что пакет пуст.

— Эй, придурок! — обращается он к брату, уже успевшему занять кресло. — Ты чего, все выпил? А зачем тогда ставишь пустой пакет обратно? В коммуналке, что ли, живешь?

— Я думал, там еще осталось, — скрипучим голосом отзывается Никита.

— Да? Чего ты врешь! Думал он! Такое впечатление, что тут сок только для тебя, брателло. Ты вообще-то в гостях, мог бы и поинтересоваться у ребят, не хочет ли кто сока!

— Действительно! — включаюсь я, решая использовать великолепный повод для расправы над братом-моделью. — Ходишь тут, как стриптизер перед пенсионерками, в одних трусах. Ты, может, думаешь, что в «Красной Шапочке» находишься?

— Во-во, — поддакивает Ваня, — может, мне тоже раздеться? Будем как модели на подиуме, у меня тоже мускулатура хорошая!

— Ага. Тоже мне, Никита Шенкенберг нашелся! — не унимаюсь я.

— А я и есть модель, — нагло отвечает Никита и расставляет ноги пошире.

— Да, он модель, — смущенно кивает Антон

— Да?... — запинаюсь я. — Кстати, Антон, хочешь колы? У меня осталось.

— Спасибо, Антон берет у меня банку, — Хули ты расселся, Никит? Иди оденься. Если мы тебя не смущаем, то ты нас даже очень.

— В натуре, неприлично, — киваю я. Никита молча лыбится.

— Ты оглох, что ли? — орет Антон. — Иди отсюда и надень на себя что-нибудь. Выглядишь, как пидор!

— Вы точно психи! — Никита медленно встает и идет в комнату. — Вам нужно больше с девушками общаться, а не с пультами.

Поучи еще! — огрызаюсь я.

— Смотри, не доиграйся до мальчиков! — говорит ему в спину Антон.

Никита уходит.

— Пиздец, молодежь пошла, — недоумевает Антон. — Жил бы он со мной, я б его бил нещадно.

— Ногами. — Я поднимаю указательный палец вверх.

Ну теперь, когда всеобщими усилиями найден истинный виновник конфликта, предлагаю выпить, — смеется Ваня.

— У меня в холодильнике мята есть, кто умеет «мохито» делать? — интересуется Антон.

— Я могу, — вызывается Ваня.

— Лайм и лед в холодильнике, бухло там же, — кивает ему Антон, плюхается в кресло и включает телевизор. Обстановка окончательно разряжается. Антон щелкает пультом и останавливается на MTV.

— Слушай, давай без этой шняги, поставь VH-1, — предлагаю я.

— Дрон, там опять старье гоняют, — кривится Антон. — Если не хочешь MTV, давай посмотрим футбол или теннис!

— Фу, какой отстой! — Я выхватываю у него пульт. — Тут, кроме тебя, спортсменов нет, одни торчки.

— Алле, пульт верни, — Антон дергает пульт обратно и включает «Первый». — Будем смотреть новости.

От расстройства я закурываю.

Показывают сюжет о том, как вице-премьеру Иванову демонстрируют испытания нового российского самолета «Супер-Джет».

— Это, типа, первый российский «джет»? Наконец-то наши олигархи будут летать на отечественных самолетах, типа, нацпроект, да? — интересуюсь я.

— Нет, это пассажирский, — качает головой Ваня, смешивая мяту и лед в бокале.

Антон прыскает со смеху.

На экране глава ЦИГА показывает Иванову какие-то крапинки:

— Вот видите, Сергей Николаевич, так мы испытываем наши самолеты. Вот сюда, на стык, наносится нанораствор, при испытании здесь появляются нанокрапинки, видите?

— Нет пока, — Иванов улыбается и надевает очки, — не вижу.

— Да вот же они, крапинки, приглядитесь, — водит рукой глава ЦИГА. — Неужели не видите?

— Теперь вижу, ага, — отвечает Иванов.

— Да он, как Виктор Вард, этот глава ЦИГА. — Я тушу сигарету и говорю истеричным тоном: — «Крапинки — видите, вся третья панель в крапинках? Боже мой, я от этих крапинок чуть с ума не сошел!» Прямо как Виктор Вард. Кстати, а что такое нанотехнологии?

— Это когда наномасло мажешь на нанохлеб, получается нанобутерброд с наноколбасой. Новые технологии в созданий вещества, — говорит Антон — Врубаешься?

— Ни черта я не врубаюсь. Какая-токая наноколбаса, ты прикалываешься? — отвечаю я.

— А кто такой Виктор Вард? — спрашивает Ваня, достав из холодильника бутылку водки.

— Ничего я не прикалываюсь. С помощью нанотехнологий можно получать материальные предметы, если проще говорить. — Антон демонстрирует собственное интеллектуальное превосходство.

— А лаве? — Я откусываю от яблока. — Нанолаве можно делать?

— Дрон, а кто такой Виктор Вард? — не унимается Ваня, зачем-то наливая водку в бокалы со льдом.

— Лаве — это следствие продажи чего-то кому-то. Вот это «чего-то» и можно делать с помощью нанотехнологий, — ухмыляется Антон. — Нефть, к примеру.

— А сразу лаве чего, нельзя? — я выплевываю откушенное яблоко на салфетку. — Жуткая кислятина!

— Дрончик, не заморачивайся, тебе это слишком сложно. — Антон закуривает. — Тут надо иметь не только высшее образование, но и математические мозги.

— Кто думает, что в наше время мозги важнее Google, пусть поднимет руку, — огрызаюсь я.

— Все-таки, кто такой Виктор Вард? Действительно, легче наугадить, чем слушать, пока вы закончите ваши бредни, — говорит Ваня уже раздраженно.

— Что и требовалось доказать, — удовлетворенно резюмирую я. — Не трать время, это герой «Гламорамы». Не читал?

— Я не читаю всякую гламурную фигню, — огрызается Ваня.

— Это не фигня, а великая книга, — говорю я.

— Реально, отличная вещь, — кивает Антон.

— Уровень образования в целом стремительно падает. Стремительно читающей страной. — Я отворачиваюсь, беру зубочистку и начинаю ковырять в зубах, говоря при этом так, словно ни к кому конкретно не обращаюсь.

— Да ладно, умники! — отмахивается Ванька и ставит перед нами бокалы с коктейлем.

— О, спасибо! — Я делаю глоток, ожидая, что пряная жидкость освежит гортань, а вместо этого получаю практически ожог. — Э, Вань, ты чего туда налил?

— Водки, а что? — не понимает Ваня.

— Ты сдурел? — спрашивает Антоне отставляя бокал.

— А в чем дело-то? — не врубается Ваня.

— Вань, ты вообще «мохито» пил когда-нибудь? — Я встаю и выливаю содержимое своего бокала в раковину.

— Пил сто раз. Чего вы орете?

— И что входит в его состав? — ехидно интересуется Антон. Водка и лед?

— Это че, допрос? — Ваня делает большой глоток. — Хороший «мохито». Водка, сахар, мята и лед.

— Это какой-то новый «Мохито». — Я открываю шкаф и достаю бутылку «Bacardi». — «Мохито-колхоз». Если б ты, дружище, больше читал, то знал бы, что настоящий «мохито» готовится только на основе «Bacardi». Исключительно! А рецепту с водкой тебя, наверное, научили какие-то жлобы из Бутова. У которых на «Bacardi» денег нет.

— Я вам че, бармен? — злится Ваня.

— Нет, ты не бармен, ты — вредитель, — констатирует Антон. — Взял и мяту испортил...

— Тут еще осталось децл, — говорю я, заглядывая в холодильник. — Тох, давай я нам смешаю, а этот спортсмен пусть с водкой жрет. У него глотка луженая...

— Да пошли вы! — говорит Ваня — Эстеты. В следующий раз найму вас на корпоратив коктейли смешивать. На основе «Bacardi». — Он строит омерзительную рожу и выплевывает лед в стакан.

— Мы не такие уж и дешевые бармены, — замечает Антон.

— Если бюджет позволяет, почему нет? — добавляю я.

Дверь комнаты открывается и заходит Никита в голубых джинсах и футболке с надписью «DERZKIY & CHODKIY». Неплохой результат для сорокаминутного отсутствия! Он подходит к брату и говорит, опустив глаза в пол:

— Дай сто баксов.

— Я чего, банк, что ли? — удивляется Антон.

— Ну ладно, на самом деле надо, я с девушкой в кафе иду, — канючит Никита.

— Иди работай лучше, — отрезает Антон.

— Чуваки, дайте сотку взаймы! — обращается к нам Никита.

— Вот еще, глупости! — отворачиваюсь я.

— Могу дать полтинник. — Ваня вопросительно глядит на Антона.

— А ты нам чего? — осведомляется Антон.

— А чего вам надо? — удивляется Никита.

— Телочек подгони, — подначиваю его я, — а то мы от пультов устали. Хочется живого человеческого общения.

— Я чо, сутенер, что ли? — обижается Никита.

— Ладно, на, — Антон вытаскивает кошелек. — И вали отсюда, надоел!

— Спасибо! — Брат берет сотку, сворачивает ее пополам и убирает в карман джинсов.

Перед тем как свинтить, заходит в комнату и возвращается с пачкой сигарет. Подойдя к Антону, достает из пачки косяк и протягивает ему:

— Попустись, брателло!

— Ты еще и наркоман?! — деланно удивляется Антон.

— Ага. Винтовой, поэтому план мне ни к чему. Никита кивает всем, уходит в прихожую и хлопает входной дверью.

— Хорошо иметь брата в деревне, — улыбается Антон и закуривает. — Но в то же время, стоит признать — мы были совсем другими.

— Ой, ладно, прекрати! — Ваня встает, подходит к телевизору и выключает его. — Мы были такими же. И денег у нас так же не было.

— Денег и сейчас не так чтобы много, — констатирую я. — На «Астон Мартин» пока не хватает.

— Да, если честно. — Антон уже сделал пару затяжек, расслабился, и его глаза подернулись дымкой. — В последнее время с заказами хренова-то.

— Ты же в этом году для пары сериалов музыку писал. — Я принимаю косяк из его рук. — Чего тебе жаловаться?

— Ты считаешь, что, написав музыку для двух сериалов, можно безбедно прожить год? — Антон заводит руки за голову и откидывается. — Тут тебе не Голливуд, детка!

— У нас в последнее время тоже какая-то лажа творится. — Ваня жестом показывает, что курить не будет. — Обещали пост финансового директора к маю. На дворе лето, а все разговоры оказались беспонтом. Я, дурак, себе уже планов настроил. Машину поменять, квартирой заняться... блин! — Ваня бьет кулаком в открытую ладонь и замолкает.

— Иногда такой дипер накатывает, — вздыхает Антон. — Уже тридцатка, а перспективы до сих пор туманные. Дрончик, вот скажи, ты от безысходности молчишь или тебе денег хватает? Кстати, косяк верни, чего-то ты увлекся!

— Чего? — переспрашиваю я, погруженный в созерцание сизого дыма.

— Я спрашиваю, тебе денег хватает?

— Ему папа помогает, — предполагает Ваня.

— Шляпа мне помогает, — острою я. — Чего сразу папа-то?

Ну а как тогда тебе удастся тусовать всю неделю, жить с двумя телками, еще и на себя тратить? — интересуется Антон.

— Ну... удастся.— Я чешу затылок.— У меня своя... финансовая схема.

Антон и Ваня разражаются громким хохотом.

— Ты выводил мифический WalMart на IPO? — Ваня тычет в меня указательный пальцем и заваливается навзничь, дрыгая ногами.

— Гы-гы-гы,— передразниваю я его.— На самом деле схема простая. Во-первых, я зарабатываю в журнале.

— На завтраки, — подсказывает Антон.

— Во-вторых, папа засылает косарь в месяц. — Я делаю извиняющееся лицо. — Но самое главное — кредитные карточки! Вы думаете, зачем они нужны? Чтобы перед малолетками понтоваться? Ими просто нужно научиться пользоваться.

— Это как же? — Антон весь подобрался и буравит меня глазами.

— Просто. — Я перехватываю у него косяк, добиваю и тушу в пепельнице. — Например, при зарплате в двушку заводишь себе карточку в «Ситибанк» с кредитом в трешку, тратишь с нее, к примеру, еще пару штук.

— И чо? — прищуривается Ванька.

— Потом заводишь себе еще одну, «American Express», на трешку. «AmEx», кстати, еще и для понтов катит. С него снимаешь двушку, гасишь ситибанковский кредит. Потом открываешь еще карту, ну... допустим в «Альфе» или «ВТБ» — там еще трешка...

— И так до бесконечности, да? — Антон закуривает сигарету.

— Почему до бесконечности? — не понимаю я. — Четырех карт вполне хватит. Дальше тусуешь бабки между ними. В одном месяце у одного банка побольше займешь, в другом — у другого. Потом, ты же не только карточки дербанишь, у тебя еще и зарплата есть, так? Из нее отдаешь частично. Короче, такой схемой смело к своему доходу еще пару-трешку прибавляешь. Ну, я не говорю про всякие там мелкие банки, «локо»-«шмоко». У них всегда можно карточку на пятнашку или тридцадку рублей открыть, если припрет. Потом, потребительские кредиты еще никто не отменял. Ну, это если домой что-нибудь покупать. — Я замолкаю и обвожу присутствующих торжествующим взглядом.

— Дрончик, я, конечно, не такой крутой финансист, как ты, — тихо говорит Ваня, — но где-то в глубине души понимаю, что в результате своей хитрожопой схемы ты всегда должен банкам в районе трешки. Ты думаешь, она сама рассосется, или как?

— Ну, я чего, всегда, что ли, буду двушку получать? — недоумеваю я.

— А еще проценты, кстати, — подсказывает Антон.

— Издержки, — развожу я руками, — ничего не поделаешь.

— Отличная схема, — кивает Антон и отворачивается.

Ваня подкладывает себе под голову подушку. Тишина снова погружает всех в депрессию.

— Не самая плохая, кстати, — бурчу я себе под нос. — Когда мы станем миллионерами, я посвящу этой схеме главу в своей автобиографии. Назову ее, типа, «Как закалялся style».

— Любопытно, когда? — интересуется Антон.

— Вообще в Москве люди становятся миллионерами с нуля, — продолжаю я. — Главное — попасть в нужную тему: диск записать. Или начать организовывать вечеринки для олигархов, или подсесть на распил федерального бюджета. Да много чего есть. Сейчас вот все книги пишут. Давайте сядем и напишем реальную жесь. Скажи, Антон, ты писать не пробовал? Или друзья твои? Как писать бестселлеры?

— Я могу тебе дать телефон Литвиновой, у нее спроси, — улыбается Антон. — Она у меня в телефоне на букву «Б» записана.

— Почему на «Б»? — переспрашивает Ваня, лежащий уже с закрытыми глазами.

— Потому что «Богиня». Все дружно смеются.

— Ну чего, если с книгами, бюджетами и вечеринками не получится, можно начать телок провинциальных олигархам продавать. — Мне становится дико смешно — то ли трава взяла, то ли меня забавляет образ Литвиновой, записанной на букву «Б»... В общем, веселюсь по полной.

— Рынок занят, одного Листермана хватает, — откликается Ваня.

— Да мы этого очкарика порвем нах! — Я хлопаю себя ладонями по коленям.

— На «журасик», — говорит Антон, — порвем на «журасик». Листерман называет член «журасиком».

— Почему, кстати? — Ваня отрывается от подушки. — Я тоже это слово слышал.

— Говорит, что после фильма «Jurassic Park».

У меня в голове немедленно всплывает картина из юности, когда мы с другом посмотрели «Jurassic Park», а потом впервые обожрались ЛСД. Я лежал в ванне, и висящая надо мной огромная лейка душа начала снижаться, потом исчезла под потолком, а потом и вовсе оказалась головой плезиозавра, стремящегося откусить мне ухо. Почему-то тогда я был совершенно уверен в том, что плезиозавру нужно именно мое ухо. Все закончилось рвотой, сверлящей головной болью и прочими ништяками.

— Какая гадость! — говорю я, вспомнив свой «jurassic»-трип.

— Какой ранимый мальчик, вы посмотрите! — отвечает Антон. — Почему гадость? Мне кажется, прикольно...

— Ага. Слушайте, давайте начнем корпоративные гимны писать! — предлагаю я. — Говорят, на них сейчас спрос огромный. Гимора мало, а бабла много. Вань, твоей конторе не нужен гимн?

— У нее есть.

— А друзьям твоим? Кстати, Тох, давай Вову-самурая твоего коррумпируем. И напишем для «Марса» нереальный гимн.

— На музыку «Хорста Весселя», — кивает Антон.

— А кто это? — мне становится интересно.

— У национал-социалистов Германии был такой герой.

— А он чего, тоже шоколадом торговал?

— Почти, — Антон встает и включает телевизор. По «Первому» поют «Блестящие».

— Вот он — эталон для губерний, — меняю я тему. — Представляете, вчера захожу в «Кофеманию», так там телки через одну похожи на эту блонду. Как ее зовут, забыл. Кстати, про провинциалок. У меня по поводу Решетниковой начали возникать смутные сомнения. Позавчера она предложила мне поехать к ее подруге во Францию. Под МонОпелье, прикиньте! Реально, так и сказала: МонОпелье!

— Я надеюсь, ты объяснил, что отдыхаешь только в Стереопелье? — улыбается Антон.

— Или в Эйч-Ди-пелье, — поддакивает Ваня.

— Ужас. Сдается мне, что хоть родители у нее, типа, какие-то тузы, приехали они явно издалека.

— Мышка-лохушка, — резюмирует Антон. — Мне она сразу такой показалась. Помнишь, я тебе говорил?

— Слушай, — оживает Ваня, — как в целом твои истории-то? Чего-то давно новостей про телок не было.

— Да так, ничего хорошего. — Я жалею, что начал женскую тему. — Рита хочет ко мне переехать. А Лена... эта вообще жениться предложила...

— Ого! — Антон присвистнул. — А ты чего?

— Да послать хочу... обеих...

— Доигрался в топ-менеджеров и клубных промоутеров, — кивает Ваня. — Я тебе говорил, пора завязывать. Хорошо, что они тебя спалить не успели. Многоженец ты наш!

— Тебе легко говорить, — качаю я головой, — ты счастливый. У тебя получается жить с твоей Викой уже третий год, а я так не могу. Я слишком полигамен, понимаешь? Вон Тоха до сих пор не женат, и ничего.

— Я, в отличие от тебя, «Санта-Барбару» с параллельными сюжетами не разыгрываю, дорогой мой!

— Ой, ладно, тоже мне, моралисты! Мне так жить интереснее. Если телки на это ведутся, чего бы мне не использовать свой дар к перевоплощению?

— Дар у тебя от бога, — говорит Ваня. — И ты запутал их настолько, что они решили, будто ты состоятельный крот. Теперь хотят проверить это совместным проживанием. А ты их

сразу списываешь. Нехорошо это, Дрончик. Они к тебе всей душой, а ты... Они ведь теперь рыдать по тебе ночами будут!

Ваня изображает рыдания — мы с Антоном ржем.

— Кстати, залететь ни одна не успела? — Антон потирает кончик носа.

— Тьфу-тьфу, — стучу я по дереву, — нет, слава богу. Рыдать они будут! Как же! Зарыдают, если узнают, что у меня денег и статуса нет. Оплакивать бесцельно потраченное время.

— Думаешь, они настолько меркантильны? — Антон щурится.

— Я тебя умоляю! Они что, с другой планеты? Вчера, опять же, сижу в «Кофемании», жду человека одного. За соседним столом три телки. Пью кофе, грею уши. Они обсуждают своих мужиков. Причем телки такие, лет по двадцать пять, хорошо прикинутые, с дорогими цацками. У всех Vertu. Я такого там наслушался!

Я излагаю одну за другой все истории, подслушанные мной в кафе: про аборты, длину членов, подставные беременности, придуманные венерические заболевания, тему с «Мерседесом». Ребята сидят, раскрыв рты. Антон изредка вставляет: «Нихуя себе!».

— Прикинь, а в конце эта рыжая говорит: «Я к бабке одной хожу, ворожу на него, чтобы не свинтил. Где я себе еще такого сладкого найду?» Это — тренд, заключаю я. — Они теперь только такие. Других рожать не модно.

— Про гадалок — отдельная история, — начинает Ваня. — Сейчас на них все помешались. Короче, рассказываю. Во вторник, в очереди в офисной столовой слышу, как одна девка из соседнего офиса рассказывает про свою подругу, которая ходит к такой вот бабке, и та ее учит ритуалам, чтобы женить на себе какого-то чувака.

— Кофе будем? — Антон подходит к чайнику и нажимает на кнопку. — И что за ритуал? Вуду? Алхимия? Заклятье исчезнувших инков?

— В общем, бабка написала ей что-то на бумажке и велела положить в левый сапог не разворачивая. Потом ехать в Новодевичий монастырь, найти там безымянную могилу и оставить у нее оба сапога. Причем сапоги новые покупать нельзя! — Ваня поднимает вверх указательный палец. — Только свои. Чтобы, типа, телка не съехала на дешевку с Черкизона.

— И чо? — Я сижу и тихо ошалеваю от этой истории. — Неужели, в натуре, поехала?

— Ага. Нашла могилу, положила сапоги, переобулась и пошла. Сапоги, говорит, тут же бомжи утащили, которые там тусят.

— А дальше? — хмыкает Антон.

— Дальше она позвонила бабке, сказала, что исполнила, а бабка говорит: «Ты что, внучка, вчера ж понедельник был! Духи отдыхают. Давай на неделе все по новой!»

— С ума сойти, — не верю я, — и все?

— Ну, типа, подруга расстроилась, сапоги-то «Celin» были, за косарь. Ношенные, правда.

— Бабка, наверное, в доле с «Celin», — предполагаю я.

— Скорее, с бомжами, — говорит Антон.

— Вот такая история. — Ванька снова заваливается на диван. — Самое смешное, вторая телка посочувствовала по поводу сапог и говорит: ты обязательно у подруги своей спроси, сработало или нет. Заодно узнай, можно ли на мужа или на деньги с карьерой ворожить.

— Совсем ебанулись, — Антон разливает кофе.

— Я уверен, что телка про себя рассказывала, — почему-то приходит мне в голову. — А вторая идиотка — туда же. «На бабки, на карьеру». Я думаю, они теперь все этим увлекаются. Интересно, мои уже на меня успели наколдовать? — Мне становится не по себе. — Суки! Кстати, у Риты откуда-то появилась новая Nokia 8800. Говорит, на работе дали.

— А я думаю, наколдовала, — смеется Ваня,

— А я так думаю, что у нее в запасе еще пара таких же промоутеров, как ты. И один реальный топ-менеджер из американской компании, — Антон пристально смотрит на меня. — Дрончик, а чего ты так вылупился? Ты думаешь, только сам можешь исполнять? Тут половина города таких актеров из жопкиного трактира. Чем скорее ты этих двух сольешь, тем лучше тебе будет, поверь!

— Да солью, солью, — раздраженно отвечаю я. — Дело не в меркантильности, не в переезде и даже не в свадьбе. Я, может, влюбился...

— В кого? — хором спрашивают они.

— В студентку. Молодую. Красивую. Моложе Никитоса, — почему-то у меня получается говорить только отрывисто. — Такая сладкая. Катей зовут. Даже не успела испортиться еще.

— Это не для нее Никитос сотку стрелял? — подкалывает Антон.

Даже на полтинник был согласен, — вторит ему Ваня.

— Да пошли вы оба! Завидуйте молча, лузеры. Ничего вам больше не скажу. — Я встаю и иду в туалет.

— Ладно, релакс, — несется мне в спину, — мы же шутим, брат.

Я молча показываю из-за спины «фак». Вернувшись из туалета, нахожу друзей пьющими кофе и продолжающими увлеченно обсуждать тему девок.

— А мне кофе налить запаadlo, Тох? — спрашиваю я.

— На столе стоит, чего ты наезжаешь сразу? Тут тебе не «Кофемания», — отзывается Антон. — Расскажи лучше еще про Катю.

— «Но ничего не отвечу, ничего не отвечу тебе я». — Я беру в руки чашку и мечтательно смотрю в окно. — Чтоб вы окончательно сдохли от зависти, сообщу, что у нее потрясающая задница, как у бразильянки.

Ваня открывает рот, чтобы ответить, но я уже понимаю, о чем пойдет речь, и опережаю его:

— Да-да. Именно. У нее жопа круче, чем у той хостесс в «Мосте».

— Пизде-е-е-еж! Чистый пиздеж, — кривится Антон. — Круче, чем у той хостес, просто не бывает.

— Не бери на понт, мусор! — добавляет Ваня свои три рубля.

— Засим предлагаю прекратить трансляцию подъебок из «Петросян-клуб».

— А из «Комеди» можно? — не унимается Ваня.

— Тох, — взываю я к профессиональным чувствам друга, — мы сегодня писаться будем, или как?

— Ты смотри-ка, мальчик наш созрел, — присвистывает Ваня. — Любовь творит чудеса?

— Ладно, закрыли тему! — Антон садится за пульт. — Чуваки, давайте представим, что мы уже на сцене.

— Плюс один, — откликается Ваня.

— Плюс тысяча. Я с нее и не сходил, — закрываю я тред.

«FOREVER NOT YOURS»

*I'll soon be gone now,
Forever not yours,
It won't be long now.
Forever not yours.
A-HA. Forever Not Yours*

В «Ми пьяче» я приезжаю на нервяках. Репетиция отняла много сил и времени, Марина вынесла весь мозг с этой чертовой съемкой, метро сожрало остатки хорошего настроения. Вдобавок Катя весь день не включает телефон, а вместо того чтобы лететь к ней, я встречаюсь с Риткой. Наша встреча — своеобразный бонус, выданный мной Рите из-за того, что я всячески подсливал ее два дня после объявления о намерении переехать ко мне. Сливал бы и дальше, но десятка и корпоратив в среду — весомые якорные факторы. В любом случае, утешаю я себя, лучше встретиться с ней, чем продолжать и на выходные выгуливать Лену. Если первая просто хочет переехать, то вторая наверняка поехала кольца выбирать. Вот такой расклад: сейчас я встречаюсь с Ритой не потому, что она мне интересна, а потому, что не хочу встречаться с Леной, тогда как хочу я видеть в данный момент только Катю, но даже не знаю, где она живет. Вся моя жизнь плохо срифмованный каламбур: эту не хочу, ту не хочу, а вот этой не могу дозвониться.

Лучше всего, конечно, в течение недели послать обеих. Только вот дожидаться возврата долга, отыграть корпоратив и принять бабки у Даева за статью. А потом послать. Даже не встречаясь. Просто тупо отправить каждой эсэмэс: «Как же ты меня достала, тварь!»

— Как же я соскучился, зайка! — говорю я Рите, плюхаясь на стул напротив. Рита, закрыв глаза, подставляет мне губы для поцелуя. Мне приходится встать, перегнуться через стол и выпиться в ее щедро нарисованный рот.

— Я тоже, — говорит она. — Я тебе заказала спагетти «Карбонара», как ты любишь, но это в последний раз. Что-то ты стал много есть мучного. В понедельник перееду к тебе и сразу займусь твоим правильным питанием.

— Ага!

«Господи, образумь эту глупую женщину! Тоже мне, Юлия Высоцкая, "Готовим дома"», — думаю я и лихо (как мне кажется) перевожу тему разговора: Слушай, ты «Lexus»-то взяла?

— Ага! Он так гоняет, ты не представляешь! Я от радости на нем чуть не улетела сегодня, когда из спортзала ехала. Рита говорит быстро-быстро, отчаянно жестикулируя и не предоставляя мне возможности вклиниться в ее монолог. — Разгоняется моментально, такой маневренный, а главное, на дороге к тебе по-другому относятся. Понимаешь?

— Ты аккуратнее, смотри, он же... — говорю я с деланным беспокойством в голосе, одновременно накручивая на вилку спагетти, — он же... (Какой? Он же — какой?)... Он же быстрый...

— Ну да, — соглашается Рита, — быстрый. А чего «аккуратнее»-то? Кому суждено быть повешенным, тот не утонет!

— Да ты фаталистка, — говорю я, склонив голову набок. Интересно, зачем она несет подобный бред? Все эти лажовые старперские пословицы? Гены что ли?

— Да, фаталистка. Зато умру молодой и красивой. — Рита долго смеется, откинув голову, затем резко принимает обычное выражение лица и говорит серьезно: — Знаешь, я чего-то в последнее время плохо себя чувствовать стала.

— Это погода, — киваю я, — я тоже на нее реагирую. — Хотя вообще-то ни на что я не реагирую.

— Ты не понял, это не погода, — Рита отрицательно качает головой. — Последний месяц или два какая-то слабость, вялость. Вроде не курю, хожу в зал...

«Интересно, зачем ты мне все это рассказываешь? Я что, доктор Курпатов?»

— Может, пора подвязывать с ночной жизнью? — Я разливаю по бокалам воду. — Знаешь, мы стоим на пороге кризиса тридцатилетних. Здоровье, карьера, дети. Как подумаешь, что скоро тридцать лет, а еще ничего толком не сделал, становится страшно.

— Самое страшное — это родить неполноценного ребенка, — говорит Рита, поевшись.

— Типа дауна, что ли? — переспрашиваю я, тыча вилкой в спагетти.

— Господи, у меня даже руки похолодели. — Рита внимательно оглядывает свои растопыренные пальцы. — Ты такая грубятина!

— Чего сразу грубятина?

— Ничего. Знаешь, в последнее время, как подумаю о будущих детях, просто страшно делается. — Эти слова Рита произносит с колхозной озабоченностью, подобно свахе в «Женитьбе Бальзаминова». — Экология ужасная, иммунитета никакого, с этой чертовой карьерой до тридцати родить не успеешь, а после тридцати риск родить дауна увеличивается. Потом, я читала, что такие дети получаются, если у отца с матерью несовместимые гены или что-то в этом роде.

— А если будущая мать жрет МДМА, такие дети не получаются? — осведомляюсь я.

— Можно подумать, ты не жрешь! — раздражается Рита. — Если хочешь знать, с твоим образом жизни вообще перед тем как рожать, надо год чиститься.

— А с твоим образом жизни чиститься вообще не надо, можно подумать!

— Конечно надо. Я же не отрицаю. Просто я это принимаю нормально, а у тебя подобные разговоры вызывают только раздражение и агрессию.

— Рита, а к чему вообще ты заводишь подобные разговоры? — Я закашливаюсь. — Ты собралась в ближайшее время беременеть?

— Нет, но дело не в этом... то есть, я бы забеременела, если б ты был готов к серьезным поступкам. — Рита поворачивается вполоборота и начинает рассматривать через окно улицу.

Опять начинается!

— Рит, а что ты называешь серьезными поступками? Устроиться на работу министром правительства Москвы, в первый месяц заработать десять миллионов евро и увезти тебя рожать на Ибицу?

— Почему сразу на Ибицу? — обижается Рита, не поворачиваясь ко мне.

— Чтобы без отрыва от производства. — Я бросаю вилку в тарелку. — Родила и опять на танцпол. Пост министра правительства Москвы, вкпе с миллионами, противоречий у тебя не вызывают, как я посмотрю?

— Ты хочешь поругаться? Ты за этим меня сюда вытащил? — наконец-то она соизволила повернуться.

— Я тебя никуда не вытаскивал. По-моему, это ты хотела пасты, зайка!

Парадоксальное сознание. Почему нужно обязательно выворачивать все наизнанку, перевирать, раздувать скандал из-за пустяка? Нет, положительно, пора ее сливать.

— С тобой вообще нельзя серьезно поговорить! — Рита опять отворачивается и промакивает глаза салфеткой. — Ты либо отшучиваешься, либо не врубаешься, либо быкуешь.

Какое там «сливать»? А десятку простить, что ли?

— Нет, не быкую, просто не понимаю, к чему вести разговоры о детях, тут же пенять мне на мою несерьезность, и все такое, если никаких детей в плане нет. Давай с таким же успехом поговорим об имплантатах, которые мы будем использовать в старости.

— ТАК ПОЭТОМУ И НЕТ НИКАКИХ ПЛАНОВ, неужели ты не понимаешь! — истерит Ритка. — Какие могут быть планы, если я говорю: «Я люблю тебя, слышишь? Я хочу жить с тобой», а ты говоришь: «Круто, зайка», как будто речь идет о совместном походе в кино!

— Не передергивай! — завожусь я. — Я просто задумался в тот момент, это... это было слегка неожиданно»

— Это ты передергиваешь. — Рита неловко двигает локтем и опрокидывает бокал с водой. Я смотрю, как пятно растекается по скатерти, и почему-то думаю о нефтяных пятнах, возникающих при крушении танкера. Интересно, нефть так же быстро разливается по поверхности моря, как вода по скатерти? Рита, кажется, не обращает внимания на пятно и продолжает взвизгивать: — Ты за все это время даже не предложил мне познакомиться с твоими родителями! Не говоря уже о том, чтобы познакомиться с моими!

Да нахуй мне твои колхозные родители!

— Послушай, дорогая, ты тоже не горела желанием знакомить меня со своими родителями, разве не так?

— Да, так! Потому что я сама тебя вижу пару раз в неделю, и мне просто обидно тратить это время на родителей. Мы и так каждый раз встречаемся наскоками, как любовники!

Лихо завершила!

— Вот ты сама и ответила на вопрос о родителях. Меня тоже ломает куда-то ехать, в то время как мы можем вдвоем куда-то сходить. — Я посылаю ей очаровательную улыбку. Свою коронную.

— «Ломает»? Именно что тебя «ломает», а мне тебя не хватает! Чувствуешь разницу?

«Девочки, уймите вашу мать! — только это и приходит мне на ум. — Да, я смотрю, ты сегодня решительно настроена поругаться». Тем не менее я молча утыкаюсь в тарелку.

— Кстати о кино, — продолжает Рита на повышенных тонах. — Тебе было необходимо сливать меня в пятницу, да?

Неужели запылила?! Черт, какой же момент для слива! Просто исключительный!

— Ты не представляешь, как я хотела просто сходить с тобой в кино. На любой фильм. Еще лучше на мульт. Потом прогуляться по Тверскому, поесть мороженого. Мне иногда хочется этого, понимаешь?

Нет, не запылила. Жаль... Чего жаль? Слава богу, что не запылила, тогда бы — прощай, бабло...

— Я как дура звонила тебе три раза, сначала: «Андрюш, пригласи меня в кино» — Андрюша не врубается, потом: «Андрюша, пойдем в кино» — Андрюше по фигу, в конце концов: «Андрюша, я тебя приглашаю в кино» — Андрюша не может!

— Я действительно не мог!

— Правда? Я заметила, что когда мне от тебя что-то очень сильно нужно, ты никогда не можешь!

Напомнить тебе про десятку грина, сучка?

— Я боюсь строить планы на будущее, понимаешь? Я боюсь, что сообщу тебе важную новость, а ты *просто не сможешь*. Или это снова окажется *слегка неожиданно*. А я буду стоять, глупо хлопать глазами и нести...

— Ты уже несешь, зайка. Ты такую ахинею несешь! Знаешь, вчера в «Кофемании» я слышал разговор за соседним столом...

— Кстати, о «Кофемании»! Моя подруга Сашка видела тебя там в обед с какой-то телкой.

— Это Митрохина, начальник отдела рекламы «Одиозного», мы обедали перед совместной встречей с ее клиентом. Я обещал помочь ей развести на рекламу одного...

— Да? А Митрохиной на вид двадцать два года! — Ритка мечет молнии.

— Послушай, что за дела? — Я набираю обороты, чтобы слить ее, обидевшись на беспочвенную ревность: это как раз то, что надо. — Почему стоит мне появиться где-то в обществе женщины, меня сразу видит твоя «подруга Сашка» или «подруга Машка» и непременно доносит тебе, искажая действительность? За мной следят? Какого черта ты ищешь повод для ревности там, где его нет и быть не может? Тебе хочется высосать проблему из пальца и на основании мнимой измены расстаться? Тогда давай сделаем это прямо сейчас, безо всяких поводов. Потому что я так больше не могу, зайка! Я устал оправдываться по пустякам. Как я могу поддерживать отношения с любимым человеком, если он мне не доверяет? Все разваливается у меня на глазах. Все рушится, а я ничего не могу поделать, понимаешь? Подумай, может быть, нам стоит...

Я поднимаю на нее полные тоски и печали глаза и думаю о том, какая классная получилась прощальная речь. Даже это вот «подумай» — типа того, что решение-то твое, зайка. Хотя я все за нас и решил, но ставить точку тебе, Риточка! В конце концов, Рита просто заебала... Отличный момент — взять и логично все подвести к расставанию, а бабки... бабки мы еще заработаем.

И когда я уже собираюсь пустить фальшивую слезу, откинуться на стуле в позе героев «MTV Base» (скрещенные на груди руки, сдвинутые брови, в глазах — тоска по чему-то несбывшемуся, например по своей машине, которую так и не взяли в «Тачку на прокачку»), и

изобразить гримасу отчаянного сожаления, сказав: «нам стоит расстаться», в эту секунду мне в мозг бьет фраза, появившаяся из ниоткуда, как плохой слоган в рекламном пакшоте: ОНА НАМ КОРПОРАТИВ ЗАПОРЕТ!

Я открываю рот, чтобы закончить наш чудный диалог словами про расставание, но выдаю что-то вроде: «нам сто... стоит нам... мэ-э-э... нам...».

Рита смотрит на меня полными слез глазами и жадно ловит конец предложения. С каждой моей фразой она подается вперед, словно пытаюсь повторить ее вслед за мной. Затем сглатывает комок в горле, снова подается вперед и затихает, словно не сумев, как и я, закончить предложение. Повисает пауза.

Мы смотрим друг на друга, дрожим губами, и наши голосовые связки исторгают булькающие звуки — ну, чисто ядовитые жабы из лесов Амазонии во время брачных игр! Когда я захожу в тупик, не зная, чем закончить свою речь, имея в виду вновь открывшиеся обстоятельства с корпоративом, когда я смят и подавлен, и единственное, что мне остается для полной потери лица — это промямлить: «Рита, я тебя люблю!», она берет, наконец, ситуацию под контроль. Она через стол бросается мне на шею, сметая тарелки с макаронами и салатом, виснет на мне и раздражается рыданиями, повторяя: «Только молчи, я тебя умоляю! Просто молчи, Андрюша, я тебя прошу! Я люблю тебя!» А я и молчу (что мне еще остается?) и думаю о том, какой неплохой финал у нас нарисовался. Чистый «Дом-2». И в подтверждение моих слов в зале раздаются вялые аплодисменты. Наверное, официанты, кто ж еще? Закрыв глаза, я крепко держу в объятиях Ритку и стараюсь отогнать зудящую в голове мысль: «Вот дурак, такой шикарный повод послать ее!»

«Все, что я делаю, — отвечаю я сам себе, — я делаю во имя музыки...»

Теперь, когда «вязкая пелена непонимания» исчезла, мы выговорились и каждый из нас ощущает себя обновленным, когда взаимные претензии сняты и мы каждой порой чувствуем, что не можем друг без друга, все, что нам нужно — провести этот вечер вместе (скорее всего, именно так ситуация выглядит в глазах Ритки).

Теперь, когда я смалодушничал, а противник, воспользовавшись минутной слабостью, нырнул мне на грудь, я испытываю раздражение, а никак не облегчение, вместо того чтобы насладиться ощущением свободы, думаю о том, что проблема так и не решена. Никакой ближайшей перспективы, кроме проведения этого вечера в обществе друг друга, не остается (моя версия).

В общем, какую версию ни принимай, ясно одно: остаток вечера безнадежно испорчен. Официант приносит кофе и заинтересованно вглядывается в наши лица. Ещё, бы! Такое бесплатное шоу! Я, не прося счета, оставляю на столе три тысячи, хватаю Ритку за руку и тащу на улицу. Вывалившись из «Ми пьяче», я обдумываю три вещи: не много ли я оставил? Стоило ли допить кофе? Куда нам теперь?

Когда Рита предложила ехать в «Шанти» — не помню. Помню, как мы долго ловили такси, потом прыгнули на заднее сиденье какой-то понурой «японки», потом Рита упала мне на плечо. Сначала она говорила, как она меня понимает (в каком разрезе?), как запросто можно ранить любимого человека неосторожной фразой (у меня даже есть парочка), о том, как она чуть с ума не сошла, когда я говорил: «Наверное, нам стоит...». Затем она перешла к описанию нашей будущей совместной жизни. С полной детализацией: от того, где будет стоять сахарница, до сорта йогуртов в холодильнике. Причем выдавала она все это так быстро и подробно, что у меня не осталось сомнений: девушка знакома не только с теорией, но и с практикой. От такой нудятины я в первые пять минут ее идиотского монолога впал в депрессию, а в течение последующих десяти — в анабиоз. Всем своим видом я демонстрировал деятельное участие в обсуждении животрепещущей темы: тупо улыбался, кивал, смотрел сквозь нее участливым взглядом, изредка говорил: «вот именно», «конечно» и «ни фига себе, как я раньше-то не додумался!», «вот и я об этом говорю».

У меня есть редкая особенность: когда меня доводят до предела, я выключаю сознание, то есть органы слуха улавливают чужую речь, и я даже способен отвечать, ориентируясь на окончания фраз, но в действительности участия в обсуждении не принимаю. Вот и сейчас — я выпал.

Потом в ее диалоге появились какие-то знакомые, с которыми она круто отрывалась в Питере в каком-то там году, и вот теперь ребята приехали в Москву, и будет здорово, если я с ними познакомлюсь. Потому что они такие же творческие люди (я сначала подумал, что она стебается), как мы, въезжают во все наши темы и, ко всему прочему, они просто обалденные. Слово «обалденные» я услышал от нее впервые. Оно-то и вернуло меня к жизни.

— Расплачивайся и пошли, — говорит Ритка.

— Куда?

— Как куда? В «Шанти», конечно. Мы уже приехали!

В «Шанти» играет синти-поп, снуют официантки с подносами, все громко разговаривают, а мы ввинчиваемся в толпу и протискиваемся к барной стойке. Я внимательно разглядываю окружающих, как обычно старясь заметить приближение ненужных знакомых. Под ненужными знакомыми в первую очередь, я подразумеваю Лену. Господи, как же мне это надоело! Признаться, я давно уже не получаю никакого кайфа от своей двойной жизни. С каким бы удовольствием я сидел сейчас с Катей в любом, пусть даже самом занюханном баре или кафе! Как, наверное, здорово, — сидеть с понравившейся тебе девушкой и думать только о ней! Смотреть только на нее, а не как обычно: по сторонам. Когда можно расслабиться и болтать всякую чепуху, не заморачиваясь на том, как ты выглядишь со стороны, уместно ли тебе сидеть в таком заведении, что подумают знакомые, глядя на твою девушку. Эта офигенная простая жизнь, когда...

— Привет, Андрюха! — меня словно током бьет. Я оборачиваюсь и вижу владельца заведения Олега Бацких. — Как дела? Давно тебя не видел! — Он, как обычно, посасывает сигару и расслабленно улыбается.

— Нормально, спасибо. Как у тебя? — Мы здороваемся за руку.

— У нас хорошо. Второй зал открыли. Ты все еще в «Одиозном»?

— Рит, познакомься, это Олег. — Я разворачиваю ее за плечо. — Олег, это Рита.

— Очень приятно. — Олег опять улыбается. — Вы вдвоем или с компанией? А у нас сегодня хорошая вечеринка, будут играть...

— Мы с компанией. Нас ждут, наверное, во втором зале. — Я обращаюсь к Рите, стремясь свернуть беседу: — Они в чайной сидят, да?

— Они сказали, там что-то вроде татами, — кивает Рита, с интересом разглядывая Олега. — Ага. Значит, во втором. Ну мы пошли, увидимся! — Я поворачиваюсь, улыбаюсь Олегу, совершенно не врубившемуся, почему я так спешу, и тащу Ритку за собой.

— А почему он тебя спросил про «Одиозный», а не про клуб? — Ритка недоверчиво смотрит на меня.

— Про клуб он еще не знает.

— Странно... вы же все в одной тусовке! — обращается она скорее к себе, чем ко мне.

Входим в зал. Рита видит в третьей ложе своих питерских знакомых. В проходе разбросана обувь — цветные кроссовки, стоптанные кеды и прочее дерьмо (в этом зале принято снимать обувь прежде чем влезать на татами). Питерцев пятеро или шестеро, девушек точно трое. Начинаются визги, поцелуйчики, обнималки, представления на ходу. Я жму всем руки, целуюсь с девушками, разубаюсь и плюхаюсь на свободное место. Рита садится рядом. Начинается обмен новостями с выпадениями в воспоминания о совместных тусовках, всплывают какие-то имена, фамилии, названия питерских клубов и ресторанов — все это не говорит мне ровным счетом ничего. Я заказываю сок из мяты и апельсина, Рита заказывает... я не расслышал что именно. Впрочем, какая разница?

Я разглядываю сидящих за столом — типичная псевдобогема. Таких людей, неизвестно откуда появляющихся и неизвестно куда потом исчезающих, с неясным родом занятий и неброской внешностью, можно было бы назвать бесполезными. Но в нашем кругу их почему-то называют культовыми фигурами.

« — Знаете Леву-панка? — Нет, а кто это? — О, это же культовая питерская фигура! Знаменитая история, когда он пришел в три утра в "Грибоедов" с двумя барышнями, в жопу пьяный. А барышень знал до этого от силы часа два. Так вот, его не пускали, и он звонил владельцам клуба со словами: Это Лева, со мной Мразь и Свиныя, нас не пускают!». Типичная

для этих людей история. Или, к примеру: «Вы знаете, что натворил Еремейкин на презентации своих новых работ в галерее "Жопа Крота"? Как? Вы еще не слышали? Он дознулся бутиратами и обоссался прямо на пресс-конференции! — О! А! Ну да, Еремейкин — это культовый персонаж». Из-за таких людей Питер впору называть не культурной, но культовой столицей.

Питерские ведут себя совершенно отвязно — смеются как дебилы и нарочито громко говорят хором: «о-о-о-о-о!» или «а-а-а-а-а!», когда кто-нибудь рассказывает очередную ерунду. Несмотря на то, что все их разговоры ни о чем, каждые пять минут в диалогах проскакивают фразочки типа «гендерным крючком», «философия обстоятельств» и «а пропо! Вышла у меня тут одна коллизия». А на вопрос о роде своих занятий они отвечают что-то невнятное, типа, галерист, саунд-продюсер, литературный критик или даже краевед. И все они носят дико странные имена Римма, Таисия, Альфред или Жан. Дошло до того, что одного молодого человека вроде как звали Фрол Буримский, а одну девушку — Доротея Гильц. Я попытался переспросить у Риты, настоящие это имена или (на что я очень надеялся) псевдонимы. Но Рита сказала, что я себя веду неприлично, а задавать гостям такие вопросы — просто верх неучтивости, из чего я сделал вывод, что имена настоящие. К концу вечеринки у меня остается только один вопрос — на чем же сидели родители людей с такими именами? Мескалин? ЛСД? Грибы?

Поймав на себе укоризненный взгляд Ритки, говорящий: «не будь свиньей, пообщайся с людьми», я бросаю сок и заказываю двойной двенадцатилетний «Dewars», чтобы попытаться хоть как-то поддержать беседу. Надо сказать, дается мне это с большим трудом: я, как обычно, не запомнил, как кого зовут, поэтому отвечаю на вопросы только убедившись, что обращаются именно ко мне. Встряв в беседу или переспросить я и не пытаюсь. Можно, конечно, фамиллярно обращаться к каждому «Вася», как принято в моей среде, да, боюсь, эти «культовые» обидятся. Еще меня невероятно напрягает ежесекундное использование слова «история».

— Они выставляют его посмертные работы, фотоколлажи и инсталляции, и вся эта *история* длится неделю...

— Маша устроилась переводчицей в немецкую контору. И вся эта история абсолютно не ее — какие-то немцы, факсы, мейлы...

— Мы делали презентацию новой коллекции молодых московских модельеров. Лед, ржавые гвозди, сухие цветы — красивая *история*...

— Мне на джинсы вылили сок и вот я иду с этой *историей* на ногах...

И все в таком духе. Чтобы как-то показать свою заинтересованность в услышанном, я изредка говорю «нихуя себе!» голосом наркомана из ментовского клипа. Но то ли эти люди не знают, что такое «utube», то ли не ассоциируют мой голос с голосом героя — в общем, получается лажа. Какая-то девушка (предположительно Алина), начинает расспрашивать меня про московские *андеграундные клубы*. Я переспрашиваю — «а чего, есть такие?» Рита наступает мне на ногу, говоря: «Андрей шутит, на самом деле он знает все московские клубы», и тогда Алина (?) начинает грузить меня разными названиями, услышанными от *продвинутых московских людей*, а я после каждого названия говорю: «наверное, туда не стоит ходить», чем в конце концов раздражаю девушку. Когда она говорит мне: «ну, раз ты все отвергаешь, предложи что-нибудь свое», я рассказываю ей анекдот про слоненка, мартышку и удава из мультфильма «38 попугаев», которые нашли сто рублей и не знали, на что их потратить.

«Давайте купим на эти деньги стеклянные бусы», — предложила мартышка.

«А нахуя они нам нужны? — интересуется слоненок.

«Тогда давайте на все деньги купим леденцов», — предлагает удав.

«А нахуя они нам нужны?» — снова интересуется слоненок.

Следуют предложения о мягких игрушках, билетах в кино и прочем — все это вызывает одну и ту же реплику слоненка. Раз тебе ничего не нравится, придумай что-нибудь свое, — предлагает ему попугай.

«Давайте на все деньги накупим воздушных шаров, надуем их и отпустим в воздух, — говорит слоненок.

«А зачем отпускать-то?» — интересуются все хором.

«А нахуя они нам нужны?».

Все замолкают, кто-то даже пытается хихикнуть. Рита весьма ощутимо наступает мне на ногу. Я допиваю виски, расстроено улыбаюсь, говорю что-то вроде: «думал, вам нравятся наркоманские анекдоты», обуваюсь и валю в туалет.

В туалете я минут пятнадцать бесцельно сижу на толчке, думая о том, насколько я устал от всего происходящего, о том, как я хочу бросить Риту, послать к чертям Лену и вообще начать другую жизнь. Позвонить с утра Кате, пригласить ее погулять в парк, потом — на выставку, в театр или кино... все равно куда. А в понедельник просто приехать к ней, где там она живет, и сказать что-то вроде: «Внизу машина, я приехал за тобой, собирай вещи». Потому что такую потрясающую девушку упускать нельзя, и с ней нужно забыть о своих хорошо отрепетированных приемах и традиционной манере охмурения. Ее нужно просто любить, дышать ею, писать ей стихи и...

И как же все это страшно! Приедешь таким влюбленным паяцем, а там ее молоденький (это еще лучший вариант) или, напротив, немолодой друг, или толстая мама, или бухой папа, или... или она просто скажет: «Андрюш, ты, кажется, меня не так понял. Я ничего такого не имела в виду, мы просто друзья, и потом, у меня другие планы, прости...». И что тогда делать? Упасть на кафельный пол девяти- или пятиэтажки, рыдать, биться головой о плитку, причитая: «Ну почему? Почему именно так?! Именно так, и именно в тот момент, когда я как раз хотел все поменять?! Есть ли еще в этом городе нормальные люди, а не манекены?!». Мне снова становится жалко себя, и я решаю, что лучше уж никуда ни на какой машине не приезжать, а просто посмотреть, куда вся эта история вырулит. Опять «история»! Чертовы питерские!

Наконец я думаю о том, что пора бы, собственно говоря, и выйти из кабинки. Мое столь долгое здесь нахождение может породить неприятные домыслы ожидающих. Не то чтобы это заботило меня или могло выставить в негативном свете, или (смешно сказать!) ударило бы по моей репутации. Но все-таки не очень приятно узнавать, что думают люди о том, чем ты занимался так долго в туалете. Особенно когда ты почти рыдаешь, сидя на толчке, причем в то время, когда весь остальной город нюхает в туалетах кокс, жрет экстази или занимается любовью! Я уверен, что есть и такие, которые не просто трахаются, а именно занимаются любовью. И вот я отматывай бумагу, сморкаюсь в нее, кидаю в унитаз, спускаю воду и открываю дверь кабинки. Передо мной стоит какая-то телка. Надо же, а? Меня угораздило перепутать туалеты? Воистину, все было подчинено мыслям о девушке. Я настолько слился с нею, что в какой-то момент забыл, кто я! Или, может, я — это она? Или, может, пора перестать, наконец, пить да свалить домой?

Я стою перед этой телкой (весьма симпатичной, стоит заметить) и собираюсь скипнуть. Она заходит в кабинку и презрительно хмыкает. Я смущаюсь еще более:

— Это было не то, что вы подумали! — не нахожу я ничего лучше ей сказать.

— А я вообще не думала, — отвечает она. — Если и думала, то уж точно не о тебе.

— А о чем? — мне почему-то хочется продолжить диалог. — О том, где достать?

— Я думаю о том, что завтра мне надо квартиру менять. Или машину. Одно из двух. И еще о том, что нет ничего хуже жлобских мужиков. Вот о чем я думаю, понятно? — отвечает она мне уже из кабинки. — А теперь вали отсюда, красавчик!

Последняя фраза настраивает меня на более оптимистичный лад.

— Эй, стой, при чем тут жлобство? А как же любовь? — пытаюсь я продолжить разговор. — Эй, ты способна любить, детка?

— Дай поссать... — устало отвечает она. — Без твоей клоунады тошно.

«Мудачье, блядь, одно!». Это последнее, что я услышал, прежде чем покинуть WC.

В коридоре я лицом к лицу сталкиваюсь с девушкой, держащей микрофон, и парнем с камерой на плече. Парень тут же включает камеру, ее фонарь бьет мне в лицо, девушка тычет в меня микрофоном с надписью MTV и говорит:

— Привет, ты давно здесь? Как тебе вечеринка? — Только приехал, пока не понял. — Я оглядываюсь по сторонам и стараюсь понять, что послужило причиной этого спонтанного интервью? Меня все-таки включили в «ТОР-100 самых красивых людей Москвы»? Скорее всего, да. А почему я это пропустил? Наверное, в пятницу вышел номер. А как они меня нашли?

Олег сказал, где я? Больше никому. Так-так, настроение быстро поднимается. Мое первое интервью — базовое, можно сказать. Главное — держать форму.

— Ты часто ходишь сюда? Прикольная у тебя футболка! — насаждает девица. — А какая музыка тебе нравится?

— Футболка обычная, просто сидит хорошо, потому что я два ребра себе удалил, не хватало талии, врубаешься? А музыка... самая разная. От трип-хопа до попсы восьмидесятых, от гангста-рэпа до манерной вычурности «Radiohead». Вообще, я предпочитаю играть, а не слушать. Последний диск «Московского Первого», моего проекта... Слушай, задай свой вопрос еще раз, я, кажется, шурил, камера слепит. Только сейчас привык.

— Ага, — кивает девчонка. — Как тебя зовут?

— Это что, шутка такая? Ты стреляешь не целясь, зайка! Меня зовут Андрей Миркин, если кто еще не в курсе.

— Спасибо, — вякает она.

— Моя музыка держит на плаву весь город, — продолжаю я, а парень выключает камеру, девушка убирает микрофон, и они проходят мимо, даже не дав мне закончить фразу.

— Это что, все что ли? — говорю я. — Пойдите, я не закончил! Какое-то херовое интервью получилось, тебя за него с работы выгонят!

Девушка оборачивается, благодарит и улыбается. Тут до меня доходит, что интервью-то не базовое, а самое ординарное. Из тех, когда тебя ловят на тусовке, спрашивают «как дела?», три секунды снимают, а потом вставляют в нарезку, сопровождающую отчетный блок в вечерних музыкальных новостях. Между фрагментами концерта и двумя провинциалками, орущими в камеру: «Привет, Самара!». Как же я ненавижу эту жизнь!

Вернувшись к питерской компании, я нахожу всех уже сильно датыми. На столе стоит кальян, чашки с зеленым чаем и стопки с водкой. Богема набралась.

— А вот и он! — обращается ко мне один из парней. — Чо-то ты долго!

— Он анекдот новый сочинял, — шипит Ритка.

— А мы тут решили поехать потанцевать, да вот не знаем куда. Хочется чего-нибудь андеграундного, — продолжает он. — Кстати, приятно познакомиться. Никита «Плавный Котейка».

— Плавный кто? — не понимаю я.

— «Плавный Котейка». Это ник в сети, — уточняет он.

— Ясно, — киваю я, внутренне содрогаясь.

— Так что с андеграундом?

Меня минут тридцать не было, а вы еще не успели тему сменить. Странно, почему вам тогда не нравятся наркоманские анекдоты?

— Если нужен андеграунд — тогда вам в метро, да, боюсь, оно скоро закроется, — хмыкаю я, рыская по столу в поисках своего виски. Видимо, культовые допили.

Тут меня снова окликают откуда-то сзади, я поворачиваю голову и вижу в дальнем углу Леху. Он машет мне, сидя в компании ветеранов столичной тусовки и четырех престарелых тюнингованных баб. Я приветственно машу в ответ, вспоминая, что у него завтра день рождения, встаю, и, не обуваясь,двигаю к его столу. Стоит сказать, что извиниться за свое повторное исчезновение мне даже не приходит в голову.

— Здорово, чувак, — обнимается со мной Леха. — Коллеги, это Андрей, самый талантливый журналист из тех, кого я знаю. Ты тут с кем? А мы вот с партнерами сидим, может, соединим столы? — Он смотрит на мою компанию. — Освежим атмосферу?

— Лех, я не знаю даже. Я с девушкой, а это ее питерские френды. Какие-то они тусклые.

— Может, вы тогда с нами немножко посидите? Один? — обращается ко мне самая пьяная из дам, яркая брюнетка, косящая под Шер восемнадцатилетней давности.

— Оксана, он же сказал, что с девушкой, — смеется Леха.

— А я что, не девушка? — прыскает она пьяным смехом.

Я сажусь, кладу на стол мобильный, мне тут же вручают стакан с ромом, я оборачиваюсь на свой стол и вижу, что Ритка увлечена беседой с культовыми. Ловлю себя на мысли: «какого

черта она сюда одна не пошла?» и опрокидываю ром одним глотком. Леха рассказывает про какого-то своего приятеля, который судится с бывшей женой.

— А сколько они прожили? — интересуется коротко стриженный тип. Квадратные очки в черной пластмассовой оправе вкупе с оливковой водолазкой делают его похожим на Ив Сен-Лорана в молодости.

— Десять лет. Пять во Франции. Знаешь, как он развелся? — продолжает Леха.

— Расскажи, ужасно интересно, — говорит девица лет тридцати пяти, сидящая рядом с Сен-Лораном (по ходу, его жена). — Она изменяла ему?

— Не знаю. Суть не в том. Однажды утром в городе Париже он проснулся в пять утра. Посмотрел на жену, встал, оделся, сел в машину и поехал на море, в Довиль.

— Как трогательно! — Спутница/жена Сен Лорана затягивается сигаретой. — И по дороге встретил молодую француженку...

— Ален, дай послушать, интересно же! — говорит пьяная Шер 2.0, зачем-то взяв в руки мой телефон. Леш, рассказывай дальше, ну их всех!

— Никого он не встретил. — Надо сказать, что, несмотря на общий градус компании, Леха выглядит совершенно трезвым. Опыт? — Он приехал в Довиль, это полтора часа езды от Парижа, сел на набережной, выпил кофе с круассаном, подумал о своей серой и слишком прогнозируемой жизни, подышал Ла-Маншем и отправился обратно.

— Чистый Печорин, кивает Сен-Лоран. — Приехал, а дома любовник?

— Не-а! — Леха одаривает всех снисходительной улыбкой. — Приехал, а жена еще спит. Он разделся, лег в кровать, полежал с закрытыми глазами, дождался, пока жена проснется, и спустился следом за ней на кухню.

— Ну и чо? — вопрошает Шер, набирая что-то на моем аппарате. — И все? — Видно, что не очень-то ей интересен рассказ. И причем тут мой телефон?

— «Как спалось, милый?» — спрашивает его жена. «Ничего, спасибо. А как тебе?» В общем, жена его отсутствия не заметила. — Леха на секунду замолкает. — И после этого он больше с ней в одной постели не просыпался.

— Да все она заметила! — Спутница Сен-Лорана гасит сигарету в пепельнице. — Может, он ей сам так надоел, что проще было сделать вид, что не заметила.

— А может, он до этого так же по ночам на переговоры отъезжал? — хихикает Шер, возвращая мне телефон.

— Этого он мне не говорил, — тихо замечает Леха и шепчет мне на ухо, отвернувшись от стола: — Оксана — нимфоманка, осторожнее! Она в твой телефон уже свой контакт записала.

Я беру со стола мобильник и вижу на его экране ряд цифр. Автоматически нажимаю на «вызов» и тут же сбрасываю, оставляя номер в журнале.

— Но очень богатая, — продолжает Леха. — Во какие телки вошли, гляди!

Я поворачиваюсь и чувствую, как язык присыхает к небу. Одна из появившихся в зале девушек — хорошенькая рыжая тридцатилетка. Вторая — моя Лена.

«Это так теперь называется: буду сидеть весь день дома, ждать, пока ты нарепетируешься, да?» — проносится в голове...

— Лех, у меня проблемы, — хриплю я. — Мне надо смыться. Закрой меня собой.

— Тебя Оксана обидела? — не понимает он.

— Закрой меня. Одна из этих телок — моя девушка.

— Ну и чо? Это — жены моих партнеров, я тебя отмажу, — тихо говорит он.

— Да, но моя вторая девушка сидит за столом, из-за которого я пришел. — Я моментально покрываюсь потом.

— Вали! — одними губами говорит Леха, встает и направляется к девушкам. В середине зала расположена большая ложа, занавешенная с двух сторон портьерами. Слева от нее — ложи, в одной из которых сидит Рита. Справа — четыре стола у стены. Лена с подругой стоит ровно посередине, у входа. Леха подходит к девушкам, картинно расставляет руки и увлекает их в проход, где сидят питерские, открывая тем самым возможность для моего отхода. В этот момент смолкает музыка, позволяя мне разобраться, что Леха говорит Лене: «А я вас сегодня

потерял, думаю, когда вы успели уехать?» Лена ничего не понимает и отстраняется от него, но Леха пытается ее приобнять.

— С кем это он? — обращаются ко мне сидящие за столом.

— С девушками, — бросаю я, хватаю мобильник, нагибаюсь и бочком-бочком валю к выходу по свободному проходу. Краем глаза вижу, что девушки и Леха практически поравнялись с ложей, где сидит Рита. Девушки громко возражают против Лехиногo вторжения, питерские с интересом вытягивают шеи, Рита закусывает нижнюю губу, а колонки во всем заведении взрываются «Chemical Brothers»:

Hey Girls! Hey Boys! Superstar dj's! Here we go-o-o-o!

Уже в коридоре я подзываю официанта, даю ему полтонны и прошу принести кроссовки, «салатовые такие», а сам прячусь в туалет. Наконец он приносит мои кроссы, я моментально обуваюсь и, не завязывая шнурков, пулей вылетаю из «Шанти», ловлю на Мясницкой первого попавшегося бомбилу и, не спрашивая цены, выдыхаю:

— Метро «Сокол»!

В дороге я отправляю Ритке эсэмэску следующего содержания: «Зайка, у меня кровь носом пошла. Видимо, нервы уже на пределе. Не хотел, чтобы ты меня таким видела. В понедельник заеду за твоими вещами. Лблю». Надо бы последнее слово исправить... хотя — черт с ним! Мы живем в век аббревиатур. «Лблю», значит «лблю». «Збло» все!

Уже дома я ловлю себя на мысли, что, отправляя сообщение, выбрал телефон Риты не из «контактов», а из журнала, где ее номер теоретически последний. Похолодев, я достаю мобильный, думаю о том, что в журнале последним номером могла стоять Ленка, звонившая мне, когда я был в туалете или говорил с Лехой, в общем, не слышал ее звонка. Я выбираю в меню «Журнал», затем «Вызовы» и обнаруживаю последним номером незнакомый мне телефон, а перед ним действительно Риткин.

Сверясь с отправленными эсэмэсками, я понимаю, что отправил сообщение на номер бухой знакомой Лехи — этой Шер недоделанной, мать ее! Облегченно вздохнув, копирую сообщение придаю его Рите. Снимаю куртку, иду в комнату, закуриваю и валюсь на диван, размышляя о том, что дальше делать: пойти спать, выпив виски, пойти спать, отправив перед этим эсэмэску Кате, пойти спать, подروчив сначала, или просто пойти спать. Или, может быть, принять душ? Или, может, поискать, не осталось ли дома плана?

Звонит мобильный. На дисплее высвечивается номер Ленки. Интересно, что она хочет мне сообщить? Что к ней в «Шанти» приставал какой-то пьяный лось? Скорее всего. Но меня нет, зайка! Я сплю, или принимаю душ, или принимаю наркотики, или... в общем, меня нет! Я спрятался! Я в домике, мать вашу!

ТЕХНОЛОГИИ

Спал я плохо. Мне снился боевик, в котором я выступал то ли шпионом, то ли пушером. Я постоянно от кого-то убегал, уезжал на машине, улетаю на вертолете, и все это в отвратительных лубочных декорациях среднерусской полосы: сосны, березы, купола церквей, братки на «бэхах» или тонированных «девятках» (что, впрочем, одно и то же). Затем я пил розовое шампанское «Ruinart» и почему-то закусывал франкфуртскими сосисками. Я сто раз просыпался, пил воду, снова падал в кровать, но сон все длился и длился, как хреновый отечественный сериал. В общем, комедия абсурда.

Первой в это воскресное утро позвонила Лена, и мы условились встретиться в четыре в «Павильоне». Поступило еще несколько предложений насчет вечера, но, поскольку я был сонный, они у меня в голове не отложились совершенно. Про свое вчерашнее приключение в «Шанти» Лена умолчала. Потом пришла пара эсэмэсок от какой-то Оксаны: «привет, это Оксана, Лешина знакомая, может, увидимся», и от Катки «я сегодня освобожусь после четырех и перезвоню». Потом я выкурил сигарету, не вылезая из кровати, минут десять полежал с открытыми глазами, вспоминая, кто такая Оксана, и снова вырубился. В этот раз мне снилось, что у меня пять мобильных, которые звонят все одновременно, и я не знаю, какой хватать первым. В конце сюжета я допер, что звонит один телефон, притом в реальности.

— Да, — отвечаю я в полусне, но абонент на другом конце успевает отключиться. На дисплее одиннадцать неотвеченных вызовов — все от Ритки, и еще пять эсэмэсок от нее же: от «перезвони, как проснешься» до «ты где, скотина, видеть больше тебя не хочу». Судя по всему, видеть реально не хочет, раз звонит по одиннадцать раз. Может, заехать к ней, типа, извиниться? На часах половина двенадцатого. Воскресенье. Сегодня еще с Ленкой обедать, вечером — с Каткой на день рождения Рыбалко... Короче говоря, Ритка мимо...

Я вспоминаю вчерашнюю эскападу в «Шанти» и снова закрываю глаза. Господи, ну почему я всегда кому-то что-то должен, а? Почему я все время должен что-то придумывать и изворачиваться таким образом, чтобы никого не обидеть, а? Исчезла легкость в отношениях, врубается? Вместо радости остались одни обязательства. Перед одной нужно извиниться, второй перезвонить, третьей... Катке, кстати, действительно нужно перезвонить...

Какого черта я вообще в «Шанти» поехал? Не хотел раздувать скандал, ага! Вместо одного скандала чуть не получил грандиозные разборки. А главное — то, что вечер обернется проблемами, было ясно еще в «Ми пьяче». Как начались все эти беспричинные наезды Ритки в стиле «если бы ты был готов к серьезным поступкам» и «с тобой вообще нельзя серьезно поговорить» — сразу надо было сваливать, сославшись на занятость.

Ничего не поделаешь... ладно, нужно, в самом деле, Ритке позвонить. Позвоню, скажу, что весь день на стройке с партнерами по клубу. «А почему не отвечаешь на звонки? Что неудобно? Эсэмэс отправить неудобно?». Не слышал, типа, у меня же стройка... какая-то туфта получается... хотя?

На кухне достаю из шкафа миксер, ни разу не использовавшуюся мясорубку и блендер с треснутой колбой. Включаю в розетку поочередно каждый прибор, пытаюсь понять, какой из них звучит ближе к той херне, которой стены сверлят. Лучше всех визжит блендер-инвалид. Но этого мало. В итоге включаю все три девайса одновременно, и получается реально строительная какофония. Как в клипе «Satisfaction» Benassi. Только телок не хватает с этими машинками... как они называются-то? Сверла? Нет, не сверла. Кстати, надо бы выяснить, что на стройке используется, а то запалиться недолго.

Лезу в Интернет, выясняю, что эти хреновины называются перфораторы. Перфораторы, гы-гы-гы!

Я врубаю свои «перфораторы», закуриваю, открываю окно на кухне, чтобы добавить до кучи шум от проезжающих машин, и набираю Риткин номер. После десятого звонка она отвечает:

— Пошел к черту, я тебя ненавижу! — и бросает трубку.

Здрасте, приехали! Не очень-то она вежлива с любимым мужчиной, у которого вчера шла носом кровь! Может, я вообще в больнице! Набираю еще раз, и, не дав ей ответить, с ходу кричу:

— Рита! В чем дело? Я на стройке с восьми утра, не слышал телефона. Что случилось?

— Что случилось? Ты совсем головой трехнулся? Вчера ты внезапно исчезаешь, посылаешь мне эсмэску про кровь из носа, а сегодня к телефону полдня не подходишь! Я вся издергалась, думала, с тобой что-то случилось, а ты мне перезваниваешь и бодрым голосом спрашиваешь что случилось!

— Я... я сутра проверяю отделочные работы в клубе, тут такой шум от перфораторов, что ничего не слышно. Я на улицу вышел, чтобы поговорить, — увидев проезжающую машину, я высовываюсь из окна, практически по пояс. — Даже на улице от этих перфораторов никуда не денешься!

— А чего это у вас такой шум, если идут отделочные работы? — Рита слегка успокаивается.

— Плитку кладут, — пытаюсь придумать я.

— Да? Я где-то слышала, что перфораторами стены рушат!

Дались тебе эти перфораторы! Шум — значит стройка, какая разница, что шумит? Я вовремя вспоминаю историю открытия какого-то ресторана и выкручиваюсь:

— Тут сначала старую плитку сшибают, потому что она вообще никак с интерьером не сочетается, а потом новую кладут...

— А как же вы ее покупали-то, если она не сочетается? — резонно интересуется Рита.

— Ну... понимаешь... короче, тут есть идиотка, жена одного из партнеров, она, типа, интерьером пыталась заняться, привезла эту чертову плитку, и не в тему. У нас открытие через неделю, а я сказал, что с такими туалетами клуб открывать не буду. — Я подхожу и выключаю блендер, потому что даже сам себя не слышу. — Туалет в клубе — самое главное, ты же понимаешь. В общем, приехал с утра и устроил им, как Виктор Вард: «Крапинки. Повсюду эти чертовы крапинки».

— А кто этот Виктор? Я его знаю?

— Ты? — не представляю, что ей ответить. — Нет, не знаешь, питерский промоутер. Открывал «Онегин».

— А-а-а, я, кстати, была в «Онегине». — Ритка вздыхает. — А почему у тебя кровь вчера пошла? Нюхал опять?

— Нет, зайка, что ты! Сам не знаю почему, там так душно было... Голова закружилась, потом кровь пошла. — Я закашливаюсь. — Черт, я от этой пылищи уже охренел. Извини, зайка, просто я не хотел, чтобы твои гости меня в таком виде... ну, ты понимаешь. Подумают еще... всякое...

— А сейчас ты как? Нормально?

— Да так... вяловато как-то, — изображаю я голосом крайнее утомление. — Вчера кровь, сегодня пыль. Ужас какой-то.

— Тебе нужно было сегодня дома отлежаться, — сочувственно говорит Рита.

— Если бы я мог, ха! — Я сплевываю на пол, забывая, что нахожусь на собственной кухне, а не на стройке. — Фак! Надоело все это, но ничего не поделаешь, сегодня в обед с партнерами встречаюсь. Ладно, проехали. Извини меня, в любом случае...

— Андрюш, прекрати... я очень за тебя переживаю... — Рита выдерживает паузу. — И очень люблю.

— Я в понедельник заеду за тобой, — подбрасываю я еще одно полено. — У тебя коробки есть или мне привезти? Или ты не помнишь, что с понедельника мы живем вместе?

— Мне в понедельник вечером нужно к родителям съездить, мать уже обзвонилась, — разочарованно отвечает она. — Если не приеду, будет истерика.

«Класс какой!» — я выдыхаю, чтобы не выдать свою радость.

— Ну тогда во вторник!

— Тогда во вторник... Мы сегодня увидимся? — спрашивает Ритка без особой надежды на положительный ответ.

— Я бы очень хотел, но эти козлы... партнеры то есть. Боюсь, они меня сегодня изнасилуют.

— Что ты говоришь? Плохо слышно!

Слышно все хорошо, не придумывай!

— Я говорю, что мы с моими идиотскими партнерами сегодня собираемся обсуждать бюджет открытия. Это надолго. Еще и пить придется. Они меня уже изнасиловали.

— Значит, не увидимся, — констатирует Ритка.

— Я тебе позвоню после трех, может, солью их раньше.

— Постарайся. Мне чего-то даже из дома выходить не хочется, настолько отвратно себя чувствую.

— А что с тобой? — говорю я наигранно сердобольным голосом. — Ты врача вызывала?

— Нет еще. Наверное, продуло где-то. Лимфы на шее вздулись. С левой стороны.

— С левой? — Я думаю: к концу разговора выяснится, что у Риты еще и одну ногу отрезало. — А что там находится?

— Шея, — смеется Рита. — Андрюш, ты как маленький!

— Я в курсе, что шея. Может, там проходят какие-то важные вены или еще что? Я ж не врач!

— Ничего там не проходит, — отстраненно говорит она, — ничего...

— Ну что, Рит, я тебе перезвоню после трех? — предлагаю я.

— Перезвони, конечно. Если мобильный будет отключен — значит, я сплю. Или у меня температура. Или еще что-нибудь. — Она явно бьет на жалость.

— Рит, ну что ты, в самом деле, ну не могу я сейчас взять и все бросить: строителей, партнеров, дизайнера, — говорю я обиженным тоном.

— Я понимаю. Ладно, пока! Позвони, если получится, — говорит она и отключается.

Я тупо таращусь в окно. Я ужасно устал от всего этого. Я хочу сменить обстановку, диспозицию, девушек наконец. И мне кажется, что от этой истории все уже окончательно устали. По крайней мере то, что Рита так ни разу не спросила, в каком месте Москвы я строю свой клуб, больше меня не удивляет. В самом деле, нет же в реальности никакого клуба... и интереса тоже нет...

«Знаешь, ты останешься ребенком до седых волос. Ты настолько несерьезен, что тебе кажется, будто все вертится вокруг тебя, и все это — игрушки», — перманентно слышал я от разных влюбленных/ не влюбленных/ заинтересованных девушек. «До седых волос» — хо-рошенькое дело. Вообще-то подобные высказывания в корне не соответствуют истине. Лоховская премудрость: «все из-за того, что ты рос в неполной семье», гораздо более в тему.

Если начистоту, я и ребенком практически не был, если не считать тех лет в Питере. Был сыном разведенной женщины, затем сыном отца от первого брака, позднее — чуть-чуть студентом, а потом сразу стал взрослым. Я не знаю, что такое избалованность, зато знаю, как себя чувствуешь, когда просто не с кем посоветоваться. Сначала я пытался обсуждать что-то с матерью, но вместе с нелепыми советами получал стандартное: «я тебя предупреждала». С отцом всегда случалась такая же шняга: «я тебе предлагал вернуться в Америку, ты же упрямый». Сначала я думал, что у них такой специальный родительский прием, типа, не принимать участия в моих делах, игнорировать или предлагать самые нелепые, ничего не имеющие общего с действительностью варианты решения моих юношеских проблем. Я утешал себя тем, что просто они, очень сильно за меня волнуясь, придумали эдакую «зону безопасности» в виде США и всеми способами вынуждают меня вернуться туда. А там, в Штатах, все получится просто зашибись. И радостная, заботливая мама, спрашивающая меня, что я ел на обед, и отец с редкими наездами, с ужинами в дорогих ресторанах, традиционной передачей пачки кэша и вопросом «как там мать?», сопровождаемым взглядом в сторону...

Спустя некоторое время, сопоставив вопросы матери с моими ответами, мне пришлось признать: сложно участвовать в судьбе ребенка на расстоянии, мама. Особенно когда ты из недели в неделю спрашиваешь, пойдет ли чадо в аспирантуру, однажды уже получив более чем подробный ответ: не пойду, почему именно не пойду и почему именно не пойду никогда. С другой стороны, гораздо хуже, если б мама спросила меня, как дела в институте,

законченном к тому времени лет пять назад. В общем, вспомнив, что нужно оставаться снисходительным к тем, кто тебя породил, я решил больше не выяснять истинной степени заинтересованности родителей в моих делах и научился с разными интонациями отвечать «Да нормально» на три основных вопроса: «У тебя все в порядке?», «Как на работе?», «А что с личной жизнью?». Ну, чтобы не расстраивать маму. Она же переживает.

С отцом я пытался выстроить отношения в первый год после возвращения в Россию. Ну, типа, я ему звонил, предлагал встретиться, иногда звонил он сам, и у нас получалось пообедать или поужинать вместе. Иной раз он даже заезжал в университет. Но все мои расспросы о бизнесе, предложения как-то помочь ему в небольших делах, получить бизнес-практикум и первый опыт работы, натывались на стандартное: «Послушай, чего тебе не хватает? зачем тебе лезть в это говно?». Нет, конечно, мы разговаривали обо всяких делах, он интересовался моими друзьями, спрашивал, что у меня с девушками, куда я хожу по вечерам и чем занимаю свободное время. Иногда он даже пускался в пространные рассуждения о моем будущем. Что будет, когда я закончу МГУ, чем бы я мог заниматься, и прочее. В конце каждой такой встречи я ловил себя на мысли, что в глазах отца светится облегчение. Сначала я думал, что это из-за денег. Типа, отец каждый раз ждал, что я попрошу прибавки к содержанию. Если по-честному, пару раз просил. Не больше. Но однажды теплым осенним вечером я понял настоящую причину его поведения. Каждый раз после наших встреч он облегченно вздыхал, понимая, что со мной НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ. Вздыхал, когда после кофе я на традиционный вопрос: «ну, а вообще как дела в целом?», я так же традиционно отвечал: «да ничего вроде». Потому что дела действительно были НИЧЕГО. СО МНОЙ НИЧЕГО ТАКОГО НЕ ПРОИСХОДИЛО. Я не влипал в истории, не связывался с левыми людьми, от меня не беременели девушки из общежития, я не попадал на бабки, не хамил бандитам, не занимал деньги под его имя, не собирался жениться на ростовчанке, не вступал в левацкие партии, не принимал участие в стрит-рейсинге. Я не стал гомосексуалистом или наркоманом, а значит — НЕ СОЗДАЛ ЕМУ ЗА ЭТО ВРЕМЯ ПРОБЛЕМ. Значит, меня не придется вытаскивать из задницы, отдавать за меня долги, решать вопросы с быками или ментами, разруливать отношения с владельцем разбитой мной машины, страховой компанией, отцом ростовчанки, моим бойфрендом или дилером (хотя последнее не помешало бы). Все шло НОРМАЛЬНО. Именно это вызывало у отца облегчение.

Одно время все вышеизложенное меня ужасно злило. Раздражала и мать, нашедшая себе нового бойфренда и озабоченная своими с ним делами гораздо больше моих. С другой стороны, говорил я себе, она много для меня сделала, и злиться на нее по пустякам просто несправедливо. Вот почему я перенес злобу на отца. Я бесился, вспоминая, что именно из-за его поведения мать уехала в Америку, и семьи не стало. «Именно он, вечно удолбанный своей работой (а скорее всего, молодыми телками), все и разрушил, — говорил я себе. — Если б не этот алчный и похотливый козел, жили бы мы все вместе, и ровно. Без переездов, смен школ и круга общения, драк с неграми и прочего отстоя».

Вот почему у меня эти вечные проблемы с телками — их-то много, а толку мало. Такой уж я раздолбай, гены подвели. Именно из-за них у меня предрасположенность к беспорядочным половым связям, махровый эгоизм, поверхностное и потребительское отношение к женщинам — и вечный похуизм вдобавок.

Но, видимо, я человек отходчивый, потому что, потасовав все эти мысли некоторое время, я решил, что не такие уж они и плохие, мои родители. Просто так у них все вышло, никак то есть. А теперь и мать, и отец — каждый из них — пытаются реализовать то, что однажды/ дважды не выходило. Мысли о новой семье, новом доме, комфорте и всем таком... У каждого из них своя, новая жизнь. С собственными проблемами, переживаниями, недостатками и желанием в этот раз все сделать по-иному. Обычная иллюзия: ТЕПЕРЬ У НАС ВСЕ БУДЕТ ПО-ДРУГОМУ!.. А я, так уж получилось, оказался в их ситуации почти что крайним. Именно не лишним, а крайним. Говорят, типа, дети объединяют. А как я могу объединить двоих не желающих видеть друг друга людей? Следовательно, придется становиться взрослым. В конце концов, каждый решает свои проблемы сам. Да и реально не самые плохие у меня родители. Мать звонит, отец встречается, помогает. Они меня любят, каждый

по-своему. Просто так получилось. И помочь решить мои незначительные проблемы они не в состоянии. Конечно, каждый из них хотел бы побольше со мной общаться, видеть во мне маленького мальчика, только вот мне нужно что-то другое. Не совет ребенку: «не ковыряй рану, быстрее заживет», а разговор взрослых людей со взрослым же человеком. Видимо, время изменилось. Точнее, не так. Время меняется, а у них его остается меньше, чем у меня.

Подумав, я понял, что ярлык «вечный избалованный ребенок, не знающий модели настоящей семьи, не умеющий строить долговременные отношения и не способный брать на себя ответственность», приклеиваемый мне время от времени разными девушками — штука весьма удобная. Точнее, я с ним не согласен в корне, но в целом подобная формулировка меня вполне устраивает. Снова услышав ее в очередной раз от очередной же подруги, я даже радовался. По крайней мере, в конце отношений всегда можно развести руками, грустно покачать головой и сказать: «Да, такая вот хуйня вышла. Ничего не поделаешь. You knew, bitch, I was a snake».¹

«Come, my lady, come, come my lady. You're my butterfly, sugar, baby», — мелодия «Linkin Park», установленная на моем мобильном, появляется ненавязчиво, как бы ниоткуда. Кто там еще? «Верасекретарь» — отражается на дисплее. «Сегодня же воскресенье — надо фото для светской хроники сдавать!» — проносится в моей пустой башке. Только Вера тут при чем?

— Привет, — отвечаю я.

— Привет, Андрей, это Вера.

— Ага, узнал.

— Неужели? — звонко смеется она.

— Конечно узнал!

Интересно, ты о наличии определителей номера когда-нибудь слышала?

— Андрей, я сижу в редакции, сегодня верстка началась, — сообщает она мне голосом автоответчика.

— Я в курсе, и чо? — интересно, она, типа, подколола меня позвонила? — Если ты насчет фотосессии, то я сегодня забираю ее у Марины (кстати, про Марину-то я и забыл, осел!).

— Андрей, ничего забирать не надо, — тихо говорит Вера.

— Э... то есть как? Что-то я не врубаюсь? Мы наконец решили закрыть рубрику «зоопарк»?

— Нет. Просто... просто я сама вчера встретила с Мариной... она звонила... и... — Вера умолкает.

— И что Марина? Опять говорила про меня всякие гадости?

— Почему гадости? Сказала, что ты ей деньги за съемку не отдал, поэтому она ее нам не передаст.

— Вот сука! — вырывается у меня. — А ты что ей сказала?

— Я поняла, что у тебя, наверное, неприятности.

— Это точно, — хмыкаю я.

— Поэтому я сама с ней встретила, отдала свои деньги и взяла съемку...

Вот это неожиданный подгон! Признаться, от кого кого, а от Верки я такого не ожидал.

— Слушай, респект тебе, зайка. Ты меня нереально выручила. Я у тебя в долгу, и все такое...

— Осталось только фотографии подписать. Когда тебя ждать?

Еще одна засада!

— Слушай, — я понимаю, что в редакцию мне при всем желании не попасть. — А ты не могла бы мне их по Инету перекинуть?

— Не-а, — Верка явно ждала такого вопроса. — Я дома сижу, у меня Интернета нет, а в редакцию поеду только через два часа.

— У нас чего, на этой неделе всем Интернет отрубили? Как в Китае?

---

¹ «Ты же знала, сука, что я змея». Это фраза из басни про девушку, согревшую змею, которую рассказывал старый индеец Микки и Мэлори в к/ф «Прирожденные убийцы». После рассказа Микки убила старика-индейца выстрелом в голову, чем вызвала недовольство Мэлори.

— А у меня его и не было никогда. Я дома не пользуюсь.

— А в редакцию ты через два часа... через два часа я не могу приехать... Блин, что же делать-то?

— Может, ты ко мне приедешь? — ненавязчиво предлагает она.

— К тебе? — понятно теперь, зачем она эти фото у Маринки забрала. Нет, еще одну женщину мне сегодня не потянуть. — Вер, я бы рад, только у меня встреча через час. Я просто не успею. Все на разрыв, понимаешь?

— Да уж... И какие предложения?

— Так-так... — Я перебираю в голове всевозможные варианты, и, как обычно, останавливаюсь на самом безумном. — Вера, а ты сама их подписать можешь? Это же несложно, так?

— Сама?! — Она хохочет. — Да я больше половины изображенных там людей не знаю.

— Да? Тоже мне, головоломка, знание селебритиз! Ну, ты в Интернете посмотри... блин... извини, ерунду сказал, ты же без сети... Слушай, я реально не могу приехать. У меня стройка клуба, у меня... день рождения отца, у меня... зайка, у меня такая куча проблем... — говорю я ей совершенно искренне.

— Бедный, — она пытается изобразить сочувствие. — Ну и что ты предлагаешь?

— Давай... вместе напишем! По телефону.

— То есть? — кажется, Верка аж подпрыгнула на стуле.

— Ну ты, типа, будешь мне называть вечеринку и персонажей на фотографиях, а я назову, кто там стоит. Ты подпишешь и отдашь на верстку. Круто?

— Да... Миркин... ты, я вижу, совсем без башки. — Она постукивает чем-то по столу или по трубке. — Делать подписи вслепую — это уже финиш. Тебя же за это уволят!

— Вер, а мы... а мы никому не скажем, — говорю я доверительно. — Ну, пусть это останется нашим ноу-хау, таким прикольным секретом, а?

— Я даже не знаю, — судя по голосу, подписывать фото вслепую для нее означает вполне реальный экстрим. — Думаешь, у нас получится?

— Я тебя умоляю! Вот скажи, ты Ксению Собчак на фото узнаешь?

— Да, конечно.

— А Ульяну Цейтлину и Марику?

— Ну... вполне...

— А Новикова?

— Певца?

— Какого, к черту, певца? Ресторатора!

— А... кажется, видела пару раз.

— Тогда поехали. Это все, кого тебе необходимо узнать. Вся светская хроника крутится вокруг них. Плюс-минус.

— Поехали... сейчас открою файл. — Она щелкает клавиатурой и вздыхает. Судя по всему, Вера очень сосредоточена. — Всего пять сессий. Первая съемка с открытия какого-то бара, вся площадка в баннерах «Bacardi», семь фото...

— Ага, понял. Подписывай: открытие «Bacardi-бара» в ресторане «Il Fiori».

— Тут на первом фото высокий худой лысый парень, я с ним интервью в «Playboy» читала, и Цейтлина.

— Горобий? Тот вроде не худой. Погоди, в сети посмотрю...

Я набираю «клубы промоутеры интервью» и первой ссылкой мне выдает: «Министерство Правды. Интервью с Игорем Бухаровым». Я захожу по ссылке и, проскролив пару страниц, вижу интервью с московскими клубными деятелями: Петрушиным, Синишей и Андреасом.

— Все, нашел. Пиши: «Ульяна Цейтлина выясняет у Синиши расписание ближайших вечеринок в «Дягилеве»».

— Есть. На следующих фото Ксения Собчак, Анастасия Заворотнюк и Паша Воля из «Комеди».

— Слушай, да ты профессионал! Может, я тебе и подсказывать не буду?

— Да ладно! — Она явно польщена. — Этих-то я знаю, а вот дальше... дальше мужик лысый какой-то стоит в профиль... Бондарчук? Нет, не похож...

— А может, Куценко?

— Может, и Куценко...

— Ну ты чего, не можешь одного от другого отличить?

— Да они тут все похожие... вроде Бондарчук...

— Нифига себе похожие! Один снял «Девятую роту», а другой антикиллера играл. Разбираться надо в таких вещах!

— Да я ни то, ни другое не смотрела. Нет, точно не Бондарчук. И точно не Куценко...

— Так-так-так... Кто у нас еще лысый? А! Это Саша Соркин. Точно, он там был. Пиши — Александр Соркин, ресторатор.

— Написала. Потом подряд идут три фото какой-то девушки с грустными глазами, подстриженной «под мальчика». Или мальчика с глазами «под девушку», не уверена...

— Три подряд... — Я чешу затылок. — Это что за персонаж, которого я попросил три раза щелкнуть? Девушка? Вряд ли... дай подумать...

Вроде бы девушка, а там... не знаю, в общем...

— Вспомнил! Это украинский дизайнер Шляхтич! Он тогда в Москву приезжал с показом. Точно, это он! Пиши: «Открытие года в Украинском fashion-бизнесе, молодое дарование — Шляхтич»!

— А «фешн» по-русски писать?

— Почему? Конечно по-английски. Мы же приличное издание. Где ты видела, чтобы слово «фешн» писалось по-русски?

— На следующем фото двое мужчин. Один с бородой и в очках, второй в очках, но без бороды.

— С бородой в галстук?

— Ага.

— Это Гафин. Пиши: «Александр Гафин с приятелем».

— А кто это?

— Из «Альфа-банка».

— Может, подписать?

— С ума сошла? Это только безвестных лохов подписывают, которые первый раз спонсируют мероприятия. Например, «Лена Чипездрук, ЗАО "Нефтяной дом", организатор мероприятия» — чтобы не обидеть. А Гафина и так все знают.

— На следующей стоит блондинка с огромными губищами и бюстом, лицо еще такое презрительное, и какая-то телка рядом с собачкой на руках.

— А... это, значит, баронесса фон Шлезвиг-Гешнер.

— Записала. Кстати, а она чо, реально баронесса, по крови? И почему тогда у нее рожа такая крестьянская?

— Ее пра-пра-пра-пра-прадед был правой рукой Вильгельма Завоевателя. В 1066 году, аккуратно после завоевания норманнами Англии, Вильгельм пожаловал ее пра-пра-пра-пра-прадеду земли в Йорке, Сассексе и Люблино. С течением времени земли Йорка и Сассекса отошли английской короне, а Люблино осталось. Там в 1958 году и родилась наша будущая баронесса.

— Так она русская? А как она баронесса?

— Вот ты когда замуж выйдешь за принца Эфиопии, будешь принцесса.

— А... про подругу чо писать?

— Так и пиши.

— Как?

— Ну чего тут неясного! «Баронесса фон Шлезвиг-Гешнер и ее подруга с очаровательной собачкой». Или: «ее очаровательная подруга с собачкой». Сути не меняет.

— Тут опять Цейтлина, Синиша, а потом фото, где две худые девки скачут, задрав руки вверх.

— Ага. Пиши: «Завсегдатаи московских ночных клубов, молодые львицы Маша и Карина до утра отплясывали под сет DJ Алексея Нуждина».

— А ты чего, их безо всяких ориентиров узнал?

— Неважно. Главное, чтобы они себя узнали.

— Так может, это не они?

— Какая разница! Мы олигархов в этом файле всех опознали? Кинозвезд всех? Телочек вычислили? Рублевских красавиц, жен, любовниц наиболее значимых?

— Ну да...

— Ну так кому до этих двух девок есть дело, кроме них самих?

— А может... может, это новые любовницы каких-нибудь крутых нефтяников, а ты их Машей и Кариной назвал? Неудобно получится.

— А надо, значит, этим нефтяникам чаще в свет выводить своих телок. Не примелькались еще. Если я их не знаю, значит, никто не узнает. Вот как примелькаются, так и уточним, а пока будут Машей и Кариной...

— Андрюш, а ты не боишься промахнуться?

— Не боюсь. Это медиа, зайка! Как напишем — так и будет. Все равно больше половины наших читателей на такие вечеринки не попадают. Какая им разница — Маша с Кариной или Вика с Гулей?

— Логично...

— Я вот думаю, — хихикает Вера, — сколько нужно тусоваться, чтобы на самом деле вслепую подписывать фотосессии?

— Года два, но плотно, — отвечаю я, хотя дело, конечно, не в тусовках, а в технологиях.

Как показывает практика, в наше время все можно делать в удаленном доступе: строить клубы, выяснять отношения с девушкой, играть на бирже, подписывать контракты и фотосессии, объясняться в любви... Главное — это безлимитный тариф!

СТАТЬ ОТЦОМ

*You're just too good to be true
Can't take my eyes off you...
I love you baby, and if it's quite right,
I need you baby to warm the lonely night
I love you baby. Trust in me when I say...*
Frankie Valli and the «Four Seasons».
Can't take my eyes off you

Мы с Леной сидим в «Павильоне» на Патриарших и пьем вино. Я вяло тычу вилкой в рукколу и думаю о том, почему Катя не перезванивает. Решила слиться? Как-то сложно все.

А Ленка уже минут сорок грузит меня подробностями аудиторской проверки какой-то российской строительной компании. Вероятно, со стороны я похож на лоботомированную подопытную крысу: щурюсь от напряжения, предельно собран, иногда киваю, иногда отпускаю язвительный смешок, а моя мысль пытается продраться сквозь все эти «оффшоры», «прокладки», «фонари», «внебюджетные доходы», «кэш-флоу». Но, как ни стараюсь, сколько-нибудь ясную картину описываемых процессов я составить не могу. Из всего ее монолога я уяснил только то, что компания хочет «обелить» большую часть бизнеса и привести его в соответствие с западными требованиями. По косвенным признакам можно догадаться, что в аудируемой компании царит полный бардак: финансы не в порядке, прибыль падает, а сотрудники воруют. В целом бизнес организован как обычно, то есть из рук вон плохо, как и на большинстве российских предприятий. Но для того чтобы тебе открылась эта шокирующая истина, не нужно обладать специальным образованием, как у Ленки. Достаточно пару выходных тусануть в «Мосте» или «Дягилеве». Поспешность и неразборчивость, с которой русские старатели тратят свои капиталы, говорят о том, что наступают новые времена. В скором времени колоду опять перетасуют.

Поскольку топ-менеджер компании WalMart, коим я сегодня вновь являюсь, не может поделиться с Ленкой таким простым и банальным открытием, я всячески изображаю интерес, изредка хватаюсь за голову и славлю судьбу за Ленкину излишнюю эмоциональность в монологе. Если бы она излагала все ровным голосом, я бы тут же спалился. Поди узнай, при каком слове хвататься за голову, а при каком просто криво усмехаться. Для меня что сомнительные долги, что нераспределенные дивиденды — суть одна: херня.

Ленка заговаривается до такой степени, что, кажется, даже не ждет от меня никакой реакции. Еще бы: по ее мнению, я понимаю описываемую ситуацию с полунамека. Посему я время от времени выключаюсь из беседы, думаю о том, каким образом стану сегодня склонять Катю к интиму, о том, каким образом мне попасть на корпоративный праздник «Тройки Диалог», где, по слухам, будет Принц, и о том, как же мне повезло вчера в «Шанти». При воспоминании о «Шанти» я пристально смотрю на Ленку, пытаюсь понять, чем бы вчера все закончилось, спали она меня с Риткой. Дикий скандал? Побег в рыданиях? Или просто крупные разборки с привлечением всех заинтересованных сторон? Какой ужас! Я так и вижу лицо Ритки, услышавшей от Ленки что-нибудь типа: «И давно вы с моим молодым человеком встречаетесь?». Ритка бы наверняка взвизгнула: «С чьим молодым человеком?!» Я снова ощущаю, как капли пота катятся по спине. Да уж... А что если бы они схватили друг дружку за волосы и начали кататься по полу, дрыгая ногами? Чистый женский рестлинг! Они дерутся, вокруг толпятся посетители, официанты, и никто не стремится разнять. Когда еще такое увидишь? Я бы свалил под шумок. Представляю себе...

— Представляешь? — вырывает меня из раздумий Ленка. — Проблема в том, что российский финансист не может работать в западном формате. Если при нормально организованных финансах есть P&L Statement, Cash Flow Statement ежемесячный бюджет, и все это можно посмотреть для того, чтобы определить состояние бизнеса, то в русских компаниях все потоки и документы организованы таким образом, что ничего понять нельзя. Здесь читать, тут не читать, а здесь «рыбу заворачивали», понимаешь?

— That's their fucking style, — отвечаю я уклончиво. — Они по-другому не умеют и не хотят.

— Вот именно! Fucking style! — Лена допивает вино. — Потому что один отчет для учредителей, другой - для налоговой, третий — «по состоянию черной кассы», четвертый — «по оффшорным счетам», а пятый — вообще тетрадка или флешка, которая «дома лежит, я завтра принесу, если смогу. Но там цифры — самые точные». И как им после этого делать аудит? Как строить эстимейшн лайн?

— Я думаю, что им это не нужно. — Я беру бутылку и доливаю ее бокал доверху. — На самом деле, весь этот аудит и долгосрочное планирование — просто дань моде. Сейчас модно играть в «европеизированный бизнес», — удачно вспомнил я вычитанную в «Коммерсанте» фразу, — you know...

— Слушай, я все-таки закажу горячее, чего-то есть так хочется! — Лена берет меню. — А у вас, естественно, все ведется по GAAP, да?

Кажется, GAAP — это какая-то западная система бухгалтерской отчетности, хотя я не уверен, лекции по экономике пропускал. В общем, вместо ответа я смотрю на Ленку снисходительно-недоуменно, типа, «стоит ли об этом говорить, зайка...»

— Я вообще... спросила. — Ленка, смеясь, прикрывает глаза ладонью. — Вы же американцы!

Я доливаю себе вина, бутылка пустеет. — Давай еще вина закажем! — предлагаю я. — И горячее.

— Знаешь, с тобой можно разговаривать месяцами, — говорит она вместо ответа. — У тебя поразительная способность слушать. У вас эти схемы используются последние пятьдесят лет, и ты наверняка знаешь все это гораздо лучше меня. А слушаешь так, будто я сообщаю тебе что-то новое. Ты знаешь, русские мужчины совсем не умеют слушать женщин. Особенно если женщины говорят о бизнесе. У меня такие коллеги, сокурсники по бизнес-школе...

Ты ходишь в бизнес-школу? Даже не знал. Или просто забыл?

— Все-таки ты американец! — Лена гладит меня по руке, подставляя губы для поцелуя.

Я аккуратно прикасаюсь к ее губам, проводя по ним кончиком языка. Вообще-то она дико сексуальна, несмотря на все эти бизнесовые заморочки. И сегодняшним вечером можно было бы, в принципе... но не могу, у меня Катя по плану.

— Born in the USA, I was, — тихо напеваю я, — born in the USA, I was...

Подходит официант, мы заказываем горячее и вино. Оба выбираем телятину — впервые вижу, чтобы Ленка заказала мясо. Прощай, диета, — здравствуй, свадьба! Или в чем тут дело?

— Diet is over? — предполагаю я, и в это время звонит мобильный. Номер Кати. Интересно, почему все всегда происходит в самый неподходящий момент? Может, выйти в туалет и поговорить спокойно? Сбросить звонок и позже перезвонить? Ага, и тогда Катка решит, что я слился, и не подойдет к телефону. Вариантов нет.

— Алле, — отвечаю я, стараясь казаться как можно более невозмутимым.

— Привет, это я! — весело щебечет Катя. — Только освободилась. У нас все в силе сегодня?

— Да, конечно!

— Слушай, я хотела спросить, а мы там долго пробудем? На дне рождения.

— Не думаю, что это займет много времени. — Мне приходится отвечать дубовыми штампованными фразами, чтобы не попасть. Я смотрю на Ленку. Она внимательно смотрит на меня, потом отворачивается к окну, делая вид, что не слушает разговор.

— А как ты думаешь, могу я с собой подругу взять?

Ты дура? Зачем?

— Если хочешь, бери, конечно!

— Ты не можешь говорить? — интересуется Катя обиженно. — Если занят, я перезвоню!

— Я тогда сам тебе перезвоню и договоримся, когда и где встретиться, окей?

— Хорошо, как скажешь.

— Супер!

— Ну, пока. Целую, — прощается Катька, но не кладет трубку. Скорее всего, проверяет, с кем я.

— Целую, — как ни в чем не бывало говорю я, и отключаюсь.

— С кем это ты любезничал? — интересуется Ленка.

— С мамой, — не нахожу я ничего лучшего.

— У твоей мамы такой молодой голос?

— Да и я не старик, honey, — улыбаюсь я.

— Она приезжает?

— Нет-нет. Просто мне нужно встретиться с семейным адвокатом. Он в Москве. Какие-то документы привез.

— Странно... с матерью говоришь, не вставляя английские слова...

— Она меня учила русскому, и я с детства привык говорить с мамой только по-русски. Бывает сложно, но это же мать...

— Ну да... знаешь, всю неделю дико хочется мяса. — Ленка меняет тему разговора. — Просто истерика какая-то!

«Хорошо, что не соленого», — думаю я.

— У тебя нехватка белка. Часто в спортзал ходишь?

— Нет, Андрюша, это ты часто ходишь на совещания, — вспыхивает Ленка.

Так-с, пошли предъявы. Они все сговорились к концу недели. Точно!

— Honey, главное — не количественные, а качественные показатели. Тебе как экономисту это известно.

— No doubt, — кивает Ленка. — Но ты знаешь, — бывает трудно получать качественные показатели из ничего.

— What do you mean? — уточняю я.

— I mean, что мы могли бы спать вместе чаще. Если бы ты меньше совещался, — Ленка отламывает кусок хлеба и проглатывает его, как кобра мышку на канале «Discovery». — Мы стали заниматься сексом раз в неделю. Если повезет.

— Послушай, зайка, на этой неделе мы как минимум занимались сексом дважды. — Я достаю сигарету. — Или ты не заметила?

— Я заметила. Просто на прошлой неделе мы вообще не трахались. — Она снова отламывает хлеб (сколько же можно его жрать?). — Я делю два раза на две недели, получается — раз в неделю. Я же экономист. Вообще наш секс напоминает секс пожилой супружеской четы.

Приносят вино. Официант наполняет бокалы, я закуриваю и раздумываю, как бы поаккуратнее соскочить с вязкой темы. Понятно, что все девушки, считающие себя постоянными, в какой-то момент принимаются обсуждать недостаток секса. Это у них типа заигрываний: «Мы с тобой скатываемся к семейному сексу». Или: «Наш секс напоминает секс пожилой супружеской четы». Чистые кривляния. Если тебе, дорогуша, хотелось бы разнузданного секса, ты бы говорила о ночных тусовках, а не о свадьбе. Вот парадокс, да? Сначала стремится всеми силами стать этой самой супружеской четой, чтобы потом упоминать это словосочетание применительно к скудному сексу!

— Ну, я готовлюсь, — пытаюсь отшутиться я, — образовать супружескую чету, и все такое.

— Ты начал с самого главного, дорогой. — В ее голосе появляются супружеские нотки. Или она просто пьянеет? — Может быть, у тебя кто-то есть?

— Конечно, есть. — Я пытаюсь раздражаться, но это весьма трудно, когда говоришь правду.

— Ты серьезно? — Лена делает судорожный глоток вина. — И давно?

— Давно. Конечно, давно. У меня есть CEO, у меня есть финансовый контролер, у меня есть head office в Штатах. — Я крошу сигарету в пепельнице. — Еще есть аудиторы, не такие sexu, как ты, зайка, но есть. У меня есть ambassadors, которые прилетают пару раз в месяц и почему-то жаждут посмотреть не на отчеты, а на Moscow by night. И если я не буду показывать им nice places, через полгода им это примется показывать кто-то вместо меня, понимаешь?

— Да, конечно, multinational corporation, — Ленка хмуро кивает, но вздыхает с явным облегчением.

— Yeah, multinational, зайка! — Я вытаскиваю еще одну сигарету, чтобы соответствовать образу «рассерженного». — Ты сама в такой работаешь, правда? Когда тебе дадут пост партнера, ты будешь исполнять same tricks. Наша карьера зависит не от наших знаний, а от умения правильно общаться с коллегами. Или ты первый раз об этом слышишь?

— Судя по частоте твоих ночных передвижений по клубам, ты в ближайшее время получишь head of Moscow office. — Лена выхватывает у меня сигарету. — Хватит садить одну за другой!

Теперь я и в самом деле взбешен. Мне стало настолько обидно за себя... ну, то есть, не совсем за себя, а за того парня, который действительно мог бы работать в WalMart. Представляете: ты строишь карьеру, лижешь задницы придуркам из центрального офиса, выгуливаешь их по клубам, чтобы они подтвердили твою лояльность компании и написали правильный report, тратишь свое здоровье бессонными ночами, а потом твоя, типа, девушка еще и выговаривает тебе за это! Fuck, а не для вашей с ней совместной жизни ты крутишься, как сраная белка, а? А потом это никто не ценит. Да что там не ценит, еще и ерничает по этому поводу! Head of Moscow office — да ты сама-то кто? Пять лет пашешь в своей конторе и до сих пор не получила ни одного продвижения!!! Телки строят карьеру двумя способами — постелью или профессиональными навыками. Ты, зайка, не имеешь ни того, ни другого. А еще и на меня гонишь! Ну не тварь, а?

Я настолько вошел в роль, что готов ей пепельницей засветить. Чистый Станиславский — эх, жаль, потерял меня театр! Может, в кино попробовать? Стоп, стоп, relax, man! Это не твоя жизнь, ты не работаешь в WalMart. Тем не менее, то, что Ленка — глупая сука, не отменяется.

— Nice joke! — Я отбираю у нее сигарету. — Bingo! А ты, вероятно, для этого учишься в бизнес-школе, да? Может, это wrong way, honey? Может, просто поучиться клубным танцам? It's much easy!

Ленка краснеет. Я делаю глоток вина, вытираю губы салфеткой, швыряю ее на стол и валю в туалет.

В кабинке я думаю о том, что все указывает на скорый финал отношений. Причем всех. Телки просто объявили мне войну, не иначе. Одна упрекает в несерьезности, другая — в том, что ей не хватает секса. И за всеми этими прогонами кроется хищная суть обеих подруг — алчность собственниц. Представляю, что начнется, согласись я жить с Риткой или жениться на Ленке. Дойдет до ежедневных почасовых отчетов: где я, с кем, что ем, что пью, почему пью и так далее. Приход домой на час позже — срок, появление дома под утро — расстрел. Это просто геноцид! Тридцать седьмой год! ГУЛАГ! Дахау! Контрацептивный лагерь! То есть концентрационный... конечно, концентрационный... С ними с ума сойдешь. Все, на следующей неделе завязываю. Вадим отдаст бабки, отыграю корпоратив, и прощайте, подружки дней моих суровых! Все — могильник отношений, увядшие цветы на гробовой плите, и надпись: «Помним, любим, скоблим...» и грамм кокса с клубной картой — телкам от Миркина.

И ведь что обидно: кругом сплошные условия — «встречусь с Вадимом», «отыграю корпоратив». Никогда в жизни больше не буду зависеть в бизнесе от телок. Потом не прыгнешь. Если бы не эти два события, решил бы проблемы еще вчера, схлестнув обеих друг с другом. Ладно. Осталось два дня, а там...

А там я начну красивый роман с Катей. Никаких тебе понтов, придумок, запутанных схем и вранья. Хотя нет, я же ей успел наврать про совладельца «Одиозного». Все не слава богу... С другой стороны, это ерунда — я же правда там работаю. Пойди докажи, что я не совладелец — может, у меня папа основной инвестор журнала. Ладно, разберемся. Главное — есть план: быть самим собой! Первый раз в жизни! Стать то есть. Элегантные ухаживания, цветы, никакого спонтанного секса в клубных туалетах, медленное развитие событий... Стоп! А как же сегодняшний день рождения Лехи? Ну ладно... допустим, я к ней там приставать не буду. Подожду до вторника, когда расстанусь с этими пираньями. В общем, красивый роман в плане. План Миркина — победа России! И купидоны на рекламных щитах по всему Садовому кольцу...

Я набираю Каткин номер, предлагаю заехать за ней, она отнекивается, почему-то говорит, что ей неудобно, я пытаюсь выяснить причину, в итоге договариваемся встретиться на Остоженке в половине девятого.

Я отключаюсь и немедленно впадаю в паранойю. Катя мне не доверяет?! Мало того что берет с собой подругу, так еще и не хочет, чтобы я за ней заезжал. Не хочет, чтобы я знал ее адрес? Боится? Как-то сложно все...

Возвратившись в зал, смотрю на Лену. Она уставилась в окно с абсолютно застывшим, лишенным каких бы то ни было эмоций лицом, словно и не было десять минут назад никакого конфликта. Грусть, раздражение, переживание, обида — ничего из вышеуказанного не отпечатывается на ее лице. Оно абсолютно ровное. Я делаю шаг вперед, Ленка оборачивается, и мы встречаемся взглядом. Ее глаза выражают испуг. Я смотрю в них, ощущая себя так, словно поймал ее на месте преступления: например, читающей эсмэску в моем телефоне или роющей в карманах моего пиджака, или выходящей из автомобиля с моим приятелем за рулем... Бред какой-то! Чего ей бояться-то? Может, ей кто позвонил? Может, она тоже кого-то встретила (хе-хе!), как я вчера в «Шанти»? Я быстро оглядываю зал, но не нахожу ничего, что можно истолковать как нежелательную встречу. Вокруг нас сидят преимущественно пары. Девушки увлечены своими мужчинами, мужчины — девушками, лица всех присутствующих светятся любовью и радостью. Хотя не исключено, что каждая девушка могла сидеть вчера за этим же столом с мужчиной, сидящим сегодня с ее подругой. То же касается и мужиков. В общем, потенциально все падлы.

Подойдя ближе, снова смотрю на Ленку и отмечаю, что испуг прошел. Она смотрит на меня как обычно, теплым, слегка печальным взглядом. Даже можно сказать, опавшим. Вроде как инцидент исчерпан, все признали свою неправоту, простили друг друга, поженились, потом жили счастливо и умерли в один день. Я сажусь за стол, Ленка немедленно берет меня за руку, и не давая мне и рта раскрыть, говорит одними губами:

— Прости...

И тут я понимаю, что заставило ее испугаться. Просто я застал ее врасплох! Никого она тут не встретила, и никто ей не звонил. Просто... просто она *расслабилась*... забыла, что после такой сцены ей следует как минимум *нервно комкать салфетку*, а как максимум — *разрыдаться*. Я действительно зашел не вовремя. Она не успела надеть нужное выражение на лицо...

Нет-нет, я придумываю. Она устала от моих бесконечных эскапад, вымоталась, запуталась и не знает, что дальше с нами будет. Я даже готов поверить, что она напугана тем, что сейчас, когда наш роман подошел к кульминации, я могу соскочить. Плюнув ей в сердце, забыв про сделанное (увы, не мной, от чего еще страшней) предложение. «Уйти, не простившись», «закрыть дверь в будущее», или как еще такие сцены именуются в женских журналах? Я готов поверить, что ее лицо мне просто показалось *ничего не выражающим*, что мне померещился ее испуг. Я готов признать, что в последнее время много курю и пью, поэтому начинаю страдать визуальными галлюцинациями и наш конфликт мне просто приснился, пока я был в туалете. Я только не готов поверить в то, что ей, как и мне, абсолютно все равно... Любовь, секс, страсть, чувства, измена, свадьба — абсолютно все. Просто декорации.

— Нет, это ты меня прости, — автоматически отвечаю я. — Что-то я совсем заработался в последнее время. Нужно что-то менять... нужно что-то менять...

— Ты устал, — проникновенно говорит Лена. — Иногда я ненавижу себя... я... я боюсь тебя потерять...

Мне стоило бы посмотреть ей в лицо, но я все еще под впечатлением случайно увиденного. Всеми силами я стараюсь прогнать мысль о том, что Ленка играет, как и я, но ничего не получается. Мне нужны доказательства, что все это *просто показалось*. Чтобы заставить себя посмотреть ей в лицо, использую последний козырь:

— А где будем играть свадьбу? Может, поедem в Питер?

В голове стучит: «не пались, придурок, используй почаще английский!» Я поднимаю глаза и вижу, что Ленкин носик покрывается смешными морщинками, и она начинает

всхлипывать. По инерции я перевожу взгляд на бутылку, отмечая, что ее содержимое заметно убавилось.

— Honey, what's wrong? — Я наклоняюсь к ней, начинаю утирать слезы салфеткой и даю пару косяков по сторонам.

Фак, ненавижу сидеть в публичном месте с плачущей телкой! С другой стороны — это ли не доказательство ее искренности?

— Я такая дура? — всхлипывает Ленка. — Прости, я перенервничала, я совсем не хотела говорить о сексе, об этой чертовой работе... понимаешь... понимаешь, я просто не знала, как начать. Мне не хотелось сразу это обсуждать... просто...

Она допивает вино, а я ставлю бутылку поближе к себе.

— Я думала сказать тебе потом, когда мы домой поедem. Ты знаешь... я... у меня...

— Лена, что случилось?

— Понимаешь... у меня задержка.

Почему-то хочется спросить «Мать знает?», но вместо этого озвучиваю идиотское:

— В смысле?

Я смотрю на Ленку и не знаю, то ли мне расстраиваться, то ли смеяться. С одной стороны — по шкале Миркина страх внеплановой беременности занимает второе место после венерических болезней. С другой — неизвестно что хуже: врущая телка или телка беременная?

— Задержка... где-то неделю... кажется, неделю... Уф-ф-ф... это многое объясняет.

— А ты уверена? То есть... ну... что ты...

— Залетела? Нет, конечно. У меня так бывало пару раз — цикл неустойчивый. Потом я антибиотики пила в начале месяца, когда простыла. — Ленка перестает всхлипывать.

— А ты не делала..?

«Прекрати мямлить и вести себя как полный придурок», — говорю я себе, но не очень-то помогает.

— Тест? Завтра собираюсь сделать. Посмотрим. Кажется, она успокоилась, а вот меня, наоборот, стало колбасить. Нет, я реально идиот. Человек-Мудак. Знаете, есть Человек-Паук, а я — Человек-Мудак! Минуту назад готов был прыгать от радости оттого, что меня не обманывают (тоже мне, романтик), а теперь готов забраться под стол от неминуемо надвигающейся проблемы.

— А ты кого больше хочешь — мальчика или девочку? — неожиданно спрашивает Лена.

Больше всего я хочу Катю. А детей не хочу, я ж не педофил.

— Вообще-то не думал об этом, — честно признаюсь я. — Наверно, мальчика.

— Да? Обычно дочь больше привязана к отцу, чем сын. — Лена мечтательно поднимает глаза к потолку и продолжает: — Вообще считается, что мужчины больше любят дочерей...

Что считается? Кем считается? Вообще какого черта разводить эти пустые базары? Лучше всего это описывается твоим любимым словом-гирей «оверэстимейтед проблем». Ты сначала уточни, беременна или нет, потом выясни, хочу я ребенка или не хочу, а потом уже мычи: «мальчика или девочку», «а какого знака Зодиака?» и прочую пургу. Я неспешно наливаю себе вина и говорю:

— Вообще-то, дочка — это cool...

— Дочка — это потрясающе, — оживляется Ленка. — Знаешь, когда я была маленькая, мы с отцом...

Дальше начинается мутный рассказ про какие-то поездки с отцом в парк, про аттракционы, про то, как они целую неделю провели на море, ожидая приезда матери, и как отец позволял ей любые шалости, и еще про смешных бабушек, торговавших на пляже вареной кукурузой,

и про леденцы на палочке, и про мидии, жаренные на противне, и про все такое, отчего у меня мозги начинают запекаться, как эти самые мидии на противне. Противень. Какое идиотское слово! Меня клонит в сон то ли от вина, то ли от Ленкиного рассказа, а скорее, из-за того, насколько я перенервничал за последний час. Я начинаю медленно впадать в анабиоз, как вчера с Риткой. Признайся мне сейчас Ленка, что на самом деле она говорит не про отца, а про отчима и в первый раз подарила свои неумелые ласки не сокурснику, а ему, меня б и это

не особенно взволновало. «Что-то такое я и подозревал», — ответил бы я. Реально, так бы и ответил.

А что если она действительно беременна? Бр-р-р... лучше об этом не думать. Нет, а если так оно и получится? Предложить аборт? Ага, конечно, она тут же исполнит тургеневскую барышню с обмороком. Откажется, непременно откажется. Она замуж хочет, или ты забыл, даун? Что потом? Бежать? Сменить телефонный номер, свалить в Питер? Ну, она девочка продвинутая. Подключит родителей, знакомых... потом звонок в дверь, «менты поганые, понятия... из-под кровати "узи" и "калаш"...» Так, все. Хорошо. Я допиваю вино...

— Вообще, маленькие дети очень смешные, — ловлю я окончание Ленкиного пассажа.

— Дети — это хорошо, — не своим голосом говорю я.

Поздравляю тебя, мистер Миркин! Наконец-то ты докатился до быдло-присказок. Скажи еще: «дети — это прикольно», или: «я детей уважаю», а еще лучше: «для нормального мужика дети — главное». Все, складываем «Paul Smith» в шкаф, приобретаем спортивный костюм и пуховик для прогулок с коляской. Приплыли, собственно.

— Знаешь, мне кажется, что у нас с тобой получатся потрясающие дети, — вкрадчиво продолжает Ленка. — Потому что дети, зачатые в любви, очень красивые.

И этой народной мудростью она вбивает последний гвоздь в мою бедную голову. Бежать утопиться в Патриаршем пруду? Или просто бежать?

— Я провожу тебя и поеду к отцу. Сообщу ему, чтобы готовился стать дедом. — Мне кажется это неплохим предлогом для окончания нашего томного и, блин, пленительного вечера.

— Ты сегодня у меня останешься? — Лена поднимает на меня пьяные глаза.

А с Катей за меня кто будет встречаться? Тупак Шакур?

— Я думала, в такой вечер мы...

И это вместо падения на грудь и поцелуев в качестве награды за смиренную готовность стать мужем и отцом ребенка? Я потираю переносицу:

— Нонеу, не знаю, как тут, в России, а на Западе принято такими новостями немедленно радовать родителей. Старик будет счастлив. В конце концов, пора бы нам уже и родителей познакомить! Don't you think so?

— Ты читаешь мои мысли! — Ленка смеется. — Вот, наконец, и расскажешь моей маме, когда ее дочь произведет на свет внука или внучку. Она мне весь мозг проела: «Лена, тебе уже столько-то, Лена, в твоём возрасте...» Она с удовольствием будет растить ребенка. Я после родов собираюсь сразу вернуться на работу. Кстати, хорошо, что у нас «белая» зарплата — декретные получу полностью. Моя подруга...

И опять пошло-поехало. Подруга получала «верную» зарплату, ей выплатили какие-то слезы, хорошо, что у нее муж — серьезный адвокат с хорошим заработком. Да-да, бедная молодая мама сидела в особняке в Подмоскovie и оплакивала свою нищенскую долю. Еще бы посетовала на то, что государство ей, молодой матери, жене серьезного адвоката, совсем не хочет помочь!

Потом понеслись темы дороговизны детской одежды, проблем с нянями, болезней и дач — за каких-то двадцать минут вся супружеская жизнь промелькнула перед моими глазами, и я резко ощутил себя дедушкой, сидящим здесь с Леной, своей женой (когда-то очень красивой, а теперь изрядно располневшей: все-таки двадцать лет вместе — срок, как ни крути). Нет, конечно, я не молчу: выпито больше половины бутылки, и это помогает мне беседовать практически на любые темы, от парникового эффекта до внематочной беременности. Я делюсь какими-то историями из жизни коллег (пришлось вспомнить разговоры в курилке), пересказываю случайно прочитанные журнальные заметки о воспитании детей. Я высказываю мнение, что теннис лучше танцев, а иностранный язык нужно изучать с пяти лет. Я соглашаюсь с тем, что няня непременно должна быть из бывших учительниц начальных классов, а бывшие воспитательницы детских садов не катят (хотя разница неочевидна). Я вместе с Леной возмущаюсь родителями, одевающими своих детей в бутиковые шмотки: «и это с трех лет!», хотя чуть было не ляпаю: «круто!». В конце концов, мне захотелось закончить наш диалог чем-то вроде: «Теперь, когда мы обсудили все темы,

актуальные для приличной московской семьи, и выяснили, что мы хорошие родители, любящие супруги и просто офигенные люди, не лучше ли нам расстаться не начиная? Наша будущая жизнь настолько очевидна и расписана, что не стоит ее и проживать. Давай попробуем прожить ее как-нибудь по-другому, зайка? И, желательно, каждый по-своему».

Но, как ни странно, чудесную беседу заканчивает Ленка:

— Слушай, я что-то уже нетрезва. Давай попросим счет!

«С удовольствием!» — хочется заорать мне, но я просто подзываю официанта.

Перед тем как покинуть ресторан Лена заходит в туалет. Я провожу в ее ожидании пять, семь или даже десять минут, пялюсь в окно и уже подумываю о том, не пойти ли ей помочь, как вдруг мимо витринного окна проходит компания вчерашних питерских во главе с Ритой, шагающей походкой гида-экскурсовода, по ошибке нажравшегося бутиратов.

Я оборачиваюсь к двери туалета, но, по счастью, Лена еще не вышла. Долго не раздумывая, я сигаю в соседнюю дверь (какое счастье, что в «Павильоне» туалеты у входа!). Приоткрыв дверь, я подсматриваю в щелочку за происходящим. Пусто. Может, мимо прошли? Или стоят и курят на пороге, как пэтэушники? Из соседней двери выходит Ленка. Она тормозит перед входом, оглядывается, возвращается в зал, смотрит по сторонам, наконец разворачивается, идет обратно, проводит минуту перед зеркалом и направляется к выходу. В дверях она сталкивается с Ритой и питерскими. Я холодею, дергаю дверь туалета на себя и закрываю глаза. Чего ты боишься, придурок, они незнакомы! Интересно, какого черта Ритку потащило в «Павильон? Шли бы в клуб, что ли!

А, сегодня же воскресенье. Ну, тогда в «Кофеманию», «Шоколадницу», или я не знаю куда. Какого черта из семи сотен московских ресторанов нужно выбрать тот самый, в котором сегодня я? Черт, не нравятся мне такие совпадения. На ум приходит очередная народная мудрость: «сколько веревочке ни виться...», но я оставляю ее колхозникам.

Выглянув в свою смотровую бойницу, я уже не вижу ни Риты, ни Лены. Первая в ресторане, вторая на улице.

Или наоборот, гы-гы-гы-гы. Делаю глубокий вдох, открываю дверь и, проскочив небольшой холл, выскакиваю на улицу. Ленка стоит на ступенях и вертит в руках мобильный:

— Ой, а я тебе эсэмэску хотела набрать или позвонить...

— А я зашел в туалет, потом вышел, а тебя уже нет, — говорю я, увлекая ее в сторону переулков. — Пробежался по ресторану, потом подумал, что ты на улице. Пойдем прогуляемся? Сегодня замечательный вечер. Особенный...

— Ты сегодня такой романтик! — Ленка прижимается ко мне. — Просто чудо!

— Это ты чудо, — отвечаю я, целуя ее в щеку. Переулками мы выходим на Садовое кольцо. Там ловим бомбилу, плюхаемся на заднее сиденье, Ленка кладет мне голову на плечо и засыпает. Мы проезжаем туннель под Садовым, затем минуем поворот на Петровку и поворачиваем на Цветной бульвар. Дорогой я думаю о том, что можно было бы послать Вадима с его «джинсой» к черту и расстаться с Ленкой прямо сегодня. Довезти до дома — и адьос. А может, она не залетела? Чего тогда горячку пороть? В общем, как-то сложно все...

На стене какого-то дома снова попадает эта дурацкая надпись «ЗАЧЕМ»?

— Действительно, — вслух говорю я.

— Что? — переспрашивает проснувшаяся Ленка.

— Что ты говоришь? — идиотничаю я.

— Мне показалось, ты что-то спросил.

— Нет, тебе просто показалось.

— Да? Ну ладно. — Она окончательно просыпается и прислоняется лбом к стеклу. — Какой сегодня потрясающий вечер!

— Да, зайка, — киваю я и снова обнимаю ее, глядя на уличные часы.

Без десяти восемь. До встречи с Катей осталось чуть больше часа.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

*Вам не хорошо — не плохо, не холодно —
не жарко, потому что вы все, суки
обторченные, давно уже сдохли и попали
в рай...*

Ian Schrager, владелец клуба «Studio 54»,
весна 1978

Остановив такси у «Кропоткинской», подбираю девушек, и мы подъезжаем к нужному нам дому на Остоженке. Находим второй подъезд, я набираю «18» на домофоне. После трех сигналов вызова пищит зуммер, и дверь открывается.

— А хозяевам что, неинтересно, кто к ним пришел? — спрашивает Катя.

— Да, действительно! — вторит ее подружка.

— Просто хозяева — очень гостеприимные люди, — улыбаюсь я. — Двери их дома всегда открыты!

Мы проходим мимо охраны, я называю фамилию владельца квартиры, и охранник с ухмылкой кивает. Перед тем как войти в лифт, Катя глядит на меня испуганно и спрашивает:

— Андрюш, а там безопасно?

— Что? — сначала я даже не врубаюсь в суть вопроса. — А! Да, конечно. Как в центральном офисе «Газпрома».

Видимо, удовлетворившись ответом, девушки робко входят в лифт.

На третьем этаже я звоню в дверь восемнадцатой квартиры. Один раз. Два. Три. Четыре звонка. Девушки перешептываются, косясь на меня.

— Музыка громко играет, — пытаюсь отшутиться я. — Не слышат.

Пятый звонок. Шестой. Седьмой. Я начинаю раздражаться. Достаяю мобильник, чтобы набрать Леху, но в этот момент дверь распаивается. На пороге стоит хозяин квартиры и сверлит меня остекленевшим взглядом. Из глубины апартаментов ухает Mattafix — «Big city life»:

*Big city life
Me try fi get by,
Pressure nah, ease up no matter how hard me try
Big city life.
Here my heart have no base
And right now Babylon de pon me case.*

— Мы на вечеринку, посвященную дню рождения Рыбалко, — официальным голосом говорю я. — Есть здесь такие?

— Есть, есть. Да далеко лезть, — смеется он.

— С днем рождения, — говорю я и представляю девушек. — Знакомься: это Катя, это Маша. Алексей, именинник.

— Очень приятно, — хором говорят они.

— Взаимно, — кивает Леха. Мы заходим в квартиру.

— Девушки, нам вперед, в гостиную. Первое время от меня не отходите, квартира большая, двухэтажная, плохо спланированная. Можно заблудиться, — говорит он скороговоркой. — Зато четыре туалета. Это очень удобно. А вы где учитесь? На втором в основном спальни, — не слыша ответа, продолжает он. — На первом — кухня, гостиная и еще какие-то комнаты. В половине я и сам не был. — Он чарующе улыбается. — Живу за городом в основном. Здесь тусую.

— Это удобно, — тут же делает на него стойку Маша. — Гостям ехать недалеко.

— Гостям как раз далеко, — гримасничает Леха. — Тут же почти все дачники. Селяне. Рублевские, одним словом...

— А-а-а, — кивает Маша, будто для нее подобные квартиры — обычное дело.

Мы заходим в огромную гостиную. Все пространство вдоль двух стен занимает коричневый угловой диван, на котором расположились гости, кто полулежа, кто полусидя. Человек восемь. Еще несколько человек сидят на полу, на больших квадратных кожаных подушках. Стереосистема затапливает гостиную киловаттами звука. На экране телевизора, стоящего в нише напротив дивана, транслируется фильм про животных. Видимо, «Discovery». В гостиной два огромных, в пол, французских окна. У одного из окон стоит длинный алюминиевый стол, уставленный закусками и выпивкой. У другого — диджейский пульт с вертушками для компакт-дисков.

— Граждане отдыхающие! — повышает голос Леха, пытаясь перекричать музыку. — У нас пополнение. Маша, Даша и Андрюша! Практически готовые герои телесериала!

Некоторые из сидящих на диване приветственно машут руками, некоторые представляются в ответ. Большинство даже не оборачивается в нашу сторону.

— Катя, — робко подает голос моя студентка.

— Что? — переспрашивает Леха.

— Катя, а не Даша.

— Конечно, Катя, а я как сказал? — Леха потирает переносицу.

— Вы сказали — Даша. Маша, Даша и Андрюша.

— Да?! Странно! Ну, не будем ссориться по мелочам, правильно? — Он картинно протягивает руку Кате. — Если тебе нравится, можешь называть меня Сигизмунд. Или еще как-нибудь. Если тебе нравится.

— Я буду называть вас по имени, можно? — злится Катя. — И вы меня тоже, окей?

— Окей! — соглашается Леха. — Какая она у тебя строгая, Дрончик!

— Да уж, это тебе не нефтетрейдерство. Тут серьезные расклады, — смеюсь я. Маша смеется вместе со мной. Катя вспыхивает.

— Ну, девушки, располагайтесь, угощайтесь, будут обижать — звоните 911 или на мой сотовый, а мы с вашим спутником вернемся через минуту. — Леха картинно кланяется, обнимает меня за плечо, выводит из гостиной и заговорщицки шепчет: — Мы сейчас на кухню сходим, по жирной. А?

— Ага, — киваю я. — Слушай, Лех, спасибо тебе за десятку. Я тебе верну до конца недели. Очень ты меня выручил!

— Говно вопрос, брат! — улыбается он. — Я тя прошу, давай без базаров о деньгах.

— Слушай, я вот еще чего спросить хотел. А что это за аббревиатура на твоём пригласительном? «МБХ» — это чо, типа пати, посвященное Ходору?

— Нет, это значит малобюджетная хуйня. Для знающих — значит, на вечеринке никаких там салютов, частной перевозки гостей на «джете» в Монако и прочих понтов.

— Для тех, кто в теме. В днэй пене, ночью в третьей смене — кого не увидишь никогда на измене, — с ходу импровизирую я, развожу в стороны мизинцы и указательные пальцы, затем скрещиваю указательные так, чтобы получилась буква «W». — Вест-Кост Лигалайз Бразерс ин да хауз.

— Да-да. Что-то типа того, — кивает Леха, изображая озабоченность. — Западное Дегунино Стайл!

На кухне, сияющей блеском стиля хай-тек, первым, что бросается в глаза, оказывается длинная барная стойка красного цвета, вокруг которой стоят курят несколько человек. Два практически одинаковых парня в чем-то рвано-джинсовом обсуждают, кажется, новинки автоиндустрии. За ними, прислонившись спиной к подоконнику, девушка в коротком розовом платье и высоких розовых сапогах. Молнии на сапогах почему-то расстегнуты, что рождает в моей голове два вопроса: у нее устали ноги (давно здесь?), или это последняя модная тенденция (неужели я что-то пропустил?). На голове у девушки большие диджейские наушники, а на поясе — i-Pod. Она качает головой в такт музыке и довольно громко подпевает. Хотя на кухне играет Мика, очевидно, девушка слушает другую мелодию. Вероятно, не особенно-то она доверяет музыкальным вкусам хозяина, раз приперлась со своим музыкальным центром. С другой стороны, возможно, в наушниках ничего и не играет, потому как глаза у девушки совершенно стеклянные, что говорит о том состоянии, когда музыка рождается

непосредственно в голове индивидуума. Налицо технический прогресс XXI века: много легких наркотиков, и никаких проводов. «Drug Stereo: Play your own music!!!» — приходит мне в голову отличный слоган. Надо будет продать дилерам, которые барыжат MDMA.

У другой стороны стойки стоит Влад из журнала «Афиша», сутенер Сережа и дилер Стас. Я по очереди здороваюсь со всеми, подхожу к девушке представиться, и в ответ на мое «Андрей», она смотрит куда-то сквозь меня и говорит: «На стойке». Я переспрашиваю ее, и, понимая, что добиться вразумительного ответа не удастся, оборачиваюсь и смотрю на стойку. Во всю длину столешницы, ровными, как из азбуки, буквами выведено:

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!

И, в общем-то, ничего примечательного эта надпись из себя не представляет, если не принимать во внимание то, что от двух последних букв остались только контуры, а сама здравица написана... кокаином...

Леха, заметив мои округлившиеся глаза, подходит ко мне, кладет руку на плечо и запросто, словно речь идет о новом телевизоре, спрашивает:

— Нравится, Андрюх?

— Ну да... — выдавливаю я. — Ничего так у вас... чистенько. Аккуратненько. И кто автор полотна?

— Да вот, друзья постарались, оформители, — смеется Леха.

— У них хорошо получается, — продолжаю я. — Им бы буквари издавать или детские учебники орфографии и грамматики.

Леха залиvisto хохочет. За ним начинают гоготать Влад и Сережа. Два джинсовых парня, услышав смех юбиляра, прерывают свои «майбахо-поршевые» темы и так же подобострастно смеются, поднимая бокалы. Только девушка продолжает подпевать и пританцовывать. Мне становится прикольно оттого, что моя шутка вызвала дружный смех коллектива, а главное — понравилась Лехе. Чтобы закрепить статус героя вечеринки и друга олигарха, развиваю тему:

— Интересно, где на такое учат? Отчего у некоторых такие таланты? Врожденное?

— «Отчего, сынок? Да оттого, что я жизнь учил не по учебникам, — поет в ответ Леха, — просто я работаю... Там-парам-парам-парам-пам. Просто я работаю волше-е-е-бни-ко-ом». Была такая песня в моем детстве, ты не помнишь, молодой еще.

— Типа рэп? — пытаюсь сострить я.

— Типа диско, — спокойно отвечает он. Затем делает сниф, передает мне свернутую трубочкой банкноту, смотрит на меня несколько усталым, но вместе с тем удивительно добрым взглядом и этак запросто говорит полувопросительно:

— Уберешь буковку?

В этот момент между нами идет обмен эмоциями. Мы оба настраиваемся на волну доверия друг к другу и бесконечного радушия. И я понимаю, что в этой волшебной атмосфере, принимая из его рук банкноту, мне, типа, нужно чего-то сказать в ответ. В голове вихрем проносятся варианты. От простого «С днем рождения» до усложненных «За процветание нефтяной отрасли», или «Молодое поколение готово принять эстафету у старших товарищей». Наконец, когда я почти уже собрался удачно сострить «Дай дорогу молодым», девушка у окна внезапно поднимает правую руку вверх, изгибает спину в очередной танцевальной позе, и с криком «she's a superstar» падает лицом вниз, как срубленная сосна. Внимание аудитории переключается на нее.

— Сногшибательный звук! — только и остается мне выговорить. И сделать сниф.

— Круто... — говорит сутенер Сережа.

Еще пару секунд все рассматривают лежащую на полу, затем снова возвращаются к своим беседам. Кухонное пространство наполняется словами «Майбах», «выбрали всю российскую квоту», «переработка», «сырец», «сардиния», «телочки из Ростова», «форум в Лондоне» и «перелетели "джетом"».

— Пойду я к гостям, — вполголоса произносит Леха и выходит из кухни.

Я, Сережа и Влад следуем за ним. В коридоре я оборачиваюсь и вижу, как один из джинсовых парней переступает через лежащую девушку, чтобы налить себе воды из стоящего у подоконника аппарата. «Все-таки на кухне нужно побольше пространства», — отмечаю я про

себя. Еще мне кажется, что трек «she's a superstar» играла на каком-то из фестивалей «Fortedance» симпатичная английская диджейка Lottie. «Дай дорогу молодым» я решаю запомнить, чтобы потом продать какому-нибудь клубу в качестве промо-слогана.

— Лех, а где у тебя тут туалет? — интересуюсь я.

— Зачем? Там же на кухне есть, — не понимает Леха.

— Туалет. В хорошем смысле этого слова, — повторяю я.

— А! — хлопает себя по лбу Леха. — До конца, потом за угол. В него и упрешься.

Я прохожу по коридору мимо комнаты с арочным входом. Из нее слышится «Lift me up» Moby и чей-то подпевающий голос. Стараясь не мешать уединившимся там людям, проскальзываю мимо, поворачиваю за угол и вижу дверь огромного совмещенного санузла.

Вернувшись в гостиную, я застаю Катю и Машу с бокалами шампанского в руках в окружении трех возрастных кексов и тюнингованной блондинки, которой хорошо за сорок. Один из кексов похож на Марата Сафина в пятьдесят три года (плюс живот, минус цепочки на шее и густые волосы). «Теннисист» что-то рассказывает, сопровождая свой прогон уморительной мимикой. Окружающие периодически раздражаются взрывами хохота. Катя также подхихикивает и прикладывается к бокалу — видимо, уже освоилась.

— Ну как вы тут, девушки? — говорю я, ввинчиваясь в ряды хохотунов. — Привет всем, я — Андрей!

— Ринат, — протягивает мне руку «теннисист», — очень приятно!

«Практически Марат», — думаю я. У Рината приятный бархатный голос и немного влажная ладонь.

— Лера! — подставляет мне щеку для поцелуя «возрастная». — А вы тот самый знаток ночной жизни? Молодой гений, как вас описывает Алешка? Взяли бы меня как-нибудь покататься!

«Спасибо, я не ебу животных», — я целую ее в щеку.

— Непременно возьмем. А то мы как школьники, вдвоем катаемся.

— Да, действительно, — продолжает она, но ее перебивает мужик, стоящий рядом с Ринатом:

— Виктор, — представляется он, поправляя очки.

Отдаленно он напоминает Вуди Алена. Очень отдаленно.

Третий, накачанный лысый тип с мясистым носом и пронзительным, колючим взглядом, руки не протягивает.

— Антон, — говорит он, чуть разжимая губы, и кивает.

«Тоже мне, индюк», — киваю я ответно.

— А что дальше было? — встречается Маша. — Вы занимались нефтью, а вы — лесом. Или наоборот? Впрочем, это не имеет значения. Что-то вы меня запутали совсем. — Она прыскает со смеху.

«Не торопись, тебя еще не запутали», — ухмыляюсь я.

Маша удивительно быстро накидалась. Или в закусок под буху? Какие стремительные теперь студентки!

— Я тогда только начал заниматься нефтью, — продолжает Ринат, — а Витя приехал ко мне в офис контракт оформлять. Была зима, а он в белом костюме. Ну чистый курортник. Только шляпы не хватало.

Все снова смеются.

— Пойдем покурим? — предлагаю я Кате на ухо.

— А здесь нельзя? — Катя поднимает на меня удивленные глаза.

— Здесь и так накурено, и потом, тут не поговоришь, все галдят. — Я делаю повторный заход. — Заодно дом посмотрим!

— Подожди, сейчас Ринат закончит, он так интересно рассказывает, — отвечает она шепотом. — И потом, Леша сказал, что вы с ним сейчас играть будете.

— Играть? На чем? — не врубаюсь я. — На пустых стаканах?

— Почему? На вертушках, — уверенно говорит Катя.

— А-а-а... только и остается...

— Шепчетесь, — подходит к нам сзади Леха. — Чего-то тебя долго не было. На кухню ходил?

— Не-а. В туалет.

— Ясно. Тогда пошли покурим, а потом поиграем? — предлагает Леха.

— Пошли! — Я поворачиваюсь к Кате: — Я сейчас вернусь.

— Ага, — кивает она.

Выходя из комнаты, я замечаю появление новых действующих лиц. На кухне уже нет девушки в розовом, джинсовых парней и Влада, зато присутствуют мои старые знакомые, промоутеры Игорь и Костя:

— Сто лет тебя не видел, чувачок, — обнимается со мной Игорь.

— Жора, где ты был? — хлопает меня по плечу Костя.

— Менты прихватили, я все слил! — смеюсь я. — А вы давно здесь?

— Да уже часа два, — отвечают они хором.

— А чего я вас не видел, хотя уже полчаса как приехал? — недоверчиво спрашиваю я. — Может, вы, чувачки, потерялись во времени?

— Лех, скажи, что мы давно здесь, чего он тупит! — призывает Костя.

— Они на втором этаже чего-то жрали, — меланхолично замечает Леха.

— А вам кухни мало? — Я обвожу рукой барную стойку. — Или запахло со шведского стола?

— Мы не по этой теме. Мы потом в «Гауди» поедem, на танцульки, — поясняет Игорь. — «Хочешь, я отдам весь "Первый", для тебя отдам весь "Первый" я», — пародирует он Земфиру.

Я внимательно оглядываю этих пациентов — почти одинаковые ядовито-зеленые спортивные костюмы, кроссовки на липучках, Игорь в плотно связанной шапке с надписью «I'm clean». Как я ее сразу не заметил?

— А труп убрали? — интересуюсь я.

— Владку-то? На втором этаже отдыхает, — поясняет Игорь. — Главное — не будить, а то бычить начнет.

— Ну что, молодежь? — Леха пытается сгрести нас всех в охапку. — По жирной, и в школу не пойдем?

Первым убирает хозяин, потом передает мне, я передаю Игорю.

— За тех, кто не дожил! — говорит он, перед тем как принять сниф.

— За тех, кто не должен! — поправляет его Костя. «Это точно», — мысленно присоединяюсь я.

— А вы ща играть пойдете? — спрашивает Игорь, оторвавшись от стойки.

— Ага. Сначала я, потом Дрончик. У-у-у-х-х, — Леха выкатывает глаза и замирает. — Хороший стафф все-таки.

— А ты чего играть будешь? — продолжает приставать с расспросами Игорь. — Опять попусу?

— Нет, жесткое минимал-техно. Питерское. Ща знакомые бутиратов подгонят, для полноты картины, и свистков.

— Для чего? — не понимает Леха.

— Чтобы свистеть. На рейвах всегда все прыгают и свистят! — Я делаю идиотское лицо, высовываю язык, приставляю к ушам растопыренные пальцы и прыгаю в танце, изображая объебоса.

Все начинают дико хохотать, видимо, каждый вспоминает свое. На меня накатывает сентиментальная волна позитива. Хочется со всеми обниматься и всех любить...

— Дрончик, может, первым отыграешь? — предлагает Леха.

— Говно вопрос, — улыбаюсь я.

— Дамы и господа! — кричит Леха с порога гостиной. — Объявляется перерыв на танцы! Я только что уговорил восходящую звезду мировой музыки гражданина Миркина исполнить свой зажигательный сет!

Народ начинает свистеть, топтать ногами и всячески выражать одобрение. Краем глаза я вижу, что Катя стоит в той же компании. «С ней через полчаса начнем», — решаю я. Меня

переполняют чувства, как если бы я выходил играть сет на открытии клуба «Мост». Прет, одним словом.

Я подхожу к вертушкам, поднимаю с пола коробку с дисками, минут десять копаюсь, пытаюсь понять, в какой последовательности возюкать. Отбираю штук двадцать — первым лежит русская попса восьмидесятых, вторым Глория Гейнор. Я заряжаю вертушки, наливаю стакан «Dewars», отрубая музыкальный центр и медленно вывожу первый трек, импровизируя по ходу:

— Рома Жуков — «Первый»... в смысле, «первый снег», — присутствующие понимающе смеются. — Дискотека в Доме культуры имени Рыбалко. Это вам не говносвалка! Все танцуют!

Через сорок минут комната наполняется смесью запахов алкоголя, различных парфюмов, пота и похоти. Одним словом — пахнет клубом. Вся компания дрыгается, не попадая в такт под Гейнор, «Кровосток», Mika, Madonna, «ABBA», Benassi, Элвиса Пресли, «Basement Jaxx», «Pulp», разбавленный откровенным говном типа «Виа-Гры», Димы Билана и «Блестящих». Я с удовлетворением отмечаю, что Катя потрясающе двигается, выделяясь на фоне окружающего мяса. Еще я замечаю, что эта падла Ринат начинает откровенно подкатывать к ней, но ему, по счастью, мешают трясущиеся Игорь с Костей, танцующие между ним и Катей. Маша пытается выдавать соблазнительное (в ее понимании) латино на пару с Витей. Выглядит это довольно пошло, но в целом Маша тоже ничего. Смесь алкоголя и наркотиков делает меня чрезмерно отважным, поэтому я решаю «дать мачо» и обломать мазу Ринату. Я подзываю Леху, который меняет меня за пультом, и подхожу к Кате сзади. Я прижимаюсь к ней, обнимаю за талию и начинаю двигаться в такт ее телу, исподлобья бросая косяка в сторону Рината. Тот отворачивается и начинает танцевать с возрастной Лерой.

— Ты потрясающе двигаешься, — шепчу я Кате на ухо, одновременно целую ее.

— А ты так играешь! — Она поворачивается ко мне, обнимает меня за шею и разворачивает в противоположную от Рината сторону.

— Я хочу тебя, — шепчу я Кате.

Она прикладывает палец к моим губам, глядя на кого-то поверх моего плеча.

— Пойдем наверх? — Я притягиваю ее ближе.

— Давай еще потанцуем? — Она отстраняется, и я на какую-то секунду чувствую себя абсолютно потерянным. Брошенным один на один с намечающейся эрекцией.

— Я от тебя с ума схожу, зайка! — говорю я ей.

— Здесь так весело, правда? — отвечает она.

— Издеваешься? — Я опускаю руки ниже ее талии.

— Вы часто такие вечеринки устраиваете? — улыбается она.

— Я тебя умоляю! Я только ради тебя это устроил! — Я тянусь к ней губами. — Ты у меня в крови.

— О, моя любимая песня! — Она поднимает руки вверх, закрывает глаза и начинает подпевать: «О-о-о-о, зеленоглазое такси». — Ее в «Дягилеве» часто ставят.

— Пойдем на кухню, проветримся! — умоляю я.

— Ой, пять сек, эсэмэсочку проверю, — хихикает она, хватаясь за передний карман джинсов.

В это время музыка внезапно умолкает, и я вижу, что Леху кто-то сменяет за пультом, а Катя отходит к дивану, где пересекается с Машей, и они вдвоем утыкаются в экран Каткиного мобильного.

Я, злой как черт, залпом хлопаю виски, отваливаю к окну и смотрю вниз, на редкие машины, проносящиеся по Остоженке.

— Сначала по одной, потом по половинке, — раздается шепот сзади.

— По «круглой» — и на танцпол, чувачок! — вторит другой голос.

Обернувшись, вижу Игоря и Костю с расплывшимися, словно пластилиновыми, лицами.

— Демоны, вы все еще тут? — хмыкаю я. — Вы же должны были в клуб отвалить!

— Кто?! Мы?! — хором удивляются они. — В какой?

— Нет, я, — передразниваю я этих клоунов. — Вы же на кухне трещали, что собираетесь в «Гауди»!

— Да? — Игорь вопросительно смотрит на друга. — Костян, мы разве собирались?

— Ну... ну, в принципе могли... — таращится на него Костя. — Дрон, и как ты все запоминаешь?

— Профессия — репортер, — тупо отшучиваюсь я, глядя мимо них на Катьку, уже без мобильного и Машки, зато с Ринатом. Сука, это она так со мной кокетничает, типа?

— А ты тут с кем? — интересуется Игорь.

— С девушкой, — показываю я на Катьку.

— Хорошая, — соглашается Игорь.

— Красивая, — подтверждает Костя.

— Ага, спасибо, — натянуто улыбаюсь я.

— А мы вообще-то решили не ехать. Чего в «Гауди» зря время палить? — говорит Костя, глядя на Игоря.

— А мы вообще-то еще не решили, оставаться тут или нет, — согласно кивает Игорь.

— Вы бы определились уже, братцы! — Я раздраженно раздвигаю этих обдолбанных баранов в стороны, стараясь пройти. — Хотя бы между собой!

— Не, точно не поедem, — отрицательно мотает головой Игорь.

— Не поедem ни за что! Чо мы, студентки, что ли? — поддакивает ему Костя. — Останемcя здесь. В тихом домашнем уюте.

— Какие молодцы! — Я понимаю, что в данный момент с ними лучше говорить как с четырехлетними детьми. — Просто хорошие ребята. В тихом уюте. Действительно. И почему говорят, что наркоманы — отбросы общества, ума не приложу. Правда, чуваки?

Ага!

— Ну чего, по «круглой»?

Где чья реплика, мне уже неясно. Протиснувшись между ними, я решаю пойти умыться, а потом увезти Катьку отсюда.

Дверь ванной комнаты заперта. Дернув пару раз ручку, я прислоняюсь к стене, достаю сигарету и закуриваю. Вдруг мое внимание привлекает странное поскрипывание или сопение. Осмотревшись, обнаруживаю неприметную дверь справа от туалета, там, где заканчивается коридор. Решив, что это скрытая спальня хозяина, я подхожу ближе, чтобы послушать, кто из знакомых там исполняет? Приложив ухо к двери, понимаю, что в комнате кто-то всхлипывает, причем довольно громко. Тихонько толкнув дверь от себя, смотрю в щелку и вижу, что в комнате, за столом, сидит мужик. Он обхватил голову руками, его спина сотрясается от рыданий, а на столе перед ним бутылка и стакан. Сомнений нет — Леха.

— Брат, ты чего? — я прикрываю дверь, подхожу к нему и сажусь рядом на свободный стул.

— А? — Леха оборачивается. Он выглядит то ли абсолютно пьяным, то ли абсолютно удолбанным. Слезы текут по его щекам, в общем, он себя мало контролирует. — Дрон? Ты чего... ты чего здесь делаешь?

— Я услышал, что кто-то плачет, и... зашел, — тихо говорю я.

— Зачем? Зачем ты зашел? — Он захлебывается в рыданиях и почти хрипит. — Какого черта ты тут делаешь?! Тебя сюда звали?! Тебе кто-то сказал, что ты здесь нужен?!

— Брат, все окей, — пытаюсь я остановить эту немотивированную агрессию, — если хочешь, я уйду. Просто я подумал, что... ну, типа, тебе нужна помощь...

— Мне не нужна... понимаешь... ик... — Леха смотрит на меня широченными зрачками, а я сижу и думаю, что надо бы резко валить, иначе этот рыдающий лось забьет меня насмерть. Да еще и отмажется потом, сославшись на психическое расстройство. Внезапно он опускает свои красные веки и продолжает:

— Мне не нужно ничего. Все. Плохо все. До тошноты плохо.

— Что случилось-то? — спрашиваю я миролюбиво.

— Да ничего... все... все они... — он резко притягивает меня за шею, наклоняется к моему уху и начинает жарко шептать, обдавая парами алкоголя и химии: — Ты понимаешь, что все они здесь пидорасы? Мрази конченые, твари, ублюдки, шлюхи, скоты, сволочи! В квартире нет ни одного нормального человека. НИ ОДНОГО, ВРУБИСЬ!

Я врубаюсь в то, что он сошел с ума, и сейчас придушит меня своими стальными ручищами.

— Лех...

— Молчи! Молчи, я тебе говорю! — Он слегка ослабляет хватку. — Слушай меня! Мне сегодня тридцать девять, и на моем дне рождения нет ни одного друга! Ты представляешь?! За тридцать девять лет я заработал денег, создал несколько бизнесов, приобрел дома, машины, квартиры — И НИ ОДНОГО ДРУГА. Их нет, понимаешь?! Одни пришли сюда, потому что со мной работают, другие потому что от меня зависят, третьи — потому что боятся. С кем-то я просто тусуюсь, с кем-то пью, этот продает мне наркотики, тот подгоняет телок. Они пришли, навалили мне кучу барахла — пошлые часы, какие-то мудацкие картины, уродские вазы, ручки, которыми я не пишу, компьютеры, которые я даже не знаю как включать. Они пришли и исполнили, понимаешь? Засвидетельствовали! Даже те, кто меня ненавидят, пришли, потому что зассали не прийти. Прикинь?!

— Угу, — мычу я, стараясь не вдыхать Лехиных испарений, дабы не усугублять собственное состояние.

— Тебе выпить налить?

— Нет, мне хватит уже, наверное.

— Значит, налить! — Он наливает водку в свой стакан и дает мне. — Пей, потом я...

Я послушно делаю пару глотков. Водка, которую я в обычной жизни не пью, резко обжигает гортань.

— Нет, ты подумай! — Леха допивает стакан. — Они все с собой принесли: наркотики, бухло, подарки, цветы, даже телок привели, «за уважуху»!

Это я, что ли? Я вообще-то с двумя только пришел, одна из которых моя.

— Лех, ну чего ты так все воспринимаешь? — Мне наконец-то удастся выскользнуть из его могучего зажима. — Может, люди от чистого сердца хотят тебе праздник устроить?

— КТО?! ЭТИ?! ПРАЗДНИК?! Ты их рожи видел?

— А что? Девушек тебе привели, знают, что ты холостой, может, познакомить хотят. Вдруг ты влюбишься, женишься? — Я понимаю, что он скорее всего прав, но тем не менее стараюсь сгладить ситуацию и поскорее отчалить из комнаты.

— Ха-ха-ха! На ком? На одной из этих тварей? — Леха сплевывает на ковер густую, абсолютно белую слюну. — Я должен влюбиться в одну из тех, кого привели? А потом жениться? Я те ща расскажу за брак, пять сек!

Он идет к шкафу, долго роется в нем, а я думаю о том, что фразу про «пять сек» только что говорила Катя. Интересно, этот ублюдок Ринат от нее отстал? Леха возвращается и бухает об стол тремя альбомами.

— На, посмотри! — Из альбомов выпадают какие-то женские фотографии, анкеты. — Полюбуйся на этих телок. Красавицы! Богини! Кино можно снимать, «Девчата-2».

— Красивые девушки, — говорю я, перелистывая страницы альбома. На каждой по три-четыре профессиональные фотографии очень красивых женщин. — Да тут модельное агентство можно открывать!

— Агентство, ага. Точно, — Леха наливает себе еще стакан. — Я год назад решил жену себе найти. Зарядил пару московских агентств, одно украинское. Даже Листермана подключил. Каждому объявил сотку гонорара и по десять тысяч аванса отдал. Они мне этих богинь каждую неделю по паре штук присылали. На первый взгляд, девушки потрясающие. Не шлюхи, не модели — я просил только из провинции и только из интеллигентных семей, но чтобы красивых.

С одной такой скромницей проведешь красивый уикенд, потом начинаешь по своим каналам пробивать — оказывается, у тебя пол-Москвы молочных братьев. И эта скромная дочь учительницы из Брянска в свои двадцать три года уже прилетала в Москву и к этому, и к тому, и еще бог знает к кому. Паша ей подарил «Land Rover», Саша — кольцо, Гриша — квартиру. И на самом деле ниоткуда она не прилетала. Она в своем Брянске последний раз пять лет назад была, а из Москвы дальше Франции не выезжает.

— То есть все шлюхи? — Я отпиваю из его стакана уже ощущая его проблему своей. Удивительно, как быстро передается на таких вечеринках чувство братства. — Лех, тебе в метро надо ездить. Или в Киев переехать. Я там был в прошлом году, там еще не все ссучились.

— Киев? — Леха раздражается истеричным хохотом. — Киев — это да! Мать городов русских! Там-то, конечно, все другие.

— А чего, нет?

— Последнее агентство как раз было из Киева. Приехала ко мне его владелица, мы с ней до четырех утра анкету с требованиями составляли. Я думал, у меня всего пятнадцать пунктов требований к будущей жене, а оказалось — тридцать семь. — Леха снова раздражается нездоровым смехом. — К утру уже до резус-фактора дошли. Какой у моей жены он должен быть? Во вопрос, да?

— Это важно на самом деле, — серьезно говорю я. — С отрицательным аборт нельзя делать.

— Не суть. Эта баба мне и говорит в шутку: «Да сдались вам такие девки, еще и деньги на них тратить! Вот у меня дочь растет, 19 лет. Тихая, скромная, красивая!» В общем, пошутили и разошлись.

— Невест-то присылает? — переспрашиваю я.

— Присылает... присылает. — Леха замолкает и закуривает сигарету. Я повторяю маневр. Некоторое время сидим молча.

— А месяца три назад меня друзья познакомили в Киеве с девушкой, — снова оживает Леха. — Молоденькая, чистенькая, умная, учится в институте. Не меркантильная. Я влюбился как мальчишка — всю Европу с ней объехал, засыпал ее подарками — она каждый раз краснеет, отказывается, еле уговаривал. Хотел ей квартиру в Киеве купить.

— А чего не купил? Типа рано?

— Типа поздно ы-ы-кхы-ых-х! — Леха сильно закашливается, я стучу его по спине, он отстраняется. — Это алкашка на сигареты наложилась, сейчас выдохну... уф. В общем, звонит мне однажды эта баба, владелица агентства, и начинает истерить: «Алексей, оставь мою дочь, я тогда неудачно пошутила». Говорю: «Какую еще дочь?» Она мне: «Алину мою. Я, мол, знаю, ты с ней три месяца встречаешься». Я и говорю: «Да я ж не знал, что это твоя дочь! Я в нее влюбился, буду ей предложение делать!» А эта стерва не унимается: «Ты — плейбой, гуляешь от нее, и она в твоей Москве будет сидеть, как в золотой клетке, ждать, пока ты нагуляешься. А ты не нагуляешься никогда! Я же... она же... не знает... я же... тоже... она бедная девушка... ты сделаешь ее несчастной!» Короче, такой бред гонит!

— Фантастика! — честно удивляюсь я. — Бывает же такое совпадение!

— Ага. Не знала она, какой я. Как телок мне подгонять по десятке, это она знала. Их я, значит, несчастными не сделаю, а ее дочь непременно сделаю!

— Ну, она, типа, мать, — предполагаю я.

— Именно что «типа». В общем, лечу на прошлой неделе в Киев, встречаюсь с Алиной и во всем ей признаюсь. Что искал жену в агентстве ее матери, что теперь мать узнала о наших отношениях, я не знал, что она — дочь, и прочее. Люблю, трамвай куплю, хочу жениться, и непременно чтобы сразу детей. Много.

— А ты до самого звонка этой бабы ничего не знал? Не пробивал, что ли? — сомневаюсь я.

— Нет, конечно! Я ж тебе говорю — влюбился! ВЛЮБИЛСЯ! В общем, я ей начинаю рассказывать, а она так внимательно на меня смотрит (куда только робость делась) и говорит: «Леш, ты не парься, я знаю, что мать в курсе, не обращай внимания, она просто в долю хочет упасть!»

— В смысле?! — не понимаю я.

— В ПРЯМОМ! Сука-мать хочет упасть в долю на квартиру к суке-дочери! — Леха отпивает водки прямо из горла. — Алина мне говорит: «Ты же в своем репертуаре, да? Ты же — "кальмар"?»

— Это кто?

— Мужик, который одновременно поддерживает отношения с несколькими девушками без серьезных намерений.

А...

— «Ну, ты же не жениться на мне собрался, правда? Пока кольца и поездки шли, мать молчала, а как квартира всплыла, решила выступить, чтоб цену набить. Не обращай внимания. Она просто жадная очень!» — И все это сообщает мне любимая девушка, моя будущая жена...

— Ужас, — тихо говорю я.

— Ужас, — кивает Леха. — Раньше женщины пиздой брали города, а теперь — квартиры. Чувствуешь разницу?

Он снова начинает плакать.

— Андрюша, кругом одна падаль, такие дела! Любви нет, ничего нет, бабы стали телками, а мужики — кальмарами. Все фальшь, кидалово...

— Левый расчет, — дополняю я строчкой КАЧ.

— Левый расчет... послушай, что я тебе скажу, — всхлипывает Леха, — послушай меня. Ты эту девушку, с которой пришел, уводи отсюда. Вставай прямо сейчас и уводи. И никогда не появляйся с ней в местах, в которых мы с тобой обычно тусуемся. Не показывай ей все это. Она молодая, хорошая, у нее еще есть шанс. Главное — не испортить. Ты молодой еще, ты ничего не понимаешь. Береги любовь, если она есть. Не говори о ней никому. Спрячь за пазуху. Держи все в тайне, всем ври, рассказывай, что ты такой же ублюдок, как и остальные. Иначе они разорвут твои чувства. Растащат, превратят в свое обычное блядство. ИХ ВЫВОРАЧИВАЕТ, ЕСЛИ КТО-ТО НЕ ПОХОЖ НА НИХ! Им страшно становится оттого, что они когда-то были другими, но все просрали... беги... беги отсюда. Бери ее и беги...

Леха снова таращит на меня безумные глаза, и мне реально становится страшно. Я встаю, киваю и начинаю пятиться назад. Упершись в дверь, словно выдавливаю ее спиной и вываливаюсь в коридор...

Ошеломленный и подавленный, возвращаюсь в гостиную. Здесь народу заметно поубавилось. Я рыскаю взглядом по комнате в поисках Кати, но ее нигде не видно! Нет и ее гребаной подруги! В смятении бегу на кухню, но нахожу там только Игоря с Костей.

Они полулежат на диване и кажутся спящими. Только их дергающиеся в такт музыке ноги свидетельствуют о том, что на самом деле они не спят. Хотя то, как они выглядят, трудно назвать бодрствованием. По жизни, причем. Я подхожу к ним. Останавливаюсь и смотрю сверху вниз. Так проходит минуты три, затем Игорь приоткрывает левый глаз, фокусирует взгляд на мне и поднимает два пальца вверх. Они одновременно перестают дрыгать ногами, и Костя, не открывая глаз, спрашивает:

— Потерял чего? — после этой фразы они начинают глупо подхихикивать.

— Любовь, чуваки. Любовь потерял. Вы не находили?

— В смысле? — переспрашивает Костя.

— ГДЕ КАТЯ?!

— Да кто это? — говорят они хором.

— Моя любимая девушка, с которой я пришел сюда. Я вам ее показывал час назад! ГДЕ ОНА?! — ору я на них, понимая, что Катя, конечно, не выдержала нахождения в этом бардаке и свалила. Чертов Леша с его соплями! Вот так и просираешь шансы, которые тебе дает Судьба!

— Зачем тебе любовь, чувак? — говорит Игорь. — Она слишком сентиментальная. Сожри «Феррари», пойдй потанцуй.

— Вы точно придурки! Мне не нужно экстази, мне нужны чувства, врубаетесь?

— А... — тянет Игорь. — Ты про Катьку, что ли? Так она с Ринатом, наверху.

— С КЕМ??? ГДЕ???

— С Ринатом, с нефтяником, — вторит Костя.

— И это, по-вашему, нормально? Это такая офигительная норма теперь? Моя девушка наверху с этим козлом, а мои друзья совершенно спокойно мне об этом говорят!!!

— Твоя девушка... моя девушка... его девушка... какая разница? — устало ворчит Костя, не открывая глаз. — Подожди, Дрончик, скоро они спустятся, и будет опять твоя девушка.

И тут они снова начинают хихикать...

— Действительно, не век же им там сидеть, — говорит Игорь.
— Смотря на чем, — резонно замечает Костян, — смотря на чем, брат...
— Да пошли вы оба, свиньи!!! — ору я, чувствуя, как к горлу подступают слезы, разворачиваюсь и быстро иду наверх.

При слове «свиньи» мне вспоминается реклама на борту троллейбуса. Плакат изображал детскую передачу «Спокойной ночи, малыши!» со свиньей и зайцем. «Хрюша и Степашка, двадцать лет на "Первом"». Реально, сфотографировать бы сейчас этих обдолбанных кретинов да поместить на плакат антинаркотической кампании, снабдив тем же слоганом.

— Отлично выглядишь! — кричит мне в спину Костя.

Интересно, он все-таки открыл глаза или нет? Я оборачиваюсь и нахожу их в тех же позах, что и десять минут назад. Они снова кажутся спящими. И снова дрыгают ногами, пытаясь попасть в такт музыке.

На втором этаже три спальни, в каждой кто-то кряхтит, стонет, ойкает и хихикает. Я, как шпион или плохая горничная, поочередно обхожу все двери и прислушиваюсь к происходящему за ними. Мне безумно неловко, мерзко, стыдно, но самое главное — ужасно жалко себя. Я хлюпаю носом (от кокса или от слез — не знаю), вытираю рукавом глаза и подхожу к последней двери. Сомнений нет — из-за двери раздаются ублюдские «хи-хи» Машки и Катькин голос. Вот так...

Я закуриваю и, опустив голову, спускаюсь вниз по лестнице. Может, дверь им поджечь? Потом сломать о голову Рината стул? Или уебать вазой! Потом выволочь эту сучку Катю за волосы и избить ногами! А что это изменит? Кого, а главное, чему это научит? В следующий раз будет не Ринат, так уж точно Марат...

— Привет, красавчик, ты куда пропал? — вижу держащуюся за перила возрастную Леру.
— А я думала, ты уехал! — Она игриво улыбается и постукивает по перилам длинными гелевыми ногтями.

Я настолько не в себе, настолько раздираем злобой и отчаянием, что просто говорю ей:

— Пошли в ванную, — и, ухватив за талию, тащу за собой.

В ванной Лера садится на унитаз. Пока она пытается расстегнуть мне молнию на джинсах, ее лягушачий рот округляется, как у человека, который хочет выпустить кольцо дыма, и она подается вперед. Несмотря на три попытки, молния не расстегивается, впрочем, рот Леры все еще остается открытым. Она настолько бухая, что ее мозг работает, как «подвисающий» компьютер — следующая операция накладывается на текущую, в результате чего ни одна из программ не выполняется. Ситуация настолько комична, что я прикладываю руку ко рту, чтобы не засмеяться. Воистину смех сквозь слезы! Я смотрю на себя в зеркало и... черт, не может быть! Я замечаю у себя на виске седой волос. Вот тебе и любовь-морковь!

Я делаю полшажка в сторону и тянусь поближе к зеркалу, чтобы получше разглядеть висок. Лера, держась обеими руками за замок молнии, тянется за мной. Рот ее все так же полуоткрыт. Гупия какая-то! Лера мычит, я нервно рассматриваю волосы на виске, и тут кто-то начинает настойчиво дергать ручку двери.

— Занто, — пьяно мычит Лера. — Пд-ди обртно, мне неубно! — (Это уже мне.)

— Показалось! — выпаливаю я, так и не обнаружив седины, и делаю полшага к унитазу.

Лера резко дергает замок молнии, потом еще раз. Молнию заклинило.

— Бли-и-и-ин, слмалсь, — гундосит она. Дверь продолжают дергать еще настойчивее.

— Да кому там нейметса-то? — раздражаюсь я, вырываю замок молнии из цепких лап женщины-гупии,двигаю к двери и резким движением распахиваю ее.

На пороге качается один из джинсовых парней. «Girls want just sex and money», — влетают в ванную обрывки песни, орущей на всю квартиру.

— Але, ну сколько можно-то? — интересуется он.

— А чо, туалетов в доме мало? — наезжаю я в ответ.

— А чо все позанимали-то? Я уже третий обхожу, — неожиданно мирно продолжает парень.

— Я это... не один, врубаешься? — шепотом говорю я. Парень хватается за дверную коробку и наполовину втягивается в ванную комнату.

— 3-з-здас-с-сте, — пьяно ухмыляется он, — па-а-а-р-р-дон. Абсдача вышла!
— Ну, все-все, — выталкиваю я его обратно.
— Не, ну ты бы так и сказал, — продолжает он лыбиться. — А чо сразу ж занято, занято....
— Да-да, понятно, — я пытаюсь дернуть дверь на себя, но чувак вцепился в нее мертвой хваткой.

— А эта... ик... как ее... ик... неважно... Она ничего, да, чувачок?
— Жесть просто, — согласно киваю я, снова пытаюсь дернуть дверь на себя.
— Ну ты, это... расскажи потом. — Он наконец-то отпускает ручку двери, чтобы обеими ладонями обрисовать в воздухе женский силуэт, — Какая производительность, какие ресурсы, какой потенциал. Понимаешь?

— Понимаю, понимаю, — отвечаю я, закрывая дверь.
— Буэнос ночес! — из-за двери раздается пьяный ржач и удаляющиеся шаги.

Я выдыхаю и поворачиваюсь к Лере. Она сидит на унитазе, склонив голову набок и прислонившись спиной к стене. Ее глаза закрыты, дыхание ровное. Руки лежат на коленях, пальцы застыли так, словно она все еще пытается справиться с моей молнией. Рот Леры полуоткрыт.

Я плюю себе под ноги и валю из ванной. Возле двери почему-то сидит на корточках и что-то бубнит себе под нос джинсовый парень. Завидев меня, он поднимает голову и интересуется:

— Чо, все? Так быстро? Укатал до конца?
— Нет, — злобно бросаю я, — там еще осталось. Иди доеби!
Удивительно, но он послушно встает и двигается в сторону ванной. Такие дела...

На обратном пути я снова прохожу мимо комнаты с арочным входом. Там продолжает играть «Lift Me up» Moby, и кто-то подпевает. Судя по тому, что я прохожу мимо уже третий раз, мелодия играет на реверсе уже часа два, не меньше. Подпевающий, видимо, тоже на реверсе. Или еще на чем-то. Мне становится интересно, я делаю шаг в комнату и застываю на пороге. Во всей огромной комнате — только невероятных размеров жидкокристаллический телевизор на стене и кресло. На экране — клип Moby. В кресле перед телевизором, спиной ко мне, сидит огромный мужик, которого я не видел в гостиной, и подпевает:

— Lift me up! Lift me up! Higher and higher!

Я разглядываю его шею, и отмечаю, что она толщиной с бревно. Вот бычьё-то! Заслышав движение, мужик прекращает подпевать и кричит, не оборачиваясь:

— Закройте дверь!

Я в ужасе осматриваюсь и врубаюсь, что тут нет двери, только арка.

— Закройте дверь! — снова кричит он. Мне становится страшно.

— Закройте дверь, дайте музыку послушать! — орет он еще громче и порывается встать. Я прячусь за угол. Мужик встает, подходит ко входу в комнату, осматривает арку, и, естественно, не находит двери.

— Блин, нет здесь никакой двери! — раздраженно говорит он и садится обратно. Берет пульт, нажимает на кнопку и ставит трек на начало...

Я проскальзываю мимо арки и иду по коридору до кухни. Там уже никого нет. Я собираю со стойки остатки здравницы и делаю две жирные дороги. Убрав их, подумываю поскрести еще, чтобы забрать остаток с собой, но, вспомнив про ментов, решаю ехать пустым.

Оказавшись на улице, я одновременно думаю о Кате, о плачущем Лехе, об унижении, о спящей Лере, об удолбанных Косте с Игорем, которые, скорее всего, и уничтожили добрую половину надписи на стойке, наврав все, что это не их кайф. Еще я думаю о том, какой я несчастный, желаю Ринату скорейшей импотенции, Кате — всевозможных венерических болезней, а ее подруге (я все еще надеюсь, что именно Маша ее во все втянула, хотя какое теперь это имеет значение!) — бесплодия.

Сев в такси у ресторана «Ваниль», ловлю себя на мысли, что надо бы завтра узнать, чем же ширнули этого быка — фаната Moby?

Домой я приехал все еще в состоянии торча. Чтобы направить бушующую внутри энергию хоть в какое-нибудь русло, я начал перекладывать вещи в шкафу: джинсы, футболки,

рубашки, пиджаки. Дойдя до свитеров, вспомнил про безвременно ушедший от меня свитер, отчего немедленно погрузился в глубочайшую депрессию. Даже на пол сел.

Отвратительно! Причем все из-за телок. Раздеваешься где попало, а потом тебе говорят, что никто твой свитер в глаза не видел. Реально, на меня накатывает такая истерика, что хоть выходи на улицу и бей морду первому встречному. Или вали в клуб догуливать... В итоге иду в ванную и безуспешно мастурбирую там минут двадцать, прокручивая в голове самые сногшибательные образы — от групповухи в восьмером до двух молоденьких студенток, похожих на Кайли Миноуг. Вместе с образами студенток в мои фантазии вторгается Катя, разбивая подступающий оргазм в мелкие осколки. Фак! Сволочь, стерва! Мало того что искромсала мое только родившееся чувство, она у меня еще и право на онанизм отнимает! Я хватаю с полки шампунь и запускаю им в стену. Пластиковый тюбик отскакивает от стенки и чуть-чуть не долетает до кончика моего носа. Я уворачиваюсь — и вижу в щели, между стиральной машиной и стеной, потерянный свитер. Выудив его оттуда, я обнаруживаю на рукаве огромную дырку с влажными краями. Отпускает.

Все сжимается и становится каким-то мимолетным, врубаетесь? Вещи, служившие годами, превращаются в труху в течение месяца, любовные истории, разворачивавшиеся прежде на протяжении многих месяцев, теперь стартуют, развиваются и сходят на нет за три дня, даже эффект от употребления кокаина свелся к минимуму. Теперь все укладывается в тридцать минут: и необъяснимая радость, и энергетический подъем, и отпускающая истерика, и даже депрессия, которая теперь возникает не на следующее утро, а сразу же по приезде домой. Все вдруг стало каким-то сильно разбодяженным и поддельным — и чувства, и наркотики, и даже свитера Etro. Фэйк, одним словом.

Я выхожу из ванной, иду в комнату, врубаю компьютер и начинаю агрессивно читать в микрофон текст, вызванный нахлынувшими чувствами:

Фэйк — татары, косящие под хип-хопперов и танцующие брейк!
Фейк — левый тюнинг на «бэхе» в автосервисе у бара «Швейк»!
Фейк — телка говорит, что любит, облизывая шоколадный кейк!
Даже в ресторане стейк, поджаренный с кровью, и тот фейк!
Джинсы за четыреста долларов, в бутике на Кузнецком,
Кокос, вырубленный на улице Елецкой, Любовь... сводящая...
нет, не то...
...девушка Катя, сука на Праде турецкой...

— нет, говно какое-то...

Иссякнув, я отключаю микрофон. Господи, как же плохо-то... где-то в закоулках сознания рождается мысль о том, что имидж лузера-бунтаря хорошо продается. От этого меня мутит. Я тянусь за бутылкой колы, нервным движением наполняю стакан, расплескав на пол и колени. Залпом выпиваю колу, и минут через пять меня тошнит. Хорошо, что не на клавиатуру...

Упав на диван, я проваливаюсь в сон. Последнее, что я помню, — это звонок мобильного. Рита без прелюдий выпаливает:

— Ну, что, ублюдок, натусовался?! Под утро решил телефон включить? Есть новости! Я получила результаты анализов — у меня СПИД! Спасибо тебе, мразь!

Я осознаю, что смесь алкоголя и наркотиков еще и не такое может породить, и отключаю телефон. Точнее, мне мнится, что я его отключаю.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Sleeping well, no bad dreams, no paranoia
Radiohead. Fitter Happier

Неприятности начались с самого утра. Меня разбудили эти гребаные сатанисты, причем главарь принялся кричать в трубку, что так и не получил моего письма и что он надеялся на сотрудничество, а теперь у него все срывается. Припугнул его патриархией и милицией, сказав, что дел с сектантами не имею. Урод, блин! Интересно, кто же меня им порекомендовал-то?

Продрав глаза от дикой похмельной головной боли, я медленно пошевелился, потер ногу об ногу, почесал переносицу, высморкался в лежащую на тумбочку салфетку (весьма несвежую, надо заметить), посмотрел на исторгнутую носом консистенцию, привычно поморщился, встал, пару секунд выбирал между дорогой в туалет и к холодильнику и сделал выбор в пользу кухни. Открыв холодильник, достал двухлитровую бутылку колы. Вообще-то я не пью отстойную газировку, всякую гадость черного, оранжевого или карамельного цвета, напичканную Е-стабилизаторами, красителями «Солнце над Текстильщиками» и тому подобным дерьмом. Где-то в глубине души я надеюсь на то, что пепси, коки и спрайты вкупе с гамбургерами и чизбургерами производят исключительно для того, чтобы вызвать преждевременное ожирение, язву желудка, аритмию, косоглазие и болезнь Паркинсона у нескончаемой армии монтеров, водителей «газелей», разнорабочих, таджикских и молдавских гастарбайтеров, студентов непрестижных вузов и приехавших из провинции молоденьких шлюшек. Вся индустрия junk food и пропагандирующие ее рекламные корпорации заточены под то, чтобы побыстрее сжить со свету толпу, каждое утро заполняющую вестибюли метро или разъезжающую по улицам города на подержанных иномарках или уродцах отечественного автопрома. Пока международная индустрия только подсаживает их на эти генномодифицированные напитки и бутерброды, заманивая лозунгами «Два бигмака по цене одного» и «Обед всего за тридцать рублей», манипулируя снижением цен и дополнительными порциями, действуя как опытный дилер в спальном районе. Чувак в спортивном костюме и куртке «аляска», рассказывающий пролетариям про прелести героинового кайфа, до поры ширяющий всех бесплатно, пока все, наконец, не подсядут на иглу и не сторчатся. Реально, все они «на крючке у филе-о-фиш», ха-ха-ха. Прими напас — рабочий класс!

Я надеюсь, что в один прекрасный момент все эти люди обожрут до смерти бигмаками или у них пойдет горлом кровь, превратившаяся в колу, и они погибнут в страшных мучениях. Хотя приезжих телочек можно и оставить, определив их на работу в публичные дома в резервациях. Я надеюсь, что так оно все и задумано, во всяком случае, мне очень хотелось бы в это верить.

Так вот, всю эту гадость я стараюсь не пить, предпочитая свежесжатые соки или минеральную воду, но почему-то частенько нахожу ее у себя в холодильнике. Как она туда попадает — не имею представления. Уж я-то, во всяком случае, точно ее туда не ставлю и подозреваю, что это пойло приносят с собой телки или мои многочисленные друзья (те еще ублюдки, вообще-то) в качестве запивки. По уму, если мои друзья все это пьют, они мало чем отличаются от вышеперечисленных унтерменшей и так же, как те, рискуют сдохнуть в одночасье. Но что делать? Стремительное превращение мира в жопло не избавляет от потребности дружить, правда? Вот и я так думаю. В конечном счете, не все ли равно, от чего сдохнут мои друзья? От передоза, цирроза печени, автокатастрофы или драки в ресторане? На то они и друзья, чтобы не думать о них ничего плохого.

Вот с такими, прямо скажем, херовыми мыслями, я пью колу из горла. В голове торчит занозой какое-то воспоминание о вчерашнем дне. Что-то важное произошло. Или я что-то забыл, или... Катя? Не хочу... ненавижу, Ну зачем мне сейчас все это вспоминать, а? Голова начала болеть еще круче.

Господи! Что ж такое случилось с нами за это время? Мы так многообещающе начали, я было почти поверил в то, что «лучшее, конечно, впереди». И вот оно, то самое «впереди».

Будущее, которого я так ждал и которое, казалось, изменит нас обоих. Реально, мы очень изменились за эти несколько дней. Я распахивал душу, распушал перья, подставлял лицо свежему ветру в ее лице, а ветер этот оказался обжигающим дуновением пустыни. Насколько я за это время старался измениться, стать лучше, и все такое, настолько же она стремилась стать хуже. В конце концов она стала такой, какой хотела стать. Манекеном. Куклой. Электрической Барбареллой. Пластиковые глаза, пластиковые губы, пластиковая душа, пластиковые желания. Да-да, как оказалось, манекены способны будить желания и влюблять в себя, порой гораздо крепче, чем живые. Пластиковые люди дарят друг другу пластиковые эмоции, только вот почему-то после всех этих пластиковых историй льются натуральные слезы...

Депрессия медленно душила меня в своих объятиях. Пойти, что ли, утопиться в Москве-реке? Да боюсь, никто не заметит потери бойца. Скажут, вышел за сигаретами. Ага. Две недели тому назад. Долго не возвращается? Втянулся, наверное. Вредные привычки быстро засасывают. А потом ведь еще будут говорить, что кто-то видел меня в Питере, в компании то ли спившихся богемных художников, то ли педерастов. Или в Лондоне, в Гайд-парке, прислонившись к дереву во время выступления какого-то безумного оратора-индуса, вещавшего про сто тридцать второе пришествие Шивы в образе Бэтмена. Знаю я этих придурков, своих дружков! Они обязательно что-то придумают в оправдание исчезновения одного из них. Конечно, каждый сам прекрасно понимает, что в один прекрасный момент может запросто исчезнуть. Разбившись на машине, загнущись от передоза или пьянки. И каждое животное надеется при этом оставить по себе память. Хороши мы все, правда?

Есть другой вариант: завтра они могут просто не вспомнить, что я вообще существовал. Реально, ну мало ли людей приходило и уходило? Приносило и уносило? Всех и не упомнишь. А был ли мальчик? А может, то была девочка? Постойте, а разве здесь кто-то был? Нет уж, увольте, топиться без свидетелей не пойду. Не хватало еще сдохнуть без аплодисментов! Мне и при жизни-то их было недостаточно, а уж лишить себя радости украсить собственную кончину фанфарами — точно не для меня...

Катя, Катя... если б ты только знала. Если бы могла представить, каково мне сейчас, когда хочется вытянуть собственные вены и сыграть на них «Rare me» Кобейна... В самом деле, ты просто изнасиловала меня, как насилуют собственных детей родители-алкоголики. А ведь я был в том же положении несмышленного чада! Я доверял тебе как ребенок! Да что там — я собственной маме так не доверял. Не веришь? Ведь я не признался ей, что мастурбировал в своей комнате на фото ее подруги в купальнике. А тебе, сука такая, рассказывал! Душу разрывал на маленькие кусочки и скармливал тебе маленькими порциями. Конечно, стоит ли об этом сейчас, когда ты наверняка с Ринатом. У него дома или в одной из пятизвездных гостиниц. У него-то, пожалуй, этих самых маленьких кусочков нету. У него вообще нет души (как и у тебя). Зато у него есть целые ворохи счастья. Транши! Нет! Потоки, блин! Водопады! Что там говорить — нефтяные реки любви (и маленькие озера спермы, как я думаю). У всех таких мужичонок маленькие концы, уж в чем в чем, а хотя бы в этом я уверен утром понедельника, в состоянии жестокого похмелья.

Проговорив про себя эту речь, я понял, что не вставляю. Знаете, как в школе учительница говорит тебе: «Миркин, а теперь прочитай наизусть фрагмент из "Онегина", характеризующий отношения Евгения к Татьяне!», а ты лепишь горбатого про «мой дядя самых честных правил...», потому что это единственное, что успел выучить. Абсдача! Катя, без базара, тварь, но дело не в ней. Что меня гложет? Все, провалы в памяти... Рановато что-то...

Утолив жажду, я размышляю о том, как удовлетворить потребность в эстетике. Наливаю еще колы, достаю из холодильника лимон, тонко режу, кидаю пару ломтиков в стакан, добавляю три кубика льда, замороженного из «Evian», и бреду в комнату. Включаю ноутбук, сажусь в кресло, и, пока комп загружает «винды», стараюсь отвлечься от неприятных мыслей, сосредоточившись на висящем на стене рекламном постере, заключенном в искусственно состаренную деревянную рамку бронзового цвета. Постер представляет собой рекламу альбома Мадонны «Like a Prayer» 1986 года с автографом певицы. Купил год назад на интернет-аукционе E-bay, и теперь на него релаксирую. Да что там — думая, что он стоил

пятьсот долларов, ловлю такого дзена, что мама, не горюй. Я начинаю думать о всяких приятных вещах. Например, о том, что не каждый может похвастать попаданием в «ТОР-100 самых красивых людей столицы» под номером 69. И это в мои-то двадцать семь! Еще думаю, что прикольно было бы купить, наконец, мотоцикл. Ярко-красный «Dragstar», и рассекать на нем с какой-нибудь девкой в четыре утра по МКАДу. От ночной Московской кольцевой мои мысли плавно уносятся в Европу, на теплый autoroute в районе Côte d'Azur. Когда доезжаю до Ниццы и мое левое ухо уже слышит шепот теплых средиземноморских волн, глаза готовятся узреть Promenade des Anglais, правое ухо оказывается разорванным скретчем из «Satisfaction» Бенасси в обработке DJ Шушукина. Я успеваю подумать, что пора бы уже сменить мелодию, и еще о том, какая гадина звонит так рано.

Я подношу к уху мобильный и говорю нарочито сонным голосом:

— Алле!

— Привет!

Это Вера, секретарь Всеславского. Какого черта так рано? Ах да, сегодня понедельник, сдача редакционного плана на неделю...

— Еще дрыхнешь, звезда?

— Нет, Вер, я так же, как и ты, переквалифицировался в доярки. Встаю ни свет ни заря, понимаешь? Встаю и жду, когда же мне позвонит моя ненаглядная Вера!

— Андрюша, радость моя, часы давно прокуковали половину первого. Или твоя кукушка тоже на отходняках?

— Моя кукушка всем кукушкам кукушка. Клюет лучше иного петуха. — Я сам смеюсь своей сальности.

— М-м-м... Петуха? Ты сказал — петуха?

Подумав, что аналогия с петухом не слишком, скажем так, уместна, перехватываю инициативу и наезжаю на нее:

— Вер, скажи, а вот почему всем интересно, отчего я поздно — по вашему мнению — просыпаюсь? Почему никто не интересуется, во сколько я ложусь, до которого часа работаю? Почему никто не спросит, тяжело ли работать ночами, пока все остальные, обсмотревшись до опупения телесериалов, спят сном водителя-дальнобойщика? Я что, виноват, что вы готовы вскакивать в семь утра, чтобы хотя бы попытаться уладить ваши никчемные делишки, тогда как Андрей Миркин за ночь успел решить дел на неделю вперед, устроить пару интервью, четыре фотосессии и запустить несколько проектов? Не хотите слушать про чужую работоспособность? Думаете, так уж сладок мой хлеб? Или... или вы просто хотите вывести меня из себя, а?

— Все? — спокойно говорит Вера.

— Нет, не все. Хотя нет, все. Объяснять тебе что-то — все равно что кидать камни в пустой колодец. Эхо продолжительное, а толку никакого. Воды не будет.

— Именно. Так вот, с твоего позволения, я сообщу тебе редакционный план. Некоторые встречи я уже назначила, спасибо можешь не говорить.

Так... Все-таки началось. Интересно, она думает, что подписанные по телефону фотографии — повод относиться ко мне как к собственности? Или, типа, она уже возомнила себя моей девушкой и просто помогает, ведь я такой несобранный?

— Вера, какие встречи?

— Разные. В половине второго, то есть через час, ты должен прислать адреса двух бутиков, презентации которых должна снимать сегодня Марина. Она сказала мне, что вы договаривались.

— У меня давно все готово, — выпаливаю я.

— Андрей... — устало отзывается Верка.

— Ну... то есть нужно еще внести кое-какие коррективы, но в целом все готово.

— Коррективы во что? В два адреса? Или ты хочешь проверить в «ворде» написание слова «бутик»?

— Ладно, давай дальше!

— Дальше — больше. В четыре у тебя интервью для журнала «Хулиган».

— У меня в четыре солярый.

— А кто хотел добавить к своему имиджу налет маргинальности? Они сегодня звонили, спрашивали, как тебя найти. Ты же с ними две недели назад пытался договориться о «маргинальном интервью». Или я что-то путаю?

— Пошли они в жопу! Теперь, когда моя фотография красуется в TOP-100...

— Еще не красуется.

— Неважно. Теперь каждый журнал для неудачников будет просить у меня интервью. Советую тебе сменить номер мобильного, а то оборвут. И еще, мне кажется, они уже *démodé*.

— Издеваешься?

— Окей, окей. Приеду. Ну, очень постараюсь. Не парься. Что там дальше?

— Денисов хотел встретиться.

— У него пахнет изо рта.

— Фотосессия у Аватара для DJmag в половине шестого.

— У него... у него немодные очки.

— Презентация «Дикой орхидеи» в «Крокусе».

— У меня встреча с девушкой. И... и маникюр!

— С кем?

— М-м-м... ну, не знаю... придумай с кем. С тобой, — говорю я, глупо хихикая.

— Показ Симачева в десять в «Газгольдере».

— Я должен съездить к родителям?

— Как насчет открытия выставки винтажных фотографий в «Галерее» в это же время?

— Я вынужден воспользоваться пятой поправкой. В конце концов, у меня есть гражданские права! В том числе право на личную жизнь!

— Послушай, это уже переходит все границы... — Вер, — начинаю я говорить плаксивым голосом, — я не могу работать в таком темпе. Я же не робот! Это противоречит законам Европейского сообщества о гражданских правах! Это противоречит Трудовому кодексу с его восьмичасовым рабочим днем! Эй ты, бесчувственная карьеристка, думающая только о новых заработках, я постепенно превращаюсь в киборга, ты слышишь?

— Ты постепенно превращаешься в лентяя.

— Но-но-но! — шутиливо грожу я. — Не очень-то зазнавайся! Вспомни, что это я пробил скидку в «Спорт-мастере», когда ты покупала себе двадцать пятый сноуборд, зайка!

— Ты, скотина, это еще долго будешь мне вспоминать? И не называй меня зайкой. Ты знаешь, я это ненавижу.

— Окей. Ты не оставляешь мне выбора. Что делать, если я обречен быть мистером-метеором! Ведь лучше меня это никто не сделает, не так ли?

— Удивительно, каким волшебным образом действует на тебя перспектива потери бабок...

— Дураку ясно. Постараюсь быть везде. I'm all over, baby. Давай дальше. Что там у нас со звонками?

— Подожди про звонки. У нас есть некоторые проблемы.

— У нас с тобой уже есть проблемы? — (Как это могло случиться, мы даже не спали вместе!)

— Да. Фотосессию мы подписали, прямо сказать, отвратительно.

— В каком смысле? Где мы ошиблись?

— Где? Да практически везде. С чего бы начать? — Вера закашлялась. — К примеру, коротко стриженный мальчик, которого ты назвал украинским дизайнером Шляхтичем, оказался совсем даже девочкой.

— Как понять?

— Так. При ближайшем рассмотрении это оказалась жена Лимонова.

— Вот подставила! — не выдерживаю я. — То есть немудрено и ошибиться. Сама виновата, если под мальчика постриглась.

— Андрюша, ни в чем она не виновата. Это ты меня втянул в эту авантюру. Кроме того...

— Так, погоди. А что же делать-то? — Я пытаюсь быстро сообразить, успею ли подскочить в офис до конца верстки.

— Да ничего, — устало вздыхает Вера, — я уже все сделала. Обратилась перед сдачей к девчонкам из рекламного, они исправили.

— Вера, да ты гений!

— Ты удостоил меня комплимента? Повтори еще раз, а то подумаю, что мне приснилось.

— ГЕНИЙ! — кричу я. — Разрушила все сходу!

— Это еще не все. Есть настоящая проблема.

— Ну что опять не так? — капризно спрашиваю я.

— На диктофоне нет интервью с Бухаровым, три раза проверяли.

— Как нет? — злюсь я. — Какого черта нет? Я три раза батарейки проверял! Меня кто-то подставил! Я... я устрою дикий скандал! Кое-кому не поздоровится!

— Наверное. Только по факту его нет.

— Свинство! — Я чувствую, как под ложечкой неприятно закололо. Так покалывает, когда тебе напоминают о просроченном долге, несданном вовремя материале или грядущем увольнении. В общем, пахнет написанием резюме. — Так, разберемся. Что там со звонками?

Верка монотонно перечисляет, кто звонил и чего от меня хотел, я просматриваю почту на mail.ru. Пролистывая «спам», просматривая рассылки новостей зарубежных он-лайн магазинов, в том числе «E-luxury», «E-bay» и «Ferrari World», я время от времени отвечаю на ее реплики.

— Интервью с Тиньковым возможно через неделю, я звонила в его пиар-отдел.

— Да что ты!

— Звонил Глеб, спрашивал, что с колонкой, питерцы приглашали на вечеринку в «Гинзе»...

— Ага...

— Кудрявцев интересовался деньгами...

— Его всегда одно интересует, скажи, я в Париже.

— Он тоже. Пока еще...

— Да? Тогда скажи, в Лондоне.

— «Путь.ру» интересовался ресторанной колонкой, Крючковы приглашали на свадьбу...

Пока она называет имена и фамилии, я натыкаюсь на письмо от рекорд-менеджера из «Polygram», своего хорошего знакомого Пашки Алферова. Заголовок письма — «По поводу твоего диска». Я нажимаю «Открыть», и в это время Вера истерично визжит: — Ты там вообще слушаешь?!

От неожиданности я неловко дергаю свободной рукой и опрокидываю стакан с колой на клавиатуру. Через три секунды монитор гаснет...

— Черт! — кричу я в трубку. — Сволочь!

— Чего?

— Черт! Сволочь! Сволочь! Скотина!!

— «Андрей, ты совсем сдурел?

— Это я не тебе! — ору я. — Все, конец! Всему конец, все пропало!

Я продолжаю орать, выключаю компьютер и неистово тру клавиатуру полотенцем.

— Что случилось, чего ты орешь как бешеный?

— У меня... у меня технические неполадки! Это... у меня аврал! У меня кризис! Я тебе перезвоню!

— Ты можешь объяснить, что случилось?

— У МЕНЯ СЛОМАЛСЯ КОМПЬЮТЕР!

— Что?

— ВСЕ! Пока, я тебе наберу! Нет, набери мне сама через час. Лучше через два.

— А как же...

— Все, пока!

Я отключаюсь, продолжая драить клавиатуру тряпкой. Потом переворачиваю ноутбук вверх дном и трясусь, чтобы вылить колу. Аккуратно поставив на место комп, включаю его в сеть, но без толку: экран по-прежнему являет собой черную дыру. Я мечусь по квартире, нервно закурываю и иду в ванную. Залезаю под душ, включаю воду, не выпуская из рта зажженной сигареты. Сигарета немедленно намокает и падает в ванну. Реально, я чуть не плачу. Выдавлив на себя ментоловый гель от «Nickel», я стою под душем минут двадцать. Я настолько обескуражен, что ни о чем не могу думать. Чтобы хоть как-то собраться, тщательно чищу зубы пастой «Lacalut», полощу рот водой и фыркаю как выдра. Интересно, кто-нибудь видел, как фыркают выдры? Я лично — нет. К слову.

Вылезая из ванны, беру фен и, едва вытершись, бегу обратно в комнату и сажусь в кресло. Тщательно вытерев руки бумажным полотенцем, сушу феном клавиатуру. За этим занятием провожу минут десять, пока от клавиатуры не начинает нести плавящейся пластмассой. Затем подношу палец к пусковой кнопке ноутбука:

— Я тебя прошу! Ради всего святого! Ты даже не представляешь, насколько важно для меня это письмо. Сейчас. Очень важно, я знаю, ты можешь. Пожалуйста!..

Включаю ноутбук и... О чудо! Он работает. Я нетерпеливо перебираю пальцами, ожидая загрузки. Интернет запущен. Иду на mail.ru. Нахожу письмо от Алферова, одними губами протяжно шепчу «Yes-s-s-s-s!» и нажимаю «Открыть». Отворачиваюсь. Считаю до десяти и вперываюсь в монитор:

ТВОЙ ДИСК - ПОЛНОЕ ГОВНО. УВИДИМСЯ)))

Сначала я не верю своим глазам. Перечитываю, и волна гнева, стремительно поднявшись из желудка, бьет мне прямо в голову!

— Сам ты говно! — верещу я. — Бездарь! Чмо! Корпоративное ничтожество! Лох в поддельных часах! Ублюдок! Чтоб тебя уволили к чертям, бездарность! Чтоб ты заразился от украинской шлюхи...

Стоп... стоп-стоп-стоп... Рита... «Я получила результаты анализов — у меня СПИД. Спасибо тебе, мразь», — отчетливо всплывает ее фраза. Мне не приснилось. Такое просто не могло присниться. Или все-таки приснилось?

Я моментально потею, дрожащей рукой хватаю мобильный и набираю домашний Риты. После долгих гудков она сипло отвечает:

— Да!

— Рита, привет, как дела? — вкрадчиво начинаю я.

— Ты успел сдать анализы ночью? Или потоотделение усилилось? Не волнуйся, со СПИДом какое-то время еще живут!

— Что?! — переспрашиваю я, но в трубке — только гудки.

Я снова набираю номер, но она не отвечает. Пробую еще раз — без успеха. Я медленно сажусь на диван, чувствуя, как ужас пронзает каждую клеточку моего хилого организма. СПИД. Мне не приснилось. Так, погоди! Этого не может быть, тут какая-то ошибка. Это не от тебя. То есть у тебя ничего нет. Точно тебе говорю, Миркин. Relax, man! Но какой тут «релакс»? Мне кажется, я превратился в натянутый канат. У меня скрутило каждый мускул, каждую вену, каждую... Кошмар... Признаки СПИДа... какие там признаки?

Я возвращаюсь к компьютеру и набираю в «Яндексе» словосочетание «симптомы СПИДа». Ткнув в первую попавшуюся ссылку, захожу в раздел «Симптомы».

Так... У меня ничего подобного нет. Понос, головокружение, бессонница, постоянное потоотделение, увеличенные лимфоузлы... Я принимаюсь лихорадочно ощупывать себя — за ушами, под мышками, в паху. Ничего похожего на шарики, комки, или как там написано, нет. Однако ЭТО так быстро не проявляется. Похоже, она со зла, потому что я ее сливал всю неделю. Может, месть за что-то еще? Увидела с Леной? Вряд ли. В «Павильоне» я довольно шустро слинял. С Катей? Исключено. Если только мельком, когда я их встречал у метро? Нет, слишком темно было. Да и потом, всегда можно сказать, что я встречал Лехиных гостей. Леха.

Точно, Леха! Десятка! Новая машина! Все сходится. Она решила меня на бабки кинуть. Придумала историю!

Я быстро надеваю свитер, первые попавшиеся джинсы, бегу в прихожую, втискиваюсь в кроссовки с вечно неразвязанными шнурками и вылетаю из квартиры. Десятка грина — черт бы с ней, я готов ее простить, — лишь бы не СПИД. В самом деле, заработаю и Лехе отдам. В крайнем случае перезайму. Господи, сделай так, чтобы история про СПИД оказалось туфтой, а? Ну, что Тебе стоит? Ты же сделал так, чтобы нас взяли на корпоратив? Я прощу ей эту десятку, клянусь! Нет, точно десятку (прекрати торговаться, скотина. Ну какого черта ты начинаешь думать: хотя бы «пятак» вернула? Что за торговля? Вдруг Он и вправду слышит?). Я случайно, вырвалось! Я прощу ей эти чертовы деньги, честное слово! Обещаю! Только сделай так, чтобы не СПИД. Я даже на сифилис согласен!

Похмелье чудесным образом проходит, головная боль тоже. Только плакать очень хочется. У тебя ничего не болит, слышишь? Даже утреннее похмелье прошло! «Все правильно, негоже с похмелья на смерть идти», — ох, и неудачная вспоминается фраза из какого-то фильма. Типун мне на язык, идиоту!

Я дохожу до дороги и поднимаю руку. Очень вовремя подъезжает такси.

...Последние пятнадцать минут я похож на спрута. Правда, в отличие от него, у меня всего четыре конечности (остальные, видимо, отвалились, пока я несясь рысью вверх по лестнице), и они слаженно двигаются, осыпая градом ударов железную дверь Риткиной квартиры. До кучи, у меня еще и мобильный в левой руке, с которого я пытаюсь дозвониться на домашний номер Ритки (мобильный она отключила) в то время, как свободной рукой давлую на дверной звонок. Сначала из-за двери доносятся истеричные вопли «Убирайся вон!», «Сейчас мои родители приедут!», «Я вызываю ментов!», «Мразь!», «Ублюдок!» и «Скотина!», потом редкие всхлипывания, а затем все умолкает. Устав долбиться, я прислоняюсь спиной к двери, пару раз вяло ударяю в нее подошвами и сползаю вниз, на коврик. Вокруг стоит какой-то гул — то ли дверь вибрирует, то ли стучит в висках. Я близок к истерике, мне так страшно, что, кажется — еще пять минут, и я сдохну от инфаркта. Из носа течет, в глазах слезы, я перестаю чувствовать ноги, а в голове трепыхается одна мысль: если она мне не откроет, я сойду с ума. Такой страх я испытывал всего один раз в жизни, когда в десять лет съехал на санках с горки прямо под колеса машины. Нас развели какие-то доли секунды — машина промчалась мимо, а мгновением позже я воткнулся в сугроб на другой стороне дороги. Минут через пять до меня дошло, что я чуть было не погиб. Осознав это, я описался. Я шел, волоча за собой санки, ревел, а от штанов валил пар — настолько было холодно. Я бы и сейчас легко мог надуть в штаны, если б только низ живота не сводило от ужаса.

Я встаю, прислоняюсь к двери и начинаю скулить: «Рита, девочка моя, открой... Открой, я тебя умоляю... Прошу тебя, открой дверь». Потом безвольно сползаю вниз и, отдышавшись, снова принимаюсь причитать. Через секунду я срываюсь на истерику и ору на весь подъезд: «Рита, открой эту чертову дверь! Слышишь, я сейчас ее вынесу!» — хотя дураку ясно, что скорее дверь заржавеет от моих слез, чем я вышибу ее плечом. Где-то наверху скрипнула дверь, послышались шаркающие шаги — видимо, какая-то бабка пытается определить, к кому ломятся бандиты. Я затихаю. Дверь наверху снова скрипит — бабка, должно быть, пошла милицию вызывать. Я опять встаю и принимаюсь уговаривать Ритку. В конце концов, когда у меня уже рябит в глазах и я уткнулся лицом в металл, замок неожиданно щелкнул, дверь приоткрылась, и я ввалился в прихожую.

Первое, что я увидел, открыв глаза, — зареванное лицо Риты и разлетающиеся, словно в замедленной съемке, купюры. Основная масса попала мне в лицо и в грудь. Я инстинктивно заслонился правой рукой, левой прикрывая за собой дверь.

— Ты, наверное, про деньги хотел узнать, подонок?! — закричала Ритка. — Вот они! Вот! Все десять штук! Пересчитай!

Последняя надежда на то, что вся эта история со СПИДом — какой-то развод, таяла у меня на глазах, рождая звон в ушах и покрывая спину холодным потом...

— Рита, при чем тут деньги? — затараторил я. — При чем тут деньги? Они мне не нужны, ну... то есть я не за ними приехал. Я приехал к тебе, понимаешь, к тебе...

— Забирай бабки и вали отсюда! — заорала она. — Видеть тебя не могу, слышать не могу, меня тошнит от твоего запаха!

Рита бросилась на меня, разъяренная донельзя. Я уворачивался, закрывая голову руками, пытался поймать ее за локти, но она принялась лупить меня ногами, так что мне пришлось сгрести ее в охапку и отволочь в комнату.

— Мне двадцать три года! — выла она. — Я хотела детей, я хотела... ты все... зачем ты это сделал?! Как ты мог ЭТО СДЕЛАТЬ?!

— Это может быть ошибкой. Надо сдать анализы еще раз, — успокаивал я ее, понимая, что все мною сказанное не имеет для нее никакого значения.

— ПОЧЕМУ? ПОЧЕМУ ИМЕННО Я? — продолжала выть Рита. — Чем я виновата?

Я доволоч ее до дивана, уложил, а сам сел на пол и принялся гладить ее по голове, успокаивая глупостями вроде:

— Мы вместе сдадим анализы... они могли ошибиться. Я ничего такого не ощущаю в себе, понимаешь? У меня хорошее предчувствие, — говорил я, продолжая всхлипывать.

— Ты меня убил, понимаешь? — хрипела Ритка. — Мы умрем! Протянем год... в лучшем случае, два или три. У нас не будет детей... Мамочка... Бедная моя мама!..

Я моментально вспомнил своих родителей, и спазм сдавил горло. Господи, что я такого сделал?! Кто?! Кто из них двоих?! Сама Рита? Или Лена? Или? Сколько их было за этот год? Десять? Двенадцать? Семь? Которая из них? Или все сразу?

— Тварь! — Ритка перешла на крик. — Идиот! Ничтожество! — Она залепила мне пару звонких пощечин и вскочила с дивана.

Я отвалился на спину, потом принял исходную позу, развел руки в стороны и начал медленно вращать головой, как панда в зоопарке.

— Ты будешь долго мучиться! — верещала Ритка, — Сначала пойдут простуды, потом лимфоузлы опухнут, потом ты начнешь медленно умирать от каждого сквозняка. А я все время, что мне осталось, буду этим жить! Я буду звонить тебе каждую неделю, проверяя, не сдох ли ты! Меня успокаивает только то, что у наркоманов алкоголиков процесс идет быстрее. Думаю, я еще и твои похороны застану!

— Я не наркоман и не алкоголик! — гаркнул я.

— Ты конченный наркоман и начинающий алкаш. — Ритка пулей подлетела ко мне и снова влепила пощечину.

Я неловко увернулся, и она попала мне большим пальцем прямо в нос, из которого сразу потекла кровь.

— Подними голову, ублюдок, не хватало еще, чтобы ты своей спидозной кровью залил мне квартиру и заразил моих друзей и родителей!

— Я не могу ее остановить, — прогундосил я, задрал голову вверх.

— Пошел в ванну, козлина! — Рита попыталась дать мне пинка, но я прибавил ходу и влетел в ванную, захлопнув за собой дверь.

Включив холодную воду, я начал смывать кровь, замороженно глядя, как она капает в раковину, смешивается с проточной водой, быстро светлеет и исчезает в сливном отверстии.

— Я обойду все клубы, расскажу всем твоим знакомым, партнерам, телкам, дилерам, журналистам, барменам! Я расскажу им всю правду о тебе, Миркин! — вопила она из-за двери. — Пусть знают, с кем имеют дело! Не дай бог еще кого-нибудь заразишь! Ты же полный ублюдок, Миркин! Я уверена, ты все так же будешь трахаться направо и налево без резины!

Уняв кровотечение, я умылся, думая, чем бы утереться, решив на всякий случай не пользоваться ее полотенцами, и вышел из ванной с влажным лицом. Рита сидела в кресле, обхватив колени руками и раскачиваясь из стороны в сторону.

— У-у-у-у-у, — истерика снова сменилась ревом, — за что-о-о-о, мама, у-у-у-у-у!..

— Рита, у нас еще есть шанс.

— Не подходи ко мне! — опять заорала она. — Не касайся меня, скотина! С кем ты спал? Кто эта сука? Или, может, ты спяну с парнем трахнул? Или твои дружки-наркоманы ширнули тебя героином? «Всегда в поисках новых ощущений», да, Миркин?

— А откуда ты знаешь, что это я? — вдруг вырвалось у меня. — Может, я здоров?

— ЧТО?! ЧТО ТЫ СКАЗАЛ, ТВАРЬ?!

— Может... может, это не я!

— УБИРАЙСЯ ОТСЮДА! ПОШЕЛ НАХУЙ, СКОТИНА! Не ты?! А кто?! Кроме тебя, я ни с кем не сплю уже полгода, тварь!

— А до этого...

— Какая же ты мерзость! — тихо сказала она. — Пожалуйста, уходи. Я прошу тебя. Вали отсюда. Иначе я тебе сковородой голову пробью!

Уткнув голову в колени, она сотрясалась от рыданий.

— Извини, прости меня, пожалуйста. — Я подошел и сел на пол. — Я... я не знаю, как это вышло... Может быть, зубной врач? Давай попробуем сдать анализы. Скажи, куда мне идти? Я прошу тебя, давай попробуем. Если... если у меня тоже СПИД найдут, мы станем жить вместе... я... я люблю тебя... я где-то читал, что со СПИДом можно рожать дете...

Я заплакал. Заплакал навзрыд, хотя хотелось вообще завывать от безысходности. Зареветь, как зверь, высунуться в окно и закричать прохожим: ПОМОГИТЕ! Я УМИРАЮ! Я ПОПАЛ В БЕДУ! Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ!!!

Рита ничего не ответила. Даже головы не подняла.

Мы одновременно перестали плакать. По комнате разлилась звенящая тишина. Так продолжалось долго, минут десять или двадцать. Я ни о чем не думал, просто тупо смотрел в окно. Наверное, Рита тоже ни о чем не думала. Я впервые ощутил нас единым целым. Единым бессильным организмом.

— Пошли, — внезапно сказала она, — поехали!

— Куда?

— Сдавать анализы. Может, ты и прав. Может, ты чистый, а я... ну, не знаю. Вставай!

Мы вышли в коридор. Пока Рита завязывала шнурки кроссовок, я собирал разлетевшиеся по всей прихожей доллары.

— Тебе точно не нужны деньги? — на всякий случай спросил я. Рита отрицательно мотнула головой.

Мы вышли на улицу и сели в ее новый «Lexus». Я хотел было сделать комплимент ее машине, но вовремя осекся. Пристегнувшись, я понял, что страх отнял у меня все силы. Перед глазами полетели белые мухи... или снег! — в общем, дерьмо какое-то, причем резко ограничив обзор. Рита тронула с места. Мы ехали долго... или не очень... я не особенно соображал, куда мы едем и с какой скоростью. В дороге молчали. Я почему-то думал о том, что нам никто не звонит. Даже вытащил мобильный, чтобы убедиться, что он не отключен. Словно весь город замер в ожидании результатов нашего посещения клиники...

Потом появилось какое-то серое здание, похожее на школу, с крыльцом, ступенями и синей вывеской. Мы вышли из машины, и я судорожно втянул ноздрями воздух. Школой не пахло. Пахло больницей. Хотя нет, пахло стерильной ватой, то есть ничем. Продолжая молчать, мы вошли в больницу, миновали длинный коридор и остановились у какого-то окошка. Рита протянула в окошко деньги, оттуда высунулась рука, взяла банкноты и выдала какую-то серенькую бумажку, квитанцию. Или направление. Или как там это называется? Мы поднялись на второй этаж и сели на банкетку. Я чувствовал себя сомнамбулой до такой степени, что сначала даже не заметил, что на скамейке напротив нас кто-то есть. В очереди сидели двое парней и женщина. Они напоминали детские акварели, на которые пролили воду. Три пятна: коричнево-зеленое, оранжевое и серое. Не могу описать точнее — пелена на глазах превращала увиденное в размытые цветочные пятна. То, что одно из пятен — женщина, я понял, услышав более звонкий голос, отвечавший на звонок мобильного. Хотя, вполне вероятно, голос мог принадлежать юному гомику. Мне кажется, я ждал своей очереди час. Или два. Так замедлилось время.

— Следующий, — услышал я откуда-то издалека.

Рита легонько толкнула меня в бок, прошептав: «Иди!». Я встал и на ватных ногах двинул к кабинету. Медсестра что-то спросила, я кивнул, она повторила вопрос, я ответил «да», затем очень медленно закатал рукав до локтя. Она стянула предплечье жгутом, больно резанувшим бицепс, протерла кожу смоченной спиртом ватой, сказала «посчитайте про себя» и еще что-то.

Кажется, «поработайте кулаком». Потом я почувствовал очень болезненный укол, от которого у меня брызнули слезы, услышал комментарий медсестры «смотрите в сторону», боль стала нарастать, и, когда я больше не мог терпеть, услышал — «все, закончилось». Через несколько секунд я вышел из кабинета, прижимая правой рукой к уколу ватку и зажав в левой руке бумажку, которую дала медсестра. Затравленно осмотревшись по сторонам и не найдя Риты, я понуро побрел по лестнице и вышел на улицу. Ритка стояла с опущенной головой и курила.

— Дай сигарету! — Я не узнал собственный охрипший голос. Рита молча протянула мне пачку. Пару минут я тупил, соображая, как достать сигарету, не потеряв при этом вату и бумажку, зажатую в кулаке. Понаблюдав за мной, Рита вытащила из пачки сигарету и дала мне прикурить. Я кивнул и глубоко затянулся, так и не поменяв положение рук.

— Ты начала курить? — зачем-то спросил я.

— Думаешь, в моем теперешнем положении это самое вредное для здоровья? — ответила она, подняв на меня красные от слез глаза. — Да выброси вату, кровь уже не идет!

Я послушно выкинул в урну комок со следами крови и разжал кулак:

— А что это за бумажка?

— Это номер анализа, который ты должен назвать послезавтра, когда будешь узнавать результаты.

— Только послезавтра? Так долго?

— Какая тебе теперь разница?

Я промолчал. Действительно. Теперь уже никакой...

— Ладно, я поехала домой. — Рита отбросила сигарету и начала спускаться по ступеням. — Давай, пока!

— А я?

— Ты? Ну, не знаю... пойдی куда-нибудь в ресторан. Или на работу езжай. Или позвони телке, от которой подцепил СПИД, — резко ответила Рита.

— Какой телке? — заныл я. — Какой телке, Рита?

— Я не в курсе, — бросила она, не оборачиваясь. — До свиданья!

— А мне послезавтра сюда звонить? — задал, вероятно, самый идиотский вопрос в своей жизни.

— Как хочешь, — обернулась Ритка, — можешь сюда или по горячей линии сайта «Анти-СПИД».

— Зачем?

— Узнать, сколько еще протянешь и где лекарства покупать. — Она нажала на брелок, и ее автомобиль мигнул фарами. Как-то особенно понуро, как мне показалось.

— А как же ты? — спросил я, втянув носом воздух, но Рита уже успела сесть в машину и тронуться с места. Я стоял на крыльце, курил, глядел по сторонам и пытался собрать воедино мысли. Затем резко вспомнил, где нахожусь, в ужасе посмотрел на вывеску и бросился бежать...

Минут сорок я торчал во всех возможных пробках по вине тупого таксиста, который вместо того чтобы смотреть на дорогу, тупо пялился в экран GPS-навигатора. Как это современно — вместо изучения города они изучают навигационное меню! Всю дорогу, как и полагается лошкам, он слушал радио «Юмор FM», при этом не улыбнувшись ни одной шутке. Я как-то пытался выяснить у такого же идиота, зачем он все время слушает эти примитивные шутки, если ему не смешно? Настоящие мужики «не лыбятса»? Оказалось, оно ему «для фона». Почему бы не послушать «для фона» минимал-техно или Пласидо Доминго, я спрашивать не стал.

Честно говоря, ехать мне было некуда. Посему, проскочив туннель под Новым Арбатом, я расплатился и вылез на Смоленской. Перешел на противоположную сторону и завалился в «Седьмой континент». Я думаю, что суть терапии заключается не в шопинге, а в самом нахождении в шопингующей толпе. Мы стараемся прятаться от одиночества в толпе таких же городских сумасшедших, делая при этом вид, что следим за модой. Распродажи — наш коллективный доктор. Те, у кого нет денег на «сейлы», выбирают гипермаркеты или

метрополитен. С другой стороны, какие еще средства от тоски знает наше поколение? Наркотики, кабельное телевидение и мега-моллы. Я выбрал промежуточный вариант.

Бесцельно слоняясь по магазину, я брал с полок бутылки с вином, пакеты с мини-круассанами, упаковки сока, вертел в руках, ставил обратно. Смотрел рекламные ролики на жидкокристаллических панелях, отправлял эсмэски всем знакомым подряд — Антону, Ване, Лехе. Всего одну фразу: «Давай встретимся?». Знаете, эсмэски заменяют в современном мире сигналы SOS. Мы, как терпящие бедствие корабли, рассылаем их без особой надежды на помощь. Даже получая ответ, не вчитываемся в него: главное — знать, что ты не один, что тебя кто-то слышит. Но меня никто не услышал. Вероятно, все в этот момент «просто вышли из комнаты»...

Повертев в руках очередную банку то ли с солеными огурцами, то ли с томатами, я собирался вернуть ее на полку, но меня отвлек телефонный звонок.

— Привет! — Голос Лены прозвучал звонко и ясно. — Как дела?

— Ничего, — ответил я понуро.

— У тебя что-то случилось?

— Все в порядке, просто работы много.

— Ты можешь говорить?

— Да, вполне.

— Сейчас я отойду, погоди. У меня новость!

— Какая?

— Попроси меня очень сильно, я расскажу! — заигрывает Ленка.

— Прошу тебя очень, очень сильно, — без выражения говорю я.

— Андрюш, ну кто так просит? — не унимается Ленка.

— Зайка, любимая моя, расскажи скорее свою новость.

— Я беременна! — шепчет Ленка.

— ЧТО?!

— Да, все точно. Я сегодня три теста сделала. Помнишь, я говорила про задержку, вот сегодня...

Дальше я уже ничего не слышу. В ушах звенит, в голове туман — такое впечатление, будто супермаркет перевернулся вверх тормашками. «Беременна, беременна, беременна» — пульсирует в ушах.

— ...А третий после обеда, — продолжает тараторить Ленка. — Поздравляю тебя!

— И я тебя, — сдавленным голосом отвечаю я.

— Послезавтра сделаю еще тест, и поедем рассказывать моим, а потом твоим родителям, — торжественно сообщает она.

— Ушам своим не верю! — Я стараюсь не расплакаться. — Это надо отпраздновать!

— Пойдем сегодня в ресторан? Или устроим скромный ужин дома?

— Я согласен.

— С чем? С рестораном или домашним ужином? Андрюш, ты какой-то заторможенный!

— Просто мне надо переварить. Такая новость не кажды... в первый раз в жизни, понимаешь?

— Понимаю, любимый. — Я перезвоню тебе ровно через час! — Я тебя люблю. — Я тебя очень люблю.

Отключившись, я чуть не выронил банку с помидорами/огурцами, дрожащими руками задвинул ее вглубь полки, втянул воздух, и, никого не замечая, как зомби двинулся к выходу.

На улице я получил звонок от Лехи (он уже сидел в «Галерее», мучимый жутким похмельем и похотью), потом пришла эсмэска от Антона (предложил встретиться узким кругом, чтобы обсудить детали нашего выступления), затем звонила Вера из редакции (ее звонок я сбросил), а потом... потом я просто не вынимал телефон из кармана.

До «Галереи» я шел пешком — не знаю сколько, но достаточно долго. Я ни о чем не думал, все время курил и даже не смотрел по сторонам — такой человек-окуроч, брошенный в пепельницу мегаполиса...

В ресторане нахожу Леху, одиноко сидящего за дальним столиком на пятерых.

— Привет, Лех!

— Угу, — мычит он, словно я не только что приехал, а в туалет выходил.

— Плохо тебе? Похмелье?

— Угу...

— Поешь супу.

— Угу...

— Я десятку тебе привез, — пытаюсь я вынудить его сказать еще что-то, кроме «угу».

— Спасибо. Быстро ты, — равнодушно отвечает он.

— Так вышло...

— Бывает...

— Что-то ты сегодня не особо разговорчивый, — хмыкаю я и начинаю вертеть головой. Замечаю Илиаса Меркури, сидящего у барной стойки, вяло машу ему рукой. Он кивает в ответ и идет к нам.

— Здарова, бразы! — Он вечно на позитиве, эдакий живчик. Наверное, с резиной трахается.

— Здорово, — киваем мы.

— Что такие грустные?

— Девушек снимаем, — искренне отвечает Леха.

— И что? Снимаются? — Илиас говорит со смешным, еле уловимым акцентом. Все знают, что он грек, а мне кажется, что он — законспирированный под грека эфэсбешник. — Короче, рассказываю. Чо вы здесь сидите? Тут голяк. Пустые понты.

— А где надо сидеть? — живо интересуется Леха. — В «Аисте»? Я туда не поеду, там одни ваганьковские. А в «GQ» рано еще.

— Вы вообще ничего не понимаете, пять сек! — Он убегает и возвращается с ноутбуком. — Короче, тема такая, вот сайт «Одноклассники.ру».

— Знаю, — оживляется Леха, я там кучу бывших одноклассников нашел.

Пока Леха увлеченно рассказывает о сайте, я думаю о том, что частенько слышу в сети фразочки типа «"одноклассники" засасывают», «я там целыми днями зависаю», и так далее. Что там может засасывать? Ну встретил ты десятка два людей, с которыми идиотничал в школе, ну обсудил (допускаю даже, что трижды), как вы первый раз курили за углом или жрали на выпускном водку... Посмотрел фотки своей первой детской/подростковой любви разжиревшей телки с двумя детьми и плохим маникюром.

Узнал, что Пашка, с которым вы сидели за одной партой, спился, а Мишка уехал в Америку. Потом вы встретились в убогом кафе у метро «Домодедовская», обсудили все то же самое, но уже в реале. Посмотрели друг на друга. Напились. Все. Что дальше-то делать на этом самом сайте?

В реальности я знаю сотни людей, продолжающих и после встречи сутками торчать в этом клоповнике, невзирая на жуткую систему навигации, уродский интерфейс и прочее. Они сидят и продолжают, типа, «воскрешать золотые счастливые деньки». Пытаются играть в худосочных мальчиков и девочек со сбитыми коленками — и это люди от двадцати семи до сорока лет! Понятно, что сетевого общения им мало, и они превращают встречи одноклассников в *традицию*. После двух-трех месяцев таких мероприятий каждый знает друг о друге все: кем стал, где работает, как зовут жену, сколько лет детям, куда ездит отдыхать, какое пиво пьет и сколько тратит на покупку продуктов в «Ашане». Тем не менее даже после таких глубоких взаимных проникновений дровичлово на «одноклассниках» продолжается. От обсуждений дней сегодняшних возвращаются в «школьные годы чудесные» и с означенной темы уже не слезают. Представляете, какая насыщенная и радостная жизнь у людей, часами мастурбирующих на собственное прошлое? Лучше бы назвать этот сайт «Неудачники.ру» или «Пенсионеры.ру» — так точнее.

— Какие одноклассники? — смеется Илиас. — Там рассадник баб. У меня в друзьях триста телок, и все хорошие. За неделю счет 3:0.

— Во что? — не понимаю я.

— В смысле троих. — Он показывает характерное движение, играя воздухом за щекой.

Так я и думал. Вся суть русского Интернета в этом. О чем бы ни был сайт — литература, кино, машины — все сводится к банальной ебле. Или пьянке.

— А какая схема? — Леха придвигается. — А то я там реально только с одноклассниками общаюсь.

— Ты что?! — Илиас машет руками. — В целом схема такая. Включаешь в друзья только красивых баб, потом всем посылаешь «пятерки» за их фотографии.

— Грина? — не понимает Леха.

— Оценку, браза. Потом пишешь письмо. Я, например, сразу представляюсь писателем.

— А ты что, книгу написал? — удивляюсь я.

— Ага. «Антилузер» называется.

— Что-то слышал, — кивает Леха.

— Я вроде тоже в сети линк видел.

— Она еще не вышла, в феврале будет, — смеется Илиас.

— Хитро, — соглашается Леха. — И что, ведутся?

— Да я уже телефон менять хочу — каждый вечер выбор из пяти кандидатур!

— Слушай, надо мне попробовать, — говорит Леха, оживляясь.

— Сорри! — Илиас отвечает на звонок. — Да, дорогая. Да. Я в «Галерее»! Сейчас кофе допью и домой поеду. Хорошо. Жена, — поясняет Илиас. — Короче, мне бежать надо. Книгу пришлю всем в феврале. А лучше сами купите, вы богатые. Лех, я тебе потом проясню про «одноклассников».

— Пиздобол, — резюмирует Леха, когда Илиас исчезает. — «3:0», «пять штук в день», а сам домой поскакал!

Может, он жену любит! Что тут такого? — говорю я.

— Ничего такого, — соглашается Леха. — Жена у него красивая. Но все равно пиздобол.

— Интересно, а книгу он написал или тоже врет?

— Не, не врет. С его языком по книге в месяц можно писать. Когда он рассказывает истории, можно помереть со смеху.

— Потому что пиздобол, — завистливо подытоживаю я.

— У меня сплин, — заявляет Леха. А у меня СПИД, и что?

— У меня тоже, — киваю я.

— Видишь ту телку? — спрашивает он. — Одна сидит за столиком справа. Уже минут сорок.

— Вижу, и чего?

— Я бы ее трахнул с большим человеческим удовольствием. — Леха икает.

— Я — пас. Вот с тобой посижу полчаса и поеду, у меня встреча.

— Не... я домой не поеду. Я чего, просто так триста шампанского съел? Для разогрева? А теперь спать поеду? — Леха поднимает руку, подзывая официантку. — Девушка, подойдите, пожалуйста!

Когда официантка подходит, он просит ее наклониться и сообщает на ухо секретную информацию. Ему кажется, что он говорит шепотом, но слышно все довольно отчетливо (хорошо, если не всем вокруг):

— Вы счет вон той девушки мне принесите, я ее угостить хочу. А ей мой номер передайте. Записывайте...

— Вот. Ладно. — Леха широко улыбается. — Ща поглядим. Пойду пока в туалет схожу.

Он отваливает, я закурываю и наблюдаю за развитием ситуации с девушкой. Официантка подходит к ней, сообщает про счет, передает записку с телефонным номером и кивком головы указывает на наш столик. Девушка меняется в лице. Она гневно начинает что-то выговаривать официантке, размахивать руками, метать глазами молнии в мою сторону, а та стоит как ни в чем не бывало и молча кивает. Девушка заканчивает свой трепетный монолог и быстро-быстро подходит к нашему столику:

— Вы за кого меня принимаете, а? — говорит она без прелюдий, — Что себе позволяете? Я, по-вашему, что — проститутка? Хамье! Я за себя сама способна заплатить, понятно? По-другому знакомиться не привыкли? Да вы вообще...

— Девушка, простите, но это не ко мне вопрос, — перебиваю я ее. — Я вам ничего не посылал.

— Как не посылал? — ее лицо вытягивается. — А чей это номер?

— Это мой друг решил вас угостить, — говорю я спокойно. — Он сейчас из туалета вернется, вы ему все и повторите. А вот и он, кстати!

В это время Леха нетвердой походкой подходит к нам со словами «Добрый вечер!».

— Вы за кого меня принимаете, а? — опять заводит она свою пластинку. — Какого черта...

И так далее. Пока она исполняет арию обиженной добродетели, мы с Лехой понимающе переглядываемся.

— Простите, девушка! — Леха корчит такую жалкую мину, что, кажется, я бы сам, глядя на него, заплакал, — Я не хотел вас обидеть, Мне хотелось сделать вам что-нибудь приятное, и я выбрал не самый удачный вариант. У меня и в мыслях не было ничего дурного! Это не то, о чем вы подумали. Такая девушка, как вы... может быть, присядете, и мы во всем разберемся...

— Да? — взгляд нимфы теплеет. — Вы представляете, как я себя должна чувствовать после таких подарков? — Она меняет гнев на милость и подзывает официантку: — Так, девушка, подойдите, пожалуйста, и сумочку мою сюда принесите.

Официантка возвращается, неся в руках малиновую сумку «Tod's». Девушка бросает ее на свободный стул напротив меня и садится между мной и Лехой. Я смотрю на друга и читаю в его глазах, что мы имеем дело с исполнительницей «фулл-хауза», то есть в ближайшие пять минут выяснится, что девушка действительно «не такая», в Москве всего месяц, сама приехала из... скажем, Германии, где обучалась чему-нибудь невиданному или высокоумному. После бутылки шампанского выяснится, что по знаку Зодиака она — Лев, или у какого там знака ближайшие дни рождения? Что она ненавидит, когда ей дарят «камни» или «банальные "Vertu" розового цвета», или «пошлые дутые кольца "Pasquale Bruni"», или... о чем еще она мечтает? О семье, домашнем уюте, о...

Девушка действительно заказывает розовый «Ruinart» по 150 евро за бутылку, закуривает тонкую сигарету (скорее всего с ментолом, жаль, пачки не вижу), и начинается «боже-ш-мой». Мы выясняем, что она в Москве всего неделю (как трогательно), приехала сюда из Эстонии, хотя родилась в Белоруссии, или на Украине, или... впрочем, какая разница? Знак Зодиака у нее «плавающий», то есть зависит оттого, какой следующий месяц. Она училась на дизайнера или арт-директора, или архитектора (я не уяснил). Больше всего она любит театр, кино «арт-хауз» (как она это слово выговорила?!), а в рестораны «типа этого» ходит очень редко. В целом, я понял, что Лехе сегодня очень повезло, и знакомство не будет стоить ему ничего, кроме оплаты ресторанного счета. Девушка молода, неопытна, у нее хорошая фигура, но неважные мозги. Она настолько переигрывает в пьесе «Я не такая, я жду трамвая», что не выжмет из Лехи ни цента. Хотя долларов на пятьсот — штуку для начала вполне могла бы рассчитывать.

— Поехали кататься по городу! — предлагает Леха.

— Ой, даже не знаю! — лицемерит нимфа.

— Поедем на Воробьевы горы, там такой вид потрясающий, — разливается он. — Через пять минут будем, у меня быстрая машина.

— Ты сегодня на «Porsche»? — подыгрываю я.

— Ага.

— Подбросьте меня до «Just Another Bar»!

— Легко. Мы же подбросим его, правда...

— Лана, — наконец представляется она. — Конечно, подбросим!

Через пятнадцать минут Лехин «Porsche Cayman» движется по Петровке, нагло расталкивая собратов по движению и заодно пробки. На пассажирском кресле развалилась Лана, я же сижу, скрючившись в три погибели, на заднем сиденье — месте для собак и ничтожеств. В целом все отвратительно.

Меня бьет легкий озноб — то ли в баре слишком сильный кондиционер, то ли я простыл. В последние три часа все мысли, связанные с болезнями, без передышки несутся по кругу,

например: простуда — иммунодефицит — развитие болезни — саркома Капоши (последнее название я подцепил из сети). Хочется сладкого. Я подзываю официанта и заказываю двойной темный «Bacardi» с колой.

Наконец появляется Антон с миниатюрной блондинкой в голубой футболке, обнажающей пирсингованный пупок, коротких, чуть ниже колена, джинсах и голубых сапогах. Прямо-таки добрая фея из диснеевских мультфильмов! Она смотрит по сторонам голубыми линзами, изредка тербит локон и все время улыбается пухлыми губами (или это просто неудачный имплантант?). На ней масса стальной бижутерии с большими камнями, пластиковые часы Swatch, в одной руке она держит усыпанный стразами телефон, в другой — голубую сумку. Выглядит вся эта картина маслом так, словно телка не аксессуары несет, а восходит на престол со скипетром и державой. В целом девушка — одно сплошное несоответствие.

— Привет, — Антон хлопает меня по протянутой руке. — Познакомься, это Вика. Вика, это Андрей. — Очень приятно, — киваю я.

— Аналогично, — еще шире растягивает губы телка.

«Взаимно, а не аналогично, лошня», — улыбаюсь я.

— Как дела?

— Дела? — Она оправляет футболку и садится. — Хорошо. Сегодня вот на новую работу вышла, неделю назад ездила в Киев к родителям, братик в институт готовится поступать, я ему...

«Ты реально думаешь, что в ответ на вопрос "как дела" следует рассказывать биографию, начиная с факта своего рождения в уездном сельпо?» — Я демонстративно утыкаюсь в меню.

— Антон, а вы есть будете?

— Не знаю. Вик, мы есть будем?

— Я не буду точно, я после шести ва-аще не ем. — Она разводит ладони в стороны. — Антон, а закажи мне бокал шампанского?

— Ага. — Он машет официанту. — А ты чего такой смурной? Кстати, чего пьешь?

— «Bacardi». День сегодня какой-то мерзкий. Одни проблемы.

— Ой, и не говори! По Москве ездить стало невозможно, — начинает тараторить Вика. — Я сегодня с Арбата до «Курской» ехала полтора часа!

— На метро можно быстрее, — подкалываю я.

— Да ну, там народищу толпы, все пихаются — ужас! — Она корчит отвратную гримасу.

— Вик, если будешь много гримасничать, появятся преждевременные морщины, — вскользь замечает Антон.

— Я все время забываю. — Она словно бы в сердцах хлопает себя по щекам. — А где здесь туалет?

— Направо до конца, там увидишь табличку, — подсказываю я.

Вика хватает сумку с телефоном, и газелью срысывает в сторону туалета. В это время официант приносит шампанское.

— Это кто? — мрачно интересуюсь я.

— Не обращай внимания, колхозница одна. Приехала в кино сниматься. — Антон отпивает из бокала, отодвигает его и морщится. — «Asti» вместо шампанского принесли.

— Естественно, она же все равно не разбирается.

— Не зарубайся, я ее знаю всего неделю. Ну тупая, ну колхозница, но очень красивая, согласись!

Я послушно киваю.

— Главное, чтобы она тут умничать не начала. — Я приканчиваю «Bacardi».

— Она в принципе не напряжная. Через час еще подруга ее приедет.

— Это еще зачем? Называется, собрались узким кругом!

— Да что случилось-то? Чего ты быкуешь? Ну, будут с нами две незнакомые молодые телки, одна из них для тебя, между прочим.

— Да не хочу я никаких телок, надоели! Я с вами хотел посидеть.

— Я тебя не узнаю. То шустришь, как член на ножках, то впадаешь в женоненавистничество.

— Неприятности одни.

— Какие?

— Потом расскажу.

Вика возвращается из туалета не одна. Вместе с ней идет девушка в узких брюках, обтягивающей водолазке и золотистых сапогах. Впечатление такое, что сначала идут губы, а потом пришитая к ним девушка. С другой стороны, от входа, к нашему столу подходит Ваня. И тут «фулл-хауз», — думаю я.

— Знакомьтесь, это Таня, — представляет подругу вика.

— А это Ваня, — хором произносим мы, указывая на него.

— Я Андрей, — тихо говорю я, тыча себя пальцем в грудь.

Приземлившись за стол, все немедленно заказывают выпивку, чокаются и начинают обычный светский треп ни о чем, с закатыванием глаз и кокетством. Ваня быстро ориентируется, что Вика пришла с Антоном, и принимается каждые пять минут отвешивать громоздкие комплименты Тане (пользуется моим бездействием, скотина!). Таня уже не знает, каким плечом передернуть, насколько шире растянуть губы в улыбке и сколько раз дозволительно приличной девушке хлопать накладными ресницами. Судя по внешнему виду и манере поведения, она относится к тем умницам, которые начинают придумывать имена вашим будущим детям, если при встрече ты говоришь ей, что она хорошо выглядит, а на вопрос, «как тебе понравилась выставка картин Рериха?» отвечает что-нибудь вроде «вообще нормально так». Они мило щебечут, а мне хочется молчать еще как минимум сутки. Они стараются, чтобы на них обратил внимание весь ресторан, а я мечтаю спрятаться под стол и сидеть там, пока все не разойдутся.

Переходят к обсуждению музыки, и Таня говорит, что влюбилась в группу «U-2» после клипа «не помню, как называется, короче, там Боно в *клевой* дубленке ходит по аэропорту и прислоняется к стеклянным дверям». Я считаю большой удачей, когда девушка схватывает такие мелочи, без которых и музыка — не музыка. Одно название. Незаметно переходим на тему работы, и Вика спрашивает, чем я занимаюсь, а я отвечаю, что зарабатываю на литературе.

— Вы — писатель? — Она широко распахивает глаза.

— Нет, я наборщик в типографии, — сухо отвечаю я.

— А для меня вся литература в последнее время — сплошные чеки да ресторанные меню. — Девушки заливаются смехом и дружно теряют ко мне интерес.

— Ой, смотри. Галка идет! — Таня легонько шлепает Вику по запястью. — Гал! Гала! Салют!

К нашему столу подходит девушка лет двадцатитрех вся в розовом — от помады до сапог. Кажется, даже глаза у нее розовые. На локте висит розовый «Louis Vuitton», а в руке — два телефона Vertu, розовый и голубой. Девушки вскакивают и начинают дружно расцеловываться.

— Знаю ее, — шепчет мне Антон. — Она с какими-то влиятельными хачами часто тусует в «GQ».

— Всем при-и-и-вет, — посылает она нам воздушный поцелуй. — Как де-е-ела, девчо-о-онки, давно не виделись! — Едва ли не каждое слово она манерно растягивает, как эстонка, изучающая русский язык.

— А вы, наверное, дистрибьютор Vertu, — обращаюсь я к ней. — У вас два таких телефона красивых!

— Один мне подарил милый, а второй я на благотворительном вечере в лотерею выиграла. — С придыханием вещает она, потом быстро мажет по мне сверху вниз и заканчивает: — У меня их не два, а три. Третий в сумке — золотой. А то еще оторвут с руками!

Девицы начинают дружно смеяться, запрокинув головы и изо всех сил выгибая шеи (глянца дамского начитались, не иначе).

— Ну рассказывай, как дела! — игриво говорит Таня. — Куда пропала?

— Я только что с Эмиратов с Арсеном вернулась.
— Мать знает? — строго говорю я.
— Что? — какую-то секунду ее лицо выражает испуг, видимо, включилась кнопка из детства. — Не поняла!

Девушки умолкают.

— Это шутка такая, — спокойно поясняет Антон. — Например, звонит тебе подруга и говорит, что отплясывала вчера до пяти утра. А ты спокойно, но строго спрашиваешь: МАТЬ ЗНАЕТ? Эффект поразительный!

Девушки долго хохочут, раскрывая рты, как рыбы, выброшенные на берег.

— Ну, ты красавчик! — одобительно говорит мне Галя.

— Мать знает? Ха-ха-ха! Прикольная шутка, надо запомнить, — вторит ей Вика.

— Класс! — ограничивается коротким восклицанием Таня. Видимо, у них принято говорить по кругу.

— Три Vertu — это не только дурной тон, но еще три-четыре выпитых озера спермы, — говорю я Антону на ухо.

— Какие озера — целая Ниагара! — кивает он. Девушка подсаживается к нам, и волей-неволей все оказываются втянутыми в беседу. Я отворачиваюсь и рассматриваю окружающих, которые представляются мне объектами для статей в медицинской энциклопедии. У блондинки, покачивающей ногой в наполовину снятой туфельке — триппер, у рыжей, заразительно смеющейся над шутками обоих своих спутников — трихомонада, у брюнетки в белом топе с неестественно тонкой носовой перегородкой — сифилис, у снующих официанток — герпес, а у хостесс — и вовсе гепатит. Посмотрите, тут целый инкубатор болезней! И все они сегодня ночью обязательно с кем-то трахнутся, кому-то отсосут, кого-то поцелуют. Да тут целое змеиное гнездо — с ума можно сойти, если смотреть на все трезвыми глазами.

— Два двойных «Dewars», колу отдельно! — кричу я официанту.

Он кивает и пронесется мимо.

— Дрон, чего так гонишь? — изумленно смотрит на меня Ваня.

— Нажраться хочу, — честно отвечаю я.

— Случилось что? С девушками? — выясняет он. — Да нет, так... пустяки. Забей!

— Как скажешь. — Ваня отворачивается и снова ныряет в беседу с телками.

Почему люди такие глупые? На каждом углу, в каждой аптеке и супермаркетах висят гирлянды презервативов. Потратить пять минут своего времени и купить пару упаковок ничего не стоит. Какой же я идиот, вы только посмотрите! В век, когда даже по улицам нужно ходить в перчатках и марлевой повязке, я выбираю свободный секс.

Дурацкая поза, инфантильность, лень или надежда на то, что твои девушки — самые чистые в мире, — как еще это назвать? Причем, каждый раз перед сексом где-то на периферии сознания рождалась мысль о том, что стоит надеть резину. Да ладно, я Ритку (Ленку, Ольгу, Светку, Машку) знаю сто лет! А теперь чистая жесть: счет за пять минут сомнительного удовольствия. И телки тоже хороши, все без мозгов. Кого ни спросишь: «Ты всегда трахаешься без презерватива?», в ответ — одно и то же: «Ты с ума сошел? Это только с тобой. Я же тебе доверяю!». Впрочем, сам я отвечаю так же. Интересно, где я мог его подцепить? Исходя из всех контактов за последний год, ни одна, пожалуй, не подходит. И в то же время подходит каждая...

— Пока, Гал, — говорит кто-то за столом.

— Пока, Галл, — на автомате отвечаю я.

— Дрон, ты какой-то выпавший сегодня, — заявляет Ванька. — У тебя стресс перед выступлением?

— Ой, а вы выступаете? У вас группа? — интересуется Татьяна. — А какой стиль? R&B?

— Смесь «Комеди Клуб» и «Виа-Гры», — парирую я, — Юморная консумация.

— Ой, «Комеди» в последнее время смотреть стало невозможно, скажи, Тань? — включает Вика.

— Угу, — кивает Таня, втягивая «мохито» с такой силой, что, кажется, у нее сейчас глаза выскочат из орбит.

— Мы ходили в тот раз в «Атриум», вааще не смешно было. И потом, там, в зале, одни лохи какие-то, да, Тань?

— Угу, — снова кивает Таня, потом отлипает от трубочки и выносит вердикт: — вообще, в Москве такой народ стал... непозитивный. И лохов везде очень много. Главное, не пойму, как они всюду пролезают?

— А лохи — это кто? — спрашивает Ваня.

— Ну... лохи они и есть лохи... ха-ха-ха... чего тут непонятного? — Танька откидывает голову и звучно хохочет.

— Лапа, это пять баллов! — начинает ржать Вика. Потом они хлопают друг дружку по протянутым ладоням, как гребаные баскетболистки, и снова заливаются хохотом.

— Красавицы! — Я делаю идиотское лицо и поднимаю вверх кулаки с выставленными большими пальцами. — Реально убрали всех!

Антон настороженно смотрит на меня. Ваня тоже не смеется.

— Нет, все-таки, Тань, поясни! Кто такие лохи, на твой взгляд? — Я разом опрокидываю полстакана виски.

— Да что ты прикопался-то? — удивляется она. Видимо, в ее планах сегодня дать Ване, следовательно, мне можно хамить.

— Просто интересно, — не унимаюсь я.

— Дрончик у нас такой, если его что заинтересует, он будет копать до конца, — хихикает Антон. Его эта ситуация явно забавляет. Меня же — бесит.

— Ну, лохи — это всякие напряжные, немодные, нестильные люди. Которые тебя грузят, не умеют себя вести, одеты как колхозники...

— Как кто?

— Как колхозники.

— Ага. Я просто уточнил. Так, еще чем они примечательны? — Я добиваю виски.

— Ну еще они сидят дома, тупо смотрят ящик. — Таня закатывает глаза. — Что еще?..

— Постоянно спорят по любому поводу. Например, у меня есть одна знакомая, которая уперлась доказывать мне, что в Москве все телефоны Vertu — левые.

— Дура какая! Это Наташка, что ли? Да она такой телефон даже в руках не держала! — возмущается Таня.

— Тань, а ты телевизор не смотришь? — допытываюсь я.

— Я его вааще не смотрю. Только МУЗ-ТВ, или «Дом-2, или «Татьянин день», а вот эту ерунду — новости, криминальную хронику, сериалы — на фиг, на фиг!

— Ясно. Поэтому ты на позитиве все время, а лохи — нет, так?

— Нет, вы посмотрите, ребят, как он зарубается! — Вика смотрит на моих друзей. — Андрюш, у тебя стресс, наверное. Я тебе могу посоветовать а-фи-генного психиатра!

— Спасибо, — киваю я.

Лучше бы венеролога...

— Значит, главное — это позитив. А все, кто не на позитиве, — лохи, — киваю я. — Понятно.

— Не, не так, — смеется Танька. — Все лохи обычно не на позитиве. Впрочем, какая разница? Давайте еще «мохито» выпьем!

Господи, как же я ненавижу этих провинциальных телок, приехавших в Москву за своими десятью дозами ботокса! У них никогда нет «денег», зато непременно найдется «братик» — именно «братик», не «брат» (кстати, к сестре это уменьшительно-ласкательное не применяются, видимо, из-за конкуренции). Они ходят «кушать», ездят на неделю к «мамке» и постоянно остаются «на созвончике». Еще они называют подруг «лапа», любовников — «милый», а после шести вечера не едят «вааще». Тем не менее уродство внутреннего мира не мешает им именовать всех вокруг лохами, лучше других разбираться в модных тенденциях, знать все новые рестораны и клубы города, обладать всевозможными дисконтными картами, организовывать «проходочки», советовать другим «лучших врачей», «афигенных парикмахеров» и «крутых инструкторов па фитнесу» и постоянно «быть на позитиве». Такое

впечатление, что если раньше Фроси Бурлаковы приезжали в Москву учиться, то нынешние Клавы Мухины приезжают сюда *тратить*. Тратить быстро, и, конечно, не свои.

— Здорова, чуваки! — гремит слева чей-то голосу.

— О, Вован! — улыбается Антон. — А ты откуда?

— А мы с Лерой тут сидим, — Вован поочередно здоровается с нами. — Мы помирились, вот, пришли отмечать. Сейчас я вас познакомлю.

«Все. Финал. Только этого мы и ждали всю жизнь», — думаю я.

Вова возвращается с худой шатенкой лет двадцати пяти в коротком черном платье и туфлях на высокой шпильке. На ее высокой шее — нитка жемчуга, на руке — часы на стальном браслете, на лице — минимум косметики. Она сильно смахивает на Анну Самохину в юности. В общем, красивая телка. Непонятно, зачем она к этому мудаку вернулась? Не иначе как он пост коммерческого директора получил.

— Лера, познакомься, мои друзья: Антон, Иван, Андрей. И...

— Вика, Таня, — представляются колхозницы, поочередно пожирая глазами сначала Вову, потом его девушку. Вероятно, Вова их не особенно впечатляет, равно как и его девушка (Vertu нет), поэтому они дружно утыкаются в тарелки.

— А давайте соединим столы и выпьем вместе? — предлагает Вова. По лицам сидящих видно, что перспектива совместного выпивона не особенно их вдохновила, что Вову не останавливает. Он подзывает официанта и просит его перенести трапезу с их стола на наш. Колхозницы расстроены — еще бы: только было завалили своими сумками мой диван, теперь придется их на пол ставить. Они ведь «денег» стоят. Больше всего расстроен я: Вова явно нацелился сесть рядом.

— Ребят, у нас сегодня двойной повод, — громогласно заявляет Вова. — Во-первых, мы отмечаем с Лерой...

— Володь, перестань, — осаживает его Лера.

«Она явно не дура», — смекаю я.

— Ладно, ладно. Во-вторых, меня сегодня назначили исполняющим обязанности коммерческого директора!

Мне пора в Нострадамусы идти. Я хлопаю в ладоши:

— Браво, браво, браво! Жизнь удалась!

— Да! — торжественно кивает Вован. Девки отрываются от салатов и с интересом смотрят на Вована.

«Он не в нефти и не в строительстве, забудьте!» — хочется крикнуть мне.

— Поэтому предлагаю выпить! — Он разрубает воздух рукой. Давайте я всем «Chivas» закажу!

— И сигар!

— Можно...

— Ну да, конечно. И будем играть в приезжих нефтяников, которые отмечают в Москве выигранный тендер, — кривлюсь я.

— Почему нефтяников? — Володя не понимает, комплимент это или подстава.

— Потому что только редко навещающие в Москву провинциальные олигархи до сих пор думают, что круто пить «Chivas» и «Столичную», ходить в «элитную сауну», пороть там фотомоделей, а потом, завернувшись в простыню, говорить: «А теперь покурить — я сигары *уважаю*», — севшим голосом поясняю я с отсутствующим выражением лица.

— Он че, взбеленился, что ли? — начинает бычить Вован. Еще бы: тут же баба его!

— Нет, просто не хочу выглядеть лохом, — резюмирую я.

— А я, значит, хочу? — угрожающе говорит Вова.

— А что, «Chivas» только лохи пьют? — Таня явно решает пополнить свой вокабуляр модных тенденций.

— Нет, я не понял, кто тут лох?! — надвигается на меня Вова.

Я уже настолько бухой, что даже драться готов. Я встаю, глядя Вове в глаза.

— Володя, перестань, не видишь — он пьяный! — хватается за локоть Лера.

— Так, все, брейк! — Антон вскакивает с места и встает между нами.

— Мужики, хорош! Дрон неудачно пошутил. — Ваня вскакивает следом. — Дрон, прекрати, это уже не смешно!

— А я и не шутил, — меланхолично замечаю я. Антон хватает меня за плечи и утаскивает из-за стола.

Ваня держит Вована. Девушки замерли, приготовившись смотреть шоу.

— А вы, позитивные мои, чего молчите и не разнимаете? — обращаюсь я к ним. — Энтертеймента захотелось? Я для вас слишком дорогой аниматор. Слышите, колхозницы?

— Придурок! — не разжимая губ, бубнит Вика.

— Идиот какой-то! — говорит Таня. — Все, мальчики, я поехала. Весь вечер испортил, козел!

— Я, может, что-то не позитивное сказал? — смеюсь я.

Вова пытается вырваться из рук Вани, Антон резко дергает меня и уводит от стола:

— Так, пошли на улицу, проветримся!

— А как же мясное шоу?

— Пошли, говорю, клоун! — Я давно не видел Антона таким злым. — Шут гороховый!

— «Да, я щуууут, я циркаааач, так что же? Пусть меня так зовуууут вельмоооожи! Все они от меня далекииииии», — пою я. — Кстати, куда ты меня ведешь?

— На улицу. Воздухом дышать.

На улице Антон прислоняет меня к стене, приближается вплотную и, глядя в глаза, громко говорит:

— Что происходит? Я не понимаю, почему ты себя ведешь как придурок? ЧТО У ТЕБЯ СЛУЧИЛОСЬ? — Он трясет меня за плечи. — Ты можешь сказать по-человечески?

— Антон, Ленка залетела, — тихо говорю я.

— Когда?

— Что ты спрашиваешь, откуда я знаю, когда? Сегодня сказала...

— Ну и...

— Это еще полбеды...

— В смысле?

— Вчера мне позвонила Ритка и объявила, что больна... короче, заразилась трипаком...

— От тебя?

— Я чо, знаю?

— Ну, а у тебя есть какие-то признаки?

— В том-то и дело, что нет... пока. А может, и вообще нет.

— Тогда шли ее, она тебя на бабки разводит!

— Думаешь? А если не разводит?

— Пойдешь лечиться, тоже мне, бином Ньютона! — Антон сплевывает себе под ноги. — Ты из-за этого бычку устроил?

— Просто навалилось все разом. Одна проблема сменяет другую. Лечиться я пойду, но с залетом Ленки это как связано? Ленка же упертая, на аборт не пойдет. А какая беременность с триппером?

— Послушай, Дрон, чо ты горячку порешь? Может, нет тебя никакого трипака?

— А если есть? — с надрывом говорю я.

— Ну, даже если ты попал, признаёшься Ленке.

— Как я ей признаюсь, ты чего, сдурел? — я кручу пальцем у виска.

— Ну или не признаешься. Она все равно потом сама узнает, когда анализы пойдет сдавать.

— И чего?

— И пошлет тебя. Ты же сам говорил, что хочешь бросить обеих. Вот тебе хороший повод, гы-гы-гы. А трипак — он как насморк, у меня тоже был.

— Тебе легко стებაься.

— Дрон, а тебе сложно? Ты все равно попал. Я тебя предупреждал, что получится что-то вроде этой истории. Тем более ты же у нас весь в рок-н-ролле: нюхать кокос с незнакомцами,

спать с армией телок одновременно, трахаться без гондонов. Еще винтиться начни — будет фулл-хауз, может, гепатит подхватишь. Или СПИД.,.

— Тьфу! — Я чувствую, как немеют ноги. — Типун тебе на язык!

— А чего типун? Ты реально когда-нибудь доиграешься, точно тебе говорю! Ты в последний год какой-то полетевший.

— Слушай, давай только без морали, а? Я у тебя совета спрашиваю как у друга, а мораль в другом месте послушаю. На работе, например.

— Ну какой я тебе могу дать совет, брат? В любом случае, как бы ты ни бегал — с Риткой все закончено. Кстати, корпоратив тоже слетает?

— Нет вроде. Она сказала, чтобы я не волновался, на лекарства заработает.

— И то хорошо. Кстати, дай ей денег, подари чего-нибудь. А с Ленкой... Она все равно рано или поздно узнает.

— Поздно. У женщин это не сразу проявляется. А она беременная уж не знаю сколько недель.

— Тогда сразу скажи, а то потом подляна получится с твоей стороны.

— Вот я тебе про это и говорю. Жалко Ленку, она, в общем, хорошая баба, не стоит ее так подставлять.

— Ты ее уже подставил!

— Сука ты бессердечная!

— Я еще и виноват! Дрон, иди к черту! Сначала спит с кем попало, потом от него телка залетает, а он такой благородный, не хочет ее так подставлять. Погоди, звонит кто-то. — Он достает вибрирующий мобильный и говорит: — Хорошо. Я понял. Скажите мне, где вы будете... Ребята сваливают. — Это уже мне. — Давай отойдем подальше от входа, а то опять начнется.

Мы сворачиваем за угол и оказываемся в подворотне. Закуриваем.

— Слушай, — я глубоко затягиваюсь. — А что если... если найти гинеколога... своего. Который ей скажет, что рожать нельзя ни при каких обстоятельствах — типа у нее какая-то болезнь...

— Триппер, например...

— Ну чего сразу триппер? Придатки или там бактерии в микрофлоре...

— Ты смотри, какой подкованный чувачок, а!

— В общем, типа, необходимо лечиться антибиотиками, а это повлияет на плод, поэтому нужно делать аборт и пить лекарства, а?

— Дрончик, ты в своем уме? Какой врач на это пойдет? А если она потом проконсультируется в другой клинике? Она же на врача уголовку навесит!

— Да ладно, я ее уболтаю, перееду к ней, никуда отходить не буду, пока она аборт не сделает, а потом все как-нибудь рассосется.

— Ты точно псих! Ты меня извини, конечно, но это полный финиш! — Антон качает головой. — Я тебя умоляю, включи голову!

— Ну а что мне делать? — Я в отчаянии кусаю губу. — Я попал, понимаешь? Мне даже посоветоваться не с кем. Хоть из города вали!

— Это повторение пройденного. Хотя... тоже вариант, кстати.

— Я хочу исчезнуть, понимаешь? — Я чувствую, что вот-вот расплачусь. Да что там — я уже плачу. — Я хочу... хочу потом появиться через год и все начать по новой. Когда об этой истории все забудут. А сейчас у меня уже психика не выдерживает, сам видишь, — Я вытираю лицо рукавом.

— Тихо, тихо! — Антон поворачивает меня спиной ко входу в подворотню. — Хватит реветь, как корова. Может, тебе и вправду уехать?

Мы молчим, не глядя друг на друга. Где-то взывает сигнализация. У-а-у, у-а-у, у-а-у.

— В этот раз все сложнее, брат... — Я прислоняюсь к стене, задираю подбородок вверх и сглатываю слезы. — Я тебе наврал про триппер...

— Не понял!

— Рита сказала, она ВИЧ-инфицирована, — почти шепотом говорю я безо всякой подготовки, типа «я тебя прошу только не говорить никому, даже Ване» или «ты точно никому ни скажешь?». Меня колотит от страха, и, честно говоря, я даже не думаю о последствиях своего откровения.

— ВИЧ-инфицирована? — так же шепотом говорит Антон. — Ты в своем уме?

— Угу! — Я хлюпаю носом и быстро-быстро киваю. — Полный абзац. Я сегодня анализы сдал...

— И уже результаты есть?

— В среду...

— Ты знаешь... я когда вас с Решетниковой увидел на «Крыше», — на секунду он замолкает, — у меня появилось какое-то предчувствие. Она очень плохо выглядела. Бледная какая-то. Я еще подумал, может, освещение?

— Она мне всю неделю жаловалась на здоровье, мол, лимфы вздулись, а вчера сказала, что сдала анализы и... и... — Я закрываю лицо ладонями, потому что не могу больше говорить

— Это точно не подстава? Она у тебя не брала денег, или машину чужую, ну или еще что-то?

— Неа-а-а, — мычу я, — я тоже сначала так подумал. Она у меня десятку занимала, а сегодня отдала...

— Какой кошмар! — Антон становится совершенно белым. — Я, я даже не знаю...

— Да ладно, брось! — честно говоря, меня слегка отпустило после того, как я поделился своей новостью. — С ней все понятно, со мной все понятно, остается только Ленка и наш ребенок...

— Лучше сказать ей, Андрюх! — Антон закуривает и сосредоточенно смотрит на уголек сигареты. — Сейчас сказать. Это будет честно.

— Я боюсь, — честно отвечаю я.

— Давай я скажу!

— Я тебя умоляю, не надо! Пожалуйста! Я же с тобой поделился как с самым близким другом!

— Хорошо-хорошо, не буду.

— Может, все-таки врача какого-нибудь порекомендуешь?

— Плохая комбинация. Это не по-человечески, Дрончик, — Антон замолкает.

Я смотрю в небо и думаю о том, что еще год назад мы с ним так же стояли вдвоем, прислонившись к теплой кирпичной кладке форта «Александр», отходя от ночного угара на «Фортданс»... Пять или шесть утра, на большую землю отплывали первые пароходы, кричали чайки, смеялись девушки, бухала музыка — и все было хорошо и легко. Впереди — экскурсия, которую я ему устроил, ночные вылазки в самые стремные закоулки моего родного города, новые знакомые, танцы и легкие наркотики, потом катания по Неве, Петергоф... Впереди — планы о создании группы, смене работы, гастролях. А главное, действующие лица сегодняшнего ужаса тогда еще не появились на горизонте.

— Тох, не молчи, я тебя умоляю! — снова начинаю хмыкать я. — Скажи что-нибудь!

— Ладно. — Антон вытаскивает телефон и начинает стучать по клавишам. — Я тебе зашлю визитную карточку человека, его Дима зовут. Может, он поможет. Но это дорого.

— Мне все равно, — безропотно отвечаю я. — Главное, чтобы она не надумала рожать.

— И никаких гарантий! Отправил. Завтра ему позвони, скажи, от меня.

— Хорошо. — Я достаю вибрирующий мобильный. «Отправлена визитная карточка. Принять?»

— Спасибо, тебе, брат! — Я сохраняю «визитку», убираю мобильный в карман и, не поднимая глаз на Антона, говорю: — Тох, ты меня не бросишь? Ну, в смысле мы будем общаться, когда у меня СПИД найдут?

— Еще не нашли.

— Неважно, Тох. Ты же понимаешь, что шансов нет! Тут без вариантов. У меня, кроме тебя и Ваньки, нет друзей. — Я сажусь на корточки, обессилив от рыданий.

— Так. Все-все, хорош! — Антон меня поднимает. — ВИЧ — это еще не СПИД. С ВИЧ люди живут долго. Вот Мэджик Джонсон например...

— Он баскетболист, у него здоровья много...

— А ты наркоман и алкоголик. — Он пытается меня развеселить. — И друзья у тебя такие же!

— Тох, Тох! — Я обнимаю его, утыкаясь головой в плечо. — Ты... ты мне как брат, даже больше...

— Брат, брат. Только я теперь с тобой из одной посуды пить не буду. И ночевать в одном доме тоже.

— Вот гад!

— А ты как хотел? — Мы снова обнимаемся. — Не переживай, вырулим!

— Никуда мы не вырулим, — улыбаюсь я сквозь слезы. — Ни-ку-да не вы-ру-лим...

— Посмотрим! — Антон кидает бычок в темноту. Кажется, он тоже понимает, что выруливать тут некуда. — Пошли обратно?

— Пошли. Все равно ничего больше не остается...

В ресторане больше не холодно, зато дико душно. Поскольку за наш столик рассчитались, мы остались без места и стоим у барной стойки в окружении каких-то иностранных пузанов с их непременными уложенными гелем редкими космами и белыми рубашками, расстегнутыми до пупа. Вокруг пузанов роятся молодые шлюшки и пожилые нимфоманки. Мы опрокидываем еще по сотке в полном молчании. Чего уж тут обсуждать...

Меня мутит. Глаза режет, тошнота волнами поднимается к горлу, голова начинает болеть. Бросив на стойку две тысячи, я предлагаю Антону валить отсюда.

— Поехали! — Антон смотрит на часы.

— Я только за Викой заеду.

— А где они?

— В «Баре 7».

— Ясно. — Я икаю. — Погнали такси ловить.

В проходе у раздевалки огромный мохнатый медведь (или бобер?) розового цвета предлагает всем проходящим мимо какой-то энергетик.

— Взбодрись, вся ночь впереди! — выкрикивает он. — Молодые люди, попробуйте новый энергетик!

— Спасибо, нам не надо, — на ходу отвечает Антон.

— В придачу к банке энергетического напитка — три презерватива. — Медведобобер хватает меня за локоть. — Мужчина, возьмите презервативы, они вашей даме очень понравятся, гы-гы-гы!

— Отьебись, медвед! — вырываюсь я.

— А чо сразу хамить-то? Или средства контрацепции не для вас? — огрызается этот урод.

— Чо ты сказал? — Я резко разворачиваюсь. — Ну-ка, повтори еще раз!

— Выпей энергетика и возьми презерватив, чувак! — ржет эта сволочь. — Вся ночь впереди!

— Где же ты раньше был? — Я с размаху бью кулаком прямо в нос медведю. Он делает шаг назад (видно, костюм смягчил удар), и я снова бью левой рукой в оскаленную улыбку. Пробив кулаком плюшевые зубы, попадаю во что-то жесткое — видимо, в голову. Медведа отбрасывает к стене, но он успевает ответить мне банкой энергетика в лоб. Язычок банки отлетает, высвобождая пенную струю коричневого цвета, заливающую меня с ног до головы. Я отскакиваю, вытираюсь рукавом, в это время из туалета выходит та самая розовая Галя и оказывается между нами:

— Вау! Это чего у вас тут за цирк?! — визжит она то ли от восторга, то ли от страха.

Я прищуриваюсь, фокусируя зрение, и выношу вперед правую руку таким образом, чтобы ударить мимо Галиного плеча прямо в рот зверю. Но попадаю точно в рожу Гале, невовремя шагнувшей в сторону. И Галя вместе со своими телефонами, сумкой и бокалом шампанского в руке падает навзничь. «Интересно, она и в туалет с бокалом ходила?» — успеваю подумать я. Воспользовавшись моим промахом, чудовище бросается на меня, валит

на пол, и мы начинаем кататься, осыпая друг друга градом ударов. Медведю достается меньше — он ведь ряженный, а у меня уже кровь носом идет. Оказавшись внизу, я вижу, что Галя на подкосившихся ногах кое-как стоит, упершись в стену, и орет благим матом:

— Помогите! Бандиты! Помогите! Кто-нибудь!

Она запрокинула голову назад, чтобы сдержать кровь, хлещущую из носа и брови, вся ее косметика невероятно быстро размазалась и стало видно абсолютно белое лицо, искаженное болью и истерикой.

Все происходит настолько молниеносно. Что ни Антон, ни охрана не успевают среагировать на мою драку с монстром.

— На, сука, на, на! — ору я, усевшись верхом на медведа, и продолжая колотить ему в бубен. Медвед скидывает меня, прижимает собственной массой к полу и начинает бить своей плюшевой головой. Я закрываюсь руками. Наверное, это дико смешно — в жопу пьяный чувак, катающийся по полу в обнимку с мохнатой игрушкой. Битва с брендованным промо-зверем как иллюстрация конца человеческой цивилизации. Люди против брендов: осталось только трахнуть манекен в витрине ЦУМа...

В конце концов нас растаскивают охранники. Кто-то орет: «Вызывайте ментов!», кто-то наносит мне пару ощутимых ударов в печень... Антон хватает меня за шиворот и волоком тащит на улицу, а я упираюсь и ору:

— Пусти, я ща порву нахуй эту розовую пантеру!

ВТОРНИК

*I was a good kid,
I wouldn't do you no harm.
I was a nice kid,
With a nice paper-round.
Forgive me any pain
I may have bring to you.
With God's help I know
I'll always be near to you.
But Jesus hurt me
When he deserted me, but
I have forgiven Jesus
For all the desire
He placed in me when nothing I can do
About desire.*

Morrissey. I have forgiven Jesus

Всю ночь меня мучила бессонница. Я потел, ворочался, бегал в туалет. Те редкие моменты, когда мне удавалось уснуть, были похлеще потного бодрствования — во сне ко мне приходили Рита с рулем в руках, Лена с неестественным, огромным животом. Катя, одетая как секретарша крупного промышленника из рекламы дезодоранта «Ахе», Всеславский, потрясающий моим неработающим диктофоном, промо-медвед, Антон с укоризненным лицом и даже медсестра, бравшая у меня анализы. Последняя почему-то сидела на потолке, укрывшись крыльями.

В общем, в восемь утра я окончательно проснулся. Во всем теле жуткая ломота и слабость. Общее состояние характеризовалось одним словом — подавленность. Сегодня еще это выступление на корпоративе... Надо как-то оживать. Я сунул ноги в тапочки и зашаркал к компьютеру. Думал сделать кофе, но желудок стало покалывать при одной только мысли об этом.

К десяти часам, обследовав четыре сайта, посвященных проблеме СПИДа, я обнаружил у себя почти все признаки заражения. По большому счету, каждый из них находил свое рациональное объяснение: белый язык объяснялся обилием алкоголя и сигарет, ломота в мышцах и щелканье в суставах — вчерашней дракой, слабость и отсутствие аппетита — бессонницей, бессонница, в свою очередь, — нервным напряжением. Даже увеличившиеся под мышками и в паху лимфоузлы я готов был списать на то, что натер их ежеминутными ощупываниями. Но что-то мне подсказывало, что одновременное появление таких симптомов — не случайность. Еще я дико потел, каждые полчаса бегал в душ, а после душа вертелся перед зеркалом в поисках пигментных пятен. Пятна пока не появлялись, равно как и температура — градусник упорно показывал 36,4-36,6, несмотря на то, что минут сорок я с ним практически не расставался.

Еще через час я узнал, что так быстро все признаки болезни не проявляются. Обычно это происходит через две-три недели после контакта, и даже наличие признаков не доказывает ничего, пока не готовы анализы. Проблема состояла в том, что определить, с кем и когда у меня был контакт, не представлялось возможным. Конечно, можно считать основной подозреваемой Риту, но круг девушек — потенциальных носителей ВИЧ, в моем понимании выглядел значительно шире.

Время, проведенное на форумах, где больные делятся своими историями, обогатило мою лексику такими терминами как «контактер с невыясненным статусом», «анализ ИФА», «экспресс-тест», «НИИ Пастера». Я узнал практически все способы заражения — от шприца до орального секса, прочел сотни две вопросов новичков, половину из которых мог бы задать сам. Попадались самые разные, от: «У меня был секс с проституткой, на мне было два презерватива, один из которых порвался, возможно ли заражение?» до совсем идиотских типа: «Я мастурбировал в озере — мог ли заразиться?». Но даже этот вопрос не показался мне смешным, я поймал себя на мысли, что начинаю втягиваться, что истории всех этих людей во многом перекликаются с моей собственной я начинаю жить их проблемами, вникаю в

развитие болезни и... и привыкаю с этим жить. Пока я не залезал в темы форумов, где обсуждалась финальная стадия. Я еще надеялся на отрицательный результат анализа, да и, честно говоря, боялся. От выражения «финальная стадия», которую обитатели форумов использовали вместо слова «смерть», веяло еще большим ужасом.

В двенадцать позвонил Всеславский. Если коротко, моя мечта покинуть мир глянца наконец сбылась. Меня уволили. Всеславский разразился долгой тирадой про «бесконечные задержки с материалами», «постоянно падающее качество», «несоответствие подачи уровню издания». В конце беседы он даже позволил себе слово «халтура». Причиной моего увольнения оказалась не испорченная светская хроника и даже не пустая диктофонная дорожка, на которой должно было быть интервью с Бухаровым. Всею виной стала пресловутая статья про косметику для собак. Оказалось, Всеславский еще в понедельник пришел в ярость от такого продукта для идиотов, но, чтобы подкрепить свои сомнения, позвонил в компанию Вадима и осведомился о наличии подобного продукта. Через полчаса на его имя пришло официальное письмо, подтверждающее, что продукт Doggy Miorr никогда не выпускался и не продвигался компанией ни на одном из мировых рынков. Более того, компания считает появление подобного материала в прессе провокацией, чьей-то глупой шуткой либо злонамеренными действиями конкурентов. Одним словом, получалось, что я просто подставил журнал, подмочил репутацию лично Всеславского и всего коллектива. Напоследок Всеславский великодушно заметил, что весь причитающийся остаток жалования мне выплатят до конца месяца, если мои задолженности перед бухгалтерией в части авансовых отчетов будут к тому времени погашены. При переводе с главредовского на человеческий это означало «то на то и вышло», то есть стороны расстались, не имея друг к другу финансовых претензий.

Итак, с этой частью моей профессиональной карьеры покончено. С другой стороны, по сравнению со СПИДом все остальное просто меркнет, даже увольнение.

Первой мыслью было позвонить Вадиму, пообещать, что я вынесу всю историю с его заказняком в Интернет, или написать письмо руководству его компании, или набить ему морду, наконец. Только что это могло изменить? Скажет, что впервые слышит, и даст отбой. Из свидетелей нашего диалога у меня только Антон да этот киевский Боря. И шансы у меня, пусть и популярного, но всего лишь журналиста вывести на чистую воду монстра маркетинга, бывшего политолога и профессионального подонка явно невелики.

Позвонить Ленке и устроить ей истерику? В нашем с ней теперешнем положении? Ленке, конечно, нужно позвонить, только по другому поводу... Ах, да — врач...

Поковырявшись в списке контактов, я нашел номер, который накануне дал Антон.

— Да! — ответ звучал хрипло.

— Здравствуйте, Дима, меня зовут Андрей, я от Антона Панина, у меня проблема...

— Слушаю вас. В чем проблема?

— Мне нужно сдать анализы на беременность, то есть не мне, конечно, а моей девушке. В общем, нужен такой анализ, чтобы она...

— Ясно. Напишите мне на почту суть проблемы, я перезвоню.

«Шифруется, чувак, значит, не впервой».

— Давайте адрес!

В письме на mengele@mail.ru я подробно изложил свою историю про возможную болезнь, незапланированную беременность Лены и необходимый результат анализов или обследования, ясно обосновывающий причину, по которой рожать нельзя.

Отправив письмо, я позвонил Антону, поблагодарил его, сказав, что готов к корпоративу. Минут пять слушал его «держись, чувак, я за тобой заеду» и «все будет нормально» и попрощался до вечера.

После Антона позвонила Вера из «Одиозного», рассказав, что весь офис обсуждает мое увольнение, а ей дико жалко, и она готова приехать, чтобы поддержать меня и обсудить, как она может быть полезна в моем грядущем трудоустройстве. Я ответил что-то вроде «да-да, прикольно!» и отсоединился, не дав ей договорить. Я не испытывал никакого желания

впутывать в круг своих проблем постороннего человека. Особенно девушку, горящую желанием...

Доктор Дима ответил на письмо довольно быстро и коротко: «Вариант стремный. Никаких гарантий, что она не пойдет на повторное обследование. Моя консультация по этому вопросу стоит пятерку. Будешь готов — дай знать!».

Недешевый доктор, надо заметить. Но выбора нет. А главное, он прав: что дальше? Как убедить ее в том, чтобы не делать повторных анализов? Переехать к Ленке, всюду ходить с ней за руку, не сводить с нее глаз и не давать обсуждать свой залет с подругами, знакомыми, а главное — родителями? Самое страшное — подруги: эти бестии моментально найдут других врачей, расскажут сто примеров из личной жизни, приедут, утешат, обнадежат. Да, действительно, вариант только один: переехать к ней и отрезать все ее контакты, пока она не сделает аборт...

Мне очень хочется спрессовать все события в один час: звонок Ленке — консультация — аборт. Все. Мысли о том, что я что-то делаю не так, отсутствуют. Главное — уговорить ее сейчас, ускорить процесс, привести туда за руку, а потом — все. Ничего не было. Никакой беременности, никаких абортов. Я утешаю себя тем, что так будет лучше для всех. Никаких разбитых сердец, больных детей, брошенных матерей-одиночек. Удивительно: как только задумаешь какое-то ублюдство, способное вытащить тебя из дерьма, быстро находится здравая логика, правильные аргументы и доводы, оправдывающие все что угодно. Единственное, что кажется мне странным, то, что я впервые в жизни принимаю решение за другого человека. Подобные вещи мне вообще несвойственны, но разве у меня есть выбор?

И почему Богу угодно свалить все возможные неприятности на голову одного маленького человека? Неужели я — единственный, кто слишком грешил, слишком богохульничал, слишком не любил других людей? Я был одним из всех. Да-да! Почти такой же, как они. Простой хороший парень — не больше, не меньше. Неужели Ему кажется логичным найти одного ответственного за все пороки нашего общества? Чтобы другим неповадно было? Да, так они и не узнают! Даже гибель от СПИДа, наркотиков и алкоголя суперзвезды, растиражированная СМИ по всей планете, не способна никого уберечь, оградить или сделать лучше. Люди беспечны — этому их учит технический прогресс. Бог об этом знает? Может, Он просто ошибся? Ошибки случаются, с кем не бывает. Пускай Он все исправит, и мы торжественно простим друг друга, я человек незлопамятный. Все это бред, конечно. Люди в наше время вспоминают о Боге в самые тяжелые моменты — когда бросает жена, умирают родители или не дают ипотеку... С другой стороны, даже нам, маленьким, наспигованным современными технологиями ублюдкам, нужен кто-то главный, последний, к кому можно апеллировать. Даже без надежды на помощь. Просто знать, что Он есть — и все тут.

В половине второго ситуация резко ухудшилась. Сначала я позвонил Ленке, и, мило воркуя, предложил ей сходить на консультацию к лучшему доктору Москвы. Еще я сказал ей, что теперь, когда она готовится стать матерью, а я — отцом, нам необходимо видеться ежедневно, потому что кто-то должен держать все под контролем, заботиться о ней и все такое. Поэтому я немедленно, то есть завтра, после консультации, перееду к ней. Или она ко мне. Ленка, расчувствовавшись и, естественно ожидая подвоха, чуть не разрыдалась от счастья, и во всем со мной согласилась. Вот так. Делать омерзительные поступки легче, чем обдумывать подступы к ним.

Испытав некоторое облегчение после разговора с Ленкой, я пошел в туалет и обнаружил, что у меня начался жестокий понос... Я моментально покрылся испариной, заметной даже несмотря на то, что последние пять часов и так потел непрерывно. Паника усилилась. Градусник показал, что температура поднялась до 36,9. В общем, началось...

Самое страшное — что результаты анализов надо ждать до завтра. До утра слишком много времени, в этом вся проблема. Время можно было бы убить, если бы я проснулся сегодня, например, в двенадцать, занялся бы делами, отыграл корпоратив, а потом наступило завтра... Но сейчас только два часа дня — дел никаких, и до корпоратива еще восемь часов. Даже если пойти до «Паризьена» пешком, на это уйдет максимум минут сорок. Но пешком я не пойду, Антон обещал заехать. Иными словами, у меня слишком много времени. Я сижу и

тупо смотрю на записку, лежащую передо мной на столе. Четыре цифры: «3819», номер моего анализа... Или моего лотерейного билета?

Я снова принял душ, почистил зубы, минут десять потратил на изучение надписей на тюбике зубной пасты «Lacalut Brilliant White» — немцы обещали тщательно и бережно удалить бактериальный налет. Может, член натереть? Уничтожить бактерии. Дурь какая-то в голову лезет, говорят, это первый признак беспомощности.

Следующие два часа я трачу на поход за сигаретами, прослушивание радио, просмотр телепрограмм и прочую ерунду. Я даже на крышу умудрился вылезть, воспользовавшись тем, что открыт чердак. Постоял минут пятнадцать, выкурил три сигареты и вернулся в квартиру.

Хотел было позвонить Ритке, но что я мог ей сказать? Типа «давай держаться вместе» и все такое? В итоге просто вырубил телефон, чтобы никто не достал. В Интернет не залезаю — слишком велик соблазн погрузиться в изучение той самой финальной стадии. Правда, напоминаний о болезни мне и так хватает. СПИД везде — он попадается мне на глаза в виде плаката социальной рекламы «Настоящее чувство и верность партнеру — лучшее предохранение», когда выхожу на улицу, он в песнях на FM-волнах: «У тебя СПИД, а значит, мы умрем» — поет Земфира. Брюс Спрингстин — «Streets of Philadelphia» из одноименного фильма про больных СПИДом, ВИЧ как тема программы «Пусть говорят» Андрея Малахова... Кажется, все вокруг хотят лишний раз напомнить мне о болезни, хотя она и так не оставляет меня ни на минуту.

От безысходности лезу на форумы, параллельно серфя по поисковикам за историями про звезд, больных СПИДом. Меня интересует только одно: сколько с этим живут? Меркьюри протянул семь лет, Нуриев меньше, а Мэджик Джонсон до сих пор жив. «Последние года три я постоянно болею. Мой парень поддерживает меня, мы даже думали о детях, но мне что-то все хуже и хуже», пишет Наташа из Ростова. «После того как я получил положительный результат, года два все шло совсем неплохо потом начались ухудшения» — это Twin из Саратова. Такое впечатление, будто я слежу за перепиской мертвецов. Нет-нет, надо с этим заканчивать, так я и сам постепенно превращаюсь в мертвеца.

Включаю видео, ставлю «Trainspotting», один из самых моих любимых фильмов. Искренне хохочу над наркоманским юмором, прусь от саунд-трека и вырубаю ровно на том моменте, когда один из героев ошибается и вместо видео с футболом возвращает в прокат кассету с собственноручно снятым хоум-порно. Во-первых, я с Риткой тоже сделал пару записей, а во-вторых, в следующей сцене этот парень признается: «Понимаешь, сам не знаю, как такое вышло, только вот у меня СПИД».

Достаю из шкафа бутылку «Dewars», залпом накатываю стакан, вставляю в плеер диск с концертом Моррисси «Who put "M" in Manchester», и заваливаюсь на диван:

*You have never been in love
Until you've seen the stars,
Reflects in the reservoirs.*

Моррисси поет, стоя на самом краю сцены и поставив ногу на монитор. Камера показывает зал, где тысячи фанатов вытягивают руки вверх, а в середине фан-зоны трое держат в руках белый плакат: «Daddy, welcome back home!». Из переднего ряда вылезает парень. Я смотрю, как он забирается на ограждение, отталкивается и виснет на краю сцены. Охрана оттаскивает парня, но он успевает пожать руку Моррисси. Его волокут от сцены, а он улыбается, размахивает руками и подпевает. То же самое творится в зале. Все поют, воздев руки вверх. Единение.

У меня наворачиваются слезы. Вот то, чего я хочу: страданий, мрачной лирики, тысяч родственных душ, знающих наизусть мои тексты. Концерты, туры, записи в студии... Жизнь в уединении. Я не хочу участвовать в этом глобальном балагане сошедших с ума офисных клерков и их жен-домохозяек. Где мои сорок тысяч фанатов, скандирующих на стадионе «Миркин, Миркин!» и растягивающих плакат «Who put "M" in Moscow? Daddy, welcome back home», после того как я спустя пять лет, проведенных в добровольном отшельничестве в

Багдаде, вернулся в Москву с новым альбомом? Что я делаю здесь, когда мое предназначение совсем в другом? И хватит ли у меня на это времени?

Я вырубая телевизор, хлопаю еще виски, подхожу к столу, включаю диктофон и начинаю тупо наговаривать все, что накопилось за последнее время. Такой вот «хип-хоп» души...

А ведь Леха верно сказал: бежать, бежать отсюда! Я артист, а не коммивояжер. Вместо того чтобы заниматься творчеством, я вынужден проводить время в постоянном движении в никуда. Я должен работать журналистом в престижном издании, чтобы создавать себе имидж успешного раздолбая. Я пишу пафосные статьи, воспевающие жизнь пластилиновых людей, освещаю мероприятия для конченных ублюдков, беру деньги от напыщенного и самовлюбленного быдла, которое хочет, чтобы о произведенном им дерьме узнал весь мир. Я делаю пустые интервью с персонажами, все достоинства которых состоят в том, что они в свое время удачно продали несовершеннолетних дочерей сутенеру, в свою очередь, еще более удачно перепродавшему их олигарху из первой десятки «Форбс». Персонажи могут часами рассказывать, как добиться успеха и стать на них похожим: как трахнуть с известным продюсером, отсосать у модного дилера или вступить в какую-нибудь лажовую партию. Я пишу дерьмовые статьи, оплаченные дерьмовыми людьми, чтобы вся остальная дерьмовая публика дровичала на них и спрашивала себя — достаточное ли я дерьмо, чтобы стать героем журнала? Кругом одно дерьмо — это я и называю говножурналистикой. Проблема в том, что пишу я неплохо, и это временами делает мою жизнь непереносимой. В войну журналисты, «с лейкой и блокнотом», делали талантливые репортажи, ползая на переднем краю под пулями. Нынешние журналисты — тоже на переднем краю: у фуршетного стола, с вилок и подносом. Да, единственное, что нас роднит с военными журналистами, — это ползание. Правда, мы ползаем в основном в заказанных не нами VIP-ложах ночных клубов, рискуя схлопотать от охранника, если снимешь его босса в обнимку со шлюхами. Клуб «Рай» — наш передний край. Ха-ха-ха! Так смешно, что блевать тянет. Я успокаиваю себя тем, что работа офисного планктона еще более непереносима, но от этого утешения легче повеситься. Есть еще работа заправщика на бензоколонке или грузчика на складе, но это в теории. Да, такой вот крутой и талантливый: не слишком много работаю, не слишком мало зарабатываю. Имидж — *uber alles*!

Но одного имиджа мало, нужны еще правильные друзья. Я «обрастаю связями», «вхожу в контакт», «пересекаюсь» и так далее. Я тусую с массой полезных людей в надежде на то, что кто-то из них «протолкнет», «даст наводку», «поспособствует», «сделает звоночек» и все такое. И после этого моя жизнь изменится: меня включат в TOP 100 самых красивых людей Москвы или пригласят работать на телевидение, или предложат должность главреда «Плейбоя», или дадут собственное ток-шоу на радио. В общем, каким-то образом я стану популярным персонажем, и тогда диск моей группы с радостью выпустит любой рекорд-лейбл. После выхода альбома я наконец стану официально именоваться артистом, а значит, смогу заниматься творчеством. Следовательно, стану знаменит. Во всяком случае, я так объясняю себе цель своих ежедневных мельтешений. Хотя очевидно, что никто из этих самых полезных людей и пальцем не пошевелит, чтобы помочь мне. Тем более бесплатно. Все они пидорасы, тут Леха прав. Но я с упорством маньяка продолжаю свой бег на месте. Идея сконцентрироваться на записи гениального альбома, а потом обить пороги всех рекорд-лейблов, мне не приходит в голову. Причинно-следственная связь: запись диска — популярность — ток-шоу — телевидение кажется мне слишком сложной. Опять же успокаиваю себя мыслью, что в нашей стране все делается через связи, то есть через задницу. Чтобы стать известной телеведущей, нужно сначала написать разоблачительную книжку и получить статус писательницы. Чтобы стать писательницей, нужно сначала выйти замуж за миллионера, чтобы было кого разоблачать, а для того чтобы стать женой миллионера, нужно сначала года четыре поработать проституткой. Мораль - любая блядь может стать ведущей ток-шоу «Моя семья». Главное — крепкая задница! Я стараюсь попасть в правильный клуб и познакомиться с его владельцами, чтобы они пускали меня в свое заведение без всякого фейс-контроля. «Что за бред?» — подумаете вы. Ведь суммы, которые я каждый раз оставляю в клубе, не уменьшаются, несмотря на знакомство с владельцем. Это все равно что стремиться познакомиться с кассиршей в супермаркете, чтобы она без очереди пускала тебя скидывать

лаве за покупки! Так — да не так, скажу я вам. Вы забыли про главную составляющую — правильные понты. Когда ты стоишь с двумя телочками на пороге клуба «Мост», где проходит закрытая вечеринка, а толпа на входе пытается договориться с фейс-контролем, и телочки понимают всю сложность ситуации, но все еще не теряют надежды пройти и переступают с ноги на ногу что твои лошади, ты достаешь мобильный, лениво набираешь номер и говоришь: «Жор, привет, со мной Лена и Таня, нас не пускают!». Это и есть правильные понты. Ради этой минуты тотального превосходства над окружающими, благоговейных взглядов телочек, и шепота: «Вот гондон!» за спиной — ради этого ты и тусил все эти ночи, чувак!

Кстати, телки в основном — составляющая понтов. Как машина, костюм, кредитная карточка или телефон. Красивая телка заменяет все эти девайсы. Вероятно, поэтому у меня и девушки непростые. Тут Леха опять прав. Как машины среднего ценового диапазона, только вместо лампочки, которая включается на приборной доске, когда машину пора заправить, ты слышишь звуковой сигнал «я люблю тебя» — и достаешь кредитку. «Я люблю тебя» — ничего не значащая реплика, нечто вроде слов-паразитов, связующих паузы в диалоге. Девушек у меня становится все больше, поскольку имидж ловеласа дополняет «правильное позиционирование». Наличных все меньше — это добавляет проблем и связей с сомнительными личностями, чьи рестораны ты потом включаешь в свои рейтинги.

О настоящих чувствах боюсь и говорить. Взять хотя бы эту студентку. Я хотел любить ее по-настоящему, с ревностью, ожиданиями у подъезда, обвалом электронной почты, ICQ и телефона. Но я боюсь любить, понимаете? Мне страшно оттого, что через какое-то время все непременно скурвится, опошлится, разменяется на мещанский быт, благоустроенность, а после — на дешевые блядки на стороне, обоюдное вранье и скандалы.

Отсутствие любви я компенсирую «правильными понтами». Шмотки, рестораны, отдых за рубежом, и главное — многочисленные романы. Если мои понты обменять на деньги, Абрамович работал бы у меня шофером. Ну это в будущем, а пока я просто «самоопределяюсь», «ищу свой путь», «пробую разные области», «стараюсь быть многогранным». Провожу жизнь в бесполезных метаниях, называемых «тусовка по бизнесу». Идиотское, взаимоисключающее определение... Если не лукавить, я занимаюсь самообманом...

Мне страшно признаться самому себе, что, кроме уже изложенного, Я НИ ЧЕРТА НЕ УМЕЮ ДЕЛАТЬ! Я обычный прожигатель жизни. Мне двадцать семь, у меня ни семьи, ни девушки, ни нормальной работы, ни нормальных друзей. Я бездарность, популист, тупой урод, подонок, заболевший СПИДом и, до кучи, заразивший женщину и ребенка. Я кручу романы, занимаюсь ерундой, употребляю алкоголь и наркотики, чтобы заглушить мысль о том, что я полный ноль. Вместо этого я внушил себе, что все так живут. Работают, чтобы получить правильное позиционирование, дружат ради промоушена и спят со смазливymi телками, чтобы компенсировать отсутствие дорогой машины и золотой «AmEx». Все эти составляющие помогут мне в скором будущем влиться в шоу-бизнес, стать супер-успешным и, как следствие, супер-богатым чуваком.

Уж тут-то я развернусь! Наконец я смогу ходить в тренировочных штанах, растянутой футболке, разбитых кроссовках и с запущенной щетиной. Я проебу миллион (или сколько там?) долларов, полученных от продажи диска за пару месяцев (впереди еще много платиновых альбомов). Я разобью пару автомобилей стоимостью от 300 тысяч евро, переругаюсь со всей прессой, устрою скандал в прямом эфире «Первого канала», вместо ванной стану мастурбировать на концертах и орать тысячам поклонникам «Rare me!», я пошлю нахуй президента «EMI Records», стану другом пиратов, интернет-хулиганов и всяких асоциальных типов. Я приму ислам! Начну перечислять деньги террористическим организациям и «Гринпис». Стану борцом против корпораций! Правозащитником! Диссидентом! Алкоголиком! Не исключено, что еще и героиновым наркоманом впридачу! Я порву эту чертову систему! Неплохо было бы еще вскорости сдохнуть от передоза...

Я похож на Джастина Тимберлейка, хотя мечтаю выглядеть, как Джим Моррисон. Мои кумиры — Курт Кобейн, Микки Рурк и Моррисси. Классические лузеры! Ну и еще немного

Тупак Шакур, из-за музыкального стиля, в котором я работаю. Нашу тусовку предал только Билли Корган, возродивший «Smashing Pumpkins» ...

Я мечтаю быть лузером, просто не могу себе пока этого позволить, врубаетесь?!

Я продираюсь сквозь эти говенные тернии, чтобы стать звездой, а став звездой, — потерять все и уйти на пике. Исчезнуть, стереться, раствориться. Остаться в истории принтом на тинейджерской футболке...

Рука устает держать микрофон. Я опускаю голову, и слеза капает прямо в стакан с «Dewars». Мир — сплошное дерьмо, окружающие — уроды. Телки меркантильны, а друзья бесполезны. В общем, все очень плохо...

Я мог бы стать лузером прямо сейчас, бросив работу и начав бухать по-черному. Организм молодой, но если к водке прибавить наркотики, все можно ускорить. Для того чтобы сдохнуть от передоза, не нужно тратить время на пробивание к Олимпу, достаточно тупо опустить руки. Правда, папа может помешать — отправить за границу, положить в клинику, и прочее. Но это можно решить, смывшись в Питер или Иркутск. Не... в Иркутск не поеду, у меня там нет знакомых...

В общем, для того, чтобы сдохнуть лузером, необязательно зарабатывать миллионы долларов. Все предпосылки есть и сегодня... Предпосылки есть сегодня. Известности нет. А умирать неизвестным лузером не прикольно... но, видимо придется. Хотя бы со смертью мне повезло. СПИД — это не банальность типа автокатастрофы. Вот только умирать, пусть даже с такой «звездной болезнью», совсем не хочется.

КОРПОРАТИВ

Когда Таня Буланова закончила на бис «Ясный мой свет», а аплодисменты отгремели, расторопные официанты обнесли гостей роллами, и в зале погас свет. Затем зазвучали бравурные трубы, и на сцену вышел ведущий.

— Дамы и господа! — истерично начал он. — Уважаемые гости! Через несколько секунд на сцене появится долгожданный сюрприз! А пока разрешите передать микрофон старому другу юбиляра, партнеру по бизнесу, и не только, — ведущий оторвался от бумаги и игриво оглядел зал. Послышались сдержанные смешки. — Не только по бизнесу, но и по футболу! Алексею Ивановичу Добрусину! Просим, Алексей Иванович!

— Что значит «партнер по футболу»? С каких это пор в футбол играют вдвоем? — удивился Ваня.

— Может, они в настольный футбол гоняют? — предположил я.

— Скорее, играют в одной команде сдвоенный центр. Нападающие таранного плана, — криво усмехнулся Антон.

Тем временем ассистентка ведущего, взмахивая рукавами вечернего платья, перелетела на другой конец зала и вручила микрофон тучному лысому господину, обладателю окладистой бороды и очков в золотой оправе. Мужчина встал, отер салфеткой губы, пару раз крякнул и начал:

— С возрастом понимаешь, что дороже всего стоит настоящая мужская дружба...

— Добрусин стоит три с половиной ярда, — раздался сзади чей-то шепот...

— Господи, прости нас всех! — Антон закрыл лицо ладонями.

— Ты тут не бесплатно работаешь, моралист, — шепнул я ему на ухо.

— Так вот, хочу сказать, что Владимир Яковлевич, а для меня просто Вова, — Добрусин обвел взглядом близлежащие столы, — является эталоном настоящей дружбы...

— Интересно, им всем один и тот же копирайтер речи пишет? — спросил Ваня, отправляя в рот «Калифорнию».

— Копирайтеры разные — уровень один, — улыбнулся Антон.

Я постепенно начинаю оживать. После виски, мрачных разговоров с самим собой и борьбы со временем я незаметно уснул. Удивительного мне ничего не приснилось, я даже не потел, как сегодняшней ночью. Разбудил меня Антон, который начал долбить ногой в дверь, бросив попытки до меня дозвониться. Он вошел, сделал кофе, дал мне сигарету и таблетку успокоительного, поговорил со мной минут десять и привез в «Паризьен». И вот я сижу за столом вместе с ним и Ваней и украдкой ощупываю себя под мышками и в паху. Лимфоузлы все еще увеличены, зато в животе перестало урчать, и ломота в теле почти прошла. Я даже пытаюсь улыбаться присутствующим, прошу виски, но, увидев настороженный взгляд Антона, наливаю себе сока.

— Чувачи, загадать загадку? — предлагаю я. — Что такое: «первое слово дороже второго»?

— Не знаю. — Ваня сдвигает брови. — И что же?

— Кока-кола! — ржу я.

— Не понял? — переспрашивает Ваня.

— Ну, кока дороже колы, что тут непонятного?

Ваня заходится в приступе хохота.

— Это не его, ему Саша Соркин рассказал, — уточняет Антон. — Нехорошо юзать чужие шутки!

— Ой, я тебя умоляю! Какая разница? — говорю я и отворачиваюсь.

Добрусин продолжает свою телегу, пересыпая речь фразами типа «прошли разные жизненные ситуации», «вырастили детей», «вспоминается молодость», «вместе уже долгие годы» и «счастье иметь такого друга». Мы практически синхронно поглощаем роллы, уставившись на ведущего.

— «И крепкого здоровья», — произносит Антон.

— Чего? — не понял я.

— И, конечно, крепкого тебе здоровья! — закончил поздравление Добрусин.

— А-а-а... — понимающе кивнул Ваня.

— Слово предоставляется Маргарите Николаевне Волковой, главному бухгалтеру «Транс-бетона»! — так же восторженно взвизгнул ведущий.

Встала Волкова, женщина лет пятидесяти, похожая на сувенирную поделку народных умельцев: матрешкообразная фигура затянута в красный пиджак и прямую юбку, массивные золотые украшения из дутого золота, высокая прическа, очки.

— Я хочу прочесть стихи, — произнесла она, кашлянув и немного покраснев.

— Ну, Маргарита Николавна, как всегда! Оригинал! Творческий человек! — слышалось в зале. Кое-кто захолопал. Выдержав паузу, Волкова начала читать по бумажке:

*Вы ведете наш корабль
Сквозь работы океан.
Если где-то ждет буран,
Все предвидит капитан.
«Трансбетонный» коллектив
Знает — он такой один!
Без сомнений и укоров
Всем подскажет Ларионов,
Но и мы не отставем!
Золото побед куем...*

— Интересно, она сама эту хуйню написала? — осторожно спрашиваю я, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Нет, это Шиллер, в ее переводе, — так же в никуда бросает Антон, отодвинув приборы.

— Кто? — разворачиваюсь я к нему.

— «Но ничего не отвечу, ничего не отвечу тебе я», — отвечает он цитатой из «Кровостока».

— Когда же эта муть закончится? — Ваня устало смотрит на часы.

— Счастья, радости, веселья вам желает бухгалтерья! — закрывает тему кораблей и капитанов Волкова.

— Это поэтическое поздравление от нашей поэтессы Маргариты Николаевны. Аплодисменты! — кричит ведущий.

— А теперь долгожданный сюрприз! Номер, так понравившийся вам на прошлом новогоднем празднике! Танцевальное шоу Алексея Трефилова! — объявляет ведущий к вящей радости нашей троицы.

«На Тихорецкую состав отправится, вагончик тронется, перрон останется», — зазвучало из динамиков, и на сцену высыпались пять девушек в лохматых париках, обтягивающих, сильно декольтированных платьях и с микрофонами в руках. Они принялись выписывать на сцене лихие коленца, садиться на шпагаты и демонстрировать элементы акробатического рок-н-ролла. Одна девушка извлекла из складок платья гавайскую гитару. В общем, все это походило на многочисленные корпоративные шапито, коими Москва наполняется в предновогодние деньки. Если бы не одно «но»: приглядевшись к танцующим грациям, я понял, что это трансвеститы. Судя по раскрывшимся ртам друзей, я просек, что и они в теме.

— Это что? — тихо спросил Антон.

— Чистый ахтунг, — застыл Ваня с роллом, зажатым палочками.

Следующие полчаса мы молча наблюдали происходящее. Трансы довольно похоже пародировали весь набор российской поп-сцены: Киркорова, Пугачеву, Распутину, Моисееву. Они меняли парики и наряды, один танцевальный номер сменял другой. Большая часть присутствующих бросилась танцевать вокруг сцены. Женщины толкались, подняв руки и потрясывая грудями, мужчины степенно двигали плечами, улыбаясь. Некоторые танцевали парами. Оставшиеся за столами подпевали, изредка чокаясь. В зале царил атмосфера

безбашенного угара, подобного тому, что витает в амстердамских клубах. За тем лишь исключением, что в Амстердаме так же нередки танцующие на сцене транс, вот только русских колхозников в качестве зрителей не наблюдается. Когда солист группы вышел (вышла?) изображать Тину Тернер, я не выдержал и довольно громко произнес:

— Когда культурный досуг добропорядочных, в общем, мещан скрашивают трансвеститы, я говорю, что мир изменился. С нетерпением жду появления карликов, разносящих кокаин на серебряных подносах. Чистые балы Фредди Меркьюри...

— Еще недавно, в славные девяностые, все эти люди слушали Михаила Круга. — Антон достал сигарету. — Что же могло испортить их вкусы? Когда они успели пристраститься к зажигательным шоу сексуальных меньшинств?

— Нет, я одного не понимаю, как в них все это сочетается? — Ваня выхватывает из пачки Антона сигарету и берет зажигалку. — Наверняка, все эти люди осуждают голые жопы на экране телевизора, мат в литературе и употребление легких наркотиков в кино. Наверняка все они плюются словами «безобразие», «запретить» и «раньше-то их бы всех!». Наверняка...

— Ты же не куришь? — спрашиваю я его.

— А! — отмахивается Ванька. — Я просто не врубаюсь, как в их крошечных головах могут мирно ужиться «семейные ценности» и адский отжиг под шоу трансвеститов!

— А как в их желудках могут мирно сочетаться соленья и оливье, а потом суши с роллами? — Антон глубоко затягивается и выпускает дым. — Одно сытно, другое модно. Так и с мозгами.

— Я пойду в туалет, не могу тут больше сидеть, — говорю я. — Это просто тошнотворно.

— «Ты тут не бесплатно работаешь, моралист!», — цитирует меня Антон и ржет.

— Меня просто бесит, — начинаю я заводитьсь. — Почему в этом городе все вещи извращаются до неузнаваемости? Почему музыка из «Saturday night fever», под которую сотни тысяч ноздрей закидывались чистейшим первым, становится фоном для рекламного ролика семейного автомобиля? Почему шоу трансвеститов, бывшее атрибутом ночных клубов типа «Studio 54», превратилось в гвоздь корпоративной программы для колхозников? Почему закрытые вечеринки Москвы — это когда сотни менеджеров среднего звена закрывают своими телами барную стойку? Почему пиво рекламирует Луи Армстронг, а французский коньяк — Дима Быков, хотя должно быть наоборот? Почему аббревиатура VIP у нас расшифровывается как «Владелец Икарусного Парка»? Чего бы всем тут не расписаться в убогой пародийности происходящего и не начать называть вещи своими именами? Например, на сейлах писать «Скидка 70% для лохов, не знающих, сколько это стоит в Европе», на перетяжках — «Неделя гастролей великого шеф-повара, которого мы и в глаза не видели, просто больше нечем заманить людей в ресторан», на именных приглашениях — «Имя не указываем, все равно придет ваша секретарша»? Можно ли вместо идиотского «Петр Листерман — Теневой человек года по версии журнала «GQ», просто написать: «Приз за то, что он нам тоже подгонял телочек»? Можно или нет?

— Гениально... — Ваня все-таки роняет ролл. — Про VIP особенно круто. Сам придумал?

— Гости подсказали, — отвечаю я.

— И это говорит человек, который в качестве протеста обществу потребителей вчера избил плюшевого промо-медведя! — говорит Антон, склонив голову набок. — Дрончик, ты сегодня в ударе! Когда выйдем, начинай читать агрессивно, пускай всех накроет жестью!

— Про медведя ты не мог не вспомнить, да? — злюсь я.

— Так, ребята, за кулисы, ваш выход через десять минут, — говорит появившийся откуда-то Шитиков. — Нажраться не успели?

— Как можно?! С таким шоу?! За кого ты нас принимаешь! — язвлю я.

— Шутка. Знаешь, всякое бывает с вами, артистами! — ржет Дима. — Значит так, мотом не увлекайтесь. И попрошу без гомосексуальной эстетики на всякий случай. Исполняете только те пять треков, что я прочел.

— А про трансвеститов можно? — кривится Антон.

— В другой раз, чувачок. В другой раз. — Дима примирительно хлопает его по плечу.

За кулисами мы выпиваем по сотке виски для лучшей артикуляции, семь минут выжидаем, обнимаемся и по кивку ассистентки выходим.

— Ты в порядке? — шепотом спрашивает Антон.

— В полном, — так же шепотом отвечаю я.

— На сцене гангста-рэп группа... — слышу я голос ведущего, читающего практически по слогам, — «Московский Первый». Молодые дарования, так сказать. Встречайте!

— Гангста-трэш, козел, — шепчу я, — первый пошел!

Антон скрывается за занавесом.

— Второй пошел! Следом двигает Ваня.

— А! А! А-е! Свет включить, музыку выключить! Приготовиться к досмотру! — кричу я в микрофон, интонируя, как опер из ФСКН. — Здесь гангста-трэш клан «Московский Первый»! Без пощады! Без репетиций!

На экранах начинается видеоролик — кадры выступлений Тупака Шакура, смонтированные с нашими фотографиями:

— Права не дают, их берут! — начинаю я.

— Вот это тема, вот это гут! — пританцовывает рядом Ванька.

— Права не дают, их берут! — краем глаза я смотрю, как Антон управляется с вертушками.

— Права — халява, бери сколько хочешь! Либо ты в теме, либо в телик дрочишь! — выходит на передний план Ваня. — Рок — это гамбургер, плюс сосиска в тесте. Константин Кинчев, мы вместе!

— Права не дают, их берут! — Я подхожу к краю сцены и вытягиваю руку вперед, как Эминем.

Резво отчитываем «Права», потом «Макара». На треке «Фантом, опера Свиркина» самые молодые из присутствующих девочек и мальчиков протискиваются к сцене и начинают нелепо имитировать R&B танцоров. Пара сильно пьяных мужиков дает гопака. Юбиляр со свитой смотрит заинтересованно. Рядом стоит Шитиков и что-то ему втирает. Ларионов часто кивает. Женщины за столами укоризненно шушукуются. Лицемеры. Ближе к концу трека на танцпол подтягивается более пожилая публика. «Сейчас отвиснем, ветераны ДК», — усмехаюсь я про себя.

После лихих скретчей Антона я без паузы выплевываю в зал очередь свинцовых слов «Перелета»:

— В первом классе под первым, как обычно. Лондоны, Парижи, Нью-Йорки, все привычно. Те же стервы, расклады на языках разных. Иногда впечатление, что глаза завязаны, друзья вмазаны, старые раны кровоточат — неперевязанные. У какого жлоба на меня ствол найдется? Этой паскуде, видно, неймется.

В зале вдруг начинается какая-то нездоровая движуха. Все встают, подходят ближе к висящим мониторам, тычут в них пальцами и начинают говорить на повышенных тонах, часто оборачиваясь на Ларионова. Я перевожу взгляд в его сторону и вижу, что Шитиков стоит с абсолютно серым лицом, на котором выделяются только белые губы и горящие глаза. Поскольку происходящего на мониторе мне не видно, я пытаюсь понять, что происходит, глядя на лица ребят. Но те лишь пританцовывают, не врубаясь в происходящее. Ларионов стоит, упершись кулаками в стол, смотрит то на меня, то на экран, и что-то отрывисто гавкает.

— Не успокойсья, пока я не скажу. Макаром своим ему слово всажу... — читаю я, спрыгивая со сцены, чтобы посмотреть на крайний монитор, — а вид за окном: океан где-то снизу, он из тех, кто не требует визу...

Шитиков пробегает мимо меня за кулисы. Я наконец оказываюсь в удобном положении и поднимаю глаза на монитор. А там...

На мониторе — полная катастрофа! Абсолютно голый Андрей Миркин лихо занимается любовью с девушкой, сидящей на столе. На глазах девушки — черный прямоугольник, который используется в телевидении, когда нельзя демонстрировать лицо говорящего. Но я-то знаю, что это за лицо, непонятно только, как диск хоум-порно с участием Ритки оказался здесь?!

— В страну бейсбола из страны бейсбольных бит, — на автомате продолжаю читать я, но музыка и свет вырубаются. — По российским раскладам я лучший гид... — только успеваю начать, как отключается микрофон. Я оглядываюсь на сцену и вижу трех охранников, один из которых крутит Антона. Ваньки почему-то уже нет. Бросаю взгляд на экран и вижу, как девушка переворачивается, и Андрей Миркин, то есть я, входит в нее сзади. На глазах у всех присутствующих! В зале поднимается визг, кто-то (скорее всего, Ларионов) орет «Уберите этих пидорасов!». Значит, танцующие трансвеститы — это по понятиям, а читающие рэп — непременно пидорасы? Оригинальные у него взгляды! Может, он просто на «жлоба» в тексте обиделся?

Я пытаюсь надеяться на лучшее, но экраны гаснут и не оставляют мне ни единого шанса.

Дальнейшее происходит как в боевиках Гая Риччи. На меня бегут два охранника, но в этот момент какой-то пьяный молодой менеджеренок с возгласами: «Нихуя себе! Оп-па-па-па!», шатаясь, выходит на танцпол, оказавшись между мной и быками. Охрана сносит его на пол, один бык при этом падает на менеджеренка. «Вот тебе и оп-па-па-па, тоже мне, фанат youtube», — я зачем-то запускаю в уцелевшего после столкновения охранника микрофоном и попадаю ему прямо в лоб. Тот ойкает и шлепается на задницу. Оглянувшись по сторонам, я быстро врубаюсь, что к главному выходу не пробиться, а на сцене, за которой второй выход на улицу, тоже стоят охранники. Ситуация патовая. Сзади кто-то спрыгивает со сцены, нутужно крикая, и я понимаю, что это, скорее всего, не Антон. Краем глаза вижу, что охранник, получивший в лобешник, встает, а его напарник заламывает руки менеджеренку, в то время как в зале продолжают звучать женские визги, ругань и крики. Мне кажется, все вокруг меня замирает, а я стою, вращая башкой по сторонам, как затравленный заяц. И когда я уже собрался было отдаться в руки судьбы/охранников, мой взгляд уперся в край шатра, где клеенчатая стена неплотно сходится с землей, оставляя зазор в полметра. Я рву к зазору, ныряю под тент и вылезая с другой стороны, на СВОБОДЕ!!! В последний момент меня пытаются схватить за ногу, но я дергаюсь, и, как пружина, распрямляюсь в ночь. Выбежав на улицу, слышу сзади топот преследователей, слышу, как захлопываются дверцы автомобиля, и проношусь мимо сонных охранников, сидящих в будке у парковки. Рев двигателя настигает меня на обочине Ленинградского шоссе. Я оборачиваюсь и почти упираюсь в огромных размеров джип со слепящими фарами. Варианта два: погибнуть под колесами джипа или проносящихся по Ленинградке машин. Если джип не задавит — добьют охранники, поэтому я сигаю через шоссе. Сумасшедший визг тормозов, отчаянные сигналы, но, не обращая на них внимания, я перебегаю дорогу до разделительной полосы, оборачиваюсь и вижу, что джип едет за мной! Не раздумывая, несусь дальше и, уже достигнув тротуара на противоположной стороне шоссе, снова слышу сигналы, тормоза, удар, еще один, а потом жуткий хруст сминаемого железа и стекла. Обернувшись, становлюсь свидетелем следующей картины: джип, принявший удары сразу двух легковых авто, стоит поперек полосы, напоминая огромную помятую бочку. Единственное, о чем я успел подумать в ту секунду: быстро двери открыть не смогут. Не дожидаясь пока в погоню бросится водитель джипа (если выжил), я скрываюсь в глубине Петровского парка.

«Надо иметь силы, чтобы уйти на пике, — думаю я, — как Джамирокуай...»

ПОБЕГ

Решение валить в Питер пришло сразу после того, как я позвонил отцу. Поочередно я набрал номера его московского и французского сотовых, но оба телефона ответили мне что-то типа «...n'est pas disponible». На всякий случай я попытался соединиться с его офисом, но, понятное дело, в это время никого, кроме охраны, там не было. Отдышавшись в кустах Петровского парка, я понял, что вариантов-то, в сущности, нет. Небольшим (по сравнению с прочим геморроем) сдерживающим фактором была история с Ленкиной беременностью. «Ну, ничего не поделаешь! Вернусь через неделю, как раз все уляжется. По приезде и разрулю», — размышлял я. Конечно, жаль, что ей наверняка все откроется и она, скорее всего, надумает рожать, несмотря на ВИЧ. Остается небольшая надежда на то, что сроки заражения у нас с ней разные и ее анализ даст отрицательный результат. Тогда еще лучше — ребенку нужен живой отец, а не павший от рук сотрудников ЧОПа неизвестный герой. Короче говоря, валить, валить отсюда на хрен! От проблем, увольнений, болезней, залетов и чужих охранников...

Я мечусь по квартире с рюкзаком в руках и судорожно запикиваю в него все, что мне кажется необходимым: документы, заначку в полторы штуки долларов, ноутбук, два блокнота, три футболки, джинсы, кроссовки, свитер. В итоге обнаруживаю, что забыл самое необходимое: зубную пасту, зубную щетку, бритву, крем для бритья, одеколон и дезодорант. Выкинул из рюкзака кроссовки и положил весь этот скарб путешественника на высвободившееся место. Все это я делал при свете дисплея телефона (из которого предсудумительно извлек, сломал и выкинул в окно sim-карту) — свет в квартире включать опасно, сразу выпалят, если приедут. Чтобы хоть как-то отвлечься от состояния стрема, я включаю «i-Pod», выбираю альбом КАЧ «Касса», и вот уже в моих наушниках звучит резкий бит:

*Питер — ебанный андеграунд,
Я вещаю отсюда.
Валя — таун.
Под кинжальным огнем из TiVi амбразур
Я иду по трупам чужих культур...*

Каждую минуту я подбегаю к окнам посмотреть, не мелькнут ли во дворе фары гребаного джипа или другого авто. Интересно, сколько у меня времени? Час? Два? И это за минусом сорока минут, потраченных на дорогу из «Паризьена» до дома. Антон с Ваней сдадут мой адрес если не сразу, то через полчаса, после первых побоев, нанесенных охраной этого «бетонного» упыря. Их сложно винить, я бы так же поступил. Не факт, что кому-то из них сейчас ствол в рот не засунули. Что им мой адрес по сравнению с собственным здоровьем?! Тоже мне, государственная тайна!

Тишину моего уютного дворика нарушает визг шин. Придурки начали выполнение спецоперации настолько рьяно, что даже не озаботились легкой конспирацией. Нигде нет профессионалов, одни молодцеватые дебилы, только и умеющие, что трогаться «с буксом». Тем лучше. Я осторожно выглядываю из окна — так и есть: во дворе два джипа «Toyota Land Cruiser 100», из которых выпрыгивают резиновые «игрушки», задирают головы вверх, с ходу пытаюсь определить мое местонахождение по горящему в окнах свету. Ага, сейчас! Из второй машины две гориллы вытаскивают моих приятелей... sorry, guys, я, честное слово, не хотел. Это маленькая сучка Рита нас подставила. В общем, потом объясню, если увидимся. Я делаю музыку чуть громче:

*Враг идет, ухмыляясь от бедра,
Его «вау» заглушают мои «ура»,
В одиночку биться не так-то просто
Против армии клонов гламурного холокоста...*

В прихожей напоследок оглядываю свое жилище, которое внезапно стало выглядеть брошенным, шепчу сакраментальное «I'll be back», закрываю дверь, делаю три поворота ключом в замке и на цыпочках бегу на седьмой этаж, туда, где спасительный выход на чердак. Я ощущаю время спрессованным в одном кадре, чистое «Криминальное чтиво». Вопросы, собственно, два: мое хладнокровие — временное? Антон или Ваня когда-нибудь бывали со мной на крыше? На оба вопроса ответ отрицательный. Потянув на себя дверь на крышу, я слышу, как подъезд стремительно наполняется грохотом. Хлопают двери, кто-то отдает команды, кто-то матерится. Они здесь. Подтянувшись, я попадаю на чердак, аккуратно закрываю за собой дверь, прохожу пару шагов, толкаю следующую, и вот я наверху.

*Вечеринка, дозняк, автопати, кома.
Повоюешь со мной — насмотришься не такого.
Вижу: молод, и не догоняешь слегка,
Так подноси патроны, будешь сыном полка.*

На крыше становится легче. Воздух тут какой-то не по-московски свежий. Или я уже почувствовал себя в Питере? Ладно, двигаем дальше. Наш двор образован тремя прилегающими друг к другу домами. Мой стоит посередине. Осмотревшись, я сгибаюсь в три погибели и двигаюсь вперед, на крышу дома, стоящего слева. Надеюсь, искать меня там им уж точно в голову не придет. Нажав на паузу i-Poda, я маленькими шажками продвигаюсь по крыше, стараясь не шуметь. Слава богу, крыша покрыта толем, а не жестью — московские домоуправы своевременно латают кровли. Достигнув конца следующего дома, тяну на себя дверь, ведущую на чердак, но она не поддается. Еще раз — закрыто! Черт, об этом я не подумал. Интересно, здесь чего, только мой чердак открыт? Так не бывает! Если где-то сломан замок, он наверняка сломан и в другом месте. Это же Москва. Валю обратно. Безуспешно пытаюсь открыть двери двух следующих чердаков, впадаю в отчаяние при мысли, что мне придется прыгать вниз или лезть по водосточной трубе, или... или меня запросто скинут с крыши, но на мое счастье, на счастье всех поклонников гангста-рэпа, дверь третьего чердака поддается. Выход в подъезд тоже не заперт. Я спасен.

Выходить на улицу сейчас слишком опасно, могут заметить оставшиеся в машинах водилы, если не спят. Но проверять их бдительность мне как-то не хочется, поэтому я занимаю самую выгодную позицию — наполовину высовываюсь из двери чердака, что позволяет мне одновременно слышать происходящее в подъезде и своевременно увидеть быков, если те вломятся на крышу.

Я смотрю на часы мобильного: в томительном ожидании прошло больше пятидесяти минут. Ничего не происходит. Отчаянно хочется курить, сердце бьется где-то в области кадыка, а мокрую от пота футболку можно выжимать. Услышав хлопок двери, я вылезаю из своей амбразуры, по-пластунски подползаю к краю крыши и смотрю вниз: из двора выезжают обе машины. Во дворе никого не видно, Я поднимаюсь, бегу к чердаку, открываю дверь, впрыгиваю в подъезд и мчусь вниз по лестнице. На пятом этаже останавливаюсь, выглядываю в окно, чтобы еще раз удостовериться в отсутствии гостей, и продолжаю свой побег.

Из подъезда выхожу аккуратно, сразу сваливаю под окна и кустами пробираюсь к торцу дома. Уже завернув за угол, я снова слышу визг резины: одна из машин вернулась. Типа засаду устроили, да только поздновато. Я снова врубаю i-Pod. КАЧя воспринимаю уже как саундтрек к моей жизни:

*Я творю историю здесь и сейчас.
Каждый день, минуту, мегабайт, пиксель, час.
Где мои фронтовые сто грамм?
Ну-ка, Валя, начисли-ка мне стакан!
Бери на бас!
Бери на бас!!
Бери на бас!!!*

*Либо мы этих пидоров,
Либо они нас!
Бери на бас...*

Чтобы сбить возможных преследователей с толку, иду дворами по направлению к метро «Сокол». Там я задерживаться не планирую, сяду у «Войковской» в первую маршрутку, доеду до «Тимирязевской» и оттуда уже махну до Ленинградского вокзала.

Светало. Москву озаряло утро среды. Одиноким прохожий довольно быстро шел вдоль Ленинградского шоссе. Он постоянно вертел головой, будто искал кого-то, иногда останавливался, заходил в тень близлежащих дворов, выкуривал сигарету и возвращался на тротуар. Завидев патрульные машины или медленно едущие в правом ряду авто, он прижимался к домам, нырял в кусты или прятался за павильоны автобусных остановок. Этим прохожим был я — Андрей Миркин, начинавший свой путь в город Санкт-Петербург. Без подруг, беременных девушек, друзей, работы и любви. Я так и не успел никого полюбить, зато пока никого не убил, а главное — пока еще не убили меня. Я расставался с прошлым, вырывался из настоящего, а на будущее боялся даже надеяться. В общем, дальнейшие перспективы выглядели туманно. Как-то сложно все...

В половине пятого утра я плыл в потоке, состоящем из диспетчеров, охранников, разнорабочих, грузчиков, водителей казенного транспорта, милиционеров, гастарбайтеров и служащих call-центров — всех тех, кто вместо того чтобы досматривать сладкие утренние сны, влечет свои тела на низкооплачиваемую работу. Почему низкооплачиваемую? Потому что по своей воле в шесть утра рабочий день может начать только владелец нарколаборатории, торговец оружием или топ-менеджер BBDO, готовящийся к полету бизнес-классом «British Airways» по маршруту Лондон — Нью-Йорк. Все остальные делают это вынужденно.

Я ловлю себя на том, что никогда раньше не попадал в метро так рано. Более того, всех, кто окружает меня в данную минуту, прежде я искренне презирал, а теперь готов руки им целовать за то, что они закрывают меня своими телами. Только находясь в толпе, я чувствую себя в безопасности. Знали бы они, что раньше я позволял себе пьяные выкрики «Бери напас — рабочий класс!» в адрес их и их собратьев. Интересно, есть ли в этой толпе человек, хотя бы раз слышавший эту фразу в моем исполнении? Знал бы он, что я рядом — голову бы снес. Даже неловко как-то. Удивительная вещь: почему для того чтобы выбраться на поверхность, сначала нужно достичь самого дна? Если мои мысли и дальше потекут в том же направлении, я выйду на «Комсомольской» истинным праведником...

В вагоне метро от нечего делать разглядываю окружающих. Слева мужик в черной футболке и черных джинсах, на поясе мобильник в аккуратном кожаном футляре. В руках газета и бутылка пива. Справа — молодой парень, обладатель волевого подбородка и выразительных скул, одетый в спортивные штаны, майку с символикой ЦСКА, на ногах светло-серые носки и сандалии, на левом предплечье тату. Та самая «тарантина». Тоже мне, сельский Джордж Клуни. В целом — ничего примечательного. Все здесь какие-то невыразительные. Неприметно-настороженные, что ли? Глядя на людей в московском метро, не понимаешь, в каком времени находишься. По-моему, тут всегда 1995-й...

И на фоне этих людей реклама, которой залеплена вся левая стена вагона, выглядит то ли случайной, то ли преднамеренно издевательской. Я сужу по слоганам: «Сток-центр. Не хуже чем в Милане! Скидки от 25 до 50% на вещи от ведущих итальянских дизайнеров! (далее перечисления от «Prada» до «D&G»)), «Фотостудия «Жан» — закажи себе классное портфолио!». Особенно поражает большой плакат, где на фоне клубного диско-бола нарисована плита: «Модные кухни! Ваша кухня — ваша мода!». Кому они адресованы? Неужели значительный процент передвигающихся на метро бывали в Милане? Или девушке, ежедневно тратящей по два часа на маршруте «Речной вокзал» — «Каширская», необходимо «классное портфолио»? Намек на то, что она сможет опубликовать его на сайте «Одноклассники.ру» и никогда больше сюда не вернется? Что такое модные кухни? Стеб или знак того, что всем непременно следует соответствовать «гламуру», угнездившемуся в узких лбах дизайнеров? Или в метро свой гламур — подземный? Видимо, не один я выражаю

несогласие с гламуризацией метрополитена: многие рекламные наклейки частично изуродованы, испорчены бранными надписями и рисунками. Хотелось бы верить в классовый протест, а не банальный вандализм...

Другая стена содержит еще более унижительные пассажи. Если в моем детстве тут были наклейки с надписью «Места для пассажиров «детьми и инвалидов», то теперь тут, судя по всему, места для гастарбайтеров. Судите сами: «Быстрые денежные переводы в Казахстан, Туркмению, Украину и Молдову», «Кредиты за час! Московская прописка не обязательна!», «Москве нужны рабочие руки (на фоне таджика, украинца и молдаванина с мастерками в руках) — получи регистрацию!». И надо всем этим, как ненавязчивое напоминание всем незарегистрированным, висит аскетичный плакат: «Федеральная иммиграционная служба. 1992—2007».

Среди всего этого социально-консьюмеристского месива выделяется наклейка с изображением человека в приличном костюме и с ясными глазами, смотрящими на мир из-под интеллигентной оправы очков. Это Гарик «Бульдог» Харламов. Правда, ему в руку успели всунуть йогурт «Био-2». Наклейка с Харламовым не испорчена, ему не выкололи глаза, не пририсовали усы и не подписали нецензурное слово. Сразу видно — он здесь «в уважухе». В респекте, и все такое...

На «Комсомольской» я чувствую себя, как Володя Шарапов, идущий на встречу с бандитами. Я начинаю движение вдоль стен кассового зала только после получасового изучения присутствующих. Возле билетных окошек нет никакой очереди, правда, и билетов практически нет. Воистину, Питер — культовая столица! С трудом удалось купить место в поезде «Невский экспресс», отбывающем в 16:28. Что делать до этого времени — непонятно. Убивать время в ресторане муторно и небезопасно, тем более что есть не хочется. Слоняться по городу еще более глупо. В итоге не нахожу ничего лучшего, чем пойти в гостиницу «Ленинградская» и купить там номер, чтобы поспать до поезда. Мне везет: после двадцатиминутных уговоров помятая девушка на ресепшн выдает мне ключи от «люкса» («других номеров нет, молодой человек, да и этот свободен только до двенадцати»). Тысяча рублей, выданная сверх стоимости номера, помогает ей проснуться и поверить в то, что в жизни еще встречаются обаятельные и щедрые молодые люди. Я прошу ее разбудить меня в три, поднимаюсь на девятый этаж, ложусь на кровать, и мою мнимую бодрость снимает как рукой. Только теперь я понимаю, как сильно устал и вымотался, бегая от бандитов. Минуты две я пытаюсь одним глазом посмотреть телевизор, потом по экрану полетели мухи, я нажал кнопку пульта и немедленно заснул.

В три пятнадцать я купил в вестибюле гостиницы новую sim-карту и вставил ее в телефон. Хотел еще и мобильный поменять, но жаба задушила. Перекусил отвратной пиццей в ближайшем бистро, следя по телевизору на барной стойке за перипетиями шоу «Дом-2». Сколько уже писали про это шоу, аморальное, тупое, злое, ничему не учащее, скучное... Но суть, конечно, не в том. И не в отсутствии у героев, которые «ничему не могут научить молодежь», «гражданской позиции». Я наконец понял, в чем сила и притягательность сериала «Дом-2» для жителей России. В этом говно-шоу, построенном на интригах, сальностях, шушуканьях и сплетнях в отдельных клетушках, воплотилась мечта об идеальном мире с точки зрения современной региональной молодежи и рабочих с окраин больших городов. Эта мечта сидит в них еще с советских времен, о которых я, слава богу, мало что помню. Участники шоу просты, понятны, а главное — *типичны*. Герои — четкие пацаны с правильными понятиями, способные очаровать собеседника искрометной быдло-шуткой, прижать в углу чужую телочку, а при случае стать крепким мужем, потому как *мужики они вообще-то нормальные*. Героини отображают простые чаяния простой русской бабы: главное — устроить судьбу/выйти замуж. Рецепты построения судьбы демонстрируются тут же: расстояние до отдельной комнаты — один парень, расстояние до титула королевы шоу — пять парней, расстояние до переезда в Москву — пятьдесят парней, до Европы — сто.

Главное достоинство «Дома-2» заключается в атмосфере всеобщего единения и братства. Мир — как одно большое общежитие, где все общее. Можно с общей кухни стырить ветчину, можно кого-нибудь в темноте ущипнуть за задницу или сыграть комсомольскую

свадьбу (тут же, на кухне). Можно запросто перекинуться парой слов с зашедшей в общагу САМОЙ КСЕНИЕЙ СОБЧАК, а можно в порыве народного гнева объединиться, затравить и выгнать из стада отбившуюся одиночку — это самое лучшее средство для сплачивания масс. Еще я понял, почему, случайно наткнувшись на это шоу, больше не стану его смотреть никогда. Не потому, что диалоги героев ведутся деревенским говорком на непонятном моему уху суржике, не потому, что девочки и мальчики влюбляются и расстаются с интервалом в сутки, дискредитируя само понятие *любви*, и даже не потому что пи-терская студентка Ольга Бузова говорит, что ей гарантирована у шоу «неприкосновенность». Просто... просто я ненавижу образы «хороших простых парней» или *girls next door*. Равно как и общаги, пусть даже упакованные в мерцающий экран телевизора, скрадывающий неотесанность и примитивность героев. Я ненавижу общагу и не хочу в ней жить. Вот, собственно, и вся моя гражданская позиция.

После того как я прожевал последний кусок картонной пиццы, ко мне вернулось мое обычное настроение. То ли шоу, то ли посетители кафе отбили у меня всякое желание сопереживать жителям метро, раскаивайся в том, что я когда-то отпуская в их адрес не слишком лестные замечания, а уж тем более соболезнавать им. Я понял, что больше не хочу прятаться в толпе «хороших простых парней». Меня это бесит. Или, может, я просто наконец-то выпался?

Я вышел на улицу, зашел на Ленинградский вокзал, миновал шеренгу припаркованных автомобилей и дошел до самого конца путей, дальше края платформы.

Мне предстояло сделать, возможно, самый важный телефонный звонок в моей жизни. Дрожащими руками я вытянул из кармана джинсов записку с телефонным номером и моим паролем. Бумага стала серо-черной, мятой, пропиталась потом. Как и ее хозяин, впрочем. Выкурив сигарету, я набрал семь цифр, дождался ответа девушки из регистратуры, изложил суть своего звонка, и меня переключили на лабораторию:

— Здравствуйте, я по поводу результатов экспресс-теста...

— Вы когда сдавали анализы? — ответил мне бархатный голос.

«Здесь уже сразу настраивают на спокойствие. Как на кладбище», — промелькнуло в мыслях.

— В понедельник.

— Ваш номер?

— Тридцать восемь... тридцать восемь девятнадцать. — В горле пересохло.

— Одну секунду!

Секунда отняла у меня еще сотню-другую нервных клеток. Я сглатывал, чтобы смочить горло, боролся с желанием немедленно отлить, и судорожно чесал шею.

— Вот, нашла! — наконец ответила дама, и замолчала.

— И что? — практически вскрикнул я.

— Положительный, — тихо ответила врач.

— ВЫ УВЕРЕНЫ?!

— Ваш номер 3819?

— ДА!!! ПРОШУ, ПОСМОТРИТЕ ЕЩЕ РАЗ!

— Я посмотрела. Вы не волнуйтесь, «экспресс-тест» — не единственный анализ, лучше сделать...

Но что сделать лучше, меня уже не интересовало, я и так знал, что лучше повеситься. Отключившись, я достал сигарету, закурил, и на ватных ногах потащился к поезду. Я тупо смотрел вперед, не замечая ничего вокруг. Разыскивающие меня быки как-то сразу съежились в моем сознании до величины пластмассовых солдатиков и теперь меня больше не интересовали.

На платформе стояла нестерпимая духота. Я курил, пил воду из пластиковой бутылки и изредка сплевывал себе под ноги. Отчего-то подумалось, что так совсем оскотиниться можно. Для этого следует всего-навсего чаще сплевывать, купить пива, семечек, сушеных кальмаров и газету «Жизнь», в которой непременно напишут, как поп-звезда задушила бюстом любовника,

рок-герой вновь поехал лечиться от героиновой зависимости, а известный ведущий заразился СПИДом, умывшись в общественном туалете на станции Мга.

Подошел поезд. Двигаясь как в тумане я поочередно миновал проводников трех вагонов, каждый из которых сообщил мне, что мой — четвертый. Проводница четвертого вагона приветливо улыбнулась и сказала:

— У вас восьмое место!

Почему-то мне показалось, что мой билет она даже не посмотрела и отдернула руки, когда я его протянул. Так вот что значит изоляция и ущемление прав больных граждан!..

— Спасибо, — буркнул я и пошел в вагон.

Через несколько минут поезд тронулся, увозя меня прочь из города, в котором автомобилем «Porsche Cayen» больше, чем банкоматов.

Компания подобралась тухлая. Трое мужиков и две женщины, скорее всего, командировочные. Мое место оказалось у окна, чему я, в общем, обрадовался — хоть на природу посмотрю, все равно не заснуть. Поезд тронулся. Женщины дружно устались в телевизор, который показывал «Место встречи изменить нельзя», мужики принялись обсуждать последний матч «Зенита» — все без сюрпризов. Ситуация, характерная для любого поезда. Изредка пассажиры поворачивали головы на дисплей, висящий над входом в вагон, поинтересоваться температурой и временем. Смотрели они на него с таким выражением, будто от их взглядов «Невский экспресс» превратится в TGV и долетит до Питера за два часа. Я полистал журналы, сходил в туалет, несколько раз покурив в тамбуре, двинул в вагон-ресторан, купил там плитку шоколада и поллитровую бутылку подозрительного дагестанского коньяка, хотя в баре присутствовал и французский. Повертел бутылку в руках, отхлебнул пару глотков, закусил шоколадом, включил iPod и, откинувшись на кресле, прикрыл глаза.

*Лена — жопа из полиэтилена,
Неля — ватрушка из фланели,
Рита — пилотка, как всегда, небрита,
Катя — иногда дает и мне, и бате,
Вера — секс посреди безлюдного сквера,
Марина — антицеллюлитная картина,
Света — исполнительница глубокого минета,
Надюха — вчера был грамм кокса, сегодня снюхан,
Анна — пьянеет с одного стакана,
Зоя — любительница пафосного отстоя.
Юля — со свистом пролетит кастрюля,
Бела — на шестьдесят маразм, на двадцать тела.*

Будто в сказку попал! Сколько раз я слышал этот трек раньше, но никогда не задумывался, что история-то про меня. Имена девушек совпадают до неприличия, характеристики тоже. Одни имена принадлежат моим девушкам, теперь уже бывшим, другие — случайным знакомым. Вот только, боюсь, имен будущих девушек в этой истории нет...

*Похоже, этих клух еще по клубам шатает,
Они забыли: Москва сосет, Питер решает!
Их жизнь кидок, наебалово, левый расчет...*

Во-во, и моя тоже. Сплошной левый расчет. Главное — то, что, как всегда, виноват я сам. Сначала закрутил хоровод с двумя девицами одновременно, потом, для полноты картины, придумал себе две параллельных жизни, потом принялся то и дело втаскивать в этот круговорот случайных знакомых женского пола, потом попытался влюбиться. Сейчас для меня очевидно, что вся эта история не могла кончиться как-то иначе. Сначала я лихорадочно создавал вокруг себя пластмассовый мир с искусственной проблематикой, потом пытался так

же лихорадочно его разрушить. Так же и со СПИДом — стоило ли тратить время в американской школе, учась лихо натягивать презерватив, чтобы никогда им не пользоваться? Со стороны все выглядит так, словно я мчусь по беговой дорожке, постоянно смотрясь в зеркало. Я никуда не продвигаюсь, и персонаж в зеркале не меняется. Журналист, промоутер, топ-менеджер, друг олигарха, рэпер, девушка Рита, девушка Лена, девушка Катя — всех их создал я. А может, их и не было вовсе? Да нет, были... в том и проблема. В сущности, я умышленно разрушил жизнь двум ни в чем не повинным девушкам (не считая прочих, разумеется). Разрушил с особым цинизмом и маниакальной изощренностью. Допив коньяк, я решил, что я — урод. Свежее открытие в моем возрасте, не находите?

Выкурив пару сигарет и купив еще бутылку, я погрузился в воспоминания. Попытался освежить в памяти, как начинались мои отношения со всеми девушками. Как я познакомился с Леной, Ритой, Катей. В самом конце всегда думаешь о самом начале. Отмотав пленку до обстоятельств, предшествующих знакомству с вышеупомянутыми афродитами, я решил долее себя не насиловать, и обратил свой взгляд на висящий под потолком телевизор. На нем шло в записи шоу «Школа злословия». Авдотья Смирнова с печалью в голосе дискутировала с какой-то издательницей на тему извечных несоответствий между внутренним миром интеллигентного человека и трудом, которым он занимается. Сначала я подумал, что всех российских интеллигентов срочно переквалифицировали в шахтеры, но оказалось, что речь идет о духовности.

Какая-то понурая мадам, типа издательница, дрожащим голосом рассказывала о противоречии, с которым она живет долгие годы:

— Гламур, — вещала тетка, — это пространство, в котором не стареют, не болеют и живут вечно! Тогда как в жизни все по-другому. Находясь в гламуре, я каждый день бегаю на тренажерах (мне это нравится), стараюсь минимизировать посещение вечеринок (это мне не нравится) и стараюсь делать прививку стволовых и мозговых клеток миру глянца. Я стала чаще думать о Боге, — (тетка заводит глаза к потолку), — о милосердии, о благотворительности!

— Такова наша судьба, — вторила ей Смирнова. — Судьба интеллигенции в России.

Камера взяла ее крупнее, выхватив неестественно бледное лицо, на котором мерцали глаза, исполненные тоски. Этот план делал ее похожей на фарфоровую гэдээровскую куклу, которая вынуждена состариться в России.

— Ага, интеллигенция, бя, — сказал мужик за соседним столиком. — Сначала пишем отвратительные сценарии для жутких фильмов с названием «Глянец», а потом раскаиваемся в прямом эфире.

Я нетрезво оглядел мужика. Твидовый пиджак, серые брюки из плотной ткани, очки — издатель, хорошо оплачиваемый журналист либо режиссер.

— Прошу прощения, — сказал он, заметив, что я смотрю на него.

— Все окей, — усмехнулся я.

— Да просто надоело это лицемерие. Можно, я переключу?

— Пожалуйста, — я пожал плечами.

Мужчина взял пульт и ткнул на «Муз-ТВ». Там шел рассказ о благотворительности, а в качестве примера демонстрировалась Анжелина Джоли, которая с привычно скорбным и жертвенным лицом собирает деньги для негритят, жертв военных конфликтов. Анжелина вещала про свою буйную молодость, про многие поступки, о каких она жалеет и теперь старается оградить других. Актриса сидела перед сотней телекамер, держа одной рукой микрофон, а другой — негритенка.

— Да у нас сегодня международный день раскаяний и покаяний! — не унимался мужик.

— Вам не нравится благотворительность? — зачем-то спросил я.

— Мне? — Мужик поправил очки. Он тоже крепко выпил. — Я ничего не имею против благотворительности. Более того, считаю ее достойной всяческого уважения, особенно когда люди помогают не бездомным собакам, следуя тренду, а другим людям. Меня интересует другое.

— И что же?

— Почему сначала надо убиваться кокаином, страдать от обезвоживания на фоне МДМА, лупить «джойнты» в таких количествах, что людям кажется, что у тебя силиконовые глаза, а не губы?! Зачем сначала попадать во все глосси, сниматься в каких угодно позах, лишь бы продемонстрировать тату «Билли Боб»? — мужик входил в раж. Проблематика раскаяния явно была ему близкой. — Зачем сначала идти работать главредом глянцевого журнала, а потом приниматься рассуждать о нравственности и о том, что ты «стала чаще думать о Боге, милосердии»? Вот скажите, молодой человек, зачем?

— Может, они искренне раскаиваются? — предположил я.

— Вы считаете, что без бурного прошлого невозможно постичь истинное целомудрие, прийти к участию в чужой судьбе?

— Ну, типа, познай себя, — заметил я довольно глупо.

— И зачем же это познание себя? Только для того, чтобы потом сидеть на очередном черити форуме и дрожать дряблой жабой, не забывая вовремя грустнеть глазами на двадцать две камеры? — Мужик саданул стакан водки. Потом налил еще, отставил в сторону и проницательно посмотрел на меня. — Вам не кажется, что все это выглядит настолько хорошо сыгранным, что непонятно, отчего ей печальнее — от мысли о бедных африканских детях, или оттого, что молодость убегает, как японский хайспид трейн?

— Вообще-то да. — Я поднял глаза на экран, чтобы оценить Джоли, но ее больше не показывали. — Вообще-то похоже. Знаете, сейчас все подчинено правилам селф-пиара. — Данное замечание показалось мне весьма глубоким.

— Селф-пиар? Возможно. — Мужик достал сигарету и стал постукивать фильтром о поверхность стола. — А, может, это просто ощущение возраста? Залупа старости, монотонно стучащая в лобковую кость? Страх перед новой вечеринкой, которая вот-вот начнется? На которой не будет папарацци, десятка камер, главных редакторов гляцевых журналов, дилеров и селебритиз? Вечеринка, перед которой хочется переодеться в чистое?

— Вы имеете в виду смерть? — осторожно спросил я.

— Скажите, вы часто жалеете о своем прошлом? — ответил он вопросом на вопрос.

— Жалею, — честно ответил я. — Вот в данный момент сижу и жалею...

— Знаете, что я вам скажу? — мужик закурил.

— У нас не курят! — окликнул его бармен.

— Извините! — Он поспешно затушил сигарету о блюдо, потом встал, наклонился ко мне и начал шептать: — Я вам скажу: никогда не жалейте о том, что делали. Лучше от этого вы все равно не станете. Хуже — тем более. Все было так, как оно было, и прежними нам не стать, даже если напишем три тома автобиографии, кастрировавшей прошлые пороки. Я думаю, что там, куда мы идем, важно что-то другое. И никакими ниггерочками не занавесить прошлые дела. Равно как и лишний джойнт не всегда означает автоматический замок на дверях рая.

— На дверях рая? — Я даже отшатнулся. — Почему именно рая?

— Просто потому, что я бухой, — ответил он, улыбнувшись. — Простите, если обидел. Удачи!

Он вышел из ресторана, совершенно ошарашив меня. Допив коньяк, я еще немного посмотрел телевизор, но поймал себя на мысли, что мне неуютно тут одному. Пойти на поиски этого мужика? Все ему рассказать? Может, посоветует, как дальше? Хотя что тут советовать? Он ведь сказал что хотел.

Я вернулся в свой вагон, прислонился виском к стене и задремал. Но прежде чем уснуть, я успел подумать о том, что пора прекращать пить в поездах, разговаривать с незнакомыми людьми, а главное — перестать жрать себя поездом. В конце концов, виноваты в этой истории все. И я, и они. Рита и Лена всячески поддерживали мои игры, более того — они их очень занимали, ведь у каждой наличествовал свой интерес. Лена хотела замуж и в Америку, и непонятно, чего больше, Рита хотела спать с клубным промоутером и выпендриваться перед подругами. Катя хотела олигарха. Все получили то, во что играли, — ведь игру придумали мы все. А у придуманных игр всегда какие-то косяки с финалом. Я медленно проваливался в сон. Последнее, что помнится отчетливо, — лица Риты и Лены, вытесанные из мрамора наподобие

древнеримских или древнегреческих богинь. Правда, от богинь их отличали заметные кровоподтеки, слишком натуральные для мраморных лиц...

Проснувшись, я посмотрел на часы. Судя по времени, до Питера оставалось ехать час десять. Курить больше не хотелось, пить — тем более. Хотелось побыстрее оказаться на месте. Откинувшись в кресле, я начал смотреть «Место встречи изменить нельзя», как вдруг, когда пошел эпизод, где в Большом театре принимают с шубой подельницу Пети Ручечника, раздался хлопок.

Передняя часть вагона резко просела, послышался гулкий скрежет и шкрябанье, словно по щебню или песку возят листом железа. В глазах сидящей передо мной девчонки отразился не испуг, а скорее вопрос... Интересно, что в этот момент выражало мое лицо? Меня медленно, словно в невесомости, оторвало от сиденья и потащило вперед. Я инстинктивно попытался защититься, выставив руки и ноги перед собой. Вагон сильно трясло, он качался из стороны в сторону, затем резко остановился и стал медленно переворачиваться. «Все», — пронеслось в голове, когда, перевернувшись в воздухе через голову, я приземлился у противоположной стены и потолка...

Рядом что-то пищало, раздавались чьи-то стоны, кричала женщина. Открыв глаза, я увидел, что лежу на окне, точнее на том, что от него осталось. Подо мной — смесь из осколков стекла и покореженных рельсов на железнодорожной насыпи. Дико болит правая нога и левый локоть. Вагон лежит на боку, окнами купе на земле, и дверь выхода нависла прямо над нашими головами. А рядом со мной стонет девушка-попутчица. Я инстинктивно подхватил ее под руки и начал неловко карабкаться вверх.

— Надо разбивать окно, — сказал кто-то.

— Давайте вверх, давайте вверх! — кричала женщина, скорее всего, проводница. — Тут сейчас все загорится!

— Девушку возьмите, девушку! — услышал я собственный голос, словно он шел откуда-то издалека. — Она без сознания.

Нас начали вытягивать вверх, я мертвой хваткой обхватил девчонку, будто боясь, что нас разлучат. Я чувствовал, как кто-то держал меня под руки и волоком тащил через стеклянные двери купе, потом — через окно на противоположной стороне вагона, ставшее выходом.

— Подхвати, подхвати его, он без сознания! — крикнул мужской голос.

Оказавшись на воздухе, я открыл глаза. Все вокруг в пыли от щебня, снуют люди, пахнет жженой пластмассой. Две проводницы приводят в чувство открывшую глаза девушку:

— Живая, слава богу!

Мимо меня пробежал мужчина в окровавленной форменной рубашке с погонами:

— Закрывай нахуй дорогу в оба направления! — кричал он в рацию.

— Не отходите от раненых! — кричала проводница в порванном пиджаке и с сильно порезанным лицом.

— Сейчас-сейчас, потерпи, — говорил мне кто-то на ухо. — «Скорая» вот-вот приедет...

«Вот и все, — подумал я. — Красивый финал. Интересно, тот мужик спасся?» — и окончательно потерял сознание.

ОЛЬГА

С Андреем мы познакомились в конце августа. То лето, в принципе, ничем не отличалось от нынешнего или прошлого. Все как обычно — в конце июня мы закрыли квартал, я с Лилькой уехала отдыхать в Италию, потом вернулась, потом две недели втягивала себя за уши в рабочий процесс, потом потянулась бесконечная череда вечеринок, проходивших за городом, на летних верандах московских ресторанов или у кого-то дома. И все мы были традиционно расслаблены, легки на подъем, сексуальны и слегка пьяны. Даже скорое наступление осени не слишком нас напрягало. Мы проводили вечера в компаниях звезд русского шоу-бизнеса, или экспатов, или обворожительных мужиков с криминальным прошлым, или топ-менеджеров, или диджеев, или полуспившейся богемы — всех и не упомнишь. Пятница традиционно начиналась легким ужином в четверг и заканчивалась плотным завтраком в понедельник. Мы катались на прогулочных катерах, кабриолетах, разбитых «Жигулях» бомбил, скутерах широкоплечих тренеров по фитнесу, и даже на поездах метро. В основном все события происходили ночью. Как обычно летом, все стоящие события происходят по ночам. Такая ночь длиной в три месяца... В общем, ничего примечательного тем летом не происходило — вот только две пары новых туфель натирали сильнее обычного, да у машины пришлось сменить бампер. Первое событие — следствие неумелого посещения распродаж, второе — неумелой парковки. Вот и все, что мне запомнилось из августа 2003 года.

А потом появился Он. Я сидела на летней веранде кафе «Фреско» на дне рождения своей неблизкой подруги, и откровенно скучала, переговариваясь с Лилькой на тему свежих чувств, нового увлечения, а может быть, даже романа. Андрей с приятелем приехал около полуночи. Я точно помню время, потому что как раз собиралась уезжать. «Какой хороший мальчик», — сказала Лилька, цокая языком. «Да, ничего», — бросила я, и из чувства противоречия решила остаться. Чуть позже оказалась рядом с ним, и начались милые шутки, обсуждение каких-то журнальных статей, концертов, отпуска, работы... В общем, ни к чему не обязывающие разговоры. Красивый мальчик, красивая девочка — что может быть проще? Очередное летнее знакомство. Через двадцать минут поддалась уговорам выпить еще шампанского, хохотала над его рассказами про детские годы в Америке. Еще через час почувствовала себя пьяной, потом попросила его проводить меня на такси до дома и... все.

Он оказался безумно интересным человеком. Журналист, мать в Америке, отец в России, родился в Питере. Он слишком выделялся на фоне московских людей моего круга, которых если и можно как-то охарактеризовать, то только словами «легкие, ненапряжные». Слово «позитив» тогда еще не вошло в обиход. Мы стали чаще встречаться. Вечеринки, андеграундные концерты, кино, выставки, совместные походы в книжные магазины... В какой-то день случился спонтанный секс. Да, хороший, но даже после него мы умудрялись оставаться друзьями. Мои подруги в шутку называли нас молодоженами — в самом деле, пару раз в неделю нас видели вместе, при этом я продолжала утверждать, что мы просто друзья. Идиотская история. Хотя он мне определенно нравился.

Я влюбилась как-то в шутку, что ли. Да, именно в шутку. «Мы слишком разные, зайка, — любил повторять он, — у тебя впереди карьера, удачное замужество и дети. У меня — скорый отъезд в Голландию или проза». Да, стоит сказать, он ненавидел всеобщее погружение в западную модель, предпочитая ей свободу, и немного писал. В общем, мы были классическими противоположностями, предпочитая ругаться до смерти, нежели соглашаться с чужими привязанностями, а уж тем более с чужим вкусом. «Странная история, — сказала Лилька, — я скорее покрашу волосы в зеленый цвет, чем поверю, что у вас получится что-то серьезное». «Думаю, что мы поженимся!» — расхохоталась я, в душе полностью с ней согласившись. Удачная получилась шутка. Кстати, Лилька так и не перекрасилась.

Наступил октябрь. Мы просыпались вместе не реже шести раз в неделю. Мы обнаружили не менее пятидесяти фильмов, которые нравились обоим, групп двадцать, которые мы оба искренне считали крутыми, нескольких дизайнеров, от которых приходили в восторг, десяток книг и спектаклей, над которыми чуть не всхлипывали в одних и тех же местах. И это не считая миллиона мелочей, которые мы находили «прикольными»,

«симпатичными», «ничего себе», «не безнадежными» и «клевыми». Оказалось, что путь от полных противоположностей до единого целого — всего лишь месяц.

Потом наступила зима, и мы бегали по снегу, заливались хохотом, ловили друг друга в подмосковных сугробах, играли в снежки, катались на коньках, падая друг на друга, улыбались так, как могут улыбаться только в кино. И все стало настолько искренне, настолько открыто — щеки румянятся от мороза и внутреннего тепла, губы постоянно обветрены от поцелуев, глаза блестят. Мы счастливы, мы целуемся так крепко, словно за всю жизнь никогда никого не целовали. Мы пьем глинтвейн, готовим дома фондю, отключаем телефоны, чтобы спрятаться от всех на целые выходные. Мы постоянно занимаемся любовью и даже сами не верим в то, что люди способны так самозабвенно трахаться без помощи нанотехнологий. Наши почтовые ящики не выдерживают ежедневной переписки с открытками, фотографиями и рисунками в приложениях. Ящик с эсэмэсками приходится вычищать раз в две недели, иначе он лопается от тысяч записок (не считая тех, особенных, которые ты сохраняешь). Мы изнасиловали все доступные средства связи — телефоны, ICQ, почту, собственные live journal'ы. Мы просто с ума сошли, и это безумие достигало пика, если кто-то из нас заболел. Я первый раз в жизни поняла, что такое ощущать кожей другого человека. Я чувствовала его температуру, его кашель, его насморк, его больную голову. Когда он лежал дома с температурой, я заряжала батарейку сотового не меньше двух раз, если мне не удавалось уехать с работы пораньше, а то и вовсе прогулять. Даже похмельем мы стали страдать одинаково, что, впрочем, неудивительно. Это была зима записок — они были везде: на холодильнике, утром на зеркале в прихожей, в карманах и, конечно, в уже изнасилованных нами средствах связи. Как же без этого? И еще это была зима цветов. Если раньше с цветами у меня ассоциировалась весна, то теперь, глядя на подаренный мне букет, я невольно вспоминаю ту зиму. А потом наступил Новый год с его мандаринами, елками, красными коробками в смешной подарочной бумаге, шутихами, салютами, фейерверками и четырехдневным загулом на даче у его друзей. У его потрясающих друзей, таких же, как он, ненормальных, друзей моего мужчины, к которым я так привязалась и кого так полюбила. Я даже стала дружить с их девушками, пыталась стать хорошей подругой и перезваниваться не реже раза в неделю. Стоит заметить, что с тех пор знакомые всех моих последующих мужчин вызывали у меня только раздражение. Равно как и их девушки.

К началу февраля мы безвозвратно утонули в нежности. Мы ходили за ручку, целовались практически везде, вместе принимали душ по утрам, поправляли друг другу шарфы, вырывали друг у друга магазинные сумки, пили из одного бокала, сломя голову неслись за таблетками, если у кого-то начинала болеть голова, никогда не выкуривали последнюю сигарету в одиночку. И самое главное во всем происходившем — его глаза. Такие искрящиеся, такие трогательные, иногда со снежинкой на реснице, иногда мутные от недосыпа. Его глаза. Каждый день. Близко-близко...

Да, все было безумно трогательным — то, как он спит, как ест, как целует мои замерзшие пальцы, как снимает обувь, говорит по телефону, дарит мне милые безделушки, посвящает мне километровые постинги в своем livejournal, курит, засыпая пеплом все пространство вокруг себя. Любившие без ума знают это состояние, когда самое трогательное в твоём мужчине — его недостатки. Те маленькие штришки его поведения, замечая которые ты покрываешься мурашками, роняешь слезу или застываешь с глупой улыбкой.

На день Святого Валентина он подарил мне кольцо — простенькое колечко с малюсеньким камнем, лучше которого на моих руках ничего не смотрелось все последующие годы. В конце марта мы начали планировать поездку на майские праздники, к концу апреля считать дни, оставшиеся до нее, в начале июня — планировать следующую, а в августе стали подумывать о том, чтобы завести собаку. До середины сентября нас как бы и не было здесь, то есть мы находились в Москве почти все это время, только никого не замечали, делая вид, что и нас никто не видит. Мы просто растворились друг в друге. Раз — и все. Как сахар в чае. Осенью начались мои первые робкие разговоры о чьих-то свадьбах, знакомых, ждущих ребенка, беременных подругах и поймавшей свадебный букет двоюродной сестре. Во время таких разговоров он становился особенно трогательным. Он мог мне вообще ничего не отвечать —

просто молча смотреть в глаза: и так все понятно без слов. Если вы встретите в метро или троллейбусе пару молча улыбающихся и нежно глядящих друг друга людей, не спешите думать, что они немые. Это просто разговор двух инопланетян, сходящих друг от друга с ума. Их нет здесь, среди нас. Они где-то там — в космосе.

Тем временем наш собственный космос стал постепенно сужаться. Поздней осенью Андрей вошел в какой-то бизнес, связанный с продажами светового оборудования. Партнеры любили частые совещания, время от времени заканчивавшиеся далеко за полночь, поездки к клиентам — клубам и дискотекам, посещения презентаций с целью упрочения деловых контактов и командировки в Питер, где они собирались открывать филиал. «Это мой родной город, зайка. К тому же он нереально развивается!» Изредка мы встречались на ужинах с его партнерами и их подругами и женами. Эти люди уже не казались мне особенными по сравнению с его друзьями из новогодней компании. У Андрея появилось настоящее рабочее расписание, только, в отличие от меня, он работал с двенадцати дня до десяти ночи, тогда как я — с десяти утра до семи вечера. Мы встречались по вечерам, болтали за ужином, потом смотрели кино, на выходные старались куда-то выбираться. Как-то незаметно в нашу речь вошло выражение «совместная жизнь».

Я постепенно поняла, что мы просто привыкли друг к другу. Диалоги стали банальными, новости — неинтересными, анекдоты — несмешными, а секс умеренным... Фильмы, музыка и книги, когда-то приводившие в восторг обоих, пылились на полках, потому что ни у кого из нас не было желания пересматривать или перечитывать их. Нового миллиона вещей, которые мы вместе могли бы назвать «прикольными», отчего-то не появлялось.

Даже вкусы в одежде у нас стали стремительно расходиться.

— Я в клубном бизнесе, зайка, он обязывает выглядеть соответствующе.

— Соответствующе чему, Андрюша?

— Ну... соответствующе клубному бизнесу...

Как-то зимой Андрей впервые не пришел ночевать, позвонив от Антона и сославшись на то, что они там жутко напились. Антон подтвердил. В ту ночь я впервые разрыдалась — «соответствующе клубному бизнесу». На следующий день устроила ему дикую истерику с вопросами, требованиями клятв в верности, немедленного предъявления алиби. Дура, одним словом. Не получив должных, как мне тогда казалось, свидетельств, я разозлилась. На него, на его друзей, на его новый бизнес, наконец. Я чувствовала, что все меняется, и я ничего не могу с этим поделать. Ушла какая-то важная деталь, та самая деталь, что поддерживала наши отношения. Глядя на него, я не могла понять, что изменилось. Теперь мне кажется, все дело было в его глазах. Они больше не сияли. В тот день я поняла, что нежность ушла. Что я не могу больше очарованно наблюдать за тем, как он рассыпает пепел по всему столу. Любовь уходит — остаются только недостатки.

Нет, загулы не продолжились, наоборот, он стал приходить раньше, мы проводили больше времени вместе, пару раз даже съездили на выходные в Питер. На первый взгляд, все снова встало на свои места. А через месяц опять повторилось. Он стал часто приходить под утро, у него появилась работа по выходным, телефонные разговоры, которые он предпочитал вести при закрытых дверях, ссылаясь на «бизнес-процессы».

Я больше не злилась на него, нет. Даже раздражение ушло, осталась только озлобленность. Я больше не корила ни его, ни себя, предпочитая проводить вечера в компании подруг, у которых все шло практически таким же путем. «Нужно либо жениться, либо завести ребенка. А лучше все вместе», — советовали они. Я соглашалась, потому что у многих моих подруг имелось и то, и другое, что никак не сказывалось на их отношениях с мужчинами. Я решила выдержать паузу, посмотреть на все со стороны, прислушаться к себе, подождать чего-то, что, черт возьми, вернет нас в прежнее состояние нежности. В ту зиму цветов. Я надеялась. Я верила. Я ждала, потому что просто не представляла, что делать...

Под Новый год мы обедали с Лилькой, которая снова вернула себе место самого близкого человека в моей жизни. Мы долго болтали ни о чем со всеми этими «как дела», «чего нового» и «какие планы». Под конец обеда она сказала, что у нее для меня есть неприятная новость. В общем, она «не хотела говорить», «решила не обострять», «вообще не

любит эту грязь», но тем не менее я должна знать, что в среду Лилька видела Андрея целующимся с какой-то шлюхой в клубе «Осень ». Я закашлялась, Лилька стала колотить меня по спине, у меня брызнули слезы, то ли оттого, что я поперхнулась, то ли... конечно, от услышанного. В течение получаса Лилька обрушила на меня все подробности той сцены, живописав все так, как умеют только самые преданные подруги. Я совершенно точно знала, что это не вранье, потому что в среду Андрей появился в четыре утра, делая вид, что о-о-очень сильно напился. Мужчины почему-то уверены, что плохая игра в бухого — хорошая отмазка.

Приехав домой, я выпила полбутылки вина, дождалась Андрея и сообщила ему, что он может убираться на все четыре стороны без объяснений. Андрей покраснел, неловко попытался выяснить причину моего решения, а услышав, снова начал краснеть, нести всякий бред: «это было не то, что ты думаешь», «ты веришь этой идиотке?», «это наша сотрудница», и прочее. Последним аргументом прозвучало «твоя Лилька сука, которая давно меня хочет!». После этого я выставила его за дверь.

Мы не виделись неделю. Я не подходила к телефону, когда он звонил, не отвечала на письма, вычеркнула его из ICQ, я думала только об одном — чем Она лучше? Неужели Она может быть лучше меня? Нежность, трогательность... я банально налетела на обычное вранье. Может, это даже и не вранье, просто образ жизни? А может, причина во мне? Я сама изменилась, стала невнимательной, усталой, привыкла, наконец? И он не выдержал. Устал, взбесился, наделал глупостей. В общем, еще неделю я проводила вечера, борясь с чувством вины. Потом снова начала ходить на вечеринки, посещать клубы, однажды от отчаяния пошла целоваться с малознакомым, но близко плясавшим экспатом.

А следующим утром поняла, что не могу без него. Я плюнула на условности и позвонила. Лучше быть счастливой, чем гордой. Он приехал через час. Квартира снова наполнилась Его запахом, Его голосом, Его милыми недостатками. Мы снова нырнули. Я зареклась общаться с подругами, зареклась думать о чем-то, кроме него.

Падать, погружаться, тонуть, терять точку опоры... Страсть и осознание того, что можешь дышать и существовать только когда он рядом. Я готова прощать, забывать, любить, несмотря ни на что. И превращать себя тем самым в домашнее животное, готовое идти за своим хозяином на край света, только бы он шагнул рядом. Я знаю для нас только один способ расстаться, но, черт подери, так тяжело на это решиться! Какая же я слабая! Нет, я не была такой, и, что самое приятное, не хочу такой быть. Я верну все, чего бы мне это ни стоило. Я готова пожертвовать всем, что у меня есть, лишь бы больше не страдать, я смогу... Я обещаю тебе. Я тебя больше никогда не отпущу!

Следующие два месяца пролетели как сказка. Не хочется говорить банальность про «второй медовый месяц», но так оно и получилось. Снег, в котором мы валялись, обжигал, лед на катке выщерблен, в глентвейне слишком много корицы, а на Патриарших прудах — слишком много людей. Мы ходили на все кинопремьеры в «Пушкинский», «Октябрь» или «Киргизию», кормили друг друга с ложечки десертами в «Шоколаднице», «Кофе-мании» или «Курвуазье», пили красное вино, валяясь в постели, исчезали на выходные, смотрели старые фильмы, фотографировали друг друга на улице. В общем, все было так хорошо, что, казалось — лучше и быть не может. Потом наступил Новый год, который мы встретили вдвоем в Праге. Потом — Старый Новый год в обществе моих родителей. После трогательных семейных посиделок, когда родители разговаривают с твоим молодым человеком как с будущим зятем, когда твой молодой человек делает комплименты кулинарному искусству твоей матери и долго курит на балконе с отцом, сразу после Старого Нового года мы впервые серьезно заговорили о женитьбе. В конце января я забеременела.

Он примчался минут через сорок после того, как я сообщила ему по телефону эту новость. Помню тот ужин, дурацкие вопросы вроде: «ты хочешь мальчика или девочку?», приступы моей сентиментальности, выборы места для детской кровати, споры о том, можно ли покупать одежды и пеленки заранее или это плохая примета? Обсуждение имени будущего ребенка — час обсуждений мужских имен и два часа женских. Он больше хотел девочку. Той ночью я не могла уснуть от счастья. Ворочалась, вставала, сидела у окна на кухне, отправляла ему эсэмэски с признаниями в любви, чтобы они стали первым, что он прочтет, проснувшись.

Все эти милые, почти уже семейные радости, приятные хлопоты и горячие признания продолжались еще три дня. На четвертый день Андрей исчез...

Когда он уходит, ты сходишь с ума. От горя, от ревности, от обиды. Он, такой нежный, такой трогательный, такой любящий — он просто не мог этого сделать. Сначала ты просто не понимаешь, что произошло, — обзваниваешь его друзей, знакомых, случайных знакомых, опрашиваешь подруг, думая, что с ним что-то случилось. Но те лишь разводят руками или мычат, что недавно видели его, но «не очень уверены, когда точно». Ты начинаешь думать о самом страшном: его сбила машина, у него серьезные неприятности, он попал в больницу, он... Любящее существо слепо. Нас бросают, нас втоптывают в землю, а мы ничего не видим. Верим, любим, надеемся. Понимание приходит позднее. Недели через две. Он ушел. Бросил. Предал. Убежал. Его больше нет рядом.

Боль постепенно сменяется чувством потери. Сначала ты перечитываешь все его эсэмэски, письма, перебираешь все фотографии, где вы вместе, долго вертишь их в руках, вспоминая обстоятельства, при которых они сделаны. На этой он стоит с букетом тюльпанов, сорванных в три часа ночи с городской клумбы, на другой вы сидите рядом на дне рождения Наташки, и все твои подруги рассматривают его с неподдельной завистью, на третьей (снял Он), ты стоишь на палубе прогулочного теплохода с развевающимися волосами и солнечными зайчиками в уголках темных очков — после того как он щелкнул фотоаппаратом, вы долго пили красное вино, мечтали о детях и приняли решение позвать на свадьбу только шестерых самых близких друзей («ненавижу толпу родственников и приятелей, сидящую за столом буквой «Т» — сказал Он). Ты рыдаешь над этими снимками, выкуривая по три пачки сигарет в день, бегаешь к каждому телефонному звонку, чувствуя, что сердце стучит где-то в области диафрагмы, просыпаешься ночами оттого, что тебе слышится, будто пришла эсэмэска,водишь разговоры с подругами к обсуждению своих переживаний. Нет, тебе не нужно их сочувствие, утешение, советы и обнадеживающие слова о том, что все проходит. Все, что тебе нужно — это упоминание его имени, рассказы о том, что его где-то видели в одиночестве. В общем, пускай они говорят что угодно, лишь бы о нем...

Потом ты начинаешь ощущать потерю физически. У тебя скачет давление, постоянно слезятся глаза, тебя преследуют головные боли, чередующиеся с бессонницей. Любые, даже самые пошлые песни, в которых упоминается измена, расставание или смерть, заставляют тебя плакать. Ты доходишь до того, что, услышав топорную рифму «знаешь ли ты, вдоль ночных дорог, шла босиком, не жалея ног» говоришь себе «это про нас». Земфира, МакСим, Shinead O'Connor, Cardigans, Bryan Ferry — теперь твои любимые исполнители. Не говоря уже о George Michael. Внезапно расплакаться у маникюрши теперь для тебя обычное дело. А сколько мелодрам ты пересмотрела, предаваясь фантазиям о том, как он внезапно поймет, что ему нужна только ты, и захочет вернуться... Но разум знает: не захочет. Невозможно пробить стену равнодушия. Он не вернется. Со временем все чаще в голове пульсирует: он не вернется. И все реже: а вдруг... В конце месяца ты решаешься. Убираешь эмоции, перестаешь надеяться, включаешь логику и отключаешь телефон. Последнее, о чем ты думаешь перед абортom, — хорошо что маме ничего не сказала. Будто дернуло тогда что-то: «Не спеши». Возвращаешься из больницы с ощущением порванной тряпичной куклы. Тяжело. Дико тяжело. Особенно по ночам. Ты разучилась спать одна. «Донармил», «Ксанакс» и «Персен» становятся постоянными спутниками зарядки для телефона на твоей тумбочке (ты заряжаешь телефон везде, где есть розетка, понимая, что, если батарея внезапно сядет, сойдешь с ума. Телефон теперь всюду с тобой — на переговорах, в солярии, в туалете, в... нет, в бассейн ты больше не ходишь по той же причине). Ты пробуешь пить, но не помогает. Не то чтобы тебя смущала утренняя помятость лица (учитывая ежедневно опухающие от слез глаза, это не проблема), просто тебя даже алкоголь не берет. В какой-то момент тебе приходит мысль о наркотиках, но все-таки ты родилась в приличной семье, где мама, женщина с твердым характером, внушала тебе, что все, что ты делаешь, ты делаешь для будущих детей. Господи, как же ты хотела от него ребенка!..

При мысли о ребенке, которого не захотел он, тебя перекашивает от злобы. Ты снова рыдаешь над вашими снимками, потом рвешь самые трогательные из них и выбрасываешь в помойку. Выкурив пачку сигарет, вновь заливаешься слезами, перетряхиваешь помойное ведро и неумело склеиваешь скотчем обрывки фотографий, потому что все еще надеешься. Тебе бы самое время сейчас умереть, но даже этого ты не можешь себе позволить. И дело тут не в мучительном выборе между горстью снотворного, выхлопными газами или вскрытыми венами. Ты все еще надеешься, что именно в этот момент он позвонит в дверь (по телефону, выйдет в ICQ, пришлет эсмэску или письмо), а ты уже не сможешь ответить...

Ты живешь непрерывным ожиданием. Потому что тот, с кем тебе было так хорошо, не может не вернуться. Ведь так, как он любил тебя, он больше никого не полюбит. Не сможет, не выйдет, не хватит сил. Просто он этого еще не понимает. Ему нужно еще совсем чуть-чуть времени на то, чтобы вспомнить тебя. Развернуть машину, выбежать из дома, сорваться с вечеринки, убежать от друзей и... вернуться...

Он же знает, что ты его ждешь... вчера, сегодня, завтра, всегда, всю жизнь. Честно говоря, ты больше ничем и не занимаешься. Дома, на улице, на работе, на переговорах, в машине, в гостях... ты ждешь... В это время моим любимым видео стала песня грузинского певца Дато, где по стеклу рисуют песком. Интересно, он его видел? Сцена, над которой я каждый раз рыдаю — это та, где человек сидит под деревом и смотрит на лебедя. Впрочем, теперь я рыдаю над каждой подобной сценой да и без сцен тоже...

В течение полугода ты вновь и вновь прокручиваешь всю историю вашей любви. Ты пытаешься примерить на себя чувство вины, объясняя его поступки, раздражение и последующие измены собственной невнимательностью, неспособностью к компромиссам, твердолобостью в попытке навязать ему свою модель совместной жизни. Ты вспоминаешь, как обижала его пустой ревностью, подозрениями, сколько времени проводила с подругами, как одевалась дома (бесформенный халат и мягкие тапочки), забывала краситься, ерничала по поводу вашей сексуальной жизни. Ты, именно ты, глупая, надменная стерва, подтолкнула его к измене. Ты вспоминаешь события и диалоги, которые он скорее всего и не помнит, зато ты теперь точно знаешь, что именно они стали первопричиной вашего будущего разрыва. Дура, идиотка, тварь, сука — будь ты хоть на йоту умнее, все было бы хорошо, вы до сих пор были бы вместе. Если бы тогда ты повела себя так, сказала бы то, сделала бы это... Неспособность что-либо изменить ввергает тебя в хроническую депрессию. Ты уже не плачешь, потому что больше просто не можешь...

Через год ты медленно погружаешься в апатию. Каждый новый день похож на предыдущий: дом — работа — дом. Ты не ходишь на вечеринки, не встречаешься с подругами, не едешь к родителям, не выходишь в Интернет — ты просто не хочешь случайно услышать сплетню о нем, его друзьях, новость, связанную с его бизнесом, — да что там, любое упоминание персонажа, носящего его имя, вызывает у тебя тоску. Ты перестаешь смотреть фильмы, которые вам с ним так нравились, переключаешься на другую волну, когда по радио звучит его любимый трек, стараешься ездить маршрутами, пролегающими подальше от его дома, его привычных магазинов, ресторанов и кафе. Тебе уже все равно. Ты все чаще отключаешь мобильный, потому что некому тебе звонить. Все, что вчера казалось таким значимым, сегодня не имеет никакого смысла. Даже набранные тобой шесть килограммов не вызывают ничего, кроме раздражения, вызванного необходимостью покупать новые вещи. Дело не в деньгах, просто тебе не хочется лишний раз выходить из дома. Постепенно ты учишься забывать и в какой-то момент действительно ощущаешь провал в памяти. У тебя и в самом деле ничего не осталось — ни любви, ни боли, ни тоски, ни надежды, ни будущего. В принципе, жизнь закончена. Выброситься бы из окна, да родителей жалко...

Жизнь больше не вызывает никаких эмоций — ты равнодушно смотришь душераздирающие новости о брошенных грудных детях, перестаешь подавать на улице бабушкам, проходишь мимо бездомных щенков, выключаешь телевизор, когда случайно натыкаешься на сериал о любви. Даже случайно найденная коробка с тремя его записками довольно быстро оказывается на помойке — на полку не положишь, только пыль собирать. Тебе начинают нравиться идиотские шоу типа «Аншлага», «Нашей Раши», «Фабрики звезд»

или концертов звезд отечественной эстрады. Позже в твоём доме появляются компакт диски Р. J. Harvey, Pink, Дианы Арбениной, кино с Марлен Дитрих и Ренатой Литвиновой. Нет, лесбийская любовь тебя не притягивает, отнюдь. Просто теперь ты знаешь, что нужно как-то жить без него...

Для начала ты покупаешь абонемент в фитнес: беговая дорожка, тренажеры, бассейн, сауна, массаж. За три месяца теряешь пять килограммов. Меняешь макияж, косметический салон, солярий, маникюршу и гардероб. Между делом меняешь стрижку, которую носила последние семь лет, и теперь ты рыжая. Можно было бы и работу сменить, да тебя, как назло, повысили. Но это не страшно, на работе ты не особенно и распространялась о своих отношениях. Ты подумываешь о тату — не «сделать или нет», а в смысле выбора рисунка. Каждый день встречаешься со своими прежними подругами, а когда они заняты, встречаешься с новыми. Ты меняешь авто, начинаешь ориентироваться в новых модных ресторанах, клубах и кафе. Ты посещаешь все кинопремьеры и пару концертов в месяц. Вот только с книгами у тебя не складывается: прочитанные раньше разонравились, а новые не находятся. Глянцевые журналы читать ты так и не начала — сказывается воспитание. За последние полгода ты четыре раза была за границей.

Главное, что окончательно возвращает тебя к жизни — это развод близкой подруги с мужем (восемь лет в браке, двое детей). Ты искренне сопереживаешь и бросаешься ей на помощь. Тебя распирает от чувства собственного мессианства. Одновременно ты пускаешься в жесткие загулы, чередующиеся с еще более жестким воздержанием. Твоя основная задача — дать всем, чтобы это выглядело так, будто не даешь никому. Ты редко пользуешься презервативами, еще реже — тестами на беременность, а с гинекологом встречаешься только потому, что это твоя подруга. Ты абсолютно уверена, что с тобой ничего не произойдет, по крайней мере, пока он не встретит тебя: такую яркую, блистательную, в окружении молодых, богатых поклонников и завистливых подруг. Встретит — и тут же скончается от воспоминаний. И ты идешь туда, где он может быть или где бывал, делаешь вид, что тебе весело, что все и вправду хорошо... Но себя не обманешь — на самом деле все это ужасно, и очень больно. И можно как угодно хорошо выглядеть, купить новое платье, сделать новую прическу, — тоску в глазах не уберет никакой мейкап. Но время идет, а он тебя все не встречает. Иногда ты плачешь (в основном по пьяному делу), изредка посещаешь стриптиз-клубы типа «Красной Шапочки», еще реже уезжаешь с барменами (любовников пока хватает). Ты начинаешь мстить всем остальным. Всем, кто оказался ПОСЛЕ. Ломаешь людей как сухие ветки, особенно тех, у кого чувств больше, чем у него.

Все окончательно ломается, когда к той подруге возвращается муж, а другая подруга рождает ребенка... в этот день в тебе укореняется мысль о необходимости выйти замуж. Желательно поскорее. Мстить уже нет желания, хочется устраивать собственную судьбу. Как-то вечером ты понимаешь, что изменилась. Можно сказать, превратилась в злобную стерву, но в действительности просто повзрослела. Выкарабкалась, выпуталась, не сломалась, забыла, отпустила...

Больше года у тебя все хорошо. Заботливый муж, уютный дом, карьерный рост, преданные подруги, которые советуются с тобой по любому поводу, считая тебя самой мудрой и замечательной. Ты отдыхаешь за границей не менее шести раз в год, часто меняешь любовников, еще чаще — машины. Ты научилась жить рационально, преданная семейному очагу. Ни одной из историй ты никогда не дашь перерасти в роман, потому что очень хорошо понимаешь, что твой муж — абсолютная редкость и невероятная удача. Это единственный человек, к кому ты испытываешь уважение, и кого ты никогда не предашь.

В принципе у тебя все хорошо. Да что там — просто отлично! Твоя жизнь похожа на хорошо снятое кино с огромным бюджетом. Фильм продолжается, и, кажется, будет длиться бесконечно, пока в один прекрасный момент твоя близкая подруга не рассказывает тебе о сумасшедшем романе с молодым американцем русского происхождения. С мужчиной, каких, как ей кажется, уже не бывает в природе. Трогательным, нежным, доверчивым, сводящим с ума.

Я слушаю ее рассказы о совместном отдыхе, будущей женитьбе, детях. О том, как его глаза блестят от подобных разговоров. Я криво усмехаюсь бросив:

— Когда-то я знала подобного мужчину.

Мой сарказм улетучивается в тот момент, когда она гордо демонстрирует его фотографию в журнале, рассказывая, что «журналистика — его хобби, хотя с таким талантливым пером он мог бы сделать ее второй профессией». Решение возникает само собой. Нет ни отчаяния, ни ревности, ни потери сознания. Единственное, что могло бы меня выдать — это побелевшие костяшки сжатых в кулаки пальцев.

— Лена, скажи, пожалуйста, он часто называет тебя зайкой? — спрашиваю я ее напоследок. В принципе, она могла бы даже не отвечать.

СПАСТИ НИКОГО НЕ УДАЛОСЬ

Перед вами, господа, человек вполне разумный. Вы его слышат, не так ли? Он умеет отвечать на вопросы. Он знает цену словам. И уж никак нельзя сказать, что он действовал, не отдавая отчета в своих поступках.

Альбер Камю. Посторонний.

Кажется, он открывает глаза... когда-то я любила проснуться раньше него и лежать рядом в ожидании, когда он откроет глаза. В такие моменты он походил на ребенка. Как же я его любила тогда! Точно, он просыпается...

Уйти? Встать, тихо выскользнуть отсюда — и все. Забыть эту историю. Забыть о нем, словно его не было. Словно я придумала все это — и его заодно. Так просто... встать и незаметно уйти в другую жизнь. В свою жизнь.

Господи, как долго я ждала этой минуты! Сколько раз представляла себе наш диалог — что я скажу, что он ответит, представляла, как уничтожу этого человека одной-единственной фразой. И теперь, когда все закончилось, у меня не осталось ничего.

Ни одной эмоции. Ни ненависти, ни желания отомстить. Только пустота. Такая же, как тем утром...

Я чувствую, как солнце прорывается сквозь неплотно задернутые шторы, скользит по моим векам и наконец выдергивает меня из сна. Я открываю глаза и вижу какую-то телку, которая сидит у моей постели. Медсестра? С каких это пор медсестры вот так дежурят у постели больных? Может, у меня ухудшение? Гангрена и все такое... От мыслей о гангрене я мгновенно потею. Стоп-стоп-стоп, медсестры не носят деловые костюмы бежевого цвета. Ну, во всяком случае, не носили до того момента, когда я сел в этот чертов поезд.

Я начинаю разглядывать ее из-под полуприкрытых век. Интересно, давно она здесь? Заметила, что я проснулся? Девушка сидит нога на ногу, обхватив руками колени. Ухоженные руки, тонкие пальцы. Высокая шея, достаточно красивая. Большие солнцезащитные очки в пол-лица. Никаких украшений. Бондиада какая-то! Ей бы еще платок на голову — и вылитая Никита. Рыжая. Среди моих знакомых девушек нет ни одной рыжей. Кстати, надо бы восполнить это упущение... не в этой жизни... Интересно, сколько ей лет? Никогда не умел определять женский возраст. Она достает сигарету, зажигалку и прикуривает от самого тонкого стебелька пламени. От того, который похож на нитку, выдернутую из ярко-желтого языка огня. От спички так не прикуришь. У спички огонь ровный, а у огня зажигалки всегда есть пара таких ниточек. Когда прикуриваешь так сигарету, приходится держать ее над огнем дольше обычного, зато раскуривается она очень ровно. Черт, о чем я думаю? Кто же из моих знакомых любит заниматься такой херней?

— С добрым утром! — говорит она, прикуривая.

Голос... Какой у нее знакомый голос! Неужели какая-то из моих бывших подруг решила меня проводить? Случайно. Или все-таки я кому-то по-настоящему небезразличен?

— С добрым утром. О, черт! — Я пытаюсь сесть, но резкая боль в ноге заставляет меня брякнуться обратно на подушку. — Sorry. А что, в медицинских учреждениях теперь разрешили курить? Я бы тоже не отказался от сигареты.

— Продолжаешь играть в американца, Андрюша? — Девушка снимает очки.

...Господи, лучше бы я не просыпался! Нет, не может быть, это не она, просто очень похожа, только и всего... Ольга уехала из страны, мне же говорили. Откуда она знает про американца? Нет, ее здесь просто не может быть. Даже случайно. Я делаю последнюю попытку доказать себе, что это не Оля, но паранойя охватывает каждую клеточку моего тела.

— Мы знакомы? Я что-то не припоминаю. Заранее извиняюсь, просто я не в лучшей форме. Голова болит. Не каждый день попадаешь во взорванный поезд, понимаете? — Я пытаюсь улыбнуться, но даже без зеркала могу сказать, что это не улыбка, а гримаса. — Так мы знакомы...

— Зайка. Ты забыл добавить — зайка, Андрей! — Она глубоко затягивается и отворачивается к окну. — Мы знакомы. Во всяком случае, когда-то были...

— Оля! — У меня пересыхает во рту. — Как ты здесь оказалась? Кто тебе сказал? То есть...

— То есть мне никто не мог сказать, что ты в Питере, в больнице, с переломом ноги и легким сотрясением мозга. Об этом никто не знает. Кроме меня, конечно. — Она улыбается и снова отворачивается к окну, кажется, у нее в глазах блеснули слезы. Или мне показалось?

— Никто не знает, что я в больнице, — вслух размышляю я. — Да, невеселые времена. Кто бы мог подумать, что эти гребаные террористы доберутся и до поездов! Правда, Оля?

Она молча кивает.

— И главное, как-то быстро все получилось, — продолжаю я. — Бах — и сразу вагон стал крениться вправо, стенка стала полом, а потолок — стенкой, а потом... потом помню как сквозь сон...

Она снова кивает.

— Что-то говорили пассажиры, которых не задело... «Скорая помощь», врачи... Кто-то говорил про потерю крови. Я сказал медсестре... а дальше как в тумане, — вспомнив, что рассказал медсестре про СПИД, я снова покрываюсь холодным потом.

— Ты сказал медсестре? — Она поворачивается ко мне. — У тебя хватило смелости сказать про СПИД? Не узнаю тебя. Неужели тебя сподвигли на это мысли о каких-нибудь лузерах, которых заразят иглой, выдернутой из твоей вены? Да брось! Тем более что теперь не начало 90-х, и вероятность того, что твоей иглой уколут кого-то еще, ничтожна. Так зачем же ты признался, милый мальчик? — Она тушит сигарету о ножку стола и прикуривает новую.

Мне становится страшно. Так страшно, как никогда еще не бывало. Даже когда меня во второй раз били негры на американском школьном дворе.

— Ты... — кажется, мне не хватает воздуха. — Откуда ты знаешь? Как ты вообще здесь оказалась? Какое твое дело? — от злости перехватывает дыхание, и в тот же момент меня озаряет. — Ты следила за мной?! ТЫ СЛЕДИЛА ЗА МНОЙ?!

— Прекрати истерику, — говорит она холодно. Глаза ее больше не блестят. Реально, показалось. — Не бросать же мне тебя в самом конце пути. — (Кажется, последнюю фразу она говорит сама себе.)

— Зачем? Какого черта ты шпионила? И откуда ты знаешь про то, что со мной случилось? Пришла издеваться надо мной? Да, у меня СПИД, но я не боюсь в этом признаться. Мне все равно! Я ничего больше не боюсь. — Слезы льются по моим щекам, и я даже не пытаюсь их скрывать. — Что тебе нужно? Пришла посмотреть, как я буду подыхать, да? Упиваешься? — Я опять порываюсь встать, но не могу.

От беспомощности мне становится безумно жаль себя. Я лежу на подушке, задрвав подбородок, хлюпаю носом и сглатываю слезы, текущие мне прямо в рот.

— Ты еще совсем ребенок. Маленький, избалованный ребенок. Красивый, но жутко злобный. — Она встает, подходит к окну, отдергивает шторы и застывает, опершись руками о подоконник. — Теперь смешно вспоминать, но я любила тебя без памяти. Странно. Я прощала тебе все — твои истерики, безумные фантазии, твою лень, твою патологическую заиканность на самом себе. Я просто не обращала внимания.

— Это было очень давно. — Я лежу, закрыв глаза, и пытаюсь вставить хотя бы полслова в свое оправдание, но получается какой-то бред, а Ольга, кажется, меня и не слышит.

— Я ничего не замечала и никого не видела. Кроме тебя. Странно, теперь я не прощаю своему мужу и полпроцента того, что делал ты. Я тебя просто любила. Хотя какое теперь это имеет значение, правда?

— Ты вышла замуж? Давно?

«Успокойся, успокойся. Возьми себя в руки. Она же не убивать тебя пришла!» — говорю я себе, но паника держит меня своими липким руками. Мне так страшно, что я прошу ее позвать сестру.

— Она вышла. — Ольга возвращается, садится на стул и продолжает монолог: — Даже в тот день, когда ты сказал, что не хочешь ребенка, я все еще строила планы. Представляешь, какая идиотка?!

По ее щеке катится слеза. В этот раз точно не показалось. И от этого мне становится еще страшнее. Хочется убежать, выпрыгнуть в окно, исчезнуть!

— А потом ты пропал. Не отвечал на звонки, сменил квартиру, говорили даже, что ты уехал в Питер. Ты же не уезжал, правда, Андрюш? Ты жил у папы на даче, да?

— Я... я не помню. Для меня, как и для тебя, понимаешь... это было так внезапно, так...

— Так не вовремя, да? А я почему-то думала, что если люди любят друг друга, появление детей всегда вовремя. Но, как показала реальность, ошибалась. Мы просто жили в разных мирах. В моем мире был ты, наш ребенок, и я. А в твоем мире был ты и ты. Ну, пара друзей, пара телочек, что там еще?

— Я был не готов, понимаешь? Мне было двадцать три года, я...

— Неправда. Тебе всегда семнадцать. Ты вечнозеленый, как елка.

Она обхватывает лицо ладонями и замолкает. Молчит долго. Пять, может, десять минут. А мне кажется, целый час. Изредка Ольга хлюпает носом, и это ввергает меня в отчаяние. Мне хочется выключить ее. Заткнуть. Стереть. Убрать отсюда. МАТЬ ВАШУ, ДА ЗАЙДИТЕ В ПАЛАТУ КТО-НИБУДЬ!

— Я ждала, что ты вернешься. Неделю, две, месяц. Меня не было. Я пропала. Вычеркнула себя отовсюду. Я просто ждала. Ждала, что когда-то утром, или ночью, или днем ты хотя бы позвонишь. А потом вернешься. Ты не звонил. Я не могу тебе передать, что со мной было...

— ПРЕКРАТИ. Я тебя умоляю! — Я перехожу на шепот. — Зачем снова все вспоминать? Ты хочешь сделать мне еще больнее? Я лузер, лох, урод, тварь. Меня выгнали с работы, меня выставили на деньги, заразили СПИДом, заставили бежать, понимаешь? Я прошел через все! ПРЕКРАТИ, ПОЖАЛУЙСТА! — снова кричу я, но Оля не слышит и продолжает монотонно говорить, как сомнамбула.

— Ты вернешься, и мы снова окажемся в нашем мире, где будут ты, я и наш ребенок. Что такое ребенок, я уже не узнаю. Глупая история. Я слишком долго тянула с абортom, и когда утром врач сказал мне...

— Н-Е-Е-Т! — Я зажимаю руками уши, чтобы не слышать, что ей сказал врач, хотя и так понимаю, что именно. — НЕ-Е-Е-Т, ПОЖАЛУЙСТА!

Я захожусь в рыданиях. Меня буквально колотит.

— ...Что у меня больше не будет детей. В то утро я забыла про тебя. Кажется, это называется вытеснением. При воспоминании о тебе я натыкалась на пустоту. У меня отрицательный резус-фактор, понимаешь? Я тогда думала, что это пустяки. Современные технологии, и все такое. Знаешь, мы пытались несколько раз. Ничего не выходит. Ничего.

Она говорит с абсолютно естественным недоумением на лице, словно речь идет о том, какие классные получаются пироги у мамы, а у нее — невкусные. Она опять встает и подходит к окну. Оля уже не плачет. Плачу я.

В этот раз пауза затягивается. Она стоит у окна, а я просто лежу и стучу зубами. Наконец я немного успокаиваюсь.

— Я поступил, как... впрочем, какая разница? Бог меня уже наказал. Сполна...

— Сполна. Никогда раньше не слышала от тебя этого слова. Ему еще не хватало воздавать сполна мальчикам, бросившим своих беременных девочек. Или телочек, как ты любишь выражаться. Ненавижу это слово. Знаешь, когда Ленка сказала мне, что у нее любовь с американцем, меня это совсем не заинтересовало.

— Лена была твоей подругой? — вырывается у меня.

— Американец — и американец, какая разница? Но, как это бывает у влюбленных девушек — обсуждения, захватывающие рассказы, телефонные разговоры с придыханиями. А

потом она мне показала «Одиозный журнал». Я же тебя с тех пор не видела. Странно, правда? Меня это тогда уже не трогало, пока она не сказала, что вы собираетесь пожениться и завести ребенка...

— Она это сама себе придумала, — выдавливаю я. — Это она придумала...

— Конечно, придумала. И ребенка, и женитьбу, и американца, сына миллионера. — Ольга садится на край кровати и проводит рукой по моим волосам. — Да ты вспотел весь, бедный! — Она берет полотенце и вытирает мне лоб. — Выслушав ее историю, я поехала домой, поругалась с мужем, выпила бутылку виски. Не брало, прикинь! Хотя мне и три бокала вина выше крыши, ты знаешь! Я снова плакала всю ночь, а утром будто рукой сняло. Я позвонила Лене, встретила с ней и все рассказала. Нет, конечно, как всякая влюбленная дурочка она мне не верила, но в этот раз я знала, чем лечить.

— Когда это было? — осколки последней недели начинают складываться у меня в голове. Я ловлю себя на мысли, что меня хватит инфаркт, сейчас — или минут через десять.

— Четыре месяца назад. Тогда я и решила, что две пострадавшие от тебя влюбленные дурочки — это too much. Я посадила ее в машину, и мы проехали за тобой. Мы катались весь день. Интересно было, как в детективе. Стоит ли говорить, что спалили тебя, зайка, в эту же ночь. Ты наврал ей что-то про совет директоров, который проходил в «Опере». «Так получилось, зайка». Или как ты говорил в таких случаях? Как она рыдала... как рыдала... почти так же, как я тогда. Хотя нет, не так. Она, по счастью, не была беременной... ей повезло.

— Я любил Лену, — зачем-то говорю я.

— Конечно. Ты и меня любил. Ты всех любишь. Одновременно. Это же твоя философия. Зачем я тебе все это рассказываю? Глупо, как глупо все! Знаешь, я так хотела отомстить, а даже не пойму, что сейчас чувствую. Мне почему-то жаль тебя, Андрюша. Ты, в принципе, неплохой парень. Просто... просто подлец. И трус...

— Я... я никто. — Меня уносит, мысли путаются, и хочется спать. Хочется домой. Хочется увидеть маму. Хочется стать глухим. Хочется...

— Удивительно, но ты прав. Я поняла это только теперь. Даже времени жалко. Комбинаторша! — Она смеется, встает, подходит к окну и садится на подоконник.

Как кошка. Она реально очень похожа на кошку. Была похожа.

— Потом я рассказала Лене свою историю в деталях. Что мне ты так же рассказывал про папу-американца, про идею свалить отсюда, и все прочее. Да, в то время ты еще не играл в менеджера WalMart. Тогда тебя увлекала журналистика. Не смотри на меня так. Да-да, журналистика — единственная девушка, которой ты не изменяешь. Я рассказывала ей нашу лав-стори порционно. Вечерами, как сериал «Санта Барбара». Дня через два она начала успокаиваться. Я ведь ее никуда не отпускала. Она жила прямо у нас. Ха-ха-ха. Муж в те дни ходил на цыпочках. Даже сок нам с утра выжимал. Я ему ничего не объясняла. Просто сказала, что у подруги драма. И все. Он понял. Или нет. Впрочем, какая разница? Тьфу. Приклеилась ко мне эта твоя дурацкая фразочка. Мы спланировали все спонтанно. Сидели вечером перед телевизором, смотрели какую-то криминальную хронику про мошенников. Все придумалось само собой. Странно, да? Решетникову, кстати, нашла Ленка, не я. Она работает в агентстве, которое устраивало пару корпоративов для Ленкиной компании. Приехала из Ставрополя, обжилась. Поклонники, случайные романы, клубы, дискотеки. Обычная история про золушек, которых так много. И принцев, которых так мало. Ее даже уговаривать долго не пришлось. «Ничего мальчик», — сказала Ритка. И потом, я пообещала ей двадцать тысяч. Круто, да? Не смотри на меня как на лохушку. Я платила ей по пятерке.

— А ты...

— Нет, не боялась, что сдаст. Во-первых, какая ей разница, с кем трахаться за бабки? С менеджерами среднего звена или с журналистами? «Мальчик ничего», опять же. Она умная девочка, все понимает. Даже с телефоном сумела выкрутиться. — Ольга достает мобильный и демонстрирует мне ту самую Nokia с узором под «Палех». — Ты, наверное подумал, что это ей любовник подарил? Ну да, что же ты еще мог подумать? Логично. На всякий случай я соврала ей, что мой муж — офицер ФСБ. Нет, реально, если бы она меня кинула, я бы нарисовала ей проблем. Научилась за это время, как с людьми общаться. Кстати, деньги на машину ей

реально были нужны. Этого в моем сценарии не было. Банальный кидняк — как-то мелко, правда, зайка? У меня тогда не было, а у мужа занимать не хотелось. Мы предложили ей занять у тебя десятку. По-честному. Она бы тебе в любом случае отдала. И кинуть их тебе в лицо — тоже ее инициатива. Когда ты предположил, что СПИД — отмазка, чтобы не отдавать тебе бабло, у нее разыгрались эмоции. Вошла в роль, ничего не скажешь. Отличный ход, я даже не додумалась. Когда кидают в лицо десятку, в любую болезнь поверишь. Даже в бубонную чуму. С твоей-то мнительностью!

— Поверишь? — я чувствую, как немеют пальцы на ногах. — Что значит поверишь? Врач ошибся? То есть.... то есть... ты хочешь сказать, что... КАКАЯ ЖЕ ТЫ МРАЗЬ!!!

— На твоём месте я бы сказала «спасибо» за хорошую новость. СПИДа у тебя нет. То есть твои анализы, конечно, не видела, но у Решетниковой его точно нет. Может быть, это научит тебя пользоваться презервативом? Я просто мать Тереза. Минздрав должен мне благодарность объявить за сексуальное воспитание молодежи.

Ольга вновь садится у моей постели и резким движением тушит очередную сигарету о ножку стола. Почти в том же месте. Я смотрю на угольное пятно, и мне кажется, она тушит их о мой лоб. Пульсирующая боль над переносицей то пропадает, то возникает снова. Когда прикрываю глаза, мне кажется, что цвет боли — красный.

— Самым сложным моментом мне казался врач. Я испугалась, что ты не ограничишься посещением медсестры-лаборанта, которую тебе подставила Решетникова, а побежишь перепроверять в пяти разных клиниках. Ха-ха-ха. Я снова тебя переоценила. Скажи, ты не пошел к другому врачу просто потому, что был в шоке? Или денег на анализы пожалел? Шучу-шучу, не отвечай. Теперь я понимаю, каким для тебя это стало ударом, Андрюша. Гораздо большим, чем беременность Ленки, да? Надо отдать тебе должное, ты постарался оградить ее от всего этого. Почти уговорил пойти к своему доктору, который наплел бы ей... интересно, какими аргументами он убедил бы ее не рожать, а? Что вы с ним придумали? И главное, сколько ты за это обещал ему заплатить?

— Столько же, сколько ты занесла лаборантке! — сжав зубы, говорю я.

— Как я тебя понимаю! — Ольга картинно заламывает руки. — Все такие меркантильные, прямо врачи-убийцы. Или это только нам с тобой так везет с врачами, милый? Тебе не приходило в голову, что, будь Лена действительно беременна, она не ограничилась бы одним доктором? Знаешь, влюбленные девушки готовы на все, чтобы сохранить ребенка. А пойдя она к другому врачу, анализы тут же выявили бы, что заразил Ленку ты. И что бы ты тогда делал? Попытался бы устроить истерику в стиле «какая ты шлюха» или попросту слился?

— Я бы что-нибудь придумал, не парься!

Страх и отчаяние сменяются злобой и ненавистью. Я готов уничтожить ее, встать, пересилив боль в ноге, и забить табуреткой. Или схватить за плечи, пробить ее головой стекло и выбросить из окна. Сделать что угодно, лишь бы эта тварь никогда больше не появлялась в моей жизни!

— Значит, беременность — тоже фуфел...

— У тебя потрясающие способности к аналитике. Может, тебе сменить профессию? — бросает Ольга.

— Идиот, какой же я идиот! Сам всех убеждал, что верить телкам нельзя ни при каких обстоятельствах! Я слишком доверял этим сучкам! Кто мог подумать, что ты... — Меня начинает нести. Жестокость и вместе с тем простота ее комбинации выводят меня из себя. — Если б я хотя бы на час отпустил эмоции и включил голову, все встало бы на свои места. Вы даже не представляете, что бы я с вами сделал! Слово «изувечил» — самое мягкое, что мне сейчас приходит на ум.

— Доверял? У тебя, трусливая скотина, еще поворачивается язык произносить это слово?

Кажется, Ольге передалась моя злоба. Она сжала пальцы в кулаки так, что костяшки побелели. Я забеспокоился, а не психическая ли она? Может, дать ей выговориться? Спустить дело на тормозах, и все такое... Если она выйдет из себя, не исключено, что жертвой стану я. Ольга подходит к кровати и продолжает визжать, как ошпаренная кипятком помойная кошка: — Ты доверял?! ЭТО ОНА ТЕБЕ ДОВЕРЯЛА, УБЛЮДОК! Лена, как и я, до последнего момента

пыталась верить тебе! Каждую нашу встречу она предлагала бросить начатое! Оставить все как есть. Нам приходилось снова садиться в машину и ездить по клубам и ресторанам, где ты тусил с Ритой или с другими. Кстати, пару раз я организовала «случайные» пересечения вас троих в одном месте, так просто, из озорства. Думала, неужели эти «звоночки» ничего тебе не прозвенят? Ленка часто говорила, что все забудет, что простила твое предательство и не хочет, чтобы с тобой обошлись так жестоко. Господи, да разве она знает, что такое ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ЖЕСТОКОСТЬ?! По сравнению с тем, что делаешь с женщинами ты, наша комбинация — невинный розыгрыш.

— Тебе просто повезло, что все совпало с моими головняками на работе. Я обязательно бы вскрыл вашу схему. Со временем. И тогда постарался бы превратить твою жизнь в один большой праздник, зайка! Твою и твоих телок! — Самообладание постепенно возвращалось ко мне. Новости про отсутствие СПИДа и ложную беременность придали мне сил. — Впрочем, еще не вечер...

— Конечно не вечер. Еще даже не конец истории. Я слегка поторопилась похвалить твои аналитические способности. — Ольга подходит к двери, дергает за ручку, убеждается, что дверь заперта и, прислонившись к ней спиной, продолжает: — Черт тебя подери, что ж так все несправедливо, а? Я разыгрывала для тебя кино, заморачивалась на том, как бы ты не побежал к другому врачу, просчитывала варианты параллельных знакомых, способных случайно спалить всю затею, дергалась, старалась действовать более изобретательно и осторожно. А все оказалось так просто. Скажи, ты прикалываешься? Или ты до того протусил мозги, что так до сих пор и не врубился во всю историю? Боже мой, оказывается, я три года жила не просто с трусом и подлецом, а еще и с законченным идиотом. За что мне, девочке из хорошей семьи, обладательнице красного диплома, такая пощечина?

— Надо было вести разнообразную сексуальную жизнь в студенческие годы. Тогда бы научилась вычислять несовместимых с тобой партнеров, отличница!

Она подбегает ко мне и дает две звонкие пощечины. Кровь приливает к щекам, зато голову окончательно отпускает.

— Слушай ты, ублюдок, держи рот на замке! Или ты хочешь, чтобы я набрала семь цифр и сказала службе безопасности «Транс-бетона», в какой больнице тебя искать?

— Решетникова! Какой же я баран, это же... — боль в переносице снова начинает пульсировать, я стискиваю голову руками и шепчу: — Это же Рита вывела меня на корпоратив...

— И поменяла диск в компьютере, подключенном к видеопроектору. Ты же сам всегда говорил, что искусство должно принадлежать народу, Андрюш. Вот народ и наслаждался просмотром твоего домашнего порно. Были ли окружающие готовы к нему в тот момент? Это уже другой вопрос. Удивительно! Единственное, чему ты в жизни научился — это производить хорошее впечатление. Даже Решетникова, неплохо узнав тебя за те четыре месяца, в последний момент хотела соскочить. Или предложить что-то более мягкое, «Его же разорвут». Не волнуйся, милая, успокаивала ее я, не успеют. Он уедет в изгнание. Как видный революционер. Спрячется у папы на даче. С дачей, правда, я ошиблась.

— Я расскажу им, кто на самом деле все это организовал! — Кажется, в приступе ярости я прикусил себе язык: сплевываю на одеяло, но крови нет.

— И они, конечно, тебе поверят, звезда хип-хопа! И даже назначат группу по поиску террористок, срывающих корпоративные вечеринки. Конечно, они сразу поверят, что Ольга Гомельская, жена известного адвоката, на досуге занимается такой хуйней. Попробуй, может, и правда поверят. Кто знает?

— Ты замужем за Гомельским? Он же старый! Как же надо любить бабло! — кривлюсь я.

— Тебе еще раз по морде треснуть, альтруист ты наш? Знаешь, когда у тебя отнимают возможность любить детей, начинаешь любить простые мещанские радости. Деньги, например. Кстати, он исключительно порядочный и любящий человек. Впрочем, для тебя это не достоинство. В самом деле, хип-хоп он не сочиняет. И сына американского миллионера из себя не разыгрывает. Он русский миллионер. Кстати, об альтруизме: когда тебе Даев предлагал бабки за заказуху, в твоей голове ничего не щелкнуло? Ты же в тусовке вращаешься, неужели никто тебе о нем не рассказывал?

Так чувствуешь себя, когда смотришь фильм с лихо закрученным авантюрным сюжетом и вдруг на середине понимаешь, чем он закончится. Кто главный враг, кто хороший парень, а кто — просто статист. Сценарий раскрывается тебе со всей очевидностью. И все-таки досматриваешь кино до конца, чтобы в очередной раз поймать себя на мысли: ты сечешь фишку, тебе бы самому сценарии писать, чувак! Но это не кино. Это мерзкая, грязная интрига, разыгранная вокруг тебя тремя телками. Три циничными, бессердечными тварями. Тебя подставили. Запутали. Развели как лоха.

— Ты подговорила Вадика, этот ублюдок дал мне подставной текст, — думаю я вслух, — а потом вы организовали звонок Всеславского в компанию Вадима. Не исключено, что тот звонил как раз Вадиму, он же за пиар отвечает. Как все просто! И главное, все свели в пару дней. СПИД, псевдо-беременная тварь, подстава на корпоративе, увольнение... Аниматоры! Русские старатели!

Ольга снова курит. На этот раз стряхивает пепел в пачку. Она ее уже всю выкурила? В моей голове звенит пустота. Полная абстегая... Странно, но у меня даже злость пропала. Осталась тоска. Унылая, серая депрессуха.

— Слушай, а как вам удалось стереть запись в диктофоне? — зачем-то спрашиваю я.

— В каком диктофоне? — не понимает Ольга.

— Чего ты душой-то прикидываешься? Я записал интервью с Бухаровым, передал его в редакцию, а мне сказали, что на пленке ничего нет.

— У тебя удивительная способность заострять свое внимание на мелочах, Адрюша. Почему именно диктофон? Почему ты не спросил, какое отношение я имею к теракту в поезде, например? — Оля начинает собираться. Закрывает пачку сигарет, кладет ее в сумочку и осматривается. — Я про диктофон в первый раз слышу. Учитывая твою вечную несобранность, допускаю, что ты забыл нажать на record. Или просто забыл включить. С тобой всякое бывает. Кстати, про поезд я пошутила. Это одно из немногих совпадений в нашей истории. Ладно, я у тебя засиделась, мне пора. У меня самолет через три часа.

— Ты уходишь? Вот так просто уходишь? — Почему-то мне хочется, чтобы она осталась. Теперь, когда мне все известно, когда СПИД и беременная Лена оказались выдумкой и заодно сгладили остроту моих переживаний с корпоративом и увольнением, мне хочется, чтобы она осталась. На полчаса или час. Она могла бы просто молчать и курить, а я смотрел бы на нее и вспоминал время, когда всех сегодняшних проблем еще не было. Когда эта история еще не планировалась. Более того, ее могло не случиться вообще. Я смотрю на Ольгу и почему-то вспоминаю времена, когда мы еще были вместе. Когда все могло пойти по-другому, не так, как сейчас. Я лежу и представляю, что никакого аборта не было и что мы просто вернулись в точку отсчета. Только в палате лежит не она, готовясь к операции, а я, почему-то сломавший ногу. И она пришла меня навестить. Рассказать, что происходит в городе, пока я тут валяюсь. Как друзья, как работа, какие новости, в общем. Опять хочется плакать...

— Знаешь, меня в последнее время постоянно преследует слово «зачем», — говорит Ольга. Она открывает дверь, задумывается и снова закрывает. — «Зачем» попадаете мне даже в виде граффити, в самых неожиданных местах.

— И мне. — Я снова не могу сдержать слез. — Я его в последнее время тоже постоянно вижу.

— Ага, — согласно кивает Ольга. — Я видела его на Садовом, на Красина, где-то еще. Кажется, даже в Питере видела. Я сейчас подумала, а действительно, зачем? Зачем я все это сделала? Что будет потом? Когда все подходило к концу, я поймала себя на мысли, что хочу не просто отомстить. Я хочу что-то изменить, понимаешь? Когда ты относишься к женщинам как к телкам, ты сам превращаешься в быка. В тупое, безмозглое бычье. Но где-то там, в глубине, ты же не бык, правда? Ты человек, Адрюша. Может, после всего, что произошло, ты поймешь, что бывает больно не только когда режешь десну. Бывает гораздо больше...

— Постой, Оля, я умоляю тебя, не уходи! — пересиливая боль, я приподнимаюсь и сажусь на постели. — Останься со мной. Я ублюдок, я скотина, я полный урод, но... не до конца. Я... мы... с тобой...

— Перестань! Она грустно улыбается и открывает дверь. — Мы с тобой — это уже не для нас.

— Мы можем... я могу... — У меня какой-то словесный ступор, хочется блять, потому что связно сформулировать свою мысль я не успеваю. — Ты поймешь...

Она отрицательно качает головой и говорит всего одну фразу:

— Я надеюсь, что Ты поймешь...

И уходит. Я падаю навзничь и закрываю глаза.

— Ну вот, недели через две поедете домой, — говорит мне пожилая медсестра, забирая поднос с недоеденным ужиной. — Доктор сказал, срastись должно нормально.

— Угу, — киваю я.

— Девушка ваша такая взволнованная вышла. — Медсестра смотрит на меня, улыбаясь. — Хорошая. Сразу нашла, в какой больнице, навестила. Договорилась о переводе в отдельную палату.

— Угу, — снова киваю я.

«Господи, когда же ты уйдешь?». Раньше она была немногословной, и еще она покупала мне сигареты. Это уже много. Но сегодня ее как будто подменили. — Вас когда в больницу везли, вы бредили. Сказали, что больны СПИДом. Мы даже анализы сделали на всякий случай.

— Я был без сознания все последнее время.

— Ага, — кивает она, — ага. Именно что без сознания. Ну ладно, поправляйтесь!

— А придвиньте меня к окну! — Я грустно улыбаюсь. — Хоть на улицу посмотрю.

— Курить в палате вообще-то нельзя, — в сотый раз напоминает она, двигая мою кровать.

Когда медсестра выходит, я приподнимаюсь, сажусь, подоткнув под спину подушку, открываю окно и закуриваю.

Это единственное мое развлечение. Рассматривать людей на больничном дворе и придумывать им истории. У меня уже есть постоянные фигуранты — немногочисленные навещающие и кое-кто из персонала. Вот молодой врач, который постоянно выходит сюда покурить, а вечерами тут же, на углу, обжимает молоденьких медсестер. Вот бабушка, которая приходит сюда каждый день. Иногда я вижу, как она разговаривает по мобильному. Продвинутая такая бабка. Вот из-под навеса крыльца появляются два студента, ржут во весь голос, наверное, бухие. Навестили друга «с фруктами». Глядя на одного из них, я пытаюсь себе представить, кто он, чем занимается, что делал до того, как приехал в больницу, и куда отправится потом. Эти студенты, конечно, поедут сейчас в бар или в клуб на окраине города. Сегодня ведь пятница. Там встретятся со своими девушками или познакомятся с новыми. Потом двинут на съемную квартиру или к девушке, у которой родители уехали на выходные, а значит, там можно зависнуть. Возьмут бутылку вермута или две белого вина. Себе водки или... нет, скорее всего водки. На любителей изменить сознание они не похожи, лица слишком розовые. Или это просто возраст?

Я могу придумать историю для каждого из них. Чем чаще я их вижу, тем ярче разыгрывается мое воображение. Не исключено, что, выйдя отсюда, я стану писателем. Но уж точно не хип-хоппером. Я могу придумать историю для каждого, только не для себя...

Во двор въезжает «девятка». Из нее выходит парень лет двадцати трех и бежит ко входу. Водитель вылезает следом за ним и закуривает. Дверь машины открыта, поэтому музыка слышна очень хорошо:

*You're hardcore, you make me hard,
You name the drama and I'll play the part
It seems I saw you in some teenage wet-dream,
I like your get-up if you know what I mean.*

Это «Pulp» — «This is Hardcore». Я очень люблю «Pulp», знаю их репертуар практически наизусть. Мне нравится эта английская депрессуха. Точнее, сейчас нравится, а когда-то я

любил другие песни, поживее. Например, «Disco 2000», или «Common People». Это было давно. В детстве. Да уж, иначе как хард-кором последние события моей жизни и не назовешь. Мрачное и злое hardcore movie. Не в смысле порнухи, а в смысле сюжета. Хотел бы я, чтобы было наоборот. Главное — не нырнуть в паранойю, выйдя отсюда. А что? После рассказа Ольги можно всю оставшуюся жизнь полагать, что все происходящее с тобой — чей-то сценарий. Хотя, если вдуматься, ничего просто так не происходит. Провидение...

«I've seen all the pictures, I've studied them forever», вторит мне Jam's Cocker. Типа, выучил ли я наизусть то, что произошло. Сделал ли выводы? Хм...

Первые дни после встречи с Ольгой я снова и снова прокручивал в голове всю эту историю. Сначала я поражался тому, как детально продуман ее план, потом тому, как достоверно сыграли Рита с Леной. Заядлый киноман скажет, что сценарий слабоват. Реально, не могут три телки, пусть даже самые хитрые, так банально разводить одного не самого глупого парня. Оказалось, еще как могут! Такого самовлюбленного идиота, как главный герой, чувака, не видящего дальше собственного носа, может сыграть только очень талантливый актер. Я. Если б такую историю мне рассказал еще месяц назад приятель, я бы ответил стандартно: «Как-то сложно все». А в действительности все оказалось просто. Проще не бывает. И этот поразительный вывод я сделал вчера, покуривая у открытого окна.

Я понял, почему все участвовавшие в постановке девушки со всеми их примитивными мечтами о карьерном росте/собственном клубе/семье/переезде в Америку, пьяными разговорами о романтике, циничными оценками подруг, их мужей и знакомых, со всей своей сжигающей ревностью и деструктивной любовью выглядели в этой истории так естественно. Они продолжали делать то, чем занимались и до меня, — играли в любовь. С появлением Ольги все стало даже проще. Им подсказывали нужные реплики, поступки и эмоции. Все, что от них требовалось, — продолжать жить своей жизнью, совершая в нужный момент определенные поступки. Им стало гораздо легче, потому что кто-то третий взял на себя контроль над ситуацией в отношениях мужчины и женщины. КТО-ТО ТРЕТИЙ ВЗЯЛ НА СЕБЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, тогда как в обычной жизни они вынуждены решать все сами.

Единственный вопрос, оставшийся занозой в моей голове, — ЗАЧЕМ? Какого черта они ввязались в эту игру? На первый взгляд, все понятно: Рита хотела денег, Лена, как и Ольга, — отомстить. Но мне кажется, деньги и месть здесь не при чем. Я где-то читал, что самая сильная женская страсть — участие в чужой судьбе. Вспомоществование, мать его! Помните, как в школе, когда одну из девчонок ребята доводили до слез, все остальные ее окружали и принимались лицемерно утешать? Приносили воду, жаловались учительнице, строго выговаривали обидчикам, и все такое. На самом деле легче никому не становилось, зато они получали громадное удовольствие от вовлеченности в процесс. Это вроде того как позвонить приятелю из Лондона, и, услышав, что его компания обанкротилась, спросить: «Я могу тебе чем-то помочь, брат?», зная, что ты находишься за тысячи километров и ничем помочь не можешь. Ощущение того, что ты проявил участие к чужой беде, — кайф, сравнимый с наркотическим. Твоя душа поет! Она за секунду пролетает тысячи километров, разделяющие Москву и Лондон, приземляется на плечо человеку, нуждающемуся в помощи, осматривается и... улетает обратно.

Так и здесь. Ольга стала для них той самой девочкой, плакавшей в углу классной комнаты. И еще: сильнее всего их грело то, что Ольга, оказавшись в подобной истории, в отличие от них, пережила настоящий кошмар. Историю Ольги можно пересказывать под большим секретом подругам, смаковать, каждый раз добавляя новые подробности, и заканчивать рассказом о том, как ты помогла ей отомстить «этому козлу». Обладание чужой тайной и роль орудия возмездия делает людей поистине неуязвимыми...

Хотя, возможно, все было еще примитивнее. Они вписались во все это ради забавы. Just for fun.

Наконец парень выходит из больницы, уже с девушкой. Она беременна. Интересно, тут чего, еще и женская консультация? Они останавливаются у машины, девушка говорит с водителем. Они смеются. Простые радости. Такое могло быть и у тебя, чувак! Я думаю об Ольге. Мы могли бы... точнее, я мог бы в тот раз... если бы хватило мозгов и смелости принять

решение. Сколько мне было тогда? Столько же, сколько этому парню. Двадцать три. Всего четыре года назад. Сегодня кажется, что это было позавчера, тогда как позавчера казалось, что наша история имела место лет десять тому назад. Я мог бы попытаться удержать ее тут, наверное. Как-то глупо все... Четыре года назад мне вообще не стоило никаких усилий удержать ее. Да что там удержать — просто остаться с ней. Она хотела любви, а я... я тоже хотел любви. Выходит, мы по-разному понимали это чувство. Но ведь это было так недавно — она и я. Потом я и Лена, я и Рита, я и еще много разных имен. Я и я.

Oh this is hardcore, there is no way back for you, —

Jarvis берет самую высокую ноту, выходя в финал композиции.

Oh this is hardcore, this is me on top of you, —

подпеваю я, практически не разлепляя губ.

Странно, да? Пройти через сотни имен, чтобы снова вернуться к ней. Чтобы узнать, что тебя так отчаянно любили.

And I can't believe that it took me this long...

Странное дело: мне бы радоваться нежданному спасению. Радоваться, что все так счастливо разрешилось. Я не заболел СПИДом, меня не изуродовали быки, я не заставил Лену убить ребенка, меня не взорвали в поезде, даже Ольга, так долго готовившая свою месть, в сущности, не сделала со мной ничего ужасного. Я жив и здоров. В этой истории все живы и здоровы. Однако даже мой извечный цинизм не подсказывает мне ничего, кроме строчки прочитанного когда-то газетного заголовка: СПАСТИ НИКОГО НЕ УДАЛОСЬ...

Единственное, чего я хочу, — чтобы все, наконец, закончилось. Чтобы произошедшее со мной в Москве осталось в прошлой жизни. Мне говорили, люди меняются. Прогресс — естественное состояние человечества, и все такое. Я готов поменяться. Покончить с вечеринками, отказаться от наркотиков и алкоголя. Все, что мне нужно-просто начать сначала. В Москве или Питере, или еще где-нибудь. Не имеет значения. Парни и девушка садятся в машину и уезжают. Я смотрю вслед удаляющейся «девятке» и думаю о том, что там, в машине, живые люди. В том смысле, что они живут, а не исполняют роль в чьем-то спектакле.

*Oh what a hell of a show but what I want to know
What exactly do you do for an encore? Cos this is hardcore, —*

повторяю я последние слова песни, которые не успел услышать.

Я думаю о том, что они по-настоящему счастливы, эти люди. Им незнакомо мое выражение «смотря как себя позиционировать», потому что им не нужно ничего этого. Они и есть они, а не те, в кого они играют. Еще я думаю о том, что и мне, наконец, больше не нужно себя «позиционировать», и что вместе со стрессом, ужасом и отчаянием последних дней из моей жизни ушла игра. Мне больше не нужно быть разным с разными людьми, не нужно врать, разруливая ситуации, врать, «избегая напряжения». Я думаю о том, что, может быть, из моего лексикона исчезнут слова «тотально люблю» и «телки». Люди меняются, когда у них есть надежда. Какая-то громоздкая фраза получилась, да? Хотя точнее и не скажешь.

Я думаю о том времени, когда выйду из больницы. Не в смысле «что со мной будет», а так, вообще. Изменяется ли мир, люди, отношения. И что-то мне подсказывает, что ни хера не изменится.

«Девятка» исчезает за углом. Я хочу оказаться героем, которого играл Ривер Финикс в «Моем собственном Айдахо». Героем, который в финале картины лежит на пустынном шоссе и дрыгает ногами в эпилептическом припадке. Помните? Сначала останавливается автомобиль, из него выходит человек, и, убедившись, что герой без сознания, разувает его и уносится

прочь. А потом подъезжает другой автомобиль, и водитель просто затаскивает парня в салон. Закрывает дверь со стороны Финикса, садится, заводит двигатель и трогает с места. Голубые небеса, пустынный пейзаж, титры...

Я докуриваю и выбрасываю в окно окурок. Темнеет. Через час я усну. Тут режим. Через восемь часов я проснусь — в завтра. Тишину палаты нарушает какой-то писк. Не найдя источника звука, я собираюсь выглянуть в коридор, но вдруг понимаю, что звонит мой мобильный. Теоретически по этому номеру меня никто не может искать. Да что там, я и сам его не помню! И знает его только тот, кто звонит. Звонит настойчиво — минуту, две, три... Звонит так, как может звонить человек, желающий срочно сообщить что-то важное. Модуляции звонка все выше. Идиотская мелодия. Меня снова охватывает паника. Я не знаю этого абонента, ни у кого нет для меня новостей. Я сажусь перед телефоном, не сводя с него глаз, гипнотизируя. Заставляя замолчать. Где-то за стенкой начинает играть «Radiohead». Сначала тихо, потом громче, потом еще громче, словно в унисон этому чертовому мобильнику:

No alarms and no surprises.

No alarms and no surprises.

No alarms and no surprises.

No alarms and no surprises.

No alarms and no surprises.

No alarms and no surprises.

Please...